РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ПЯТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1923

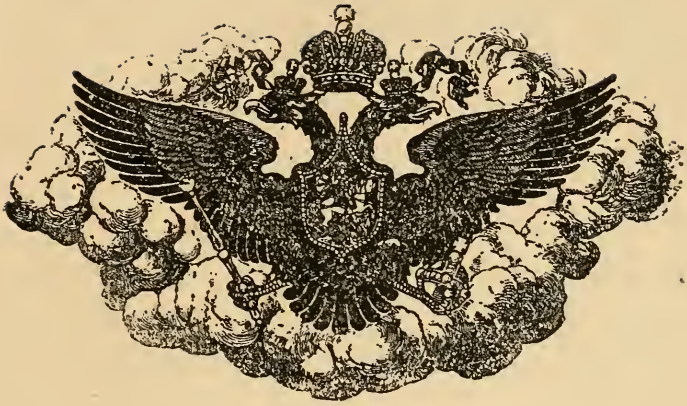
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265
.A15
kn.5

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ.



РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ПЯТАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1923

Тип. «Франко-Русская Печать», 216, Bd Raspail, Paris

Императоръ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

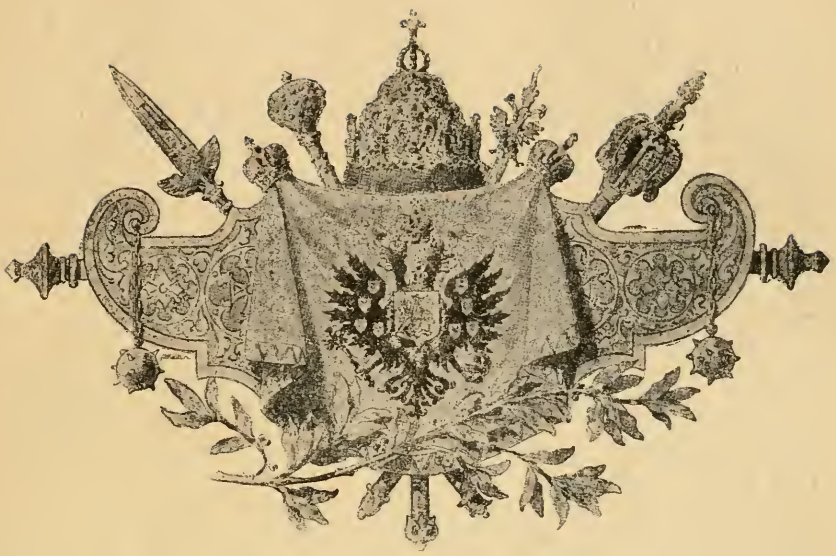
Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/russkaialietopis05russ

ПАМЯТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РУССКОЙ АРМІИ

П. Н. КРАСНОВА



Изъ стрѣлецкихъ полковъ, изъ дворовыхъ дѣтей Придворцовыхъ слободъ, изъ полковъ иноземнаго строя, изъ рейтаровъ и драгунъ, изъ городовыхъ и иныхъ казаковъ зародилась Россійская Императорская армія въ тѣ дни, когда:

«Россія молодая,
Въ бореніяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.»

Крестилась она страшнымъ Нарвскимъ погромомъ и крѣпла подъ ударами лучшей тогдашней Шведской арміи короля Карла XII.

И отъ Лѣсной и Полтавы довела она Россію до славнаго мира, до наименованія Имперіей, а ея перваго Императора увѣнчала титуломъ «Великаго», всѣми признаннымъ и всѣми усвоеннымъ.

Колыбелью Императорской арміи была — *слава*.

Въ основу обученія и воспитанія ея были положены Петромъ Великимъ регламенты и уставы Воинскаго Артикула. Было въ нихъ много рыцарскаго, и главнымъ основаніемъ ихъ было понятіе *чести*.

Повелѣно было служить солдатомъ всю жизнь, но и сказано

было о томъ, что нѣтъ выше, чѣмъ солдатская служба, и имя солдата высоко и знаменито.

Созданная Великимъ Петромъ Императорская армія получила воспитаніе въ рукахъ Суворова. Суворовъ создалъ для нея «науку побѣждать», въ основу которой положилъ: — «глазомѣръ, быстроту и натискъ». Онъ началъ службу въ тѣ дни, когда «тиранство считалось достоинствомъ, а щегольство фронтомъ — службой.» И въ вѣкъ жестокой дисциплины Суворовъ допускалъ возраженія «нижняго высшему, но съ тѣмъ, чтобы они дѣлались пристойно, а не въ многолюдствѣ, иначе будетъ — буйство»..... «Мѣстный лучше судитъ по обстоятельствамъ; я вправо, — должно влѣво, — меня не слушать; я велѣлъ впередъ, ты видишь, — не иди впередъ».

Въ Турецкихъ походахъ, на штурмахъ Варшавской Праги и въ снѣгахъ Финляндіи ковались Суворовскіе чудо-богатыри и, когда столкнулись съ арміею, воспитанной Бонапартомъ, разбили ее въ долинахъ Сѣверной Италіи.

Солдатъ Императорской арміи исколесилъ всю Европу, побывалъ въ Персіи, перевалилъ не одинъ снѣговой хребетъ, стоялъ на «линіи» въ пустыняхъ Средней Азіи и повидалъ на своемъ вѣку не мало народовъ.

Въ темную деревню XVIII вѣка, въ лѣсное и степное захолустье, вернувшійся домой солдатъ приносилъ разсказы о волшебныхъ странахъ, имъ видѣнныхъ, приносилъ понятія о чести и благородствѣ, ему внушенныя, и явился первымъ учителемъ деревни.

Армія стала школой патріотизма и духа для народа. Суворовскіе чудо-богатыри несли въ нее свои завѣты: «Словъ «назадъ» и «отступать» и въ словарѣ нѣтъ. Широкій шагъ ведетъ къ побѣдѣ, а побѣда — къ славѣ.»

И Россія шла широкими шагами къ побѣдамъ и славѣ.

И говорилъ Суворовъ: — «Горжусь, что я Русскій», «Одно мое желаніе — кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ.....»

Завѣты Суворова красной нитью прошли черезъ всю жизнь Императорской Россійской арміи; ихъ заучивали въ кадетскихъ корпусахъ, ими руководствовались въ военныхъ училищахъ, и рѣдкій старый генералъ не мечталъ «кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ.....»

Измѣнялись сроки службы подъ знаменами, иною становилась

тактика, въ связи съ инымъ оружіемъ, но нравственныя основы арміи были все тѣ же:

«Богъ, Царь, Отечество.»

«Глазомѣръ, быстрота, натискъ.»

«Горжусь, что я Русскій.»

Короче становилась служба солдата, проходили черезъ полковые ряды народныя массы и все выше становилось значеніе Императорской арміи, какъ школы патріотизма. Она являлась дополненіемъ и поправкой къ безпочвенной народной школѣ и оплотомъ Россійскаго Государства.

Императорская армія къ началу міровой войны представляла стройное, гармоничное цѣлое, покоившееся на прочномъ фундаментѣ двухвѣковой славы, закрѣпленной исторіей. Она была научно образована, втянута въ работу и имѣла недавній опытъ Японской войны.

Армія была чужда политики. Ни офицеры, ни тѣмъ болѣе солдаты и казаки политикой не занимались. Подавляющее большинство насъ не разбиралось въ партійныхъ программахъ, не знало ихъ лозунговъ, путало октябристовъ съ кадетами, мало интересовалась работой Государственной Думы. Мы были спеціалистами-профессіоналами. «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ» — вотъ что главнымъ образомъ читалось. Изъ полковыхъ библіотекъ брали книги историческаго содержанія, романы, но никогда не политическую литературу. Большинству къ тому же и читать было некогда. Армія лихорадочно готовилась къ страшному испытанію. Созданіе солдата требовало цѣлодневной работы надъ нимъ. Строевыя ученія, заботы о довольствіи и снаряженіи, тактическія занятія, смотры, боевыя стрѣльбы, учебные сборы и маневры отнимали у офицеровъ все время. Личной жизни не было, — была одна полковая семья, жившая одними, общими для полка, интересами.

Оплотомъ арміи былъ ея офицерскій составъ, воспитанный въ кадетскихъ корпусахъ, обучаемый въ военныхъ училищахъ, школахъ и академіяхъ. Теперь, когда намъ пришлось близко столкнуться съ офицерами всѣхъ странъ, мы съ гордостью можемъ сказать, что со старымъ офицеромъ Русской арміи могли соперничать только германскіе и французскіе офицеры, — всѣ остальные, по воспитанію, выучкѣ, тренировкѣ и храбрости, оказались далеко ниже.

А потому тѣ, кто задавался цѣлью уничтожить Русскую государственность, стремились прежде всего разрушить армію и, какъ ея основу, — обаяніе Государева имени и ея офицерскій составъ.

Въ 1905 году мнѣ пришлось встрѣчаться съ молодымъ человѣкомъ, Поповымъ. Сынъ Московскаго богача, человѣкъ всесторонне образованный, онъ былъ одно время военнымъ кореспондентомъ газеты «Русь» въ Японскую войну, потомъ увлекся революціоннымъ движеніемъ. Въ разгарѣ бунтовъ и забастовокъ 1905 г., Поповъ — уже революціонеръ — въ порывѣ откровенности говорилъ мнѣ съ тоскою:

—Никогда намъ не сокрушить Монархіи, пока существуютъ офицеры. Пока есть корпуса и училища, мы (интернаціоналъ) ничего съ Россіей не сдѣлаемъ.

***

Русскій офицеръ былъ воспитанъ въ строгихъ понятіяхъ чести и честности.

Прекрасныя церкви кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ съ ихъ отличными хорами пѣвчихъ, подборъ лучшихъ законоучителей, благолѣпное служеніе, строгій порядокъ въ церкви, —молитвы хоромъ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и общій «Отче нашъ» и «Спаси, Господи, люди Твоя» въ просторныхъ залахъ ротъ вечеромъ, послѣ переклички, — создавали молитвенное настроеніе, поднимавшее душу и увлекавшее ее.

Много шалостей дѣлали кадеты, много шутокъ, часто глупыхъ, творили они, но никогда, самому смѣлому изъ нихъ, не пришло бы въ голову посмѣяться надъ вѣрою, пошутить во время молитвы или въ церкви. Самая расшалившаяся рота, изводящая до отчаянія воспитателя и вице-фельдфебеля, моментально стихала, какъ только раздавалась команда «рота на право»; — кадеты поворачивались къ образу и имъ командовали : «пѣть молитву».

Въ сумракѣ дортуара, уставленнаго сотнею кроватей, мягко мигала цвѣтная лампада передъ громаднымъ образомъ Покровителя роты, и все мощнѣе крѣпъ хоръ голосовъ: «побѣды благовѣрному Императору Николаю Александровичу на сопротивныя даруяй», и миръ сходилъ на разбушевавшіяся дѣтскія сердца.

Когда передъ проскомидіей, въ храмъ корпуса, освѣщенный косыми лучами воскреснаго солнца, классъ за классомъ, рота за ротой входили кадеты , и церковь наполнялась четырьмястами мальчиковъ, одинаково одѣтыхъ, стоящихъ на вытяжку въ шеренгахъ, не смѣющихъ кашлять, и кадетъ-псаломщикъ начиналъ читать часы на клиросѣ, а хоръ разворачивалъ ноты, — создавалась

та благолѣпная тишина храма, которой нѣтъ въ русской приходской церкви.

Въ уваженіи къ обряду и религіи воспитывались кадеты. Офицерами они передавали это уваженіе и солдату.

Помню наши вечернія зори на двухъ-съ-половиной верстной высотѣ Кунгей Алатау, въ Тышканскомъ лагерѣ у Джаркента. Впереди бѣлаго ряда широкихъ палатокъ, на передней линейкѣ, усыпанной чистымъ пескомъ, вдоль тихо журчащаго арыка, выстраивались сотни Сибирскихъ казаковъ. Противъ каждой, въ деревянномъ, украшенномъ рѣзьбою ставцѣ, стояла походная икона. Широкій просторъ зеленаго плоскогорья замыкался причудливыми зубцами синѣющихъ позлащенныхъ лучами закатнаго солнца горъ. За ними въ розовомъ туманѣ тонула пустыня. И далеко за горизонтомъ высились синія громады, покрытыхъ бѣлыми пятнами, ледниковъ Алатаускихъ горъ. За ними... пески Тибета... Гималаи-... Индія...

Опираясь на палку и чуть прихрамывая, спѣшилъ на флангъ сѣдой старикъ, генералъ-лейтенантъ Калитинъ, начальникъ лагернаго сбора. Офицеры стояли при полкахъ. Дежурный офицеръ стоялъ въ полѣ, передъ серединой полка. Вправо видны были ровныя шеренги Туркестанскаго артиллерійскаго дивизіона и 21 Туркестанскаго стрѣлковаго полка съ сѣдымъ «дѣдушкой» Селедцовымъ, на его правомъ флангѣ.

Тишина смѣняла бормотанье фельдфебелей и вахмистровъ, читавшихъ приказъ и объявлявшихъ приказъ на завтра.

— Полкъ, смир...рна... командовалъ дежурный.

Трубачи и горнисты играли зорю.

Дивное волнующее впечалѣніе производила она на границѣ Небесной Имперіи — Китая. Рѣзко, тревожно отбивалъ короткія ноты пѣхотный рожокъ и пѣвуче пѣли артиллерійскія и казачьи трубы, подготовляя людей къ чему-то духовному.

— На молитву... шапки долой...

Лилась молитва ко Господу Силъ, молитва за себя, которой научилъ насъ Христосъ, Спаситель міра, молитва за Царя и за Россію!

И казалось, что на громадную высоту горнаго лагеря доносятся со всѣхъ концовъ Россіи святыя слова молитвы милліоновъ русскихъ солдатъ.

Виднѣлись въ далекой дали малиновые погоны Финляндскихъ стрѣлковъ на пескѣ, подлѣ красныхъ сосенъ и гранитныхъ скалъ,

у зеркальныхъ водъ Финляндскихъ озеръ, чудился громадный Красносельскій лагерь съ Императорскою гвардіей и деревянный дворецъ въ густомъ саду на Красносельскомъ шоссе, и Тотъ, за Кого мы только что молились...

Умственному взору предносились сѣрыя громады военныхъ кораблей съ приспущенными кормовыми флагами и бѣло-голубыя шеренги матросовъ на мутно-стальныхъ водахъ Балтійскаго моря, на синемъ Черномъ морѣ и въ голубомъ просторѣ Великаго океана.

Слышалась молитва безсмертныхъ Александрійскихъ гусаръ въ Русскомъ Калишѣ, на границѣ Германіи, и молитва казаковъ въ Томашевѣ, на границѣ Австріи. Въ горныхъ дебряхъ Каракурта молились кубанцы, Кавказскіе пластуны и стрѣлки пѣли молитву въ Игдырѣ, у подножья Арарата, и сибиряки и уссурійцы въ Хунчукѣ и Камень Рыболовѣ на Дальнемъ Востокѣ.

***

Старый офицеръ Россійской арміи рождался съ именемъ Государя въ сердцѣ. Преданность Монарху онъ пріобрѣталъ съ молокомъ матери. До семидесяти процентовъ офицеры были сыновьями, внуками или правнуками офицеровъ же или солдатъ. Традиціи семьи и рода смѣшивались съ традиціями полка. И эти традиціи были — безпредѣльная преданность своему Государю.

Ребенкомъ будущій офицеръ привыкалъ чтить Царя и любить Родину. Съ малыхъ лѣтъ, кадетъ въ ротныхъ залахъ видѣлъ портреты Государя, учился пѣть народный гимнъ въ соотвѣтствующей торжественно-молитвенной обстановкѣ. Въ Царскіе дни онъ бывалъ на Божественной литургіи и молебнѣ. Эти дни запоминались. Государи посѣщали столичные корпуса и при всякомъ посѣщеніи провинціи бывали и въ губернскихъ корпусахъ.

...Это было въ 1886 году. Уроки въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ шли нормально, прерываемые каждый часъ короткой барабанной дробью дежурнаго барабанщика. Но и у преподавателей и у кадетъ чувствовалось какое-то нервное напряженіе. Ждали Государя. Онъ уже былъ въ первомъ кадетскомъ и въ Николаевскомъ корпусахъ и каждый день могъ пріѣхать въ нашъ Александровскій. Время, между часомъ и тремя, когда его ждали, протекало въ томительномъ ожиданіи. На урокѣ кто-то взволнованнымъ голосомъ сказалъ: «Государь Императоръ пріѣхалъ». Ничего не было слышно на улицѣ. Такъ же было тихо на покрытыхъ снѣгомъ

мостовыхъ, но чуткое ухо кадетъ уже уловило черезъ залъ на лѣстницѣ, у кабинета директора, звукъ короткаго электрическаго звонка, и кадеты догадались о его значеніи.

Урокъ прекратился. Ждали, молчали, обмѣнивались короткими, ничего не значащими фразами. Точно какой-то токъ прошелъ по всему громадному зданію корпуса и взвинтилъ дѣтскія сердца.

Тяжелая дверь пріоткрылась, въ ней показалось лицо дежурнаго штабъ-офицера.

— Государь Императоръ изволилъ осчастливить корпусъ своимъ пріѣздомъ. Оставаться пока въ классахъ, пѣвчимъ и музыкантамъ спуститься послѣ перемѣны въ портретный залъ, — торопливо сказалъ онъ.

Государь еще былъ внизу въ младшемъ и среднемъ возрастахъ. Въ залѣ седьмой классъ занимался ружейными пріемами и слышались слова команды.

И вдругъ хлопнула дверь и, радостно взволнованный, несбычно громкій голосъ крикнулъ:

— На пле-ечо... шай на кара-улъ!

Сейчасъ же раздался дружный отвѣтъ: — «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество».

Дверь нашего класса открылась и, не дожидаясь команды встать, кадеты вскочили и замерли у своихъ скамей.

Рослая, полная величавой красоты, фигура Государя пропустила впередъ Императрицу, и оба они вошли въ классъ.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ Государь.

Императрица Марія Федоровна была много ниже Императора Александра III, но она намъ не казалась маленькой. Въ темномъ платьѣ и серебристой сѣрой накидкѣ, отороченной мѣхомъ, съ большими добрыми глазами, она намъ казалась волшебно прекрасной. Они остановились у кафедры.

— Садитесь, садитесь,—сказалъ Государь. — Мы послушаемъ вашъ урокъ. И онъ, и Государыня сѣли на стулья.....

Когда Государь уѣзжалъ, фельдфебель строевой роты подалъ ему пальто, кадеты толпою выбѣжали на морозъ на улицу и до самаго Невскаго бѣжали по глубокому снѣгу за санями, провожая громкимъ, ликующимъ «ура» Государя и Царицу и не слушая его приказа вернуться домой.

«Я разсержусь, дѣти, слышите», — повысилъ голосъ Государь.

— «Ваше Императорское Величество, позвольте», — смущенно

бормотали кадеты, оборачиваясь къ такъ буднично теперь глядѣвшему высокому зданію корпуса.

Это былъ искренній восторгъ, который всѣхъ захватывалъ и долго не проходилъ.....

Кадеты Петербургскихъ корпусовъ часто видѣли Государя. Они встрѣчали его на улицахъ, они видѣли его на спектакляхъ учащейся молодежи, но самымъ торжественнымъ днемъ былъ смотръ батальона кадетскихъ корпусовъ въ Петергофѣ.

Смотръ начинался линейнымъ ученіемъ батальона и заканчивался штурмомъ, на глазахъ у Государя, дачи Мурузи. Кадеты молили Бога, чтобы передъ смотромъ было побольше дождей, чтобы никогда не просыхающая лужа у шоссе, недалеко отъ дачи, была наполнена водою. Они спорили за честь, на глазахъ у Государя и Царицы, съ разбѣга броситься въ эту лужу, расплескивая брызги, залечь по самыя плечи въ водѣ и стрѣлять, выпуская послѣдніе холостые патроны, а потомъ кинуться съ громовымъ «ура» на дачу. Это были минуты, когда, если бы кадетамъ сказали, что лужа полна сѣрной кислоты, они все равно бросились бы въ нее, потому что Государь смотрѣлъ на нихъ.

Такъ воспитанная молодежь являлась въ бою офицерами, не боявшимися смерти.

«Братцы» — говорилъ разъ Скобелевъ, въ тяжелую минуту боя, резервной части — «я посылаю васъ на смерть. Видите позицію... Взять ее нельзя... Да я брать ее и не думаю; но нужно, чтобы турки перебросили туда всѣ свои силы, а я тѣмъ временемъ ударю имъ въ центръ».

«Вы дадите Россіи побѣду». «Смерть ваша будетъ честной и славной смертью».

Громовое «ура» было отвѣтомъ на эти слова, часть перестроилась и пошла умирать.

***

Вспоминается и мутное осеннее утро въ Павловскомъ училищѣ на Петербургской сторонѣ. Только что проигралъ повѣстку горнистъ. За спущенными шторами мороситъ надоѣдливый Петербургскій дождь. Жестко лежать на соломенномъ матрацѣ и подушкѣ, набитой сѣномъ, подъ жидкимъ сѣрымъ одѣяломъ, но и вставать не хочется. Много тяжелаго на душѣ: первая ночь въ казармѣ, на «дѣй-

ствительной » военной службѣ, смутное сознаніе — «прощай, воля, и на многіе годы»...

И вдругъ раздается настойчивый, бодрый голосъ дежурнаго юнкера: — «Царева рота, вставать! Встава-ать, Государева рота!»

И бодростью преисполняется сердце отъ радостнаго сознанія, что отнынѣ я «юнкеръ роты Его Величества».

Великимъ постомъ Государь съ Императрицей пріѣхали въ училище.

Портупей-юнкеръ рапортовалъ: — «Ваше Императорское Величество, въ ротѣ имени Вашего Императорскаго Величества все обстоитъ благополучно».

Рота давно неподвижно застыла, держа тяжелыя пѣхотныя берданки на караулъ. Ни одинъ штыкъ не шевелился.

Государь подошелъ къ правофланговому юнкеру, бывшему на полъ-головы выше Государя.

— Никакъ выше меня будешь, — сказалъ Государь.

— Выше Вашего Императорскаго Величества нѣтъ во всемъ мірѣ.

— А ну, помѣряемся!

Какъ игрушка, безъ звука, вскочило ружье въ плечо, а потомъ «къ ногѣ», и юнкеръ сталъ подлѣ Государя.

— Нѣтъ, выше, выше, — сказалъ Государь. — А здоровье какъ?

— Немного грудь болитъ, Ваше Императорское Величество.

— Беречь себя надо. Ишь какихъ людей мать-Россія даритъ, — съ восторгомъ сказалъ Государь.

И такъ же провожали мы Государя по снѣжному простору Спасской улицы до Большого проспекта, кричали «ура» и не помнили себя отъ радости, передавая мельчайшія подробности посѣщенія.

Наше производство въ офицеры было послѣ большихъ маневровъ. Шесть дней мы бродили по окрестностямъ Копорья, Кипени, Каськова и Ропши подъ холодными дождями, мѣся тяжелыми сапогами глинистую грязь проселочныхъ дорогъ. Плечи были растерты въ кровь мокрой скаткой и тяжелымъ вещевымъ мѣшкомъ, ноги были—сплошныя раны. Мы не обѣдали, потому что въ котлахъ, на кострахъ, заливаемыхъ дождемъ, обѣдъ поспѣвалъ лишь къ часу ночи, когда мы уже, угрѣвшись въ тѣсныхъ низкихъ палаткахъ, по шесть человѣкъ на соломѣ, засыпали тяжелымъ сномъ. Мы спа-

ли днемъ на маршѣ, и не только спали, но и видѣли сны. Мы совершали громадное обходное движеніе, подкрѣпляя своимъ полкомъ гвардейскую кавалерію и проходили по сорокъ слишкомъ верстъ въ день. Мы не знали, когда будетъ отбой и производство, но догадывались, что «сегодня».

Изъ разорванныхъ тучъ выходило солнце. Во всей своей печальной красотѣ открывалась природа милаго Сѣвера. Въ лѣсу, черезъ который мы шли, трепетала мокрыми листьями осина, и березы уже были покрыты блѣднымъ золотомъ ранней осени. Мы спустились изъ Высотскаго по, разбитой конницей, грязной дорогѣ, перешли Кипеньское шоссе и стали выстраиваться поротно на военномъ полѣ. Тамъ уже шелъ маневренный бой и длинныя линіи лежащихъ бѣлыхъ рубахъ, то и дѣло, окутывались бѣлыми дымками выстрѣловъ.

Забывъ усталость, роты быстро пошли, отбивая ногу, готовыя разсыпаться цѣпями и кого то аттаковать.

Пришло приказаніе остановиться. Полкъ свернули въ батальонныя колонны. Составили въ козлы ружья. Мы стали обчищаться и переодѣваться въ свѣжія бѣлыя рубахи. Толкая другъ друга на грязномъ полѣ, мы привели себя въ порядокъ.

— Юнкера старшаго курса впередъ — скомандовалъ батальонный командиръ.

Незабываемыя минуты... У Царскаго валика, гдѣ стояли экипажи и лошади, выстраивались пажи, юнкера Николаевскаго кавалерійскаго училища, и туда же бодрымъ шагомъ подходили мы и юнкера Константиновскаго военнаго, Михайловскаго артиллерійскаго и Николаевскаго инженернаго училищъ.

Съ царскаго валика спускались Императрица съ Великой княгиней Маріей Павловной, за ними шелъ Государь. Въ фуражкѣ и длинномъ сюртукѣ при шарфѣ онъ подошелъ къ фронту юнкеровъ и сказалъ нѣсколько словъ.

Фронтъ былъ длиненъ, но каждое слово Государя было слышно въ трепещущей тишинѣ осенняго солнечнаго полудня. Это не была рѣчь. Чтобы толкнуть наши души на святое дѣло служенія Родинѣ, не были нужны рѣчи; нужно было только его отцовское благословеніе.

— «Поздравляю васъ, господа, офицерами,» — сказалъ Государь. — «Служите честно Россіи. Воспитывайте солдатъ въ любви къ Родинѣ. Любите солдатъ такъ, какъ я васъ люблю...»

И все... Рѣзко, но сдержанно, «офицерскими» голосами отвѣтили мы:

— «Покорнѣйше благодаримъ Ваше Императорское Величество». И грянуло «ура»....

Императрица и Великія Княжны пошли къ камеръ-пажамъ, чтобы лично раздавать тѣмъ, кто при нихъ состоялъ, приказы о производствѣ. Намъ ихъ выдавали дежурные генералъ-адьютанты и флигель-адьютанты.

Государь медленно проходилъ по фронту и спрашивалъ, кто куда вышелъ.

— «Ну, помогай Богъ», — говорилъ онъ, узнавъ, что кто-либо шелъ служить на далекую Афганскую или Китайскую границу. — «Не тоскуйте тамъ, Бога помните, берегите Русское имя».

Черезъ часъ мы выгружались на дворѣ Балтійскаго вокзала и строились въ колонну. Знаменщикъ — портупей юнкеръ — вынесъ бѣлое древко съ золотымъ копьемъ. Музыканты грянули маршъ и батальонъ въ колоннѣ, по отдѣленіямъ, отбивая ногу по каменной мостовой Вознесенскаго проспекта, пошелъ на Петербургскую сторону.

Тамъ, на улицѣ, передъ подъѣздомъ училища, старый знаменщикъ — молодой офицеръ — передалъ знамя новому — юнкеру— и тотъ, при трескѣ барабановъ, понесъ знамя въ подъѣздъ.

Уже вечеромъ, съ приказомъ подъ обшлагомъ мундира, разъѣзжались молодые офицеры по домамъ.

Началась офицерская жизнь, и всѣмъ ея символомъ было: «Жизнь за Царя».

***

Эту высокую преданность Государю офицеры несли въ полки и заражали ею солдатъ. Въ полкахъ офицерамъ приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными элементами. Многоликая и многоплеменная Русь являла передъ ними и все богатство и все убожество свое.

Только казаки рѣзко выдѣлялись изъ общей массы новобранцевъ. Они уже изъ семьи несли пристрастіе къ военной службѣ. Новобранцы же изъ крестьянъ, тѣ, въ большинствѣ, являлись со страхомъ передъ военной службой. Были между ними и люди съ извращенными понятіями о Государѣ и государствѣ, другіе съ озорствомъ отрицанія всякой власти, третьи — съ тупымъ равноду-

шіемъ ко всему и полнымъ непониманіемъ, что такое Россія. Дальше своей деревни, волости и уѣзднаго города не шелъ кругозоръ многихъ изъ этихъ людей, являвшихся защищать Престолъ и Родину.

Однихъ провожала тоскливая пѣсня:

«Послѣдній нонѣшній денечекъ,
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра, завтра, чуть свѣточекъ
Заплачетъ вся моя семья...»

Другіе, подъ визгъ гармоники, пьяными голосами орали:

«Мы, мужчины-ежики,
За голенищемъ у насъ ножики.»

И всѣхъ, болѣе или менѣе одинаково, оплакивали, какъ потерянныхъ людей.

Не легко было при такихъ условіяхъ воспитывать солдатъ. Сплошь да рядомъ шли, особенно за время послѣ 1905 года, люди, испытавшіе тошную сладость глумленія надъ «бариномъ», анархисты въ душѣ.

И тутъ, раньше воспитанія, на помощь офицеру являлись муштра и личный примѣръ. Когда на полковомъ дворѣ выстраивалась пестрая команда новобранцевъ, еще не стряхнувшихъ хмѣльной угаръ проводовъ, раздавалась команда «смирно», вытягивались офицеры и, провожавшіе команду, солдаты, и чинно съ рапортомъ шелъ къ командиру полка начальникъ команды, — самыя озлобленныя сердца сжимались передъ чѣмъ-то новымъ и непонятнымъ — передъ воинской дисциплиной.

— Какъ стоишь? ноги составь! — раздавался грозный окликъ, и парень, еще недѣлю тому назадъ распущенный и своевольный, покорно вытягивался.

Казарма и воинскій строй захватывали его. Они говорили ему, что иначе нельзя. Тянулся сѣдой батальонный командиръ передъ полковымъ, тянулись офицеры передъ батальоннымъ и стояли на вытяжку передъ нимъ, держа руку подъ козырекъ и глядя прямо въ глаза. И, расходясь по ротамъ, озорные парни шептали другъ другу: — «тутъ, братъ, держись... нельзя... потому дисциплина...» — «Н-да, братъ, это служба».

Не легко давался распущенному русскому крестьянину весь укладъ полковой жизни. Онъ привыкъ рано вставать, но онъ же привыкъ, когда вздумается, и спать сколько влѣзетъ. Онъ не привыкъ къ постоянной, гигіеничной чистотѣ. Щеголять онъ готовъ

въ праздникъ, но щеголять собою всегда — это было трудно. Убирать помѣщеніе, мыть полы, чистить конюшни и лошадей, часами стоять на строевыхъ занятіяхъ, пѣть молитву, ложиться спать по часамъ и сигналамъ — все это было, ухъ, какъ тяжело. Вся распущенная, расхлябанная деревенская душа его протестовала. Въ казармѣ висѣла ругань, но ругались только взводные и, Боже сохрани, было отвѣтить.

Послѣ 1908 года я служилъ въ Офицерской Каваллерійской Школѣ. Постоянный составъ и эскадронъ этой школы пополнялись жителями Петербурга. Къ намъ попадали приказчики изъ галантерейныхъ лавокъ Гостиннаго двора, парикмахеры, сыновья дворниковъ, швейцаровъ, купцовъ и, наконецъ, босяки и хулиганы. Къ намъ являлись наряду съ прекрасно одѣтыми людьми, люди въ опоркахъ, босые, изможденные порокомъ, съ малыхъ лѣтъ знакомые съ полицейскими участками и мировыми судьями. А черезъ двѣ недѣли ихъ нельзя было узнать. Обстановка ихъ увлекала. Сначала пытались убѣжать, но когда видѣли, что это невозможно, что дневальные у воротъ — такіе же годъ тому назадъ босяки, какъ и они, народъ серьезный — они смирялись и часто становились лучшими солдатами. Они были прекрасными развѣдчиками, смышленными, ловкими, исполнительными ефрейторами и забывали свои фабричныя частушки, смѣняя ихъ полными патріотизма и любви къ Государю народными и солдатскими пѣснями.

Я засталъ еще въ полку и вообще въ войскахъ сильно развитое сквернословіе. Безъ грубой ругани не обходилось обученіе, и солдаты пѣли пѣсни, полныя циничныхъ намековъ и созвучій. Щеголяли этимъ въ особенности пѣхотные полки. На нашихъ, однако, глазахъ армія рѣшительно вступила на путь правильнаго воспитанія и культурнаго обученія.

При Императорѣ Александрѣ III во главѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа стоялъ его братъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, начальникомъ его штаба былъ генералъ-лейтенантъ Н.И. Бобриковъ. При управленіи военно-учебныхъ заведеній былъ образованъ военно-педагогическій комитетъ, во главѣ котораго сталъ генералъ Коховскій. Все это были люди высоко-культурные и просвѣщенные, и они вступили въ серьезную борьбу съ грубостью войсковыхъ нравовъ. Сынъ Государя, Наслѣдникъ Цесаревичъ, находился въ Л.Гв. Преображенскомъ полку; братъ Государя, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, командовалъ этимъ полкомъ, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ коман-

довалъ баттареей гв. конной артиллеріи, Великій Князь Николай Николаевичъ Л.Гв. Гусарскимъ полкомъ и Великій Князь Константинъ Константиновичъ — Л.Гв. Измайловскимъ полкомъ. И это было не отбываніе номера, а настоящая служба со всѣми ея тягостями смотровъ и маневровъ.

Августѣйшій поэтъ, К. Р., Великій Князь Константинъ Константиновичъ, воспитанникъ и другъ поэта Ап. Майкова, сумѣлъ опоэтизировать самыя будни пѣхотной службы. Его стихи повторялись и заучивались нами. Кто изъ насъ не училъ его стихотвореніе «Нашъ полкъ», кто не зналъ наизустъ отрывковъ изъ его «лагерныхъ набросковъ».....

Его стихи, повѣсти Гаршина, очерки Крестовскаго, статьи входившаго въ силу, военнаго писателя А. Бутовскаго, приказы и статьи М. И. Драгомрова круто поворачивали русло военной жизни и, при неослабляемой муштрѣ, на помощь властно выдвигалось воспитаніе.

Начатое еще при ИмператорѣАлександрѣ II,составленіе полковыхъ исторій достигло при Императорѣ Николаѣ II полнаго развитія, и рѣдкій полкъ не имѣлъ своей полковой исторіи, иногда блестяще написанной. Исторія 44-го Драгунскаго Его Величества Нижегородскаго полка Потто, Исторія Лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка Бобровскаго, исторія Кавалергардовъ Панчулидзева, исторія Л.Гв. Коннаго полка герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго (еще не напечатанная) и много другихъ были серьезными научными трудами. Офицеры вживались въ полки, и желаніе увлечь своихъ солдатъ подвигами предковъ побуждало ихъ издавать спеціальныя памятки для солдатъ. Такъ были созданы памятки Кавалергардовъ — Дашковымъ, Конногвардейцевъ — Д.Ф. Треповымъ, Бородинская памятка конногвардейца — герцогомъ Лейхтенбергскимъ, Атаманская памятка, Нижегородская, Лейбъ Эриванская и многія другія. Я не ошибусь, если скажу, что къ 1914 году до 30% полковъ имѣли уже свои памятки. Нѣкоторыя изъ нихъ (Кавалегардская и Конногвардейская) были богато иллюстрированы портретами Императоровъ, изображеніями штандартовъ и полковыхъ отличій и заключали въ себѣ не только краткій историческій очеркъ, но и завѣты нашихъ великихъ русскихъ полководцевъ: Петра Великаго, Суворова и Скобелева солдатамъ. Драгомировъ переработалъ Суворовску «науку побѣждать» и она стала общесолдатской памяткой — катехизисомъ солдата. *)

*) Графъ Л. Н. Толстой жестоко глумился надъ нею и своими «офицерской и солдатской памятками» внесъ много ядовитыхъ сомнѣній въ умы.

«Зри въ части — семью, въ начальникѣ — отца, въ товарищахъ — братьевъ», говорилось въ Драгомировской памяткѣ.

И такъ и было.

***

Однимъ изъ красивѣйшихъ, трогательнѣйшихъ обрядовъ жизни Императорской арміи былъ Высочайшій объѣздъ лагеря и заря съ церемоніей.

Во время объѣзда Государь знакомился съ войсками лагернаго сбора и потомъ молился съ ними на общей молитвѣ.

Изъ двадцати четырехъ лѣтъ, проведенныхъ на службѣ въ Петербургскомъ военномъ округѣ, я только два раза отсутствовалъ изъ лагеря — одинъ разъ для подготовки въ Академію, другой — находясь на войнѣ съ Японіей. Изъ двадцати двухъ разъ, что я присутствовалъ при объѣздѣ лагеря и зарѣ съ церемоніей, я только разъ помню, что погода была не вполнѣ благопріятная. Налеталъ крупный и холодный дождь, ударяли градины и по синему небу сѣрыми и бѣлыми обрывками ходили тревожныя тучи, заслоняя солнце. Всѣ остальные разы стояла прекрасная солнечная погода, и Императоръ являлся во всемъ своемъ блескѣ, осіянный солнечнымъ свѣтомъ Божьей благодати.

Объѣздъ и заря съ церемоніей пріурочивались къ концу Іюня или первымъ числамъ Іюля, т.е. къ тому времени, когда Петербургское лѣто стояло въ полномъ расцвѣтѣ, и всѣ гвардейскія и армейскія части округа были стянуты въ лагерь. Онъ совпадалъ и со днемъ переѣзда Государя на жительство въ Красносельскій дворецъ..

Музыканты, трубачи, барабанщики и горнисты частей лагеря задолго готовились къ зарѣ съ церемоніей. Послѣ инвалиднаго концерта въ Маріинскомъ театрѣ, 19 марта, въ полки разсылались программы пьесъ, которыя будутъ исполняться на зарѣ. Капельмейстеръ войскъ гвардіи — въ послѣднее время капельмейстеръ Л.Гв. Финляндскаго полка Оглоблинъ, а передъ нимъ старикъ, почтенный Вурмъ — объѣзжалъ съ начала лагеря полки и провѣрялъ игру. Дѣлались общія съигровки по дивизіямъ и, наконецъ, репетиціи всѣмъ хоромъ, почти въ тысячу музыкантовъ.

На правомъ концѣ главнаго лагеря, возлѣ шоссе, ведущаго изъ Царскаго Села въ Красное, на лѣвомъ флангѣ Л. Гв. Семеновскаго полка, на спеціально оставленномъ мѣстѣ впереди линейки, воздвигалась войсками высокая, амфитеатромъ сходившая внизъ,

трибуна для музыкантовъ, красилась въ войсковой, зеленый цвѣтъ, и украшалась Россійскими флагами и гирляндами зелени. Противъ нея, въ ряду палатокъ Семеновцевъ, на зеленой лужайкѣ, въ рощѣ молодыхъ березокъ и тополей, между кустовъ сирени и калины, устанавливалась тройная интендантская палатка — Ставка Государя Императора. За день до зари занятія прекращались или производились короткія ученія, и солдаты разбредались по полямъ и лѣсамъ собирать цвѣты и рѣзать вѣтви березъ и ельника, чтобы плести гирлянды и украшать свои лагери.

Государь пріѣзжалъ или изъ Царскаго Села, или изъ Петергофа на тройкѣ, и по пути его проѣзда, въ первомъ случаѣ, въ деревняхъ Новой Николаевкѣ и у того мѣста, гдѣ шоссе пересѣкаетъ лагерь, во второмъ, — у въѣзда въ Красное Село и Стрѣльнинскомъ шоссе,—войсками воздвигались зеленыя арки, украшенныя цвѣтами и флагами. Части кавалеріи, стоявшія въ этихъ деревняхъ, щеголяли выставленными у дворовъ соломенными щитами съ кистями и мохрами и вставленными въ соломенныя рамы картинами полковыхъ художниковъ-солдатъ. Онѣ старались обратить вниманіе Государя красотою, оригинальностью, величиною украшеній. Это было особаго рода зодчество изъ жердей, зелени и матеріи, сложныя кружева, сплетенныя изъ соломы. Не спали Петербургскія ночи, стучали топорами, строгали, пилили, плели, украшали цвѣтами. По лагерю, на переднихъ линейкахъ, ставили пестрыя мачты, обвивали ихъ зеленью и цвѣтами, на нихъ развѣвались русскіе и полковые флаги, они были обвиты гирляндами изъ васильковъ, маковъ, ромашки — цвѣтами Русскаго Сѣвера—Русскими національными цвѣтами.

Праздничное настроеніе съ утра царило въ лагерѣ. Посыпали переднюю линейку, по которой поѣдетъ Государь, разноцвѣтными песками, устилали спереди дерномъ, отбивая его по шнуру, устраивали изъ дерна тумбочки и горки по угламъ, подъ грибами дневальныхъ.

Красное Село и дѣйствительно было «красное» — не въ томъ гнусномъ смыслѣ, который ему придали «завоеванія революціи», но въ прямомъ, Русскомъ, смыслѣ этого слова. Красивыя, старыя Петровскія липы и Екатерининскія березы, широкій просторъ военнаго поля, окаймленнаго лѣсами, округлая, радующая глазъ, череда холмовъ Ковелахтскаго хребта, замыкающаяся мохнатой шапкой чернаго Дудергофа, усыпаннаго пестрыми дачами, съ далеко видной бѣлой, радостной церковью Св. Ольги, наконецъ —

Николай

«Бѣлъ городъ полотняный,
Моремъ улицы шумятъ,
Позолотою румяной
Мѣдны маковки горятъ...»

главнаго лагеря, въ садахъ, въ березовыхъ и тополевыхъ рощахъ, глядящійся въ свѣтлое стекло большого Дудергофскаго и Красносельскаго озеръ, соединенныхъ другъ съ другомъ протокомъ рѣчки Лиговки, — и ширь и просторъ — все создавало дивную раму для Русскаго Государя и Его арміи.

И, кажется, нигдѣ не было такихъ закатовъ солнца, такой красоты кучевыхъ облаковъ и нѣжнаго тона голубаго неба, какъ въ дни Высочайшихъ зорь въ Красномъ Селѣ.

Отъ Царской Ставки, черезъ музыкантовъ былъ широкій, безконечный видъ на малое военное поле, зелеными холмами сбѣгающее къ Красносельской станціи. За нею, все въ садахъ, поднималось на холмѣ Красное Село, лѣпилось домами, амбарами, сараями, банями по крутому обрыву и тянулось по гребню. Въ низинѣ, за скаковымъ павильономъ, — луга, болота, лѣса, и ярко блестятъ золотые купола Петергофскихъ Дворцовъ и стальная полоса Финскаго залива. Ширь и просторъ до самаго горизонта, ничѣмъ не заслоненные, но и не однообразные, не скучные, какъ въ степи, но радующіе взоръ... Красное Село.

Дальше небо. Громадное, розовое облако прилегло за военнымъ полемъ, у Русскаго Капорскаго, заняло полъ неба и такъ и застыло густое, блестящее, сверкающее прозрачными тонами. Поперекъ него протянулась темная тучка и каждую минуту мѣняетъ свою окраску. Спускается къ горизонту красное солнце, громадное, ясное и сверкаетъ послѣдними лучами на лицѣ Государя, на золотѣ и серебрѣ мундировъ его свиты и офицеровъ гвардіи.

И былъ тогда Господь съ Царемъ, съ Его арміей, съ Его народомъ!

***

Объѣздъ лагеря назначался на 5 1/2 часовъ вечера. По пути Высочайшаго слѣдованія отъ Красносельскаго дворца до праваго фланга главнаго лагеря выстраивались по улицамъ Краснаго Села, по переднимъ линейкамъ лагерей, войска. Они были въ мундирахъ или рубашкахъ безъ оружія. Въ Красномъ Селѣ становились кирасиры и конная артиллерія. Изъ Краснаго Государь спускался

внизъ по улицамъ между штабныхъ бараковъ, гдѣ стояли полки 2-й кавалерійской дивизіи, и выѣзжалъ къ правому флангу авангарднаго лагеря.

При его приближеніи дневальные вопили ликующими голосами:

— Всѣ на линію -ю...

Давно всѣ были на линіи. На флангахъ, до пріѣзда Государя, пѣли пѣсенники, гремѣли бубны и тарелки, и веселы были сытыя, румяныя лица солдатъ.

По угламъ стоитъ народъ,
Въ окна смотрятъ лица,
Воинъ Русскій — не уродъ,
Гляньте, молодицы!

пѣли на флангахъ.

Приближался Государь и все смолкало. Онъ ѣхалъ мимо солдатъ, во всей славѣ своей и во всей красотѣ. А за нимъ медленно, на бѣлыхъ лошадяхъ, въ коляскахъ ѣхали Императрицы и дальше нѣсколько десятковъ человѣкъ свиты. Нарядныя лошади, блескъ мундировъ, темносинія, шитыя серебромъ, въ серебряныхъ гозыряхъ, черкески казаковъ Государева конвоя — все это создавало сказочную раму, въ которой Государь являлся передъ своими вѣрными солдатами.

Двадцать два года я слѣдилъ за своимъ Государемъ. Я видѣлъ Императора Александра III, потомъ Императора Николая II. Юнкеромъ Государевой роты я смотрѣлъ въ ясные, добрые глаза Царя Миротворца, который твердо зналъ, что надо дѣлать и глубоко понималъ, что такое Россія. Я слѣдилъ за Императоромъ Николаемъ II съ фланга Л. Гв. Атаманскаго полка, я провожалъ Его, идя за его лошадью вдоль фронта своей сотни въ полку, вдоль фронта своего отдѣла въ Офицерской кавалерійской школѣ. Я видѣлъ восторгъ на лицахъ казаковъ и солдатъ, я видѣлъ слезы на щекахъ, я видѣлъ страстное обожаніе въ глазахъ. ..

Съ Красносельской площади эти люди уносили въ станицы Тихаго Дона, въ сады Кубани, въ горы Терека, къ бѣлымъ водамъ задумчиваго Урала, въ зеленые просторы Оренбургскихъ степей, на Волжскіе берега у Астрахани, въ суровую Сибирь и знойное Семирѣчье, къ далекимъ отрогамъ Забайкальскихъ горъ, на берега Амура — воспоминаніе о сказочномъ Царѣ, олицетвореніи Великой Матери — Россіи.

И сейчасъ, спрашивая мысленно всѣхъ ихъ, разбросанныхъ по

всей Руси и на чужбинѣ — Помните вы эти минуты? слышу бодрый отвѣтъ: — «Помнимъ и не забыли! Научите же насъ, какъ вернуть ихъ!»

Два часа длился объѣздъ. Два часа гудѣла земля криками могучаго «ура», которое сливалось со звуками гимна и, слышное на много верстъ, говорило о томъ, чѣмъ живетъ Россія.

Доѣхавъ до праваго фланга лагеря, до Л. Гв. Преображенскаго полка, Государь со свитой возвращались къ Ставкѣ.

Къ этому времени трибуна была полна музыкантами, а подъ ними стройнымъ рядомъ, блестя инструментами, стояли барабанщики и горнисты.

Государь сходилъ съ коня и садился, окруженный свитою, у палатки. Кругомъ, нарядным цвѣтникомъ стояли дамы, приглашенныя на зарю, и жены и дочери офицеровъ, съѣхавшіяся на этотъ день въ лагерь.

Солнце спускалось къ закату и въ золотѣ его лучей былъ Государь. У палатки, откинувъ ружья въ театральномъ пріемѣ, по ефрейторски, «на караулъ», стояли парные часовые.

Оркестръ игралъ. Программа начиналась бодрымъ маршемъ, потомъ шли нарочито написанныя для открытаго воздуха или для одного лишь мѣднаго хора вещи, отрывки изъ оперъ. Государь требовалъ, чтобы исполнялась русская музыка. Исполненіе было тонкое, художественное. Эта музыка на просторѣ полей производила волнующее впечатлѣніе. У хора, на линейкѣ толпою стояли офицеры всѣхъ полковъ лагеря.

Приближалось девять часовъ — время вечерней зари. Румяное солнце касалось краемъ диска Красносельскихъ полей. Оркестръ умолкалъ. Со свистомъ взлетала ракета. И невольно всѣ слѣдили за ея полетомъ, за тонкой струйкой бѣлаго дыма, вившагося змѣйкой въ голубой дали.

За ней другая, третья...

И слѣдомъ за ними, громовымъ раскатомъ залпа гремѣла артиллерія главнаго лагеря и отражалась дальнимъ эхомъ о горы Дудергофа. И этому залпу отвѣчалъ издали громъ пушекъ авангарднаго лагеря, и долго грохотало эхо, отражаясь о холмы и лѣса.

И начиналась трескучая пѣхотная заря. То дружно трещали сотни барабановъ, то смолкали, и тогда пѣли трубы сладкую музыку о величіи подвига и смерти. И казалось, тѣни тѣхъ, кто былъ

здѣсь раньше и кто умеръ на поляхъ Горнаго Дубняка, Плевны и на Шипкинскихъ высотахъ, кто защищалъ Севастополь, кто штурмовалъ Варшаву, кто съ ранцемъ исходилъ всю Европу, кто былъ въ Парижѣ, кто занималъ Берлинъ и дрался подъ Полтавой и на этихъ самыхъ Красносельскихъ поляхъ, подъ Дудоровой мызой — вставали и носились надъ лагерями. Вставала вся вѣковая слава Императорской арміи.

И когда смолкала заря, передъ рать барабанщиковъ и горнистовъ выходилъ старшій барабанщикъ и съ нимъ горнистъ.

Стоитъ передъ глазами этотъ кряжистый барабанщикъ Л. Гв. Гренадерскаго полка. Вижу его мощную фигуру, его широкую, темную съ просѣдью длинную бороду, и сѣрые, острые глаза, сурово нахмуренные подъ синимъ околышкомъ безкозырки. Ярко сверкаютъ въ послѣднихъ лучахъ солнца тяжелые, золотые шевроны на рукавахъ его мундира. Солнце свѣтитъ сзади него, и онъ стоитъ, какъ бы въ золотой пыли лучей.

Рядомъ съ нимъ безконечно длинный, рыжій ,безусый, румяный горнистъ Л. Гв. Преображенскаго полка, моложавый стройный гигантъ, съ пальцами, напряженно положенными на золотой горнъ.

Стали... Повернулся кругомъ барабанщикъ и четко скомандовалъ:

— Музыканты, барабанщики, горнисты — смирно...

И стала тишина. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Смирно стали Государь и Его свита.

Крѣпко, рѣзко прозвучала дробь и одинокій звукъ горна. Проиграли сигналъ «на молитву». И опять раздалась команда стараго барабанщика:

— Музыканты, барабанщики и горнисты, на молитву. Шапки долой.

И снялъ Государь, по этой командѣ, фуражку, и напряженно стояли офицеры, и музыканты, и дамы...

Всеобщее молчанье. Вдали, на протяженіи семи верстъ главнаго и авангарднаго лагерей, солдаты поротно пѣли «Отче нашъ», и ихъ пѣніе сливалось въ неясный молитвенный аккордъ. Отъ низинъ тянуло свѣжестью полей.

Чеканя слово за словомъ, говорилъ барабанщикъ въ напряженномъ молчаніи Государевой свиты и офицеровъ:

«Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...»

Русскій солдатъ, Русскій крестьянинъ читалъ молитву передъ своимъ Государемъ, и Государь молился по этой молитвѣ.

— «Но избави насъ отъ лукаваго... Аминь»

Не спѣша надѣлъ фуражку барабанщикъ. Грянулъ отбой.

— Музыканты, барабанщики и горнисты, накройсь...

Государь надѣлъ фуражку и выступилъ впередъ принимать рапорты фельдфебелей и вахмистровъ Шефскихъ ротъ, эскадроновъ и баттарей.

Тихія сумерки спускались надъ Красносельскимъ лагеремъ

Такъ было на моей памяти... Такъ было на памяти моего отца.. Мой дѣдъ смотрѣлъ, какъ вахмистръ Л. Гв. Казачьяго полка, которымъ онъ командовалъ, рапортовалъ Государю Николаю Павловичу, мой прадѣдъ былъ на такой же зарѣ въ присутствіи Александра Благословеннаго.

Такъ было...

И была слава Русская. Было Бородино и Парижъ, было покореніе Кавказа, было завоеваніе Туркестана. Отбивались въ тяжелую Японскую войну, дрались на поляхъ Восточной Пруссіи, въ Галиціи и на Карпатахъ.

И побѣждали.

Были честными Императорскому Дому своему и былъ бѣлѣе снѣга Императорскій штандартъ...

***

Личность Государя, его неразрывная связь съ арміей, какъ ея Верховнаго вождя, лежала въ основаніи воспитанія солдата.

Государь всегда носилъ военную форму и это поднимало значеніе военной службы и парализовало проповѣдь антимилитаристовъ, стремившихся унизить и опорочить военную службу.

Въ Россійской Императорской арміи имя Государя было священно. Шефскія части выдѣлялись своимъ видомъ — и въ войнахъ оказывались выше номерныхъ частей. Люди — тѣ же, того же воспитанія офицеры, а то, что вмѣсто номера стоитъ вензель, что полкъ носитъ имя Его Величества, поднимало его и влекло на подвиги.

Въ сѣрой массѣ полковъ Манчжурской арміи скоро выдѣлился одинъ полкъ и подлѣ него одна дивизія, одинъ корпусъ. Это

былъ 1-ый Восточно-Сибирскій Его Величества полкъ. То, что на его погонахъ стояло имя Государя, двигало его впередъ. Подъ Вафангоу, Ляояномъ и Мукденомъ онъ увлекалъ за собой остальные полки. I-ый Восточно-Сибирскій корпусъ являлся вездѣ, когда нужно было спасать положеніе.

Въ послѣдніе дни Ляоянскихъ боевъ, когда армія генерала Куроки, внезапно переправившись черезъ рѣку Тай-Дзыхе, опрокинула бригаду ген. Орлова и стала обходить лѣвый флангъ арміи Куропаткина, на помощь была послана первая дивизія съ полкомъ Его Величества. Стрѣлки его Величества, по Суворовскому завѣту, не спрашивали, сколько непріятеля, а спрашивали только, гдѣ онъ. Я находился съ разъѣздомъ у только что занятой японцами деревни. Какъ только стрѣлки показались на дорогѣ, Японцы осыпали ихъ жесточайшимъ огнемъ. И сейчасъ же стали разсыпаться въ цѣпи стрѣлки, опрокинули Японцевъ, выбили изъ деревни и прогнали къ самой рѣкѣ.

Имя ихъ шефа обязывало ихъ быть храбрыми.

Не будемъ забывать, что около половины новобранцевъ, приходившихъ въ полки, не знали до военной службы даже имени Государя. Сколько муки бывало на урокахъ «словесности», сколько пота проливалось на нихъ, когда на вопросъ: «кто твой Императоръ» — слѣдовало напряженное молчаніе. Дико было смотрѣть, что 21-лѣтній парень, иногда уже женатый, имѣвшій дѣтей, не зналъ имени своего Государя. По слогамъ, вдолбежку заучивали. Но постепенно прояснялись мозги. Особенно хорошо шло, если солдатамъ удавалось видѣть Государя. Тутъ наступало полное просвѣтлѣніе и восторгъ охватывалъ простыя сердца, и вся тяжесть службы забывалась.

Въ Январѣ 1907 года Л. Гв. Атаманскому полку, все лѣто простоявшему на усмиреніи бунта латышей въ Лифляндской губерніи, былъ назначенъ Высочайшій смотръ въ Царскомъ Селѣ. Послѣднія двѣ недѣли передъ смотромъ мы постоянно учились въ Михайловскомъ манежѣ, готовя полкъ къ параду въ конномъ строю. Лошади были прекрасно подобраны, вычищены, всѣ заново подкованы, шинели прямо изъ полковой швальни.

Наканунѣ смотра полкъ выступилъ походомъ изъ Петербурга и пришелъ на площадку передъ большимъ Дворцомъ, гдѣ и сдѣлалъ репетицію. Полкъ ходилъ идеально.

Вечеромъ офицеры полка были приглашены къ Высочайшему столу.

Въ одиннадцатомъ часу ночи, когда Государь, удостоившій милостивой бесѣды офицеровъ, уѣхалъ изъ Дворца, Великій Князь Николай Николаевичъ, провожавшій Государя, вернулся и передалъ командиру:

«Государь Императоръ хочетъ показать полку его шефа, Наслѣдника Цесаревича. Такъ какъ погода ненадежна, Его Величество приказалъ смотръ произвести въ пѣшемъ строю, въ гарнизонномъ манежѣ».

Парада въ пѣшемъ строю мы не репетировали, во всякомъ случаѣ, готовясь къ конному строю, мы потеряли «ногу». Завѣдующій хозяйствомъ изъ экономіи, чтобы не мять, поддѣлъ подъ шинели старые голубые мундиры и шаровары второго срока...

И вотъ съ послѣднимъ поѣздомъ сотенные каптенармусы и по 10 человѣкъ отъ каждой сотни помчались въ Петербургъ, всю ночь грузили мундиры и въ 4 часа утра съ экстреннымъ поѣздомъ доставили въ Царское. Въ 4 часа люди были подняты, накормлены, и мы занялись пригонкой обмундированія для пѣшаго парада. Въ семь часовъ утра мы были въ манежѣ, и въ сумракѣ зимняго дня репетировали, добиваясь «ноги».

Въ одиннадцать часовъ длинной голубою лентой вытянулся полкъ вдоль манежа.

Чисто вымытыя, съ завитыми кудрями, лица казаковъ были свѣжи и румяны. Первое возбужденіе скрадывало усталость безсонной ночи. Наконецъ, распахнулись ворота.

Командиръ полка скомандовалъ: «... шай! На караулъ!»

Дрогнули шашки, вытянулись впередъ, взметнулись малиновые кожанные темляки, и замерли. Трубачи заиграли полковой маршъ. Государь взялъ на руки Наслѣдника и медленно пошелъ съ нимъ вдоль фронта казаковъ.

Я стоялъ во флангѣ своей 3-ей сотни и оттуда замѣтилъ, что шашки въ рукахъ казаковъ 1-ой и 2-ой сотенъ качались. Досада сжала сердце: «Неужели устали? Этакія бабы!... разморились». Государь подошелъ къ флангу моей сотни и поздоровался съ ней. Я пошелъ за Государемъ и смотрѣлъ въ глаза казакамъ, наблюдая, чтобы у меня то, въ моей «штандартной» вымуштрованной сотнѣ, не было шатанія шашекъ.

Нагнулся нашъ серебрянный штандартъ съ чернымъ двуглавымъ орломъ, и по лицу бородача, старообрядца, красавца-вахмистра, потекли непроизвольныя слезы.

И по мѣрѣ того, какъ Государь шелъ съ Наслѣдникомъ вдоль

фронта, плакали казаки и качались шашки въ грубыхъ, мозолистыхъ рукахъ, и остановить это качаніе я не могъ и не хотѣлъ.

***

На войнѣ изъ полковъ 2-й казачьей сводной дивизіи съ поразительной доблестью сражался 1-й Волгскій казачій полкъ Терскаго казачьяго войска.

2-я и 6-я сотни этого полка ночью на 22 іюля 1915 года у посада Савинъ аттаковали въ конномъ строю наступавшую на насъ и уже прорвавшую фронтъ нашей пѣхоты германскую пѣхоту, навели на нее панику и порубили батальонъ германцевъ. Пали смертью храбрыхъ офицеръ и казаки.

Помню лунный сумракъ, зарево горящей деревни и круглый холмъ вдали, ярко озаренный огнями пожаровъ, на которомъ, какъ иглы, появились силуэты германцевъ. Помню противное ощущеніе свиста и щелканья пуль, которыя били по насъ спереди и слѣва. Помню стройную фигуру командира Лохвицкаго пѣхотнаго полка, подошедшаго съ полнымъ трагическаго значенія докладомъ: «полкъ дольше держаться не можетъ, мы отходимъ».

Я вызвалъ двѣ сотни Волгцевъ и 1-й линейный казачій полкъ. Черезъ пять минутъ появились темныя фигуры казаковъ. Они на рыси снимали папахи, крестились, скидывали изъ-за спины винтовки, готовясь соскочить для пѣшаго боя.

— «Одѣть винтовки!» — крикнулъ я — «аттака въ конномъ строю».

И сѣлъ на лошадь.

Ко мнѣ подъѣхалъ командиръ сотни:

— Кого аттаковать? — спросилъ онъ.

— Строй лаву, — скомандовалъ я. — 2-я сотня въ первую линію, 6-я за нею на триста шаговъ. Направленіе на круглый холмъ...

Сотня поскакала, выстраивая лаву. Замелькали казаки съ развѣвающимися за плечами башлыками, показалось нѣсколько человѣкъ съ косами на плечахъ, какъ грозныя эмблемы смерти (они косили лошадямъ траву), и исчезли въ сумракѣ ночи. За 2-ой сотней стала разворачиваться и 6-ая.

Я поѣхалъ за ними. Вспыхивали впереди огоньки ружейныхъ выстрѣловъ, влѣво, звеня котелками, съ глухимъ гомономъ, шла отступающая пѣхота.

Короткій, страшный гикъ, трескотня ружей и томительная тишина. Гдѣ-то неподалеку сдержанные стоны. Я подъѣхалъ.На землѣ лежалъ казакъ.

— Раненъ.

— Ногу пулей перешибло, Ваше Превосходительство. Да все ничего. Коня бы мнѣ поймалъ кто. Конь убѣгъ...

Я проѣхалъ еще впередъ и понялъ, что побѣда наша.

1-ый Волгскій полкъ 11-го Сентября 1915 года ворвался вмѣстѣ съ донцами, гусарами и пѣхотой въ занятую германцами деревню Желѣзницу, а потомъ одиннадцать сутокъ, дни и ночи, безъ сна, полковникъ Вдовенко отбивалъ со своими Волгцами аттаки германцевъ, пытавшихся отбросить ихъ къ рѣкѣ Стыри.

Этотъ полкъ былъ въ тылу у германцевъ, въ концѣ Сентября 1915 года, когда наша отступающая, безъ патроновъ и снарядовъ, армія получила приказаніе остановиться и короткими ударами заставить нѣмцевъ прекратить переброску войскъ на западный фронтъ. Въ эти дни въ Ковелѣ грузилась германская пѣхотная дивизія. Помѣшать погрузкѣ было поручено частямъ IV кавалерійскаго корпуса, для чего мы должны были прорвать расположеніе австрогерманцевъ и пройти возможно дальше за Стоходъ къ Ковелю.

Въ десять часовъ утра яснаго Сентябрьскаго дня мы рысью прошли то мѣсто, которое называлось «фронтомъ» и углубились въ тылъ. Наше появленіе было столь неожиданно, что нѣмецкіе солдаты, охранявшіе въ лѣсу телефонную линію, были захвачены цѣлыми постами. Мы встрѣчали подводы, везшія безоружныхъ нѣмецкихъ солдатъ, возвращавшихся изъ отпуска и лазаретовъ. Послѣ полудня мы были на Стоходѣ, захватили помѣщенія бѣжавшаго штаба со всѣми бумагами и приступили къ переправѣ. Оренбургскія казачьи пушки гремѣли въ сорока верстахъ въ тылу у нѣмцевъ и... спѣшно выгружали нѣмцы въ Ковелѣ ту пѣхотную дивизію, которая отправлялась къ Вердену.

Мы ночевали подъ ружейнымъ огнемъ какой-то нѣмецкой этапной роты съ того берега рѣки Стохода, а на другой день, передъ разсвѣтомъ, Волгцы вновь переправились черезъ рѣку и захватили мирно шествовавшій венгерскій обозъ, везшій нѣсколько тысячъ паръ прекраснаго шерстяного бѣлья.

Съ полудня германскія пѣхотныя цѣпи Ковельской дивизіи начали на насъ отовсюду нажимать. Мы отошли къ селенію Гривы и узнали, что нѣмцы уже замкнули выходъ обратно. Они подвезли

по желѣзной дорогѣ на Маневичи бригаду и захватили Серховъ. У Езерцовъ полковникъ Черный велъ бой съ венгерской кавалеріей, отбросилъ ее и даже взялъ плѣнныхъ, но венгерцы продвинулись лѣвѣе его и заняли выходы изъ Езерцовъ.

Въ сумерки нашъ конный отрядъ въ пять полковъ, съ орудіями собрался въ Езерцахъ. Мѣстный житель взялся вывести насъ по какой-то лѣсной тропѣ, еще не занятой противникомъ. Было такъ темно, что ѣдушаго впереди всадника не было видно. Низко клубились осеннія тучи и мрачна была ночь. Впереди колонны шелъ крестьянинъ въ сѣрой свиткѣ съ фонаремъ въ рукахъ, за нимъ узкой, растянувшейся на нѣсколько верстъ колонной шла конница. Мы выступили въ семь часовъ вечера и въ два часа ночи подошли къ спавшему въ мертвой тишинѣ селенію Боровое. Послали узнать, кто тамъ. Оказалось — наши.

— «Чѣмъ я награжу тебя, золотой человѣкъ?»—спросилъ я провожатаго.

— «Ничего мнѣ, Ваше Превосходительство, не надо. Радъ послужить Государю и войскамъ его. Если милость Ваша будетъ, дайте мнѣ Егорьевскую медаль съ Его портретомъ, чтобы могъ я своимъ внукамъ передать на память объ этомъ днѣ...»

Подвиги Волгцевъ должны были быть награждены. Они почти всѣ имѣли Георгіевскіе кресты и мечта ихъ была прославить передъ войскомъ весь полкъ. Получить «шефомъ» Наслѣдника Цесаревича. Это громко говорили и офицеры и казаки.

«Господи! Если такая Монаршая милость будетъ, надо намъ какой нибудь особенный подвигъ совершить. Всѣмъ полкомъ «на него» ударить, да такъ, чтобы либо побѣда вышла, либо уже всѣмъ безъ останку погибнуть».

Таково было обаяніе личности Государя и Наслѣдника въ 1915 году

И какъ непохоже было это настроеніе доблестныхъ Волгцевъ на настроеніе того несчастнаго солдата, который на пышную рѣчь Керенскаго подъ Ригой сказалъ: «Вы посылаете меня на убой за землю и волю. Но какая же земля и какая воля для убитаго? Мертвому ничего этого не нужно...»

Въ однихъ горѣла яркимъ свѣтомъ безсмертная душа, согрѣтая высокимъ сознаніемъ величія подвига, въ другомъ было только тѣло — уже мертвое даже и тогда, когда оно дышало и двигалось.

И счастливы тѣ убитые, которыхъ мы хоронили въ долинахъ Стыри и Стохода. Они знали, за что они умирали.

Передо мною письмо, написанное 25 апрѣля 1922 года изъ Софіи, изъ остатковъ Русской арміи.Пишетъ вольноопредѣляющійся изъ кадетъ, юноша солдатъ. Егь духъ мятется и инстинктивно находитъ успокоеніе въ томъ, въ чемъ находили его наши отцы и дѣды, въ чемъ находили его и Волгцы, мечтавшіе умереть за своего будущаго шефа.

Мой корреспондентъ, человѣкъ мнѣ совершенно неизвѣстный, пишетъ по поводу моего романа: ...«если бы Вы знали, какъ я завидовалъ хорунжему Карпову, когда онъ умиралъ. Завидовалъ потому, что онъ зналъ, за что онъ умираетъ и у него на душѣ было спокойно... Я, вообще, не понимаю, какіе могутъ быть у русскихъ людей лозунги, кромѣ одного стараго, святого: «За Вѣру, Царя и Отечество. «Наши предки, дѣды и отцы умирали подъ этими завѣтами, и ихъ тѣни зовутъ насъ подъ нихъ...»

Я вошелъ съ представленіемъ объ особомъ награжденіи всего Волгскаго полка и написалъ частное письмо въ Петербургъ, прося доложить о пожеланіи такъ много прославившихся казаковъ.

Былъ Августъ 1916 года. Дивизія послѣ кровавыхъ боевъ у Рудки-Червище, на рѣкѣ Стоходѣ, была смѣнена Финляндскими стрѣлками и Сибирской пѣхотной дивизіей и отошла въ тылъ.

Какъ то въ серединѣ августа, часа въ два ночи, начальникъ штаба разбудилъ меня телеграммой. Телеграмма была отъ Императрицы Александры Федоровны. Она сообщала, что Государь назначилъ шефомъ 1-го Волгскаго полка Наслѣдника Цесаревича, и въ трогательныхъ выраженіяхъ поздравляла меня и полкъ съ Монаршей милостью.

Я сейчасъ же вышелъ и пошелъ къ аппарату сообщить объ этомъ командиру полка.

Остатокъ ночи я не спалъ. Радостное волненіе владѣло мною. Сердце замирало. И было такъ блаженно хорошо, какъ бывало въ далекомъ дѣтствѣ, наканунѣ имянинъ, какъ было наканунѣ производства въ офицеры, какъ было въ ночь, когда моимъ полкомъ были взяты первыя пушки.

И знаю, что такъ же не спали въ эту ночь и офицеры и казаки.

Утро слѣдующаго дня было хмурое. Попрыскивалъ дождь. Я поѣхалъ къ полку. Нарядный, въ новыхъ сѣрыхъ черкескахъ и бѣлыхъ башлыкахъ, въ черныхъ папахахъ съ голубыми верхами, онъ стоялъ у церкви селенія Лешневки. Неподалеку гремѣли пушки — позиція была въ девяти верстахъ за болотомъ.

— Примѣта хорошая — дождь — говорилъ счастливый коман-

дующій полкомъ, полковникъ Вдовенко. — По кавказскому повѣрью, если дождь къ началу дѣла — быть удачѣ.

Полкъ взялъ на караулъ. Я читалъ телеграмму Императрицы, и плакали слезами радости и качались шашки въ желѣзныхъ рукахъ.

Черезъ недѣлю, не смотря на военное время, во всемъ полку на голубыхъ погонахъ красовался вензель «А». Въ Кіевъ смотались и достали вензеля на офицерскіе погоны и трафаретъ и краску для казаковъ...

А черезъ семь мѣсяцевъ въ Теребежовѣ, въ глухомъ тылу, эти самые казаки ходили на митингъ, устроенный евреями въ сосѣднемъ посадѣ и вахмистръ полка, лихой подпрапорщикъ, кавалеръ всѣхъ четырехъ степеней Георгіевскаго креста, говорилъ мнѣ жесткія, колючія слова о томъ, что мы ихъ въ темнотѣ держали, а теперь у нихъ глаза открылись...

Но спокоенъ я. Спокоенъ потому, что знаю, какъ живутъ теперь Кубанскіе казаки. Въ чужой землѣ, среди чужихъ горъ, подъ чужой кровлей и на чужихъ хлѣбахъ они работаютъ по прокладкѣ шоссе чужому народу.

Сидитъ, поджавъ ноги, подъ каменною глыбою казакъ, ожесточенно колотитъ опухшими руками киркою камень, выбивая щебень и приговариваетъ:

— Долби! долби! Пока Царя не выдолбишь, не видать тебѣ родной Кубани...

***

Еще Морицъ Саксонскій считалъ, что человѣческое сердце есть отправная точка во всѣхъ военныхъ дѣлахъ.

Суворовская наука побѣждать вся проникнута идеей значенія духовной стороны арміи.

Наполеонъ писалъ: «Во всякомъ военномъ предпріятіи успѣхъ на три четверти зависитъ отъ данныхъ моральнаго порядка и только на одну четверть отъ матерьяльныхъ силъ.»

Въ Императорской арміи поднимало духъ бойцовъ то, что она — Императорская, что Государь — Отецъ Родины — съ ними въ страшную минуту боя.

Мелочь, казалось бы. Въ Россійской арміи при отправленіи караульной службы рапортовали: «въ караулѣ и на постахъ Его Императорскаго Величества происшествій не случалось».

Верховный Главнокомандующій

Великій Князь Николай Николаевичъ

И караульную службу блюли свято.

Въ Россійской Императорской арміи писали: «заболѣвъ сего числа, службу его Императорскаго Величества нести не могу».

И служба была все. Для службы забывали семейныя радости, праздники, недомоганіе. Духъ арміи былъ высокъ, сердце горѣло рвеніемъ.

Императоръ Петръ Великій — основатель Россійской Арміи, показалъ высокій личный примѣръ такой службы.

Въ арміи наизустъ заучивали его приказъ передъ Полтавской битвой:

«...Воины, пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбы отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего...»

Прошли вѣка, и помнила завѣты Великаго Царя Его армія, и пѣли въ ея полкахъ:

«Было дѣло подъ Полтавой.
Сотни лѣтъ еще пройдутъ,
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ».

И будутъ пѣть еще много лѣтъ эту великую пѣсню въ Россійской Императорской арміи.

.....

Съ первыхъ дней войны, во главѣ вооруженныхъ силъ Россіи, какъ Верховный Главнокомандующій ея арміями, сталъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Имя Великаго Князя было давно дорого и свято въ арміи. Съ именемъ сына неразрывно связывалось имя отца: Николая Николаевича старшаго, героя Русско-Турецкой войны, побѣдителя Османа паши и освободителя Сербіи и Болгаріи.

***

Необычайно великъ и силенъ былъ духъ Императорской арміи въ эти дни великой войны. Я пишу про свои части потому, что я ихъ ближе наблюдалъ и съ ними переживалъ всѣ ощущенія войны и потому могу точнѣе изобразить ихъ.

Но то, что я описываю, касается всей арміи. То, что я видѣлъ, слышалъ и читалъ потомъ, рисуетъ нашу армію въ эти дни необыкновенной по духу и по мужеству.

Гвардія на поляхъ сраженія доказала, что та выучка, которую она получила на Красносельскомъ полѣ, была правильная, и появленіе гвардіи на любомъ фронтѣ давало намъ побѣду.

Не могу еще разъ не отмѣтить, что въ эту войну такъ же, какъ и въ японскую, шефскія части дрались особенно хорошо. Послѣ боя подъ Новымъ Корчиномъ, на рѣкѣ Нидѣ въ концѣ Ноября 1914 года, при допросѣ плѣнныхъ о ихъ впечатлѣніяхъ, мы слышали:

— «Но больше всего мы боялись солдатъ съ «лапками» на погонѣ».

Мы не понимали, что это значитъ. Въ это время къ намъ подошелъ солдатъ 145 пѣхотнаго Новочеркасскаго полка.

— «Вотъ, вотъ, этихъ самыхъ мы особенно боялись.»

На погонѣ у солдата былъ вензель Государя Александра III — славянское «А» съ римскою цыфрою «III», что и казалось Австрійцамъ «лапкою».

Части, имѣвшія въ мирное время свои боевыя традиціи, славное прошлое, отличались наиболѣе крѣпкимъ духомъ и сражались побѣдоносно.

«Желѣзная» дивизія генерала Гурко, получившая боевой закалъ подъ Шипкою и на поляхъ Тунджи и Марицы, въ твердыхъ рукахъ смѣлаго и искуснаго генерала Деникина, оправдала свое названіе подъ Галичемъ. Никого не было въ ея рядахъ, кто лично зналъ бы героевъ Турецкой войны, но точно духи предковъ, носившихъ одинаковые погоны, витали надъ нею и 4-ая стрѣлковая дивизія и въ германскую войну осталась «желѣзной».

Кавказскій корпусъ, генерала Ирмана, явился на поля Европейской войны съ присущимъ ему бодрымъ духомъ. Самъ генералъ Ирманъ на маленькой, горской лошади, въ буркѣ, всегда въ винтовкой за плечами, былъ впереди своихъ солдатъ. И корпусъ его дѣлалъ чудеса. И были бои Императорской арміи въ эту грозную пору не только грозны, но и красивы.

Жила Русская армія традиціями прошлаго и твердо уповала, что «за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадетъ». Сибирскіе полки принесли съ собой силу и мощный духъ необъятной Сибири. Они несли крѣпость Сибирскаго крестьянина, его положительность и опытъ Японской войны. Когда проходили они черезъ встревоженную, панически настроенную Варшаву, глубокимъ вздохомъ облегченія вздохнули Варшавяне.

Спасены. Эти люди не могутъ не побѣдить!

Духъ великихъ героевъ Императорской Арміи, какъ будто, виталъ надъ сѣрыми полками, шедшими умирать за тѣ же великіе лозунги «за Вѣру, Царя и Отечество». Тѣнь Скобелева витала надъ рядами Туркестанскихъ стрѣлковъ. Мой старый знакомый по Ташкентскому лагерю, Командиръ 21 Туркестанскаго стрѣлковаго полка, «дѣдушка Селядцевъ», когда нужно было вставать изъ цѣпей, расправивъ на груди сѣдую бороду, взялъ знамя и безстрашно пошелъ впереди полка въ аттаку — и полкъ побѣдилъ. Селядцевъ палъ мертвымъ. Онъ умиралъ не за «землю и волю», которыхъ ему послѣ смерти не нужно, но за «Вѣру, Царя и Отечество». Умирая, онъ зналъ, что за смертью есть новая жизнь — есть безсмертіе

***

Мнѣ говорили нѣмцы: «Во время великой войны мы выше всего ставили Императорскую Русскую армію, потомъ Французскую, потомъ Англійскую и ни во что считали Итальянцевъ и Американцевъ. Но выше, чѣмъ была русская кавалерія и даже равной ей, мы не имѣемъ и у себя».

Русская кавалерія — это созданіе Великаго Князя Николая Николаевича, который долгое время былъ ея Генералъ-Инспекторомъ. Это онъ вывелъ нашу кавалерію изъ состоянія покоя, ученій на шагу и рыси, воспиталъ въ ней смѣлость и способность быстро покрывать пространство. Она единственная поэтому сохранила конный духъ и дерзала аттаковать въ конномъ строю.

Бѣшенная аттака ротмистра, нынѣ генералъ-лейтенанта, командующаго единственной Русской арміей, Врангеля, съ эскадрономъ конной гвардіи, у деревни Каушенъ 6-го Августа 1914 года поразила нѣмцевъ. Раненый командиръ взятой Врангелемъ германской баттареи просилъ разрѣшить сказать своему побѣдителю нѣсколько словъ.

Когда Врангель подошелъ къ нему, нѣмецкій офицеръ пожалъ

ему руку и выразилъ чувство искренняго восхищенія передъ его подвигомъ. Онъ не допускалъ мысли, что въ современномъ бою возможна конная аттака стрѣляющей батареи.

Подвигъ павшаго смертью храбрыхъ корнета Л.Гв. Гусарскаго полка, Великаго Князя Олега Константиновича, спасавшаго солдата, и тутъ же подвигъ простого Донского казака, Козьмы Крючкова, заколовшаго пикою одиннадцать нѣмцевъ, и подвигъ сотника 4-го Сибирскаго казачьяго полка, Анненкова, зарубившаго на глазахъ разъѣзда германскаго офицера, атака 10-ой кавалерійской дивизіей графа Келлера венгерской кавалерійской дивизіи и такая же конная атака 2-й казачьей Сводной дивизіей генерала А. А. Павлова, атака Уланскимъ Новомиргородскимъ полкомъ тяжелой Германской баттареи у Костюхновки въ 1916 году и тамъ же атака Черниговскимъ полкомъ германской пѣхоты, атака эскадрономъ ротмистра Случевскаго 16-го гусарскаго Нѣжинскаго полка, роты велосипедистовъ, атака 1-го Волгскаго полка, мною выше описанная, атака ротмистра 12-го гусарскаго Ахтырскаго полка, Панаева, Австрійской пѣхоты, атаки Заамурской пограничной стражи, Ингушей, атака 16 и 17 Донскихъ казачьихъ полковъ сквозь окопы и проволоку австрійцевъ и германцевъ у деревни Рудка Червище 7-го Августа 1916 года.

И сколько ихъ!

И ни одной завершенной конной атаки не знаетъ ни одна другая Европейская армія.

***

Исторія скажетъ свое слово о Русской Императорской Арміи, и она можетъ спокойно ожидать этого суда и не бояться его. Непостыженная, побѣдоносная, несокрушимая, славная предстанетъ она на судъ исторіи и къ безконечной вереницѣ именъ героевъ прибавится еще длинный списокъ новыхъ именъ.

Третьимъ послѣ Государя и Великаго Князя Николая Николаевича лицомъ Императорской крови въ великую войну былъ родной братъ Государя — Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Значеніе его не было такъ велико, какъ первыхъ двухъ, и онъ былъ на войнѣ въ скромной роли начальника дивизіи, такъ отвѣчавшей его скромному характеру.

Въ Кавказской Туземной дивизіи, которою командовалъ Великій Князь, было шесть полковъ четырехсотеннаго состава: 2-ой

Дагестанскій, Кабардинскій, Татарскій, Чеченскій, Черкесскій и Ингушскій. Полки были численно невелики. Офицеры только отчасти туземцы; большинство — русскіе. Конскій составъ былъ слабъ. Дивизія была плохо обучена и невоспитана. Воспитаніе и муштру въ ней замѣняли прирожденная дисциплинированность горцевъ и обаяніе имени Великаго Князя. Гдѣ не было его, тамъ части дивизіи показывали свою неподготовленность къ войнѣ и плохую выучку.

Стояли на рѣкѣ Днѣстрѣ заставами. Дагестанцы крѣпко спали по ночамъ. Провѣдали про это Австрійцы, прокрались ночью на заставу и вырѣзали ее безъ остатка. Дагестанцы продолжали спать. Когда офицеръ говорилъ имъ, что спать нельзя, они отвѣчали:

— Ты боишься, не спи, мы не боимся — спимъ!

Къ дивизіи были приданы ополченскія дружины, съ тяжелыми «дядями», никогда не знавшими военной службы, не муштрованными и не воспитанными. Оставалось разсчитывать только на духъ этихъ людей, на ихъ сердце, и это сердце имъ далъ Великій Князь— обаяніе близости брата Государева и сознаніе отвѣтственности передъ нимъ и передъ Родиной.

Съ первыхъ чиселъ Мая Кавказская Туземная дивизія стояла на позиціи по рѣкѣ Пруту, къ сѣверу отъ Румынской границы. Кавказцы понарыли окопы, перешли вбродъ за Прутъ и занимали рядъ селеній на правомъ берегу. Противъ нихъ была германская спѣшенная кавалерія и австрійская пѣхота. Правѣе ихъ стояла 9-ая кавалерійская дивизія, лѣвѣе — ополченцы и далѣе — 10-я кавалерійская дивизія. Снарядовъ было мало, а въ конногорныхъ баттареяхъ, которыя были приданы туземцамъ, и совсѣмъ почти не было. Мы видѣли, какъ строили австрогерманцы окопы, какъ собирались они большими толпами, и мы не могли разогнать ихъ, помѣшать работамъ артиллерійскимъ огнемъ.

Это создавало нервное настроеніе. Были при артиллеріи и — какъ будто не было ея.

23 Мая обнаружилось наступленіе на стыкъ между Туземцами и 9-ой кавалерійской дивизіей. Наступленіе началось послѣ полудня, но до вечера дружный огонь Туземцевъ и драгунъ задерживалъ непріятельскія цѣпи. Передъ закатомъ непріятель усилилъ артиллерію и 9-ая дивизія стала отходить. Нѣкоторое время самолюбивые Ингуши еще держались, но когда увидали, что австрійцы правѣе ихъ уже переправились черезъ Прутъ, они получили приказаніе отступить.

Солнце опускалось за низкія гряды холмовъ и за дубовую рощу на Черновицкой дорогѣ, когда, съ глухимъ гортаннымъ говоромъ неся своихъ убитыхъ и раненыхъ, показались цѣпи ингушей и кабардинцевъ и направились къ деревнѣ, гдѣ стояли ихъ коноводы съ лошадьми.

Ясною Майскою ночью кавказцы отходили отъ Прута. Отступательный маршъ является одной изъ самыхъ тяжелыхъ операцій. Психика бойца подавлена, ему все кажется потерянным, а для самолюбивыхъ горцевъ это было особенно тяжело.

Австрогерманцы преслѣдовали слабо. Дивизія Великаго Князя получила приказаніе отходить на заранѣе приготовленныя позиціи, на рѣкѣ Днѣстрѣ, и начался пятидневный маршъ. Ночью шли, днемъ стояли, ожидали непріятеля и, гдѣ можно, отражали его аттаки.

Дни смѣнялись ногами, и все было одно и то же. Днемъ дрались, ночью шли медленно, понуро, неохотно отдавая завоеванную землю. И не было сна. Питались кое-какъ, часто цѣлыми днями ничего не ѣли.

Я командовалъ 3-ей бригадой этой дивизіи: полками Черкесскимъ и Ингушскимъ.

Какъ сейчасъ помню нашъ переходъ черезъ рѣку Днѣстръ по понтонному мосту. Хмурая, глухая ночь. Отъ утомленія и безсонныхъ ночей шатало, какъ пьянаго, и я уже временами не соображалъ, снится ли мнѣ темная быстрая рѣка, шумящій по берегамъ кустарникъ, низкій настилъ моста и худые крупы темногнѣдыхъ, мелкихъ лошадей, или это все происходитъ наяву. На разсвѣтѣ, 29 Мая, мы вошли въ городъ Залещики, и здѣсь я получилъ приказаніе выставить однимъ полкомъ сторожевое охраненіе, а другимъ — стать на отдыхъ въ деревняхъ, въ пяти верстахъ отъ Залещиковъ. Въ двѣнадцати верстахъ въ мѣстечкѣ Тлусте-Място становился штабъ Великаго Князя и штабъ 2-го кавалерійскаго корпуса.

Разставивъ заставы Черкесовъ въ городѣ и по сторонамъ его, я выслалъ разъѣздъ на правый берегъ Днѣстра и уже при свѣтѣ яснаго солнечнаго дня, въ какой-то, брошенной жителями, квартирѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ на смерть усталаго человѣка. Проснулся я часовъ въ восемь утра отъ звуковъ недалекой, рѣдкой ружейной стрѣльбы и, выйдя на крыльцо, убѣдился, что стрѣляли по городу. По улицамъ посвистывали пули.

Разъѣздъ вернулся съ того берега и доложилъ, что онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ едва перешелъ черезъ рѣку, какъ былъ

встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, и едва ушелъ, лишь благодаря густому утреннему туману.

Я отвелъ заставы за городъ, гдѣ онѣ менѣе подвергались огню. Правѣе стояли Дагестанцы, лѣвѣе Саратовское ополченіе. Отдавъ приказаніе держаться во что бы то ни стало и установивъ связь съ собой телефономъ, я поѣхалъ въ деревню въ предвкушеніи сладости отдыха и возможности напиться, наконецъ, горячаго чаю.

Я засталъ командира Ингушскаго полка, полковника Мерчуле, въ срединѣ селенія, въ большомъ чистомъ домѣ, окруженномъ тѣнистымъ садомъ. Мнѣ была приготовлена отдѣльная комната и постель уже была разставлена деньщикомъ. Но едва я сѣлъ пить чай съ офицерами Ингушскаго штаба, какъ подъ окномъ, непріятно раздражая слухъ, затрещала мотоциклетка, и студентъ-вольноопредѣляющійся передалъ мнѣ записку: князь Багратіонъ, командиръ первой бригады, требовалъ отъ имени Великаго Князя меня и командира Ингушскаго полка на желѣзнодорожную станцію Дзвинячь для полученія приказаній. Тонъ записки былъ тревожный, мотоциклистъ толкомъ ничего не зналъ, но говорилъ о какихъ-то переправившихся массахъ.

На маленькой степной станціи, утонувшей въ кустахъ бѣлой акаціи, среди безконечныхъ полей, стоялъ автомобиль штаба дивизіи. На пустомъ асфальтовомъ перронѣ ожидали князь Багратіонъ и генералъ Юзефовичъ, начальникъ штаба дивизіи.

— Дѣло вотъ въ чемъ — сказалъ Юзефовичъ — сейчасъ мы получили извѣстіе, что Дагестанцы не выдержали артиллерійскаго огня и отошли отъ селенія Жезавы. Австрійцы наводятъ тамъ мосты. По послѣднимъ донесеніямъ они уже накапливаются вотъ, въ томъ лѣсу. Ты понимаешь, чѣмъ это пахнетъ. Великій Князь остается во что бы то ни стало въ Тлусте, онъ получилъ приказаніе задержаться на этой позиціи до завтрашняго утра, когда насъ должна смѣнить 2-ая Заамурская пѣхотная дивизія. Придетъ настоящая пѣхота, съ настоящими пушками, и тогда мы ихъ погонимъ. Великій Князь поручаетъ тебѣ этотъ участокъ отъ станціи Дзвинячь до Залещиковъ.

— Гдѣ же Дагестанцы? —

— Они, вонъ, впереди, въ старыхъ окопахъ. —

Дѣйствительно, въ верстѣ отъ станціи, примѣрно на срединѣ разстоянія между лѣсомъ и станціей, копошились какія-то красносѣрыя фигурки. Ихъ было очень мало.

— Сколько же ихъ тамъ?

— Двѣ сотни. Человѣкъ шестьдесятъ наберется. Но ты не безпокойся, Великій Князь приказалъ подчинить тебѣ Кабардинцевъ и кромѣ того двѣ роты Саратовскаго ополченія уже направлены къ тебѣ.

Отъ Дзвинячи до Залещиковъ пять верстъ» — соображалъ я — да тамъ версты двѣ до ополченцевъ. Мѣстность ровная, чуть холмистая. Окопы по грудь, плохо устроенные, безъ проволоки... У меня шестьдесятъ Дагестанцевъ, человѣкъ триста Ингушей, да столько же Кабардинцевъ и Черкесовъ, ну, скажемъ, двѣ роты Саратовскаго ополченія — это четыреста человѣкъ, итого менѣе полуторы тысячи на семь верстъ. И это, считая съ Черкесами, которые теперь едва ли устоятъ. Значитъ, на версту фронта придется по 200-300 человѣкъ... Я высказалъ Юзефовичу свои соображенія.

— Милый другъ — сказалъ онъ — немного насъ, но мы Русскіе. Я постараюсь собрать все, что можно. Сейчасъ пришлю четыре наши горныя пушки и буду гнать на помощь все, что удастся здѣсь найти. Штабъ 2-го кавалерійскаго корпуса стоитъ съ нами въ Тлусте. Неужели чего-нибудь не наскребу.?

Онъ уѣхалъ, а я остался съ вольноопредѣляющимся свѣтлѣйшимъ княземъ Грузинскимъ на перронѣ. Грузинскій, штатскій по профессіи, по военный по духу, былъ какъ бы моимъ начальникомъ штаба.

Подошли Ингуши, вмѣсто отдыха попавшіе въ бой, подошли Саратовскія роты. Роты были составлены изъ здоровыхъ мужиковъ, бодрыхъ, полныхъ самоувѣренности и того «шапками закидаемъ», котораго такъ много было въ нашихъ еще не обстрѣленныхъ солдатахъ. Вооружены они были Австрійскими ружьями (своихъ уже не хватало), хорошо одѣты. Офицеры изъ запаса, Саратовскіе помѣщики, производили хорошее впечатлѣніе. При видѣ ихъ большихъ ротъ по двѣсти слишкомъ человѣкъ стало какъ-то спокойнѣе.

Я указалъ боевые участки частямъ, и онѣ, не расторопно развертываясь, цѣпями пошли по окопамъ.

Былъ тихій, знойный Майскій день. Время тянулось томительно медленно. Въ бинокль было видно, какъ на опушкѣ дубняка показывались и исчезали Австрійцы. Они тоже какъ будто окапывались.

Въ двѣнадцать часовъ, далеко за рощей ударила пушка и бѣло-оранжевымъ мячикомъ разорвалась шрапнель нѣсколько дальше окоповъ съ ополченцами. За нею сейчасъ же другая, третья, четвертая. Двѣ баттареи Австрійцевъ съ того берега Днѣстра сосредо-

точили огонь по окопамъ. И было видно, что онъ не наносилъ намъ вреда, потому что трудно было попасть въ еле примѣтную линію окопа.

— «Смотрите, смотрите... ополченіе... Ахъ, подлецы»— услышалъ я взволнованный крикъ на перронѣ.

Длинная цѣпь сѣрыхъ рубахъ поднялась изъ окопа и, колеблясь въ солнечныхъ лучахъ, быстро шла къ станціи.

Не помня себя, я вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи браваго черкеса-урядника, поскакалъ къ нимъ.

— «Что вы дѣлаете! назадъ! въ окопы, въ окопы!

— «Шалишь, Ваше превосходительство, вишь, какъ палитъ. Рази-жъ можно!» — проговорилъ блѣдный широкоплечій мужикъ, подходившій ко мнѣ.

— «Назадъ! Великій Князь за вами! Какъ вамъ не стыдно! Негодяи!»

Не помню уже, что я кричалъ имъ. Но кричалъ что-то и о присягѣ, и ближайшіе повернули назадъ.

— «Господа офицеры, впередъ!»

Вся цѣпь повернулась и пошла въ окопы. Я постоялъ на полѣ, пока всѣ не легли въ окопъ. Мнѣ предстояла болѣе трудная задача — шагомъ уѣхать назадъ. Такъ требовали долгъ и приличіе военной службы. И выучка помогла въ этомъ. На перронѣ ожидало пріятное извѣстіе. Юзефовичъ прислалъ конногорную баттарею. Звуки ея выстрѣловъ скоро ободрили ополченцевъ. Но наше горе было въ томъ, что снаряды горныхъ пушекъ не долетали до Австрійскихъ баттарей, а пѣхотныхъ цѣлей не было видно.

Я сообщилъ объ этомъ Юзефовичу по телефону.

— «Сейчасъ посылаю 17-ую конную батарею».

Прошло около часу. Изъ ополченскихъ окоповъ все время неслись по телефону жалобы, что ополченцы не могутъ держаться. У нихъ появились раненые и убитые. Я посылалъ къ нимъ пѣшкомъ полковника Мерчуле и князя Грузинскаго успокаивать ихъ, но понималъ, что лежать въ окопахъ, когда васъ безнаказанно обстрѣливаютъ артиллерійскимъ огнемъ, — не легко.

Во второмъ часу дня показалась и конная батарея.

Остановивъ орудія за станціоннымъ зданіемъ, на ржаномъ полѣ, командиръ батареи выѣхалъ ко мнѣ, чтобы получить задачу.

Очень жаль, что память не сохранила фамилію этого лихого, типичнаго, русскаго конноартиллериста. Стройный, худощавый, съ маленькой черной бородкой, со смѣлыми, умными глазами, изящ-

но одѣтый, онъ явился съ уставнымъ рапортомъ о прибытіи «въ распоряженіе».

Я указалъ ему, что для того, чтобы удержать ополченцевъ въ окопахъ, необходимо остановить огонь Австрійскихъ батарей.

Блестки выстрѣловъ Австрійскихъ пушекъ были отчетливо видны. Командиръ осмотрѣлся. Выѣзжать приходилось открыто. но маленькій логъ давалъ возможность поставить батарею, по два орудія, въ двухъ мѣстахъ.

Едва батарея показалась изъ-за станціи, какъ противникъ сосредоточилъ по ней огонь. И здѣсь я своими глазами увидѣлъ то, о чемъ читалъ когда-то и училъ въ Русской военной исторіи, и что многіе считали теперь невозможнымъ. Подъ сосредоточеннымъ огнемъ австрійскихъ батарей, осыпаемые шрапнельными пулями, какъ на какомъ то лихомъ смотру мирнаго времени, пыля и гремя, полнымъ карьеромъ понеслась впередъ батарея, разворачиваясь на два взвода. Видно было въ облакахъ пыли и въ дыму низко рвущихся непріятельскихъ шрапнелей, какъ круто заворачивали уносы, чисто равняясь, и прыгали за ящиками наклонившіяся пушки. Слѣзали на ходу номера. Сверкала въ пыли на воздухѣ чья то шашка, подававшая знаки, и сейчасъ же тяжело, вѣско грянулъ выстрѣлъ, загудѣлъ нашъ снарядъ и разорвался надъ австрійской батареей.

Австрійскія пушки примолкли, и только наши грозно гремѣли, заставляя непріятельскую орудійную прислугу прятаться.

Между нашихъ орудій валялись убитыя лошали, отъ нихъ рысью отходили передки и коноводы съ лошадьми номерныхъ, и нѣсколько солдатъ несли накрытые палатками тѣла убитыхъ командира батареи и фейерверкера перваго орудія.

Прочно лежали ободрившіеся окончательно ополченцы.

«Самъ погибай, а товарища выручай».

Этотъ принципъ былъ въ Русской Арміи прочно усвоенъ. Войска щеголяли другъ передъ другомъ, соперничая во взаимной поддержкѣ, а прекрасная выучка частей дѣлала то, что и невозможное становилось возможнымъ.

***

До пяти часовъ дня на позиціи было спокойно. Въ брошенномъ станціонномъ буфетѣ согрѣли кипятокъ и заварили чай. Какъ разъ въ это время на станцію, въ сопровожденіи Юзефовича, пріѣхалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Статный, въ свѣтлосѣрой черкесскѣ, съ бѣлымъ башлыкомъ за плечами, въ великолѣпной серебристой, Кавказскаго курпея, папахѣ, на крупной темногнѣдой, Задонской, лошади, онъ красивымъ галопомъ скакалъ по полю, и за нимъ, растянувшись, скакали ординарцы-черкесы. У станціи онъ слѣзъ.

— «Ну, какъ у Васъ?» — привѣтливо глядя большими глазами, спросилъ онъ.

Я доложилъ обстановку. Великій Князь прошелъ на перронъ. Кто-то изъ офицеровъ, Ингушей, предложилъ Великому Князю чаю. Онъ охотно согласился.

Въ окопы передали, что Великій Князь находится на позиціи, и офицеры-ополченцы сейчасъ же отвѣтили:

— «Спасибо, что сказали. Это извѣстіе подняло нашъ духъ; трудно лежать въ бездѣйствіи».

Юзефовичъ, отведя меня въ сторону, сообщилъ, что сейчасъ подойдетъ бригада изъ 3-го и 4-го Заамурскихъ конныхъ полковъ, и тогда мнѣ станетъ легче.

Великій Князь сидѣлъ на перронѣ, его угощали чаемъ, когда въ голубомъ небѣ, со стороны непріятеля показался Германскій аэропланъ, съ четко видными черными крестами на крыльяхъ и быстро приближался къ станціи.

«Сейчасъ броситъ бомбу», — мелькнуло въ головѣ, и не за себя былъ страхъ, а за Великаго Князя.

Аэропланъ выпустилъ дымовой сигналъ и сталъ дѣлать круги надъ станціей. Въ воздухѣ тяжело загудѣлъ снарядъ, разорвался лѣвѣе и нѣсколько сзади станціи, бросилъ громадный столбъ дыма, и загудѣли и зашлепали по землѣ раскаленные куски чугуна и стали.

Всѣ помыслы были направлены къ тому, чтобы уговорить Великаго Князя уйти со станціи, вокругъ которой, то не долетая, то перелетая, падали и разрывались снаряды тяжелой артиллеріи.

Но Великій Князь и слушать не хотѣлъ о томъ, что ему нельзя оставаться на станціи. Онъ такъ же понималъ свой долгъ, какъ понимали его остальные, и считалъ, что онъ не можетъ показать людямъ, что боится снарядовъ. Онъ былъ въ томъ возбужденномъ настроеніи, въ которомъ бываютъ смѣлые люди, рѣдко бывающіе подъ огнемъ. Онъ побѣжалъ впередъ съ фотографическимъ аппаратомъ къ тому мѣсту, гдѣ только что упалъ снарядъ, и снялъ столбъ дыма подъ его осколками. Онъ поднялъ большой осколокъ и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— «Горячій еще, только держать. Я сохраню его на память. Думаю, снимокъ удался, это будетъ рѣдкій снимокъ. Дайте, я и Васъ сниму на станціи».

Обстрѣлъ станціи продолжался около часа. Австрійцы выпустили за это время до шестидесяти снарядовъ. Ни одинъ, однако, не попалъ въ станцію, и у насъ было только нѣсколько раненыхъ у кухонь ополченцевъ. Великій Князь все время оставался на станціи. Онъ пилъ съ офицерами чай, снималъ офицеровъ и туземцевъ, шутилъ, смѣялся. Его присутствіе имѣло огромное нравственное значеніе. Ингуши и Саратовское ополченіе лежали крѣпко и уже совѣстно было имъ говорить, что они не могутъ оставаться въ окопахъ, что противникъ «такъ и засыпаетъ, такъ и засыпаетъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ», когда по станціи, дѣйствительно засыпаемой тяжелыми снарядами, ходилъ и шутилъ съ офицерами и ординарцами братъ Государя.

Въ шесть часовъ вечера противникъ, вѣроятно считая, что на станціи никого не осталось и что командный пунктъ нашей позиціи уничтоженъ, прекратилъ обстрѣлъ, и мнѣ удалось уговорить Великаго Князя уѣхать въ Тлусте. Почти сейчасъ послѣ его отъѣзда прибылъ генералъ Черячукинъ и сообщилъ, что сзади подходятъ 3-ій и 4-ый Заамурскіе конные полки, всего восемь сотенъ, примѣрно, по сто человѣкъ въ сотнѣ. Я приказалъ ему оставить шесть сотенъ въ верстѣ за станціей Дзвинячъ въ балкѣ, а двѣ сотни спѣшить и удлинить ими лѣвый флангъ Ингушей. Къ Залещикамъ Заамурцы должны были отправить конные разъѣзды.

Лѣтній день догоралъ. Красное солнце громаднымъ прозрачнымъ шаромъ опускалось къ Днѣстру. Въ темнѣющемъ небѣ не было ни облачка. На позиціяхъ была полная тишина.

Я отдыхалъ отъ жары и волненій на скамейкѣ станціи, когда адъютантъ Ингушскаго полка, ротмистръ Барановъ тихо доложилъ: «Черкесы ушли изъ Залещиковъ».

— «Какъ ушли?»

— «Около двухъ часовъ тому назадъ у нихъ случилась паника, они сѣли на лошадей и ускакали. Говорятъ, они уже за Тлусте».

— «Не можетъ этого быть!»

— «Увѣряю Васъ».

Въ смутномъ предчувствіи чего то непоправимо тяжелаго я пошелъ со станціи къ тому мѣсту, откуда видны были поля, примыкающіе къ Залещикамъ.

Оттуда, оставляя за собою облака пыли, скакалъ солдатъ. Это

былъ рослый, могучій подпрапорщикъ Заамурскаго полка. Онъ круто осадилъ свою маленькую, бѣлую лошадку и, прикладывая руку къ фуражкѣ, громкимъ голосомъ доложилъ:

— «Ваше Превосходительство, отъ Залещиковъ цѣпями отходитъ наша пѣхота, за нею идутъ австрійцы. Ихъ безъ конца».

— «Вы сочиняете!» — крикнулъ я, чтобы хотя на мгновеніе парализовать то страшное впечатлѣніе, которое произвелъ на всѣхъ докладъ подпрапорщика.

— «Никакъ нѣтъ» началъ было подпрапорщикъ, но я грубо оборвалъ его: «Этого не можетъ быть! Лошадь!»

По словамъ подпрапорщика выходило, что австрійцы массами шли намъ во флангъ и тылъ, что отъ нихъ до насъ было не дальше двухъ верстъ, и до Тлусте, гдѣ совершенно безпечно стоялъ штабъ 2-го кавалерійскаго корпуса и гдѣ былъ Великій Князь, всѣ обозы. всѣ тяжести, было всего семь верстъ. Одинъ часъ, какое? — полъ часа — и тамъ будетъ паника, и Великому Князю придется, бросая все, бѣжать на автомобилѣ. Кровь бросалась въ лицо. Этого не могло быть. Этого быть не должно.

— «Вы ошибаетесь, подпрапорщикъ», — сурово сказалъ я садясь на лошадь, которую бѣгомъ подалъ вѣстовой.

***

Я поскакалъ. Вѣтеръ билъ въ лицо. Передъ глазами, вдоль полотна желѣзной дороги, прямая, чуть поднимаясь на холмъ, шла мягкая, пыльная дорога. Горизонтъ былъ закрытъ этимъ холмомъ. Скакавшіе сзади далеко отстали. Проскакавъ немного больше версты, я поднялся на гребень. Отсюда стала видна вся долина Днѣстра и показались сады Залещиковъ. Поля полого спускались къ отрывистому берегу, и на томъ берегу зеленѣли далекія нивы, позлащенныя послѣдними лучами солнца. День умиралъ, а съ нимъ умирали моя честь и доброе имя. Въ эти минуты ясно было, что жизнь ничто въ сравненіи съ честью.

Едва я выѣхалъ на гребень и остановилъ лошадь, какъ ощутилъ посвистываніе пуль. Вправо, за каменной будкой, прятался Заамурскій разъѣздъ. Нѣсколько человѣкъ изъ него лежали по гребню. Въ полуверстѣ, неся ружья на плечо, быстро шли ополченцы. Они не стрѣляли. Сзади, постръливая на ходу, шли австрійцы. Одна, двѣ, три, четыре... пять цѣпей, и поднимались отъ Залещиковъ, еще и еще. Зеленое поле, поросшее низкою пшеницей, яч-

менемъ и овсами, сплошь было покрыто стрѣляющими, нагнувшимися, горбатыми отъ ранцевъ фигурами.

Положеніе было серьезное. Нечего было и думать скакать къ ополченцамъ и останавливать ихъ. Ихъ было такъ мало и такъ много было австрійцевъ.

Спасти могла только конная аттака.

Я повернулъ лошадь и помчался на станцію. Въ головѣ ураганомъ неслись мысли. Я считалъ время: «минуту я скакалъ туда, полминуты тамъ, минуту обратно. Имъ идти не менѣе пятнадцати минутъ. Мало... мало времени. Какъ то скоро раскачаются Заамурцы.»

У станціи толпились ожидавшіе меня, встревоженные офицеры. Я увидѣлъ генерала Черячукина. Это былъ мой старый товарищъ по службѣ, и я съ нимъ былъ на «ты».

— «Александръ Васильевичъ», — крикнулъ я ему, — «садись на лошадь». —

Ко мнѣ подошелъ полковникъ Мерчуле.

— «Изъ штаба дивизіи по телефону спрашивали, что у насъ. Тамъ уже знаютъ о бѣгствѣ Черкесовъ. Тамъ тревога. Что сказать?»

— «Скажи, что все хорошо. Мною приняты мѣры. Я ѣду на развѣдку и донесу, когда самъ все точно узнаю».

Генералъ Черячукинъ подъѣхалъ.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Скачи со мною... Это что за лошадь у тебя?» — нарочно задалъ я ему посторонній вопросъ.

Мы поскакали по дорогѣ къ его полкамъ.

— «Посади четыре сотни на коней», — сказалъ я, когда мы увидѣли въ балкѣ густыя толпы людей и бѣлыхъ лошадей.

— «Въ чемъ дѣло?» — снова спросилъ меня Черячукинъ.

— «Послѣ узнаешь»

Я ничего не говорилъ. Я зналъ, что сказать, что будетъ конная аттака — это вызвать колебанія, сомнѣнія, разспросы, а время было слишкомъ дорого. Сердце отбивало каждую его секунду и, хотя часы говорили, что прошло всего пять минутъ, казалось, что прошла цѣлая вѣчность.

— «Оставшіяся двѣ сотни, готовься къ пѣшему строю. Идти цѣпями вдоль шоссе, правый флангъ по полотну желѣзной дороги. Направленіе на западъ. Встрѣтите ополченцевъ. Остановить ихъ,

залечь вмѣстѣ съ ними и окопаться» — отдавалъ я приказанія стоявшему передо мною пожилому ротмистру.

— «Понимаю, Ваше Превосходительство».

Конныя сотни выѣзжали изъ оврага на шоссе.

— «Командуй — «Строй взводы», — сказалъ я Черячукину.

Онъ уже понялъ въ чемъ дѣло и не разспрашивалъ. Лицо его стало блѣдно, и красиво выдѣлялась на остромъ подбородкѣ черная борода.

— «Рысью! Маршъ!»

Заамурцы потянулись по шоссе.

— «Въ резервную колонну — маршъ!»

— «Въ линію колоннъ — маршъ!» — подавалъ я команды.

На западѣ, на высокомъ берегу Днѣстра, точно чьи то страшныя очи, очи смерти, открылись, блеснули, одинъ за другимъ, двѣнадцать пушечныхъ выстрѣловъ и двѣнадцать снарядовъ съ глухимъ воемъ понеслись намъ на встрѣчу.

«По насъ», — подумалъ я и сейчасъ же сообразилъ — «по пыли».

Надъ полкомъ, на сухомъ полѣ, поднималось громадное облако пыли. Снаряды пронеслись надъ головами и съ трескомъ лопнули сзади насъ.

— «Строй фронтъ» — сказалъ я.

— «Строй фронтъ« — скомандовалъ Черячукинъ.

Какъ на смотру, раздвинулись сотни. Вторые ряды придвинулись вправо, третьи и четвертые влѣво и сплошная линія шла за нами.

— «Передняя шеренга въ лаву галопомъ! Задняя на триста шаговъ сзади. Вдоль шоссе. Направленіе на Зелещики.» —

Обгоняя насъ, вырывались сѣрыя монголки.

Слышны были команды сотенныхъ командировъ:

— «Шашки къ бою, пики на бед - ро»...

Мы поднимались на гребень. Артиллерія противника била бѣглымъ огнемъ большими очередями, и снаряды гудѣли надъ головами непрерывнымъ гуломъ. Но всѣ давали перелетъ.

Я услышалъ команду «маршъ, маршъ» и громовое «ура».

Нѣсколько мгновеній какъ бы туманъ застилалъ мои глаза: страшная трескотня ружей продолжалась по всему полю. Свистали пули. И вдругъ все стихло. Точно кто-то, какъ пламя свѣчи задулъ, — задулъ эту трескотню. И стихъ артиллерійскій огонь. Гдѣ то далеко трещалъ еще пулеметъ.

Кругомъ было поле. Тамъ и сямъ виднѣлись отдѣльные всадники. Какой то солдатъ на окровавленной лошади ѣхалъ навстрѣчу. Онъ рыдалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня потухшими, но не злобными глазами и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— «Все погибло, Ваше Превосходительство. Никого въ живыхъ не осталось!»

— «Да вѣдь ты живъ!»

Онъ тупо посмотрѣлъ на меня.

— «Я живъ,» — продолжалъ я.

Онъ смотрѣлъ на меня и пересталъ плакать.

— «Въ самомъ дѣлѣ», — сказалъ онъ.

— «Поѣзжай за мною!»

Маленькая группа Заамурцевъ вела большую группу плѣнныхъ. И по виду этихъ плѣнныхъ, и по торжественной тишинѣ темнѣющаго поля, гдѣ все чаще и чаще раздавались стоны, я понялъ, что побѣда полная.

Проѣхавъ еще, я встрѣтилъ генерала Черячукина, ѣхавшаго съ двумя трубачами. Я подъѣхалъ къ нему, поздравилъ съ побѣдой и приказалъ трубить сборъ.

— «Собирай полкъ, выясняй потери и число плѣнныхъ и веди полкъ къ станціи, а я поскачу на телефонъ. Надо успокоить штабъ».

Я посмотрѣлъ на часы. Съ того момента, какъ мнѣ сказалъ подпрапорщикъ о прорывѣ фронта, прошло всего восемнадцать минутъ.

Въ два часа ночи на станцію пріѣхалъ на автомобилѣ толстый, старый генералъ. Это былъ начальникъ 2-й Заамурской пѣхотной дивизіи. Развернувъ карту, онъ, при блѣдномъ свѣтѣ зарождающагося утра, разспросилъ меня о позиціи и со своимъ начальникомъ штаба сталъ составлять приказъ.

Вѣско звучали произносимыя слова:

— «5-ый полкъ однимъ батальономъ займетъ линію отъ шоссе на Тлусте до оврага, другой будетъ наступать для овладѣнія лѣсомъ и селеніемъ Жезовой...»

Въ восемь часовъ утра пѣхота окончила смѣну, и мы пошли черезъ Тлусте на новую, болѣе легкую позицію, по берегу Днѣстра.

Веселое, ясное солнце заливало золотыми лучами цвѣтущія поля пшеницы и ячменя, у дороги цвѣли колокольчики, бѣлая ромашка и алые маки были раскиданы среди полей, голубѣли тамъ и

сямъ зацвѣтающіе васильки,и жаворонки звенѣли въ прозрачной голубой вышинѣ.

Во всей природѣ была радость.

У дороги, на небольшомъ бугрѣ, стоялъ высокій, только что поставленный крестъ, и бѣлый песокъ подъ нимъ не успѣлъ еще покрыться пылью. У креста была большая яма, и все дно ея было уложено тѣлами въ сѣрыхъ рубахахъ. Сестра милосердія стояла у креста на колѣняхъ. Она охватила обѣими руками крестъ и пустыми, выплаканными глазами смотрѣла на идущіе мимо полки и не видѣла ихъ.

Хоронили убитыхъ Заамурцевъ.

***

Я нарочно такъ долго остановился на незначительномъ дѣлѣ, какимъ является на фонѣ громадныхъ сраженій минувшей войны дѣло 29 Мая у станціи Дзвинячъ, чтобы показать, какая высокая выучка частей была въ то время въ Императорской арміи и какимъ обаяніемъ покрыто было имя Государя и его Царственной семьи.

Можно было тогда дѣлать, что угодно и вести армію къ самымъ рѣшительнымъ побѣдамъ.

Сквозь всю Россійскую армію, какъ стержень, проходило сознаніе святости Императорской службы и страшное значеніе высокой дисциплины.

«Приказъ начальника исполнять обязанъ, какъ приказъ самого Государя» — это было твердо усвоено всѣми, сверху до низу. Не исполнить приказъ — было немыслимо.

Помню въ дни страшныхъ боевъ подъ Пинскомъ за владѣніе Червищенскимъ плацдармомъ, лѣтомъ 1916 года, я цѣлые дни проводилъ въ блиндажѣ, на пѣхотномъ наблюдательномъ пунктѣ, и мой старый товарищъ, генералъ-майоръ Всеволожскій, говорилъ мнѣ: — «Легче везти тяжелый возъ, нагруженный камнями, по песку, чѣмъ поднять цѣпи пѣхотнаго полка и бросить ихъ въ аттаку».

И я былъ очевидцемъ того, какъ поднимали эти цѣпи.

— «Въ аттаку, въ аттаку!» — кричали офицеры, а солдаты лежали, прижавшись къ землѣ, укрывали головы руками и казались мертвыми.

И, наконецъ, вставали офицеры. Они шли, и тогда вдругъ срывался одинъ, другой, и вся цѣпь вскакивала и гремѣло несокрушимое «ура», и люди шли, презирая смерть.

Что было у нихъ на душѣ? Что думали они въ эти страшныя минуты? И пошли ли бы они впередъ, если бы не было у нихъ въ душѣ святого лозунга: «За Вѣру, Царя и Отечество?»

И когда вынули изъ арміи этотъ стержень, когда лишили смысла самую войну, война потеряла значеніе, и нельзя было умирать. И потомъ гнали пулеметами, воевали ради добычи, грабежа и насилія, и война, сама по себѣ ни съ чѣмъ не сравнимый ужасъ, стала во сто разъ ужаснѣе.

Въ Императорской арміи была глубокая вѣра другъ въ друга. Твердо знали: «Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ» — всѣ одни — Царевы. На верху — Императоръ, подъ нимъ генералы, потомъ офицеры, потомъ солдаты, и всѣ передъ Царемъ равны и всѣ одинаковы. Помнили вѣчно — «солдатъ есть имя знаменитое. Первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой носятъ имя солдата».

Это было свято. Этому вѣрили, потому что видѣли Государя съ Наслѣдникомъ въ окопахъ подъ артиллерійскимъ огнемъ, потому что снималъ разрывы тяжелыхъ снарядовъ на станціи Дзвинячъ Великій Князь, братъ Государя, а потомъ ѣздилъ въ окопы на Днѣстрѣ, гдѣ непрерывно свистали пули и гдѣ отъ противника насъ отдѣляла только неширокая рѣка, потому что погибъ Великій Князь Олегъ Константиновичъ при попыткѣ спасти солдата. Знали солдаты, что застрѣлился на полѣ битвы генералъ Самсоновъ, не пожелавшій сдаваться въ плѣнъ...

Подвигъ манилъ. Говорили офицеры: — «Мертвому льву лучше, чѣмъ живому псу». И смерть не была страшна.

Знали, что смерть на полѣ брани есть честь.

***

Задолго до войны военная наука, внимательно изучавшая условія боя и современную технику, пришла къ выводу, что большая Европейская война не можетъ продолжаться болѣе шести-восьми мѣсяцевъ. Я, какъ сейчасъ, помню вступительную лекцію къ исторіи военнаго искусства профессора, генерала Н.Н. Сухотина, читанную имъ въ 1891 году младшему курсу Академіи.

«...Съ трепетомъ и ужасомъ ожидаемъ мы, ожидаетъ вся Европа, когда разразится Европейская война. А она неизбѣжна...» такими словами началъ свою лекцію Сухотинъ.

Онъ говорилъ о причинахъ, которыя, какое бы правительство ни было, вызываютъ войны. Когда нарушается опредѣленное рав-

новѣсіе между народами въ культурѣ, развитіи, условіяхъ жизни, образуется какъ бы пустота, неизбѣжно народъ устремляется въ эту пустоту, какъ ураганомъ устремляется воздухъ туда, гдѣ образовалось его разрѣженіе. И будь тамъ монархія или республика, аристократія ума и духа, или демократія, будь хотя бы антимилитаристическое правительство, — война будетъ.

Лекція Сухотина звучала особенно вѣско потому, что это были годы, когда въ Россіи гремѣла проповѣдь противъ войны графа Л. Н. Толстого, и на всѣхъ языкахъ распространялась увѣсистая книга Бліоха «Война Будущаго», въ которой доказывалось, что, при современной техникѣ, война невозможна.

Сухотинъ яркими красками изобразилъ послѣдствія такой войны. «Все смѣлое, мужественное, способное на подвигъ», — говорилъ онъ — «всѣ великіе патріоты погибнутъ. На мѣсто арміи станетъ вооруженный народъ, и психологія арміи замѣнится психологіей войны. Никакое государство не выдержитъ такую войну болѣе шести-восьми мѣсяцевъ. Всякій мудрый правитель, по истеченіи этого времени, долженъ взвѣсить свои шансы на успѣхъ, или неуспѣхъ и искать мира во что бы то ни стало. Иначе — уничтоженіе націи. Наверху станутъ люди наживы. Благородные, рыцарскіе идеалы, патріотизмъ замѣнятся эгоистическимъ стремленіемъ сохранить жизнь. Толпы, пріученныя къ убійству и грабежамъ, станутъ опасными для правительствъ. Воюющія страны сдѣлаются ареной тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній. Троны будутъ падать. Высокіе идеалы будутъ потоптаны, христіанская вѣра замѣнится отчаяніемъ и безвѣріемъ, страна побѣжденная станетъ игрушкой побѣдителя и странъ, уклонившихся отъ войны».

«Даже тогда — говорилъ онъ — когда войны вели не народы, а арміи, затяжные походы разрушали государство». Онъ указывалъ на Наполеона, котораго погубила война 1812-13-14 годовъ. «Послѣ этой войны, другія войны рѣшались быстро. Мѣсяцами или даже днями». И онъ приводилъ примѣры войнъ Пруссаковъ съ Датчанами, съ Австрійцами и Франко-Германской войны.

Глубоко врѣзалась въ моей памяти эта лекція и, попавъ на Японскую войну, я наблюдалъ ее. Правъ былъ Сухотинъ. Несмотря на то, что война велась толчками, съ большими передышками, она окончилась фактически черезъ восемь мѣсяцевъ. Началась она въ Апрѣлѣ, боемъ подъ Тюренченомъ, потомъ Іюнь-Іюль — бои у Вафангау и Дашичао, Августъ — Лаоянъ, Октябрь — Шахе и Декабрь — паденіе Портъ-Артура. Послѣ этого военная наука го-

ворила, что Японцы достигли такого успѣха, что дальнѣйшее продолженіе войны только ухудшаетъ наше положеніе. Самолюбіе вождей, гордость націи не позволила тогда говорить о мирѣ и, разрушивъ принципы военнаго искусства, мы черезъ Сандепу — Мукденъ и Цусиму пришли къ Портсмутскому миру и бунтамъ 1905 года.

Русско-Германская война, въ силу особыхъ обстоятельствъ, начата была со страшнымъ напряженіемъ и велась съ необыкновеннымъ упорствомъ. Объявленіе войны послѣдовало въ концѣ Іюля. Въ Августѣ разыгрались двѣ громадныя операціи: Сольдауская на Сѣверномъ фронтѣ — неудачная для насъ, и Комаровская на Юго-Западномъ — удачная для насъ. Вдохновителемъ этой послѣдней операціи явился генералъ Миллеръ, нынѣшній начальникъ штаба Русской арміи, тогда начальникъ штаба 5-ой арміи генерала Плеве. Непосредственно за этими двумя операціями разыгрывается Ивангородско-Варшавская операція, захватившая Сентябрь и Октябрь, гдѣ всѣ грандіозные планы Гинденбурга разбились о стойкость Россійскихъ Императорскихъ войскъ и мудрыя распоряженія Великаго Князя Николая Николаевича. Въ Ноябрѣ прошла большая Лодзинская операція, сопровождавшаяся жестокими боями на Бзурѣ и Нидѣ.

Прошло четыре мѣсяца войны, а ни Русскіе, ни германцы не побѣдили. По принципамъ военной науки, война должна была быть закончена при сознаніи равенства силъ. Она продолжалась при одинаковомъ упорствѣ сторонъ.

Результаты затягиванія войны сказались. Русская армія стала страдать недостаткомъ снарядовъ и патроновъ, и по ней раздался приказъ: беречь патроны.

Грозной силѣ пороха и металла противопоставлялась грудь офицеровъ и солдатъ, и уже никто не сомнѣвался, что это поведетъ къ гибели арміи.

Но, связанные союзниками, Русскіе не могли заключать мира. Разумъ, военная наука настоятельно требовали мира, но честь, долгъ и слово Императора не позволяли покинуть союзника. Мы продолжали войну и жертвовали Императорской арміей ради союзниковъ.

Безъ арміи нѣтъ государства, и мы, жертвуя арміей, обрекали Россію на всѣ послѣдствія этого самопожертвованія.

Въ точно такомъ же положеніи находились и Австрогерманцы. Военная наука и разумъ требовали отъ нихъ мира во что бы то ни стало уже въ началѣ 1915 года.

Страны Антанты были въ другомъ положеніи. Короткій фронтъ давалъ возможность имѣть большіе резервы и частой смѣной войскъ на позиціи поддерживать силы бойцовъ. На самомъ тяжеломъ участкѣ — Сѣверномъ — Французы были смѣнены Англичанами. Къ рѣшительному моменту войны подошли свѣжія Американскія дивизіи и, несмотря на все это, Франція 1914 и Франція 1919 года — это двѣ разныя Франціи. Англія и по нынѣшній день не можетъ справиться съ послѣдствіями войны: безпорядки въ Ирландіи, Индіи, Египтѣ, — все это послѣдствія тѣхъ потрясеній, которыя вызваны слишкомъ долго затянувшейся войной.

***

Не помню, кто пустилъ крылатое слово, что Россія управляется столоначальниками и ротными командирами.

Столоначальники и ротные командиры — это тѣ маленькіе колесики сложнаго механизма, безъ которыхъ механизмъ не можетъ работать.

Ихъ жизнь была временами безконечно тяжела. Они влачили полунищенское существованіе, но они были изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитаны на священныхъ лозунгахъ — «долгъ выше всего» и «служба не за страхъ, а за совѣсть».

Скромные и аккуратные, въ глухихъ захолустьяхъ, не на всякой картѣ обозначенныхъ, въ плохихъ домикахъ, иногда въ казармѣ, гдѣ-нибудь на грязной окраинѣ города, среди пустырей, кладбищъ и фабрикъ, жили наши ротные командиры, люди, ставившіе долгъ службы выше всего.

За плечами каждаго изъ нихъ было отъ 12 до 20 лѣтъ тяжелой службы, карауловъ, маневровъ и отъ тысячи до двухъ тысячъ людей, ими изученныхъ до самаго дна солдатской души. Они отдавали свое сердце заботамъ о солдатской кашѣ и о всемъ остальномъ солдатскомъ обиходѣ. Они были однородны и составляли одну огромную, офицерскую семью.

Благодаря частымъ командировкамъ, въ которыхъ прошла моя молодость, мнѣ приходилось близко соприкасаться съ ними на всемъ пространствѣ Россіи. И гдѣ бы я ни былъ, куда бы ни попадалъ, разъ я оказывался въ воинской части, я былъ свой, въ своей семьѣ. Сказывались одинаковое воспитаніе, одинаковый бытъ. Вспоминали корпусъ, училище, сейчасъ же находили общихъ знакомыхъ, и пріѣзжій издалека становился не гостемъ, а другомъ и братомъ.

— «Вы Павлонъ?» — спрашивалъ сѣдобородый начальникъ гарнизона.

— «Да, я кончилъ Павловское училище».

— «На Петербургской сторонѣ уже были?»

— «Да».

— «А я еще на Васильевскомъ».

Изъ какого то китайскаго сундука извлекалась запыленная фотографія съ видомъ училища, съ овальными портретами юношей въ солдатскихъ мундирахъ еще съ пуговицами.

И шелъ длинный разсказъ о тяжелой, офицерской жизни, всегда съ полной готовностью къ войнѣ.

«Моя рота», «мой батальонъ», «нашъ полкъ».

Здѣсь знамя было святыней и святотатствомъ казалось бы отдать его въ обозъ. Здѣсь мечтали, что будетъ день, и «я встану впереди роты и поведу ее на врага». И когда шли на маневры, думали: — «Такъ пойду и на войну».

И когда насталъ часъ, — пошли...

Строевая служба въ Императорской Арміи была очень тяжела. Она требовала силы воли, характера и терпѣнія: солдаты - казарма, казарма - солдаты... — надо было любить строевое дѣло, чтобы годами выносить это. И кто не выносилъ — уходилъ. Создавался естественный подборъ ротныхъ командировъ. Кто былъ слабъ, не имѣлъ военной косточки, тотъ шелъ въ военно-учебное вѣдомство, въ интендантство, устраивался комендантскимъ адьютантомъ, начальникомъ этапа... Къ началу великой міровой войны офицерскій составъ подобрался. Все смѣлое, понимавшее войну, безстрашное, оставалось въ строю. Все трусливое, безвольное, непріемлющее войны — устроилось по тыламъ. Этому способствовала строгая аттестаціонная система. Каждаго офицера, прежде чѣмъ дать ему роту, взвѣшивали въ аттестаціонныхъ комиссіяхъ и разбирали по косточкамъ.

Наша армія выступила въ походъ съ такими ротными командирами, какихъ не было нигдѣ въ мірѣ.

Когда начались бои, — эти ротные командиры пошли впередъ и сдѣлали свое великое дѣло.

И когда умерли на поляхъ сраженій, въ госпиталяхъ и лазаретахъ эти ротные командиры, — армія погибла. Нужно было долгое время, чтобы приготовить новыхъ командировъ, а его не было. Война требовала все новыя и новыя жертвы, и некогда было готовить людей, для которыхъ долгъ былъ бы превыше всего...

Тогда, въ первую голову, пришлось послать на фронтъ тѣхъ, кто всю свою жизнь уклонялся отъ фронта. Стали брать изъ тыла адъютантовъ, комендантовъ, воспитателей и стали давать имъ роты батальоны и полки.

И поколебался духъ арміи.

Потомъ пришлось брать молодыхъ людей съ воли, не изъ кадетскихъ корпусовъ, и дѣлать ускоренные выпуски.

Кто шелъ въ «школы прапорщиковъ?»

Да, шли и идейные люди, но больше шли по разсчету тѣ, кто зналъ, что, если не пойдешь въ школу, пошлютъ по мобилизаціи, а тутъ школа даетъ отсрочку — разъ, офицеромъ легче устроиться, чѣмъ солдатомъ — два, — и армія потеряла духъ. Съ этой пестрою молодежью въ армію вошелъ духъ политики. Стоитъ прочитать «воспоминанія» Станкевича, чтобы понять, какое разложеніе несли эти юноши въ ряды арміи. Станкевичъ — «соціалистъ-революціонеръ», «видный партійный работникъ»—оказался въ Павловскомъ училищѣ!

Мыслимо ли это было въ нормальное время?

Но все таки училище своими традиціями, самымъ воздухомъ своихъ стѣнъ, сдерживало этихъ людей — и армія, хотя и расшатанная, все же держалась до тѣхъ поръ, пока была Императорской.

Она была не та, но и армія противника тоже была не та. Оставались все таки старые полковые командиры, оставались старшіе начальники, и была надежда дотянуть «какъ нибудь» до побѣднаго конца.

Армія къ тому же усилилась технически, стало много орудій, много снарядовъ, и являлась надежда, что армія побѣдитъ, если не духомъ, то техникой.

Въ душахъ солдатъ еще тлѣло сознаніе мощи Россійской Имперіи, великое сознаніе связи своей съ чѣмъ то, всѣхъ объединяющимъ, для всѣхъ обязательнымъ.

Это былъ Царь...

Про Государя и Императрицу были пущены самые гнусные слухи, но еще боролись съ этими слухами старшіе начальники, еще боялась открыто говорить про нихъ зеленая молодежь.

Я не собираюсь никого обвинять, ни наводить на кого-либо подозрѣніе. Я только попробую дать общую картину того, какъ началось разложеніе арміи, какъ выдернутъ былъ изъ нея тотъ основной стержень, на которомъ все держалось, и съ какою болью она перестала быть Императорскою.

Въ началѣ Декабря 1916 года, когда вся армія замерла на оборонительной позиціи, старшій адъютантъ штаба ввѣренной мнѣ дивизіи принесъ большую кипу листовъ газетнаго формата. На нихъ въ нѣсколькихъ столбцахъ была напечатана рѣчь П. Н. Милюкова, произнесенная въ Думѣ 1-го Ноября. Эта рѣчь была полна злобныхъ, клеветническихъ выпадовъ противъ Государыни, и опровергнуть ее было легко. Я приказалъ листки эти уничтожить, а самъ объѣхалъ полки и всюду имѣлъ двухчасовую бесѣду съ офицерами. Рѣчь Милюкова проникла въ полки. О ней говорили въ летучкѣ Союза городовъ, о ней говорили въ полкахъ.

Приходилось брать быка за рога, прочитать эту рѣчь передъ офицерами и по пунктамъ опровергать ее. Наблюдая за офицерами во время бесѣды, разговаривая съ ними послѣ нея, легко было подмѣтить разницу между офицерами стараго воспитанія и новыми. Старые были враждебно настроены противъ Милюкова. «Эта рѣчь — сама по себѣ измѣна», — говорили они. — «Мы тутъ на позиціи жертвуемъ собою, а они тамъ разговариваютъ... Конечно, эта рѣчь станетъ извѣстна нѣмцамъ и какъ ихъ обрадуетъ. Не Мясоѣдовъ и не Штюрмеръ измѣнники, а измѣнникъ Милюковъ... Какъ онъ смѣлъ такъ говорить про Императрицу... Что же представляетъ собою сама Дума, если въ ней могутъ быть произносимы такія рѣчи?»

Но были и другіе толки.

— «Господа, — говорила молодежь — это не измѣна — это мужество! Говоря такъ, Милюковъ головою рисковалъ и добивался правды. И мы должны быть ему благодарны. Онъ не измѣнникъ, а патріотъ. Начальникъ дивизіи говоритъ, что это клевета, но онъ говоритъ неправду... Онъ такъ говоритъ, потому что онъ начальникъ и генералъ. Онъ самъ воспитанъ въ «безпредѣльной преданности Государю», а между тѣмъ преданность должна быть разумная...»

Бесѣдуя на эту тему съ своими сосѣдями по фронту — начальниками пѣхотныхъ дивизій, я убѣдился, что тамъ рѣчь Милюкова была сочтена за великое откровеніе, за программу, и тѣ немногіе офицеры, которые протестовали противъ нея, должны были замолчать. Тамъ молчали даже и старшіе начальники, подавленные мнѣніемъ большинства. Въ нѣкоторыхъ полкахъ эту рѣчь читали и солдаты. Но особенно широко распространялась она по тыламъ, по командамъ ополченія, маршевымъ ротамъ и по госпиталямъ. Зараза шла въ армію, но армія еще стояла.

14-го Декабря въ дивизію пришелъ приказъ Государя по Арміи и Флоту о продолженіи войны и о ея завѣтныхъ цѣляхъ: Констан-

тинополѣ, проливахъ и свободной Польшѣ. Я сейчасъ же собралъ бывшіе въ резервѣ Донскіе полки въ конномъ строю при распущенныхъ знаменахъ, и въ самой торжественной обстановкѣ прочиталъ этотъ приказъ. Потомъ объявили его на позиціи. Въ окопы былъ посланъ хоръ трубачей, которые послѣ прочтенія приказа играли «Боже, Царя храни».

Въ сумракѣ зимней ночи, на болотѣ, припорошенномъ снѣгомъ, рябили въ глазахъ черные колья проволочныхъ загражденій и широко разстилалось громадное поле, шедшее до самаго Стохода. За Стоходомъ взметывались ракеты и трепетнымъ сіяніемъ освѣщали снѣговое пространство. Торжественно, величаво неслись отъ блиндажей звуки Русскаго гимна и за ними «ура».

Праздные толки на позиціи стихли. Мы готовились къ наступленію, наполняли бомбовые погреба снарядами, шили для пластунскаго дивизіона бѣлые балахоны. И знали мы, что въ сосѣднемъ III армейскомъ корпусѣ тоже готовили бѣлые балахоны, упражнялись въ метаніи ручныхъ гранатъ и разрабатывали планъ наступленія.

На позиціяхъ продолжалась трудовая жизнь, въ тылу работали полковыя учебныя команды, и настроеніе ихъ было прекрасное. Не было и намека на какой либо протестъ или неудовольствіе.

Пришло извѣстіе объ убійствѣ въ Петербургѣ Распутина и прошло незамѣченнымъ, о немъ даже и не говорили. На позиціяхъ было тихо. Нѣмцы не безпокоили насъ, мы не безпокоили нѣмцевъ.

Наступили праздники Рождества Христова. 6-го Января при резервныхъ полкахъ служили молебенъ съ водосвятіемъ. На немъ были знамена отъ всѣхъ полковъ дивизіи, сопровождаемыя взводами. Послѣ молебна былъ парадъ. По обычаю была провозглашена здравица за Державнаго Вождя Русской Арміи, играли гимнъ и по сосновому лѣсу перекатывалось отдаваемое эхомъ ликующее «ура».

Послѣ парада, въ 6-ой сотнѣ 17-го Донского казачьяго генерала Бакланова полка, былъ конный праздникъ. Звенѣли веселые голоса, слышался бодрый смѣхъ, скакали лошади, рубили и кололи чучела казаки и приходили за призами румяные, веселые, счастливые. И тѣ, кто получалъ призовые часы съ портретомъ Наслѣдника на цыферблатѣ, были счастливы этимъ портретомъ. Щеголяли своими вензелями на погонахъ гости — Волгцы, гордые тѣмъ, что они казаки «Его Высочества».

На другой день, 7-го Января, у нашихъ пластуновъ, составленныхъ исключительно изъ крестьянъ разныхъ губерній, также былъ

праздникъ. Служили обѣдню въ церкви-баракѣ, а потомъ молебенъ на лѣсной прогалинѣ. Пѣлъ прекрасный солдатскій хоръ. Люди были отлично одѣты и выглядѣли веселыми и счастливыми. Послѣ молебна пластуны проходили церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ, составивъ ружья и снявъ шинели, продѣлали всѣмъ дивизіономъ сокольскую гимнастику, потомъ былъ бѣгъ на 1.000 шаговъ, лихая полевая гимнастика и бѣгъ всѣми сотнями на двѣ версты.

Былъ смѣхъ, шутки, сытный обѣдъ и, наконецъ, въ спеціально солдатскими руками устроенномъ, театрѣ — солдатскій спектакль.

Играли комедію «Не все коту масленница», затѣмъ выступали солдаты клоуны, пѣлъ «Русскій хоръ», гдѣ нѣсколько солдатъ были переодѣты дѣвушками и ловко подражали. Все было чинно, прилично, красиво.

И былъ съ нами Богъ, и былъ Царь и была Родина - Россія. Счастливы были поэтому лица, беззаботенъ смѣхъ и сильна увѣренность въ побѣдѣ.

И жизнь шла, ничего грознаго не предвѣщая. Были тяжелыя минуты, когда два раза нѣмцы сняли у насъ полевые караулы, — но и это вызывалось не нашей безпечностью, но сильно растянутымъ фронтомъ и слабостью постовъ. Пришлось устроить конное патрулированіе по замерзшему болоту, впереди проволокъ, и нѣмцы свои поиски прекратили.

Для меня Январь и Февраль проходили: — днемъ въ штабѣ дивизіи, въ разоренной усадьбѣ, холодной и пустой, ночью въ окопахъ, въ провѣркѣ патрулей, разъѣздовъ, бдительности часовыхъ, готовности резервовъ и батарей. Исподволь готовились и къ наступленію. Уже знали мы, что намъ придется сначала ограничиться только демонстративной аттакой на нашемъ правомъ флангѣ, что рвать позиціи будетъ пѣхота много южнѣе насъ и, когда она порветъ, мы пойдемъ по тому пути, по которому мы отступали осенью 1915 года на Великую Глушу, а потомъ на Влодаву. Вѣрили, что такъ и будетъ.

И такъ же, какъ и раньше, никто не занимался политикой и ничего мы не слышали про большевиковъ, меньшевиковъ; мало кто слышалъ и никто не читалъ Маркса и никто не зналъ даже фамилій Плеханова и Ленина-.

Невѣжество? Нѣтъ, — считали это не своимъ дѣломъ. Была армія внѣ политики. Политику дѣлалъ ея Верховный Вождь — Государь Императоръ, и на все была его Монаршья воля.

На 1-ое Марта мы должны были сдѣлать поискъ къ непріятелю.

28 Февраля я ѣздилъ къ пластунамъ и въ полки отбирать людей и разъяснялъ имъ эти задачи. Около 4-хъ часовъ дня изъ штаба корпуса мнѣ была подана телефонограмма, объявлявшая, что въ Петербургѣ «серьезные безпорядки и есть опасеніе, что безпорядки эти перекинутся въ Армію и потому требуется болѣе тѣсное общеніе офицеровъ съ нижними чинами».

Пришлось только пожать плечами. Офицеры дивизіи жили одной жизнью съ нижними чинами. Самъ я каждый день, по четыре, по восьми часовъ проводилъ съ ними, и болѣе тѣснаго общенія быть не могло.

На 2-е Марта долженъ былъ состояться поискъ — онъ былъ отложенъ съ 1-го Марта. Поискъ этотъ мы связывали съ общимъ наступленіемъ всѣхъ фронтовъ, и всѣ наши мысли были соредоточены на немъ. Съ утра прислушивались, не слышно ли далекаго гула артиллерійской канонады. Но стояла мертвая тишина. Сѣрой ватой покрыто было небо и мелкими слезами дождевой капели упадало на землю. По лѣсамъ клубились туманы.

Въ десять часовъ утра изъ штаба корпуса передали по телефону объ отмѣнѣ поиска, безъ объясненія причины. Передавалъ самъ командиръ 4-го кавалерійскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Гилленшмитъ, и на мой вопросъ — «почему» — отвѣтилъ, что такъ приказано свыше.

3-го Марта утромъ я ѣздилъ на позицію и сдѣлалъ газовую тревогу. Вернулся въ половинѣ третьяго, опять былъ вызванъ къ командиру корпуса. Командиръ корпуса принялъ меня въ хатѣ начальника штаба. Оба генерала находились въ подавленномъ настроеніи. До штаба корпуса дошли слухи о томъ, что всѣ Министры арестованы толпою, государствомъ правитъ президіумъ изъ членовъ Государственной Думы, съ Родзянко во главѣ, Государь будто бы въ Псковѣ отказался отъ престола въ пользу Наслѣдника, а правителемъ до его совершеннолѣтія назначилъ Великаго Князя Михаила Александровича. По всѣмъ городамъ идутъ мятежи. Газетъ нѣтъ.

Уже въ темнотѣ я вернулся домой. Былъ сильный морозъ, гололедка, лошадь скользила на дорогѣ, и я ѣхалъ напрямикъ лѣсными тропами. Смутно было на душѣ. Жаль было до боли Государя, страшно за Россію, но Великаго Князя Михаила Александровича всѣ любили, и это давало нѣкоторое успокоеніе.

4-го Марта съ утра я былъ въ резервномъ 16-омъ Донскомъ

полку. Бесѣдовалъ съ офицерами и казаками. Настроеніе было спокойное.

Былъ бы Царь — говорили казаки.

Ни у кого не было и мысли, что Россія можетъ быть безъ Царя. Во время бесѣды меня вызвали въ штабъ корпуса. Тамъ мнѣ передали, что Государь отрекся отъ Престола и за себя и за сына и передалъ управленіе государствомъ Великому Князю Михаилу Александровичу, а командованіе арміями Великому Князю Николаю Николаевичу. Вечеромъ пришелъ манифестъ и я получилъ списокъ новыхъ Министровъ. Никого, кромѣ Гучкова, мы не знали. О Гучковѣ знали, что онъ ѣздилъ охотникомъ къ Бурамъ, былъ на Японской войнѣ, много работалъ въ торгово-промышленномъ комитетѣ. Его имя связывали съ именемъ Поливанова. Думали, что Гучковъ — только ширма для Поливанова. Остальные были намъ незнакомы. Имя Милюкова говорило о проливахъ и Константинополѣ.

Произошелъ страшный переворотъ, тяжелое потрясеніе, но армія оставалась Императорской, ея завѣты были незыблемы: за Вѣру, Царя и Отечество.

5-го Марта, въ воскресенье, была обѣдня. Послѣ обѣдни я назначилъ парадъ частямъ, которыя находились въ резервѣ.

Передъ строемъ былъ прочитанъ манифестъ Государя. Я сказалъ нѣсколько словъ по поводу отреченія Государя. Многіе офицеры и казаки плакали. Затѣмъ я скомандовалъ «на караулъ» и провозгласилъ «ура» Государю Императору Михаилу Александровичу.

Долго, не смолкая, гремѣлъ русскій народный гимнъ по лѣсу и раздавалось громовое «ура».

Послѣ парада были вызваны нѣсколько человѣкъ, награжденныхъ Георгіевскими крестами. Передавая имъ кресты, я говорилъ: «Именемъ Государя Императора Михаила Александровича награждаю тебя Георгіевскимъ крестомъ».

Съ музыкой и пѣснями расходились полки.

6-го Марта я продѣлалъ то же и въ Кавказской бригадѣ. По окончаніи парада, ко мнѣ подошелъ командиръ 1-го Линейнаго полка Кубанскаго казачьяго войска, полковникъ Евсѣевъ, окруженный офицерами. Они были сильно возбуждены и взволнованы.

— Мы слыхали, — сказалъ мнѣ Евсѣевъ, — что и Михаилъ Александровичъ отрекся, и въ Россіи — республика.

— Я этого не слыхалъ, — сказалъ я.

— Да вотъ газеты.

Полковникъ передалъ мнѣ пачку газетъ, которыя Кавказская бригада, стоявшая ближе къ желѣзной дорогѣ, получила раньше насъ.

Да... тамъ, въ столицѣ... «революціонныя войска»... «граждане, солдаты»... гремитъ марсельеза... тамъ Россійской Императорской Арміи уже нѣтъ...

На душѣ было гадко и кругомъ я видѣлъ растерянность, подавленное настроеніе, и вдругъ громко заговорили молодые прапорщики, стали кричать офицеры, считавшіе себя когда-то обойденными, обиженными, не награжденными по заслугамъ.

Въ 3 часа дня я уѣхалъ отъ Линейцевъ и въ 5 былъ въ штабѣ. Около трехъ часовъ ночи нѣмцы начали страшный артиллерійскій огонь по деревнѣ Березницѣ, участку 27 пѣхотной дивизіи, сосѣднему съ нами и повели на нее наступленіе. Я поднялъ части и подалъ резервы. Но пѣхота сама отбила участокъ. Тамъ работали еще Императорскія, Императора Михаила Александровича войска. Нѣмцы поторопились. Рано начали наступленіе.

20-го Марта, когда уже на всемъ фронтѣ Императорскую армію смѣнили революціонныя войска, нѣмцы, послѣ газовой аттаки легко сбили 3-ій армейскій корпусъ съ большого плацдарма у Червище, послѣ чего и 27 пѣхотная дивизія очистила Любешовскій плацдармъ.

Революціонная армія отказалась отъ наступленія.

Дальше... дальше митинги, приказъ арміи № 1 Соколова, Гучкова, Нахамкеса и К-іи, отмѣна дисциплины, комитеты, выборное начало, демократизація арміи, вмѣсто Верховнаго Главнокомандующаго — Главковерхи, смѣняемые каждые два мѣсяца: Алексѣевъ, Брусиловъ, Корниловъ, Алексѣевъ, Керенскій, Духонинъ, Крыленко и... Бронштейнъ-Троцкій.

Вмѣсто Императорской арміи стала красная армія III Интернаціонала. И уже не было стимула, за который умирать, и надо было гнать солдатъ въ бой пулеметами и револьверами, надо было воевать ради добычи, наслажденія насиліемъ, личнаго обогащенія. Голодныхъ солдатъ гнали за хлѣбомъ.

Армія стала бичемъ населенія.

И не избѣжали этого арміи Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля. За что воевать? За Учредительное собраніе? За «волю народа» еще не сказанную, проявленную лишь въ грабежѣ помѣщи-

чьихъ усадебъ, уничтоженіи фабрикъ и промысловъ? Во имя чего драться? Во имя самостійной Украины, во имя федеративной республики, за какую то фантастическую Р.С.Ф.С.Р., за «Единую Недѣлимую», но неизвѣстно съ кѣмъ во главѣ, Россію? Съ пустыми знаменами шли Добровольческія арміи и были пусты сердца у героевъ-офицеровъ и солдатъ.

И почему то боялись произнести то слово, которое когда то окрыляло, вдохновляло, давало силы умирать. То, что такъ бодро и весело пѣли полки:

«Съ нами Царь,
Съ нами Богъ,
Съ нами Русскій весь народъ».

Стыдился Деникинъ великаго русскаго гимна и игралъ старый Петровскій маршъ, въ которомъ говорится:

«Русскаго Царя солдаты
Рады жертвовать собой,
Не изъ денегъ, не изъ платы,
Но за честь страны родной».

Пѣли рядомъ Корниловцы:

«Прошлаго не жаль намъ,
Царь намъ не кумиръ».

И клеветали на прошлое. Старались откопать что либо такое грязное, что было бы хуже теперешняго соціалистическаго рая, и когда не находили: — лгали, лгали, лгали...

Россія лежитъ въ обломкахъ. Леденящій ужасъ царитъ въ сердцахъ Русскихъ. Поругана Россія. Звѣрски замученъ и убитъ Императоръ и Его Семья, поругана и ограблена церковь, и жуткій страхъ прочно поселился въ сердцахъ народа Русскаго. Всюду грабежи, насилія, убійства. Богатая, привольная, славная, честная Императорская Россія стала нищей потаскухой, которой боятся сосѣди: — напакоститъ и украдетъ.

Стонъ стоитъ на Руси. Порядка, законности, права... И нѣтъ ничего.

* * *

И не будетъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ она громко то, что думаетъ.

Мнѣ пишутъ изъ одного изъ бѣженскихъ лагерей:

«... И только ночью, когда ляжемъ мы на голой землѣ и укутаемъ головы шинелями, такъ, чтобы и думы нашей никто не могъ подглядѣть, думаемъ мы, что при Царѣ лучше намъ жилось...»

А сказать не смѣемъ.

Почему?

Боимся «бабушки русской революціи», Керенскаго, Бурцева, Савинкова, Милюкова?

«Стыдные» очень стали мы. Стыдимся мы, какъ стыдится ребенокъ передъ большими показать, что онъ любитъ мать и отца.

Пишутъ мнѣ изъ красной арміи: «Мы пойдемъ съ Вами и свергнемъ коммунистовъ, если Вы обѣщаете намъ, что во главѣ Россіи станетъ Великій Князь Николай Николаевичъ, будетъ возстановленъ Россійскій Сенатъ, который вернетъ законность въ жизнь, намъ будетъ дана амнистія и наши командные посты останутся за нами...»

И въ Россіи будетъ порядокъ и возстановится Россія тогда, когда по всѣмъ ея глухимъ медвѣжьимъ угламъ, по маленькимъ гарнизонамъ станутъ полки, батальоны и роты Императорской Арміи. Когда у казначейства станетъ опять чисто одѣтый, съ подсумками на поясѣ, съ ярко начищенной бляхой, часовой, и всѣ будутъ знать, что онъ лицо неприкосновенное и несетъ службу на посту и въ караулѣ Его Императорскаго Величества.

Когда надъ всѣми партіями, надъ всѣмъ шумливымъ народомъ встанетъ власть надпартійная, ко всѣмъ справедливая, а подъ нею и на защитѣ ея, будетъ стоять та армія, которая блюла присягу, которая знала прежде всего, что солдатъ есть слуга Государя и Родины и защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, — тогда успокоится Россія. И зналъ солдатъ, что врагъ внѣшній тотъ, кто извнѣ нападалъ на Россію съ оружіемъ въ рукахъ, а врагъ внутренній — всякій, кто нарушалъ законы Имперіи. Всякій — безъ различія партій.

Мы хотимъ воскресенія Россіи. Мы хотимъ жить *дома*, хотимъ знать, что и у насъ есть Святая Великая Родина — Россія.

Мы должны всѣми силами стремиться создать армію снова,

собрать и вдохнуть тѣ же бодрыя силы, какія были въ ней раньше. Мы должны вернуть Россіи Императорскую Армію.

И близокъ день, когда скинемъ мы шинели со своихъ головъ, и не въ ночной тишинѣ, а при яркомъ дневномъ свѣтѣ, громко, на весь свѣтъ, скажемъ словами нашего безсмертнаго поэта:

«Боже, Царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на землѣ!
Гордыхъ смирителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ, —
Здѣсь безмятежною
Сѣнью надежною
Благостью нѣжною,
Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань.
Гласъ умиленія, благодаренія,
Сердца стремленія
Вотъ наша дань...»

Забыли... забыли... забыли...

И пока не вспомнимъ: — тоска бѣженства на чужбинѣ, нищета, голодъ, казни, насилія, развратъ, людоѣдство, грабежъ, звѣриная жизнь тамъ — гдѣ была Родина. Пора взять себя въ руки и твердо сказать, какъ писали мы въ рапортахъ:

«Выздоровѣвъ отъ революціонной горячки, я вступилъ въ исполненіе обязанностей службы Его Императорскаго Величества».

П. Красновъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

А. МОРДВИНОВА

Мучительные дни величайшаго позора моей родины нахлынули на меня въ Февралѣ 1917 года совершенно неожиданно. Они застали меня въ званіи флигель-адъютанта Его Величества, состоящимъ, въ числѣ немногихъ, въ личной свитѣ Государя и прикомандированнымъ къ Военно-Походной Канцеляріи.

Кромѣ К. А. Нарышкина, ея начальника, въ составъ Канцеляріи входилъ и флигель - адъютантъ Денъ, морякъ, съ которымъ я чередовался въ дежурствѣ, какъ въ Царскомъ Селѣ, такъ и во время пребыванія Государя въ Ставкѣ, а также и при сопровожденіи Его Величества въ поѣздкахъ.

У меня было двѣ квартиры. Одна въ Гатчинскомъ Дворцѣ, гдѣ жила моя семья; другая — въ Царскосельскомъ Большомъ Дворцѣ, служебная, которой я пользовался лишь во время моихъ, обычно трехдневныхъ, дежурствъ по Военно - Походной Канцеляріи.

Кромѣ этихъ дежурствъ, въ Январьскіе и Февральскіе дни, я имѣлъ счастье нести, черезъ два дня въ третій, дежурства и при Особѣ Государя Императора и, такимъ образомъ, всѣ эти мѣсяцы мнѣ пришлось провести почти полностью въ Царскомъ Селѣ и лишь изрѣдка навѣщать свою семью въ Гатчинѣ.

Я сказалъ, что позорные Февральскіе дни нахлынули совершенно неожиданно. Это, пожалуй, не совсѣмъ такъ. Смутное предчувствіе надвигающагося чего то мрачнаго, давящаго и предательскаго не переставило волновать меня уже съ середины 1916 г. И не море грязи,

сплетенъ, интригъ и самыхъ низкихъ человѣческихъ побужденій, которое въ то время особенно бушевало, было тому причиной.

Три - четыре маленькихъ, случайныхъ эпизода какъ то особенно поразили меня, заставили больно сжаться сердце и сохранились въ моей памяти до сихъ поръ.

Одинъ — встрѣча на Невскомъ весною 1916 года съ товарищемъ по Академіи, командиромъ одного изъ Гвардейскихъ Варшавскихъ пѣхотныхъ полковъ.

Сначала сердечные вопросы о томъ, какъ я поживаю, гдѣ теперь нахожусь, гдѣ служу — и затѣмъ, на мой отвѣтъ, что нахожусь въ личной свитѣ Государя, въ Ставкѣ, вдругъ вырвавшійся у него, неожиданно для меня, мучительный возгласъ: «Ужасъ, ужасъ, что будетъ!...» Глаза его, обыкновенно владѣвшаго собою человѣка, наполнились слезами. Онъ отвернулся, затѣмъ быстро, особенно крѣпко, какъ бы прощаясь надолго, пожалъ мою руку и скрылся въ толпѣ прохожихъ. Больше его я уже не встрѣчалъ.

«Что съ нимъ такое» — подумалъ я — «онъ что-то знаетъ, что-то хотѣлъ мнѣ сказать, намекнуть и не смогъ». И впервые смутная догадка о возможности существованія какого-то, вѣроятно военнаго, заговора противъ Государя промелькнула въ моихъ мысляхъ. Я ее сейчасъ же отогналъ, какъ чудовищную нелѣпость, особенно во время войны.

Другой — произошелъ осенью того-же года. Я только что узналъ, что сынъ моего родственника, одинокаго генерала Зыкова, убитъ на войнѣ. Я давно не былъ у старика, поѣхалъ къ нему и нашелъ его въ большомъ возбужденіи. Ему уже сообщили о гибели сына, котораго онъ горячо любилъ, но, къ моему изумленію, вовсе не это его взволновало. Онъ только вскользь упомянулъ о своемъ миломъ, бѣдномъ Сашѣ и сейчасъ же, перебивая меня и путаясь самъ, торопливо началъ выкрикивать: «Что это такое, какой позоръ! Распутинъ! вотъ до чего дошли, мужикъ правитъ государствомъ. Развѣ это можно терпѣть? Стоитъ-ли для этого умирать на войнѣ... и т. под.»...

«Какъ, и ты» — съ изумленіемъ и горечью подумалъ я — «и ты, умудренный годами старикъ. убѣжденный монархистъ, заслуженный, ученый генералъ, начитанный человѣкъ, издатель въ свое время историческаго журнала, привыкшій всегда вдумчиво и критически относиться ко всякимъ явленіямъ политической жизни, — даже и тебя, въ часы твоего тяжелаго личнаго горя, охватила эта невѣроятная по

безумію сплетня, способная увлекать въ другое время развѣ лишь сплетниковъ отдаленнаго захолустья».

Мнѣ стоило не малыхъ трудовъ успокоить старика и разбить, хотя отчасти своими доводами всѣ тѣ небылицы, о которыхъ онъ успѣлъ наслушаться «со всѣхъ сторонъ».

Третій — насколько помню — случился въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя изъ Ставки въ Царское Село, въ самомъ концѣ Января или въ началѣ Февраля 1917 года, во время моего дежурства при Его Величествѣ.

Былъ уже вечеръ, около семи часовъ. Дневной пріемъ кончился и я сидѣлъ въ дежурной комнатѣ Александровскаго Дворца, когда мнѣ доложили, что какой-то «проситель», только что прибывшій издалека, кажется изъ Саратовской или Воронежской губерніи, настойчиво проситъ о пріемѣ его Государемъ и при томъ немедленно, по весьма важному государственному дѣлу.

Время было неурочное — обыкновенно просители принимались дежурнымъ флигель - адъютантомъ около 2-хъ - 3-хъ часовъ дня, чтобы затѣмъ всѣ ихъ прошенія могли быть вручены Государю еще вечеромъ того-же дня.

Я вышелъ къ просителю. Онъ оказался совсѣмъ древнимъ старичкомъ, лѣтъ 75, съ добродушнымъ, располагающимъ лицомъ и съ живыми движеніями. Судя по одеждѣ и говору, онъ принадлежалъ къ зажиточнымъ крестьянамъ или мелкимъ сельскимъ торговцамъ. Церковные старосты деревенскихъ церквей обыкновенно походили на него. На мой вопросъ, въ чемъ заключается его просьба, и что именно онъ хотѣлъ бы передать Его Величеству, старикъ отвѣтилъ, что лично самъ никакой просьбы не имѣетъ, а хочетъ видѣть «батюшку Царя по весьма важному для всей Русской земли дѣлу», а въ чемъ это дѣло, онъ не имѣетъ права никому говорить — «и тебѣ, батюшка, прости, не скажу, хоть ты и довѣренный человѣкъ, и Великимъ Князьямъ и Министрамъ не скажу, а скажу только одному Его Царскому Величеству».

На мои доводы, что Государь сейчасъ занятъ и что безпокоить его нельзя, старикъ продолжалъ волноваться и настаивать, чтобы его допустили къ Государю возможно скорѣе, «а то можетъ будетъ и поздно и большая бѣда случится, много народу напрасно погибнетъ».

Старикъ производилъ всѣмъ своимъ существомъ очень хорошее впечатлѣніе и отнюдь не принадлежалъ къ довольно распространенному типу назойливыхъ или ненормальныхъ просителей и изобрѣтате-

лей, обыкновенно знающихъ какую-то великую тайну, и добивавшихся повѣдать ее лишь непосредственно одному Государю Императору.

Время было уже очень смутное, злобное. Нѣкоторые историческіе примѣры изъ далекаго прошлаго мелькнули въ моей памяти. Я подумалъ и доложилъ Его Величеству о настойчивомъ просителѣ.

«Вотъ, какой упорный» — съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Государь — «но все же сейчасъ не могу, Вы видите» — и указалъ на цѣлую гору бумагъ на письменномъ столѣ — «все срочныя, можетъ быть потомъ. Впрочемъ попытайтесь еще разъ узнать отъ него въ чемъ дѣло. Скажите ему, что я Вамъ это поручилъ, а потомъ передадите мнѣ его просьбу за обѣдомъ».

Я вернулся къ старику, передалъ ему слова Государя и увѣрилъ, что все то, что онъ мнѣ скажетъ, будетъ сегодня же, черезъ часъ, доложено Его Величеству, и никто кромѣ меня и Государя не будетъ объ этомъ знать. Если же онъ мнѣ все таки не довѣряетъ, то пусть напишетъ въ чемъ дѣло и я, запечатанный при немъ, пакетъ вручу непосредственно Его Величеству.

Старикъ долго колебался, пытливо смотрѣлъ на меня, и вдругъ, какъ-то таинственно наклонился къ моему уху, и хотя мы были совершенно одни въ комнатѣ, волнуясь, отрывисто зашепталъ: «задумано злое дѣло... хотятъ погубить батюшку Царя, а Царицу и дѣтокъ спрятать въ монастырь... Сговаривались давно, а только рѣшено это начать теперь... Самое позднее черезъ три недѣли начнется... Схватятъ сначала Царя и посадятъ въ тюрьму, и васъ всѣхъ, кто около Царя, и главное начальство также посадятъ по тюрьмамъ... Только пусть батюшка Царь не безпокоится... Мы его выручимъ, насъ много...»

На всѣ мои вопросы: «кто это задумалъ, кто его послалъ, какъ и когда онъ узналъ объ этомъ, гдѣ начнется?» — старикъ таинственно и неопредѣленно повторялъ «они задумали, наши послали, не сомнѣвайся, вѣрно говорю, не позже, какъ черезъ три недѣли начнется, по всей Россіи они ѣздятъ, и къ намъ пріѣзжали сговариваться, говорили пора начинать. Какъ наши узнали, такъ сейчасъ меня и послали — поѣзжай скорѣе, дойди до самаго Царя и скажи про злое дѣло. Только никому другому не говори. Я, какъ въ чемъ былъ, сѣлъ на машину, такъ безо всего и поѣхалъ. Только три дня ѣхалъ, торопился».

Ничего болѣе опредѣленнаго я отъ него добиться не могъ, спросилъ, гдѣ онъ остановился, сколько времени здѣсь пробудетъ, записалъ его адресъ и отпустилъ.

За обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ и за которымъ никого

кромѣ Царской семьи не было, я передалъ Государю, въ общихъ чертахъ, о порученіи, возложенномъ на посланца.

Его Величество въ этотъ вечеръ былъ еще болѣе грустенъ и озабоченъ чѣмъ обыкновенно въ послѣднее время. «Ахъ, опять о заговорѣ» — сказалъ Государь — «я такъ и думалъ, что объ этомъ будетъ рѣчь, мнѣ и раньше уже говорили... добрые, простые люди все безпокоятся... я знаю, они любятъ меня и нашу Матушку Россію и, конечно, не хотятъ никакого переворота. У нихъ-то ужъ навѣрно болѣе здраваго смысла, чѣмъ у другихъ...»

Государь немного задумался, потомъ посмотрѣлъ на меня, грустно улыбнулся и перемѣнилъ разговоръ.

Четвертый эпизодъ, оставшійся мнѣ памятнымъ, изъ многочисленныхъ другихъ, произошелъ въ Ставкѣ, во время послѣдняго пріѣзда въ Могилевъ. Предсѣдатель Думы, Родзянко, котораго я немного зналъ по дворянскимъ выборамъ въ моей Новгородской губерніи, только что кончилъ докладъ у Государя и спускался внизъ, чтобы уѣзжать. Кое кто изъ лицъ свиты, жившихъ внизу, окружили его въ прихожей и стали распрашивать о подробностяхъ пріема. Подошелъ и я. Родзянко былъ очень доволенъ: «пріемъ былъ высокомилостивый, мнѣ все удалось высказать, все, что было на душѣ» — говорилъ онъ — «и все было выслушано милостиво, со вниманіемъ. Положеніе, конечно, ужасно, но его можно все же спасти назначеніемъ отвѣтственнаго Министерства, и мнѣ, кажется, удалось убѣдить въ этомъ Государя. Отъ Васъ, г.г. свита, теперь зависитъ помочь намъ и поддержать Государя въ мысли о его необходимости. Если назначенія отвѣтственнаго Министерства не будетъ, то намъ останется только одно: выпустить Керенскаго на улицу...» неожиданно заключилъ онъ. «А Вы знаете, что изъ этого выйдетъ?» — не удержался я.

«Знаю» — съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Родзянко — «выйдетъ жакерія».

«И все таки выпустите?»

Въ отвѣтъ послѣдовалъ лишь неопредѣленный жестъ, желавшій показать или полное безсиліе Родзянко бороться съ такимъ безумнымъ намѣреніемъ или что онъ и самъ другого, менѣе рѣшительнаго, выхода не находитъ.

Не знаю почему, именно эти отрывочные, въ общемъ даже не яркіе случаи почти дословно сохранились у меня въ памяти. По своему служебному положенію, мнѣ приходилось соприкасаться съ громаднымъ количествомъ людей, всѣхъ званій и состояній, тогдашняя пси-

хологія которыхъ, казалось-бы, еще болѣе сильными впечатлѣніями должна была отразиться на мнѣ.

Но море человѣческихъ страстей, которое тогда особенно бушевало и такъ близко уже подступало къ тому, кто для меня олицетворялъ собою мою родину, — мнѣ все еще казалось негрознымъ, а скорѣе обыденнымъ, грязнымъ житейскимъ моремъ, хотя и вышедшимъ, какъ бывало не разъ, изъ своихъ обычныхъ береговъ.

Въ мутныхъ волнахъ его, поднятыхъ чтобы тамъ ни говорили, очень не высокими качествами человѣческихъ побужденій, мнѣ не чувствовалось тогда ни особенной силы, ни того «всеобщаго, священнаго гнѣва», какъ о томъ кричали на каждомъ шагу. Мнѣ не вѣрилось, чтобы сплетни, подогрѣтыя обычнымъ обывательскимъ любопытствомъ, которымъ всегда окружалась интимная жизнь Императорской Семьи, не только у насъ, но и у другихъ заграницей, даже въ союзѣ съ интригами, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и завистью — могли бы одолѣть великую страну или создать что-либо «священное и всеобщее».

Я относился къ нимъ съ какой-то инстинктивной брезгливостью и не переставалъ надѣяться, что непонятное легковѣріе къ разнымъ небылицамъ, охватившее всѣхъ и вся, смѣнится наконецъ болѣе трезвымъ, вдумчивымъ отношеніемъ, что «толпа», «общественность» измѣнчивы, что за приливомъ всегда слѣдуетъ отливъ и море всеобщаго негодованія, вызванное притомъ искусственно, войдетъ въ свои обычныя границы житейскихъ пересудовъ.

Я «вѣрилъ», я «надѣялся» и мнѣ «казалось»...

Теперь, когда я раздумываю объ этихъ далекихъ, уже въ туманѣ, дняхъ, я долженъ сказать точнѣе: мнѣ вѣроятно тогда лишь хотѣлось вѣрить, хотѣлось надѣяться, хотѣлось, чтобы такъ казалось...

Ни твердой вѣры, ни крѣпкой надежды, конечно, не могло у меня въ то время быть. Я зналъ и силу самогипноза толпы, какъ-бы интеллигентна она не была, зналъ и своеобразную, почти непреодолимую силу сплетни и клеветы, въ особенности въ нашемъ русскомъ обществѣ.

Туманное, но давящее сознаніе неизбѣжности всего совершающагося, сказалось и на моемъ, совершенно равнодушномъ отношеніи къ вопросу, до болѣзненности волновавшему тогда всѣхъ — къ вопросу о томъ «будетъ-ли наконецъ назначено отвѣтственное Министерство, пользующееся всѣмъ довѣріемъ страны», въ которомъ видѣли «единственное спасеніе» «единственный выходъ изъ тупика».

Въ моихъ глазахъ отвѣтственное Министерство не было даже тою

соломинкою, за которую такъ стремилась ухватиться утопавшая въ своихъ страстяхъ и захлебнувшаяся отъ «справедливаго негодованія» часть русскаго общества.

Почему народъ, олицетворенный механическимъ, а не качественнымъ выборнымъ большинствомъ — а въ массѣ всегда больше недалекихъ и поверхностныхъ — продолжалъ думать я — почему онъ сумѣетъ выбрать дѣйствительно лучшихъ и необходимыхъ людей и обуздать свои страсти настолько, чтобы продолжать оказывать своимъ избранникамъ не минутное только, а прочное довѣріе.

И столь требуемая «отвѣтственность» не заставитъ-ли народнаго избранника заискивать передъ избравшими, идти въ шорахъ партіи, а въ противномъ случаѣ не отбросить-ли его, какъ неугоднаго, хотя-бы, лишь за то только, что «народу надоѣстъ его справедливость».

Да и что значатъ, въ данномъ случаѣ, не въ теоріи, а въ дѣйствительности, съ такимъ убѣжденіемъ звучащія слова «весь народъ», «общее желаніе», «всеобщее довѣріе», «настоящія свободы», «каждый участвуетъ въ управленіи государствомъ».

Не остаются ли они всегда лишь словами, и какъ показываетъ трагическій опытъ человѣчества, не несутъ ли они, неизмѣнно повторяясь, вмѣстѣ съ собою море человѣческой крови и лишнихъ человѣческихъ страданій.

Русскій народъ, въ своей главной массѣ, въ минуту опасности, если не разумомъ, то инстинктомъ долженъ понять, что всѣ эти «демократіи», «республики», «парламенты», всѣ эти «перевороты» для него негодныя средства, и кромѣ великихъ потрясеній ему ничего не дадутъ.

За исключеніемъ немногихъ, онъ понималъ вѣдь раньше, пойметъ и теперь, что республиканская или парламентарная форма правленія даетъ лишь въ извѣстной степени свободу партій, а не общую свободу всѣмъ, что при этихъ формахъ правленія одни дышатъ свободно, а другіе непремѣнно задавлены; что истинная свобода, если ужъ объ ней говорить, можетъ осуществляться только при такой формѣ правленія, въ которой монархъ не ограниченъ колеблющимися настроеніями палатъ, гдѣ онъ является независимымъ представителемъ народной совѣсти и выразителемъ господства духа надъ матеріей...

Всплывшая, какъ всегда при такихъ случаяхъ, неизвѣстно откуда муть жизни — сплетня — въ тѣ грязные мѣсяцы уже доканчивала свое дѣло и была на верху вліянія.

Ее встрѣчали съ открытыми объятіями не только лакейскія прихожія, уѣздныя гостинныя, но и государственные дѣятели, сановники, придворные круги.

Она находила не менѣе радушный пріемъ и во Дворцахъ самыхъ близкихъ родственниковъ Царской Семьи. Съ нею мирились офицерскіе круги на фронтѣ и даже, къ моему изумленію, отъ нея не отворачивались и вдумчивые, серьезные люди, знавшіе цѣну обывательской молвы и сторонившіеся ранѣе отъ всякой пошлости жизни.

Люди, всецѣло обязанные Государю, знавшіе довольно хорошо его нравственный обликъ, жившіе порою подъ одной кровлей съ нимъ, по непонятной психологіи, недостаточно сомнѣвались въ небылицахъ и тѣмъ невольно укрѣпляли вѣру и у остальныхъ.

Съ разными подробностями и оттѣнками, соотвѣтственно душевному складу, положенію и развитію сплетника, злостная клевета объ «измѣнѣ, свившей гнѣздо во Дворцѣ», о задуманномъ Императрицей лишеніи власти Государя, о Распутинѣ, «овладѣвшемъ волей Царской четы и правящемъ всецѣло государствомъ», о «темныхъ силахъ», о «нѣмецкой партіи» и т. п., подтвержденные вѣроятно душевно больными дѣятелями Думы, проникла до низовъ арміи, доходила и до глухихъ селъ, гдѣ, надо сказать, все же встрѣчала очень недовѣрчивый пріемъ.

Нельзя, конечно, было удивляться фантазіи сплетниковъ — она всегда и вездѣ безгранична, но противна и жалка была та легкая отзывчивость, съ которой эта фантазія всегда воспринималась. Чувствовалось, что этому не только вѣрили, но хотѣли, стремились вѣрить и съ радостнымъ возбужденіемъ встрѣчали всякую новую версію, всякую новую деталь.

Казалось, если-бы исчезъ тогда Распутинъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезла-бы для тогдашняго общества и наиболѣе заманчивая, волнующая сторона жизни, а разочарованные «вѣрноподданные» немедленно создали-бы новаго героя и окружили-бы его тѣмъ-же успленнымъ вниманіемъ и тѣмъ же любопытствомъ.

Всякіе доводы немногихъ лицъ, близко знавшихъ Царскую семью, ихъ доказательства лживости и клеветы, подтвержденные фактами, неизмѣнно встрѣчали улыбку сожалѣнія и убѣжденное снисходительное возраженіе : «Конечно, Ваше положеніе обязываетъ Васъ такъ говорить

и мы Васъ понимаемъ, но вѣдь Вы сами отлично знаете, что все это правда. Смѣшно было-бы не знать того, что знаютъ всѣ».

Что можно было возразить на такіе «простые» и ясные доводы. Въ подтвержденіе этой «правды» распространялись фотографіи Распутина съ Государыней и Великими Княжнами, ничего общаго и схожаго съ Царской семьей не имѣвшія, копіи записочекъ Распутина, и каждый разъ съ различными варіантами, передавались даже точныя слова интимнаго разговора Государя съ Распутинымъ «съ глазу на глазъ», котораго, если-бы онъ и былъ, конечно, не могъ никто слышать.

Но сомнѣній не было ни у кого, потому что ихъ не хотѣли и ихъ усиленно гнали прочь. Все это было, положимъ, въ порядкѣ вещей, обычнымъ явленіемъ захолустья, въ которое такъ охотно превратилось даже изысканное общество обѣихъ столицъ. Какъ и при всѣхъ дворахъ міра, обычно было и стремленіе людей, обливавшихъ грязью Царскую Семью, всякими путями добиться къ себѣ ея вниманія, улыбки, расположенія, возможности лишній разъ представиться или напомнить о себѣ. По непонятной для меня психологіи, къ этому тогда стремились еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ раньше и разочарованіе въ случаяхъ неуспѣха, сказывалось еще большей досадой, чѣмъ всегда.

Сколько такихъ людей мнѣ приходилось видѣть выходившими изъ кабинета Государя съ улыбкою удовлетвореннаго тщеславія послѣ пріема ихъ человѣкомъ, о которомъ только что отзывались, или съ недоумѣннымъ, искусственнымъ сокрушеніемъ одни или со словами нарочно громко выказаннаго презрѣнія — другіе.

Но я встрѣчалъ и иныхъ людей, которыхъ уважалъ, которымъ невольно сочувствовалъ и которыхъ тѣмъ не менѣе все-же сожалѣлъ: сочувствовалъ, потому что видѣлъ ихъ горячую, неподдѣльную любовь къ родинѣ, ихъ искреннее волненіе всѣмъ совершающимся, ихъ стараніе предотвратить опасность, грозившую нравственному облику Царской семьи, и вмѣстѣ съ этимъ и всей странѣ. Сожалѣлъ — потому что чувствовалъ, что всѣ старанія ихъ будутъ напрасны, такъ какъ началомъ ихъ искреннихъ переживаній была все та же клевета, та же сплетня, тотъ-же вымыселъ — люди мучились и волновались тѣмъ, чего не было въ дѣйствительности: Распутинъ не правилъ вмѣсто Царя государствомъ, Императрица не была «нѣмкой», не была измѣнницей, не могла вліять тлетворно, не вдохновляла какую-то «нѣмецкую» партію и «никакого переворота въ свою пользу» не замышляла.

Эти люди, искренніе и хорошіе, хотѣли спасать положеніе и стремились увѣрить Правителя, что вовсе не онъ, а «мужикъ» управляетъ

страною. Они думали, что могутъ убѣдить любящаго мужа, что его жена является злымъ геніемъ страны, измѣняетъ ему, какъ супругу и какъ Государю. А онъ не только зналъ, но и чувствовалъ, что ея сердце любитъ такъ-же безпредѣльно все русское, какъ и онъ самъ и не менѣе искренно, чѣмъ онъ, страдаетъ отъ всѣхъ неурядицъ.

Его хотѣли заставить уважать общественное мнѣніе, сдѣлать этому мнѣнію уступку и забывали, что тогдашнее общественное мнѣніе такъ мелочно и грубо, а главное такъ предвзято касавшееся его, онъ уважать, конечно, не могъ. Они были убѣждены, что онъ ничего не знаетъ и стремились открыть «слѣпцу» глаза — а онъ все зналъ, все чувствовалъ, все понималъ, такъ какъ всѣ слухи и до него доходили и лишь брезгливо не хотѣлъ смотрѣть чужими глазами на свою собственную интимную жизнь, которую лучше другихъ и понималъ и оцѣнивалъ.

Государя упрекали въ слабости и возмущались, когда онъ выказывалъ твердость, которую называли преступнымъ упрямствомъ лишь потому, что она не соотвѣтствовало тогдашнимъ желаніямъ «всѣхъ».

Ему предъявляли требованія отъ имени всенародныхъ избранниковъ, а онъ чувствовалъ и отчасти зналъ, что двѣ трети его подданныхъ объ этихъ требованіяхъ не только мало знаютъ, ихъ не понимаютъ, но и всякое уменьшеніе его власти будутъ считать преступленіемъ по отношенію къ нему и къ народу.

Его, отвѣтственнаго передъ Богомъ и людьми, считали окруженнымъ темными силами, и онъ, сначала съ болью въ душѣ, а потомъ съ невольнымъ раздраженіемъ, ясно видѣлъ, что эти темныя безотвѣтственныя силы, наоборотъ, овладѣвали сознаніемъ другихъ.

Онъ хотѣлъ быть искреннимъ и, ненавидя всякую распрю, шелъ искренно съ открытой душою на соприкосновеніе со своими оскорбителями, забывая и поношенія и нападки.

При своемъ посѣщеніи Думы, онъ просилъ забыть всѣ политическія разногласія, соединиться въ общихъ усиліяхъ на благо родины и продолжалъ видѣть, что ничто, даже мелкое не забывается и что общія усилія, благодаря страстямъ, все такъ же далеки отъ блага родины, и все по прежнему, ведутъ недостойными путями къ ея разрушенію.

Онъ силился понять свою любимую и непонятную для многихъ страну, вѣрилъ въ ея особенный складъ, въ ея особенное призваніе, гордился ею, оберегалъ ея достоинство и, стоя на верху, вдали отъ всякихъ дрязгъ, думалъ, что ему виднѣе ея дѣйствительныя потребности.

Но онъ также и чувствовалъ, что тогдашнее общество не только

не понимало его, но и не хотѣло понять, не вѣрило ему и не любило его.

И я оглядывался кругомъ, останавливаясь мысленно на извѣстныхъ мнѣ условіяхъ тогдашней, какъ городской, такъ и сельской жизни...

Не смотря на тягости небывалой войны, жизнь въ странѣ не замирала, и у насъ и тогда было меньше острой нужды, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ единоличнаго правителя не было.

Рабочіе, купцы, фабриканты не могли жаловаться на отсутствіе заработка. Деревнѣ жилось не хуже, чѣмъ до войны. Несмотря на недостатокъ рабочихъ рукъ, поля были всѣ засѣяны, не плохой, даже хорошій урожай, былъ во время собранъ. Ученымъ, писателямъ, художникамъ, мыслителямъ никто не препятствовалъ работать на пользу науки и человѣчества, а ученикамъ учиться тому, къ чему они чувствовали призваніе.

Человѣческая мысль не была загнана въ подземелье, и слова величайшей христіанской истины, почти единственно необходимыя людямъ, могли свободно раздаваться съ церковныхъ амвоновъ и также свободно распространяться среди всѣхъ людей.

Страна наглядно, даже при чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени могла продолжать развиваться и не умалять уже достигнутаго ранѣе величія.

Военное счастье, по всѣмъ даннымъ, должно было вскорѣ повернуться въ нашу сторону. Вся необходимая подготовка къ тому-же заканчивалась, а упорный врагъ, чувствовалось, начиналъ уже изнемогать отъ своихъ внутреннихъ затрудненій.

Басня о намѣреніи заключить отдѣльный, позорный миръ съ германцами уже была къ тому времени опровергнута. Еще звенѣли въ ушахъ всѣхъ слова Государя, съ такою убѣдительной искренностью сказанныя имъ войскамъ на фронтѣ (въ Замирьѣ) при недавнемъ ихъ посѣщеніи. Эти слова я лично слышалъ, находясь непосредственно рядомъ съ Государемъ, я видѣлъ взволнованное при этомъ его лицо и самъ былъ охваченъ искренностью того чувства, которое заставляло Государя произносить его полную убѣжденія рѣчь.

Правитель Россіи наглядно для всѣхъ оберегалъ достоинство страны и самъ съ достоинствомъ и съ крѣпкой вѣрой защищалъ ея имя отъ всякихъ посягательствъ.

За что-же его тогдашняя общественность такъ не любила, такъ упорно отказывалась вѣрить въ искренность его словъ и благородство

его стремленій и не шла навстрѣчу его убѣдительнымъ и безкорыстнымъ призывамъ? — не переставалъ я задавать самъ себѣ недоумѣнные вопросы. Неужели только потому, что его не знаютъ и, благодаря его положенію, дѣйствительно не могутъ близко и хорошо знать. Конечно нѣтъ, не въ этомъ кроется причина — думалъ я.

Вѣдь сто двадцать милліоновъ русскихъ людей тоже его лично не знаютъ и тѣмъ не менѣе, не смотря на нападки интеллигенціи, и другихъ тридцати пяти милліоновъ, не перестаютъ окружать своего Царя той наивной любовной вѣрой, которая невольно бросалась мнѣ въ глаза, при моихъ частыхъ поѣздкахъ и по фронту и въ тылу по разнымъ глухимъ угламъ необъятной родины.

Да и для «общественности», для «мозга» страны онъ не былъ прикрытъ непреодолимой стѣною. Онъ стоялъ слишкомъ на виду у всѣхъ, съ слишкомъ многими ему приходилось соприкасаться. За его долгое правленіе не знать его хоть немного — было нельзя, и отсутствіе пріемовъ, баловъ и т. п. не могло мѣшать этому. Его вѣроятно и знали ближе и лучше, чѣмъ любого общественнаго дѣятеля или любого Министра, смѣнявшихся какъ въ калейдоскопѣ.

Но, если его знали, то могли его хоть немного и понять, а, понявъ — полюбить, оцѣнить и въ минуту нужды сплотиться вокругъ него, какъ не разъ сплачивалась Русь вокругъ своего Государя.

Я перебиралъ въ мысляхъ безчисленные историческіе примѣры этого рода, останавливался на нравственныхъ, человѣческихъ обликахъ нашихъ прежнихъ правителей и неизмѣнно, съ полнымъ безпристрастіемъ, считалъ Императора Александра III и моего Государя Николая Александровича самыми лучшими и наиболѣе нравственными изъ всѣхъ. Вокругъ нашего, русскаго изъ русскихъ, Царя не только было должно, но было и можно, легко и съ порывомъ искренняго чувства объединиться, забыть всякіе раздоры и не начинать новыхъ.

И было время и еще такъ недавно, когда вокругъ него дѣйствительно и объединялись. Еще два года назадъ, при началѣ войны, даже послѣ яростныхъ нападокъ 1905 года, послѣ «жестокихъ разочарованій въ дарованіи свободъ», его восторженно встрѣчали, передъ нимъ становились на колѣни, къ нему неслись благословенія, его призывы воспринимались съ патріотическимъ воодушевленіемъ.

Это было тогда. А теперь? Что измѣнилось? Развѣ не остался онъ тѣмъ же, какимъ былъ и два года назадъ, съ тѣми-же качествами и съ тѣми-же недостатками, въ глазахъ другихъ, съ тѣми-же ставившимися ему и тогда въ вину привходящими домашними обстоятельствами.

Тогда ничего не замѣчалось, — теперь кто и какой вздоръ о немъ не говоритъ!

Почему люди, зная давно, что и на солнце бываютъ пятна, только теперь вдругъ вообразили, что изъ за этого оно уже перестаетъ грѣть и способствовать проявленію жизни?

Если онъ не измѣнился, то значитъ измѣнилась окружающая среда. Я зналъ, что общественное мнѣніе измѣнчиво, что истинныя причины настроенія толпы почти неуловимы, и все-же силился найти объясненіе психологіи той части русскихъ людей, которая тогда особенно негодовала.

Быть можетъ причиной являлось разочарованіе, усталость отъ затягивавшейся безмѣрно войной. Конечно, все это было, но было лишь отчасти. Надежда на хорошій конецъ не была потеряна, и моей родинѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ не разъ приходилось уставать отъ затяжныхъ и неудачныхъ войнъ, и выходить побѣдительницей при худшихъ условіяхъ и еще большемъ разладѣ, чѣмъ теперь.

Непосредственные дѣятели войны, солдаты, этотъ сколокъ съ націи, въ общей массѣ еще не устали защищать на фронтѣ свою родину и даже идущія имъ на поддержку запасныя части, квартировавшія въ волновавшемся Петроградѣ, относились къ появленію Государя восторженно и искренне отзывались на его призывъ напречь всѣ силы до недалекаго побѣднаго конца.

Прошло пять долгихъ лѣтъ и до сихъ поръ я вспоминаю съ волнующимъ чувствомъ этотъ послѣдній Высочайшій смотръ запасныхъ гвардейскихъ и армейскихъ частей, на Марсовомъ полѣ, въ Петроградѣ. До сихъ поръ я слышу эти, никогда ранѣе съ такимъ воодушевленіемъ, съ такою силою, съ такимъ громомъ не раздававшіеся на привѣтствіе Государя отвѣтные клики и «ура».

Онъ ѣхалъ, какъ обыкновенно, медленно и спокойно по фронту, какъ всегда пытливо, съ любовью всматриваясь въ солдатскія лица, ласково и довѣрчиво улыбаясь на ихъ столь искренній порывъ. Императрица и Наслѣдникъ слѣдовали за нимъ.

Я видѣлъ, что и на нихъ устремлялись не одни только любопытные взоры, что и ихъ провожали тѣ же громкіе, неподогрѣтые приказомъ начальства клики, то же искреннее воодушевленіе.

Я не знаю, что я тогда записалъ въ свой дневникъ, но я чувствую и теперь, какъ отрадно было сознавать себя тогда русскимъ, какой надеждой были проникнуты мои мысли, какъ я вѣрилъ въ тѣ часы, въ

неизмѣнное неподдающееся никакимъ искушеніямъ величіе и благородство моей родины.

Объ этихъ кликахъ, объ этомъ воодушевленіи вспоминалъ я и потомъ, всего черезъ нѣсколько короткихъ мѣсяцевъ, въ мучительномъ разочарованіи, въ несчастный пасмурный февральскій день, въ Ставкѣ, когда мнѣ пришлось докладывать Государю телеграммы о бунтѣ этихъ же самыхъ запасныхъ частей. Вспоминалъ о нихъ невольно, затѣмъ и въ Псковѣ въ началѣ проклятаго марта, когда все уже совершилось, когда не о чемъ было уже думать, и казалось бы, не о чемъ было и вспоминать.

Быть можетъ вспоминалъ о нихъ и самъ Государь, когда въ мучительномъ раздумьи, въ своемъ купэ, въ Императорскомъ поѣздѣ, принималъ роковое не только для него, но и для всей Россіи рѣшеніе.

Не казалось ли ему, въ виду такой измѣнчивости, болѣе убѣдительными и доводы его Главнокомандующихъ, что войска уже настроены противъ него, или быть можетъ, наоборотъ, мелькнула у него другая, менѣе безотрадная мысль, что одно его появленіе можетъ заставить иначе биться солдатское сердце и что настоящій откликъ страны онъ найдетъ не въ телеграммахъ предсѣдателя «Русской» Думы и своихъ генералъ адъютантовъ, а на фронтѣ, среди нелукаво мудрствующихъ и имъ такъ любимыхъ за это русскихъ людей...

Къ мысли этой онъ навѣрно возвращался не разъ — онъ вѣдь такъ вѣрилъ въ любовь простого русскаго народа къ своему Царю и столько разъ чувствовалъ неподдѣльныя тому доказательства. Она могла быть вѣрной и, пожалуй, единственно соотвѣтствовала тогдашней предательской обстановкѣ. Выходъ изъ той западни, куда сплетня завлекла вмѣстѣ съ нимъ и весь русскій народъ, былъ нелегокъ, конечно, но все же былъ.

Отчего-же онъ не попытался пойти къ этому выходу?!...

Но объ этомъ потомъ. До того времени сознаніе тяготили другіе вопросы. Я не вѣрилъ, какъ уже сказалъ, чтобы революція вспыхнула во время войны. Явныхъ, естественныхъ обстоятельствъ, побудившихъ къ ней, по моему пониманію, не было, да и инстинктъ самосохраненія долженъ былъ подсказывать обратное, даже самымъ горячимъ головамъ. Но я чувствовалъ, что желаніе «сдѣлать переворотъ» можетъ легко превратиться въ дѣйствіе не теперь, а при неудачномъ окончаніи войны.

Мысль о необходимости переворота высказывалась однако, открыто, даже въ средѣ наименѣе, казалось-бы, воспріимчивой для по-

добныхъ внушеній. Вспоминаю, съ какимъ гадливымъ чувствомъ пришлось выслушать въ началѣ января 1917 года разсказъ о томъ, какъ молодой безусый корнетъ Гвардейской кавалеріи изъ семьи, всецѣло обязанной Государю, воспитывавшійся на его счетъ и получавшій отъ него ежегодно пособіе для службы въ полку, хвастливо, съ полнымъ самодовольствомъ говорилъ: «Вотъ, мы вернемся съ войны, наведемъ порядки и устроимъ переворотъ».

Но, если какое-то чувство подсказывало даже безпечнымъ корнетамъ, что игру въ революцію и наведеніе имъ извѣстнаго порядка надо было отложить до конца войны, то это же чувство видимо молчало у вдумчивыхъ профессоровъ исторіи, бросившихъ во время войны на всю страну обвиненія въ измѣнѣ, свившій якобы гнѣздо въ семьѣ Верховнаго Главнокомандующаго русской арміи, Царя всея Россіи.

Было, значитъ, что-то высшее, болѣе властное, что охватывало этихъ людей и заставляло ихъ забывать все, когда они произносили «свои Думскія рѣчи». Чувствомъ безпредѣльной любви къ родинѣ объяснялись ихъ слова, но почему меня, не менѣе безпредѣльно и горячо любившаго родину чѣмъ общественные дѣятели, эти же самыя слова наполняли такимъ негодованіемъ, доходившимъ до ненависти, и казались мнѣ преступными и безчестными. Почему насъ не соединяло, а, наоборотъ, такъ рѣзко разъединяло одно и то-же чуство одинаково властно, казалось бы, владѣвшее нами.

Вѣроятно потому, что я видѣлъ и чувствовалъ одно, имъ дано было видѣть и чувствовать другое.

Мы были одинаково сильно убѣждены, но свое убѣжденіе черпали изъ разныхъ источниковъ. Мнѣ нужны были ясныя доказательства и они у меня были — я черпалъ ихъ не только изъ фактовъ, но и изъ сознанія, что Русскаго изъ Русскихъ и по убѣжденію и по положенію, даже врагъ, при всемъ желаніи, не могъ обвинить въ измѣнѣ Россіи — они довольствовались лишь собственными предположеніями или болтовней далекой, иностранной печати и на нихъ строили свои громогласныя обвиненія. У нихъ, быть можетъ, и была любовь къ родинѣ, но не было искреннихъ, благородныхъ стремленій къ правдѣ, къ безпристрастью, къ политической честности, безъ которыхъ и любовь къ родинѣ являлась пустымъ звукомъ. Правда этихъ самозванныхъ строгихъ судей подкрѣплялась сплетнями, ихъ безпристрастіе видимо основывалось на собственныхъ желаніяхъ, ихъ честность мирилась съ клеветою.

Обвинителями на этомъ судѣ были все тѣ-же неопредѣленные

слухи, та-же сплетня, та-же клевета. Они-же были и тѣми «неоспоримыми доказательствами», которыя не нуждались въ провѣркѣ.

Если Французскую революцію, по рѣзкимъ словамъ Наполеона, хорошо знавшаго свой народъ, «сдѣлало когда-то честолюбіе», то нашу будущую великую русскую революцію, если она когда-либо будетъ — думалъ я — сдѣлаетъ, конечно, не это чувство и даже не «священный гнѣвъ народа», а все та-же, хотя и властная, но мелкая и грязная сплетня, съ ея неизбѣжнымъ, не менѣе грязнымъ спутникомъ — клеветою.

Я не думалъ, что мои горькія разсужденія окажутся пророческими для недалекаго будущаго. Но логически, другого болѣе достойнаго и непосредственнаго возбудителя я въ тогдашніе мѣсяцы не находилъ. Не нахожу его и теперь послѣ долгаго раздумія о всемъ совершившемся.

Такова была въ моихъ глазахъ обстановка начала позорныхъ событій, разрушившихъ на долго мою родину и отнявшихъ отъ меня все то дорогое, священное и любимое, съ чѣмъ была связана моя жизнь послѣднихъ годовъ.

Эти дни еще свѣжи въ моей памяти. Я въ нихъ вступалъ тогда съ мыслями, вѣрованіями и наблюденіями, изложенными выше и тѣмъ неожиданнѣе и больнѣе обрушились они на меня...

Постараюсь передать ихъ подробнѣе, по днямъ...

Во вторникъ, 21 февраля 1917 года, вечеромъ, находясь у себя дома, въ Гатчинскомъ Дворцѣ, я получилъ увѣдомленіе отъ командующаго Императорской главной квартирой, графа Фредерикса, что согласно Высочайшему повелѣнію, я назначенъ сопровождать Государя въ путешествіи въ Ставку для несенія дежурства при Его Императорскомъ Величествѣ. Отбытіе Императорскаго поѣзда изъ Царскаго Села было назначено около трехъ часовъ дня, въ среду 22 февраля.

Это увѣдомленіе явилось нѣсколько неожиданнымъ. Я наканунѣ только что вернулся изъ Царскаго Села съ дежурства по военно походной канцеляріи, и тогда еще не было никакихъ разговоровъ объ отъѣздѣ. Внутреннее политическое положеніе было въ тѣ дни особенно бурно и сложно, въ виду чего Государь всѣ Рождественскіе праздники, весь январь и большую часть февраля находился въ Царскомъ Селѣ и медлилъ съ отбытіемъ въ Ставку.

Отчасти Государя удерживала и болѣзнь Наслѣдника и Великихъ Княженъ, заболѣвшихъ корью, положеніе которыхъ вызывало большую тревогу. Этой болѣзнью Алексѣй Николаевичъ заразился отъ одного изъ товарищей его дѣтскихъ игръ въ Ставкѣ. Ихъ было двое, случайно встрѣченныхъ во время прогулокъ въ Могилевѣ: одинъ кадетъ Орловскаго, другой, кажется, Псковскаго или Полтавскаго корпусовъ. Очень милые, скромные мальчики, полусироты, дѣти очень бѣдныхъ матерей, они были переведены затѣмъ въ Петроградскіе корпуса, изрѣдка навѣщали Алексѣя Николаевича, полюбившаго ихъ, и во время минувшихъ Рождественскихъ праздниковъ занесли корь изъ своего корпуса и во Дворецъ. У Великихъ Княженъ болѣзнь, хотя и въ тяжелой формѣ, протекала нормально, но хрупкое здоровье Алексѣя Николаевича очень заботило Ихъ Величества и не предвѣщало близкаго улучшенія.

Для меня лично, этотъ мало предвидѣнный и такой скорый отъѣздъ, оказался особенно сложнымъ. Я только что наканунѣ получилъ телеграмму, что мой большой усадебный домъ, съ которымъ были связаны самые лучшіе годы дѣтской и юношеской жизни, сгорѣлъ до основанія, а съ нимъ погибли не только памятная обстановка, но и большая часть моего скромнаго состоянія.

Я наскоро сдѣлалъ необходимыя распоряженія, простился съ взволнованной женой и съ тяжелымъ чувствомъ выѣхалъ изъ Гатчины утромъ 22 февраля. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ и преданный нашей семьѣ дворцовый лакей, добродушный старикъ ворчунъ В. А. Лукзенъ, всегда сопровождавшій меня въ различныхъ поѣздкахъ и служившій еще отцу моей жены.

Я пріѣхалъ въ Царское Село около 12 часовъ, переодѣлся въ служебную форму и пошелъ завтракать въ сосѣднее помѣщеніе, къ товарищу по службѣ, флигель - адъютанту Денъ, помощнику начальника Военно-Походной Канцеляріи. Кромѣ самого хозяина и Киры Нарышкина я засталъ тамъ и жену Дена, Софью Владиміровну, рожденную Шереметеву. Завтракъ прошелъ въ очень тягостномъ настроеніи, въ какомъ мы находились всѣ за послѣднее время. Всѣмъ хотѣлось больше думать, чѣмъ говорить, а тогдашнія злобы дня не могли сдѣлать разговоръ для меня очень занимательнымъ. Вспоминаю только, что пребываніе въ Ставкѣ предполагалось непродолжительнымъ и намѣчалось скорое возвращеніе, о чемъ я и поспѣшилъ извѣстить по телефону жену, упрашивая ее не волноваться о сгорѣвшемъ домѣ и отложить всѣ распоряженія до моего возвращенія.

Около трехъ часовъ, мы съ Нарышкинымъ, поѣхали въ Царскій

павильонъ, гдѣ уже собрались для проводовъ всѣ обычныя въ этихъ случаяхъ лица.

Вскорѣ прибыли Ихъ Величества. Государь обошелъ всѣхъ собравшихся, простился въ своемъ вагонѣ съ Императрицей, мы вошли въ поѣздъ и онъ незамѣтно тронулся въ путь.

Въ эту послѣднюю поѣздку Государя сопровождали:

Министръ Двора, графъ Фредериксъ, флагъ-капитанъ Его Величества, адмиралъ К. Д. Нилов, Дворцовый комендантъ В. Н. Воейковъ, гофмаршалъ, князь В. А. Долгоруковъ, командиръ конвоя, графъ А. Н. Граббе, лейбъ хирургъ, профессоръ С. П. Федоровъ, начальникъ военно - походной канцеляріи К. А. Нарышкинъ и дежурные флигель адъютанты герцогъ Н. Н. Лейхтенбергскій и я. Комендантомъ Императорскаго поѣзда былъ начальникъ Дворцовой полиціи полковникъ Герарди, помѣщавшійся въ служебномъ вагонѣ вмѣстѣ съ начальникомъ Императорскихъ поѣздовъ, инженеромъ Ежевымъ.

Въ другомъ, служебномъ, почему-то называемомъ «свитскимъ», поѣздѣ, слѣдовавшемъ обыкновенно въ часовомъ разстояніи отъ Императорскаго, насколько я помню, находились: ген. Цабель, командиръ желѣзнодорожнаго полка, баронъ Штакельбергъ, чиновникъ канцеляріи Министерства Двора, генералъ Дубенскій*) описывавшій, въ издаваемыхъ періодически книжкахъ, пребываніе Государя въ дѣйствующей арміи, чиновникъ гофмаршальской части Сусловъ и находившіеся въ нарядѣ офицеры собственнаго Его Величества полка, конвоя Государя, и желѣзнодорожнаго батальона.

Потянулась обычная въ нашихъ путешествіяхъ жизнь, столь мнѣ знакомая и привычная за послѣдніе годы.

Императорскій поѣздъ былъ невеликъ. Онъ состоялъ въ центрѣ изъ вагона Его Величества, гдѣ находились спальня и кабинетъ Государя; рядомъ съ этимъ вагономъ былъ, съ одной стороны, нашъ свитскій вагонъ изъ восьми отдѣленій, а съ другой вагонъ столовая, съ отдѣленіемъ салона для пріемовъ. Далѣе шла кухня съ буфетомъ, вагонъ, гдѣ помѣщалась военно-походная канцелярія, и послѣдній служебный вагонъ, гдѣ помѣщались желѣзнодорожные инженеры и начальникъ той дороги, по которой приходилось слѣдовать поѣзду.

Время въ путешествіяхъ, если не было смотровъ и пріемовъ, распредѣлялось обыкновенно, какъ и дома, слѣдующимъ образомъ: завтракъ въ часъ дня, обѣдъ въ восемъ часовъ, дневной чай въ пять

---

*) Записки Д. Н. Дубенскаго — см. Русская Лѣтопись, книга III.

часовъ, вечерній около одиннадцати. Государь вставалъ рано, но выходилъ въ столовую не раньше девяти или девяти съ половиною часовъ. Лица свиты къ утреннему брекфасту появлялись въ разное время; нѣкоторые изъ насъ пили утромъ кофе у себя въ купэ, но всѣ неизмѣнно собирались вмѣстѣ къ обѣду, завтраку и дневному чаю. Къ Высочайшему обѣду, кромѣ лицъ свиты, приглашались всегда начальникъ Императорскаго поѣзда и начальникъ дороги.

Обѣдъ бывалъ всегда очень окромный, непродолжительный и состоялъ изъ трехъ блюдъ, какъ и въ Ставкѣ, гдѣ, даже несмотря на пріемы «знатныхъ иностранцевъ», изрѣдка наѣзжавшихъ въ Могилевъ, ничего не прибавлялось лишняго. Вопреки кѣмъ-то пущеннымъ слухамъ, вина Государь совершенно не любилъ и выпивалъ иногда у себя за обѣдомъ лишь одну небольшую рюмку портвейна, довольствуясь большею частью превосходнымъ сухарнымъ квасомъ.

Вставъ изъ за стола, Государь немедленно удалялся въ свой вагонъ, гдѣ продолжалъ заниматься дѣлами. Иногда, на какой-нибудь продолжительной остановкѣ, Государь выходилъ съ противоположной стороны отъ платформы для небольшой прогулки. Его всегда сопровождали дежурный флигель адъютантъ, ординарецъ-урядникъ конвоя и кто-нибудь изъ лицъ свиты, вышедшихъ также подышать свѣжимъ воздухомъ. Иногда вечеромъ, когда не было очереднаго фельдъегеря съ бумагами, передъ вечернимъ чаемъ, Его Величество, закончивъ текущія дѣла, предлагалъ сыграть двѣ три партіи въ домино. Обычными партнерами Государя при этомъ бывали : адмиралъ Ниловъ, графъ Граббе и я.

Во время движенія, въ поѣздѣ получались на имя Его Величества агентскія телеграммы, и Государь обыкновенно просматривалъ ихъ за утреннимъ, дневнымъ и вечернимъ чаемъ, передавая ихъ затѣмъ для прочтенія и намъ. Тутъ завязывались всегда очень оживленныя бесѣды на извѣстія со всего міра, въ которыхъ войнѣ было отводимо главное мѣсто.

Вопросовъ о нашей внутренней политикѣ и «злобахъ дня» Государь видимо избѣгалъ касаться. Чувствовалось, что это было отнюдь не изъ за недовѣрія къ намъ, а лишь невольное нежеланіе Его Величества касаться въ рѣдкія минуты отдыха того, о чемъ ему и безъ того часами и днями приходилось мучительно думать одному и говорить съ многочисленными правительственными лицами во время докладовъ и пріемовъ.

Въ эту поѣздку Государь, какъ всегда, былъ спокоенъ и ровенъ, но

что-то озабоченное, порою очень грустное, на мгновеніе появлялось на его лицѣ и опять исчезало...

На другой день, въ четвергъ, 23 февраля, поѣздъ подошелъ къ Могилеву. На платформѣ обычная встрѣча изъ начальниковъ отдѣловъ въ Ставкѣ во главѣ съ генераломъ Алексѣевымъ — начальникомъ штаба, только что вернувшимся послѣ болѣзни изъ Крыма.

Государь обошелъ всѣхъ собравшихся, а затѣмъ въ автомобилѣ, вмѣстѣ съ графомъ Фредериксомъ проѣхалъ въ губернаторскій домъ — «дворецъ» какъ его называли.

Въ тотъ день я не былъ дежурнымъ и направился прямо въ свою гостинницу «Франція», которая была снята Гофмаршальской частью подъ помѣщеніе для лицъ свиты.

Въ четвергъ, пятницу, субботу и воскресенье потянулась обычная однообразная жизнь въ Могилевѣ, гдѣ одинъ день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды.

Въ Ставкѣ Государь жилъ въ довольно неуютномъ губернаторскомъ домѣ, въ которомъ наверху занималъ двѣ комнаты: одна служила кабинетомъ, другая спальней, гдѣ, вмѣстѣ съ походной кроватью Государя стояла такая-же походная кровать для Наслѣдника, на которой онъ спалъ во время своихъ частыхъ пребываній въ Могилевѣ. Рядомъ съ кабинетомъ находилась пустынная пріемная зала и столовая, а низъ дома занимала часть свиты.

Неизмѣнно въ десять часовъ утра, послѣ утренняго чая, къ которому постепенно собиралась вся ближайшая свита, Государь направлялся пѣшкомъ, въ сопровожденіи дежурнаго флигель адъютанта и Дворцоваго коменданта въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ и занимался съ генераломъ Алексѣевымъ до завтрака, который былъ въ часъ дня, и къ которому, какъ и къ обѣду въ семь съ половиною часовъ вечера, приглашались всѣ начальники иностранныхъ военныхъ миссій и, по очереди, начальники разныхъ отдѣловъ Ставки, а также и пріѣзжавшіе въ Могилевъ съ докладомъ Министры и чины фронта.

Послѣ завтрака Государь занимался у себя въ кабинетѣ, подготовляя необходимыя бумаги для отправки съ отъѣзжавшимъ фельдъ егеремъ, а затѣмъ до дневного чая Его Величество и желающіе изъ свиты выѣзжали за городъ на автомобиляхъ и дѣлали нѣсколько верстъ прогулки пѣшкомъ, всегда быстрымъ шагомъ, и возвращались къ короткому дневному чаю, послѣ котораго Государь снова направлялся въ кабинетъ для работы или принималъ доклады разныхъ лицъ, прибывавшихъ изъ Петрограда или съ фронта.

Я не помню, чтобы въ эти предпослѣдніе дни кто-либо изъ Министровъ или общественныхъ дѣятелей пріѣзжалъ въ Могилевъ. Настроеніе въ Ставкѣ, обыкновенно болѣе бодрое и серьезное, болѣе «разное» чѣмъ въ столичномъ тылу, въ эти дни мало отличалось отъ угнетеннаго Петроградскаго.

Мнѣ удалось лишь мелькомъ видѣть генерала Алексѣева и сказать съ нимъ нѣсколько незначительныхъ фразъ.

Скромный до застѣнчивости, мало разговорчивый всегда, онъ былъ на этотъ разъ особенно замкнутый и ушедшій въ себя. Видимо, онъ еще далеко не оправился отъ болѣзни, страдалъ очень сильно отъ нея, хотя и бодрился и не бросалъ даже мелочной работы, которая поглощала все его свободное время.

Съ остальными чинами Ставки меня и не тянуло говорить въ эти дни — я зналъ заранѣе, къ какимъ сѣтованіямъ сведутся разговоры и на какія сплетни будутъ осторожно, но настойчиво намекать.

Генерала Алексѣева я, хотя зналъ и давно — еще молодымъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ, только что окончившимъ Академію — но все же зналъ очень мало, почти не зналъ совсѣмъ.

Я его тогда-же потерялъ изъ виду и встрѣтился съ нимъ мелькомъ лишь какъ съ главнокомандующимъ Западнаго фронта, въ Барановичахъ.

Онъ и черезъ 26 лѣтъ остался тѣмъ-же скромнымъ, застѣнчивымъ человѣкомъ, далекимъ отъ карьеризма и, какъ мнѣ казалось, сплетенъ и къ которому я чувствовалъ поэтому невольную симпатію.

Эти основные качества его натуры были, по моему, очень схожи съ простотою и замкнутымъ-же скромнымъ, стѣсняющимся характеромъ Государя, и я убѣжденъ, по многимъ признакамъ, что Его Величество относился къ генералу Алексѣеву съ большей симпатіей и любовью, чѣмъ къ другимъ, не обладавшимъ такими чертами характера.

Понималъ-ли генералъ Алексѣевъ Государя настолько, чтобы любить его какъ человѣка, былъ-ли преданъ ему, какъ настоящій русскій своему настоящему Русскому Царю — вотъ тѣ вопросы, которые я задавалъ себѣ неоднократно тогда и потомъ и какъ тогда, такъ и потомъ вплоть до настоящаго времени, не могъ себѣ съ достаточной ясностью на нихъ отвѣтить.

Многое, а послѣ отреченія и, судя по искреннимъ разсказамъ его семьи — очень многое мнѣ говорило «да», но всегда съ неизмѣнной во

мнѣ приѣавкою «вѣроятно, недостаточно крѣпко, хотя-бы до забвенія сплетенъ».

Генералъ Борисовъ, близкій другъ М. В. Алексѣева, въ частныхъ разговорахъ со мною уже послѣ отреченія, неоднократно выражалъ сожалѣніе, что Государь «не сумѣлъ съ достаточной силой привязать къ себѣ Михаила Васильевича и мало оказывалъ ему особеннаго вниманія, недостаточно выдѣляя его, якобы, изъ другихъ». «Тогда все было-бы, конечно, иначе» неизмѣнно, съ полнымъ убѣжденіемъ, доказывалъ мнѣ Борисовъ.

Я не думаю, чтобы это было такъ.

Генералъ Алексѣевъ, по свойству своего характера, ничего, навѣрное, показного не требовалъ и тѣмъ менѣе домогался. Онъ даже отказывался отъ званія генералъ-адъютанта, говоря графу Фредериксу, «что такой милости пока еще не заслужилъ».

Хотя, кто его знаетъ, человѣческая натура въ общемъ странная вещь. Суворовъ, Кутузовъ и другіе русскіе и иностранные полководцы, стоя даже на верху славы, были очень чувствительны къ тому человѣческому недостатку и, быть можетъ, въ глубинѣ души и Алексѣеву такія, кажущіяся, безразличіе и «сравненіе съ другими» и были непріятны.

Вспоминаю одинъ вечеръ, передъ Пасхальной заутреней 1916 года, когда Государь потребовалъ изъ военно - походной канцеляріи генералъ-адъютантскіе погоны и аксельбанты и направился вмѣстѣ со мною, бывшимъ дежурнымъ флигель - адъютантомъ, въ помѣщеніе генерала Алексѣева, чтобы лично сообщить ему о пожалованіи его своимъ генералъ - адъютантомъ. Его Величество довольно долго оставался въ комнатѣ своего начальника штаба и вышелъ оттуда довольно взволнованный.

Чтобы скрыть свое волненіе, Государь не сразу вернулся въ ярко освѣщенный губернаторскій домъ, а выйдя во дворъ штаба, гдѣ былъ маленькій садикъ, предложилъ прогуляться. Въ садикѣ было пустынно и темно; мы сдѣлали молча нѣсколько круговъ, волненіе Государя, я чувствовалъ, уже начало проходить. «Что Ваше Величество» — спросилъ я — «генералъ Алексѣевъ былъ очень доволенъ?». «Удивительно милый и скромный человѣкъ» — отвѣтилъ только съ искренней теплотой Государь и опять задумался.

Все-же нельзя сказать, чтобы къ генералу Алексѣеву въ тѣ тяжелые и смутные дни, свита, находившаяся въ Ставкѣ, относилась съ безусловнымъ довѣріемъ и надеждой.

Что-то очень неопредѣленное, хотя и совершенно неподозрительное, заставляло большинство изъ насъ желать постоянной, а не временной лишь въ виду болѣзни генерала Алексѣева, замѣны его генераломъ Гурко, обладавшимъ, по нашему разумѣнію, болѣе рѣшительными качествами характера и болѣе прочно сложившимися традиціями, чѣмъ генералъ Алексѣевъ, нуждавшійся къ тому-же въ продолжительномъ отдыхѣ.

Желаніе это высказывалось неоднократно въ нашихъ интимныхъ бесѣдахъ за послѣдніе мѣсяцы, было, конечно, совершенно далекимъ даже отъ намека на какую-либо интригу и осталось въ числѣ тѣхъ многихъ платоническихъ пожеланій, которыми мы иногда себя тѣшили въ тѣ дни.

Въ субботу 25 февраля была наша послѣдняя продолжительная прогулка съ Государемъ по живописному Могилевскому шоссе къ часовнѣ, выстроенной въ память сраженія въ 1812 году, бывшаго между нашими и Наполеоновскими войсками.

Былъ очень морозный день, съ сильнымъ леденящимъ вѣтромъ, но Государь, по обыкновенію, былъ лишь въ одной защитной рубашкѣ, какъ и всѣ мы, его сопровождавшіе. Его Величество былъ спокоенъ и ровенъ, какъ всегда, хотя и очень задумчивъ, какъ все послѣднее время. На встрѣчу намъ попадалось много людей, ѣхавшихъ въ городъ и съ любопытнымъ недоумѣніемъ смотрѣвшихъ на насъ. Помню, что, не смотря на вьюгу, Государь остановился около одной крестьянской семьи и съ ласковой, доброй улыбкой поговорилъ съ ними, разспрашивая, куда они идутъ и какъ живутъ. Помню, что во время этой прогулки Его Величество сообщилъ мнѣ, что получилъ печальное извѣстіе о томъ, что Великая Княжна Анастасія Николаевна заболѣла корью и что теперь изъ всей семьи только Марія Николаевна еще на ногахъ, но что онъ опасается, что и она скоро раздѣлитъ участь своихъ сестеръ.

Вечеромъ въ этотъ день Государь былъ по обыкновенію у всенощной. Въ воскресенье, 26 февраля утромъ, какъ всегда, пѣшкомъ въ сопровожденіи свиты, Его Величество отправился въ штабную церковь къ обѣднѣ и, какъ всегда, большая толпа народа собралась по сторонамъ прохода и на площади, чтобы посмотрѣть на своего Царя.

Я вглядывался въ лица людей, съ искреннимъ любовнымъ чувствомъ слѣдившихъ за Государемъ, крестившихъ издали его путь, и не могъ найти и тогда того «одного лишь простого любопытства согнаннаго полиціей благонадежнаго народа», какъ всегда о подобныхъ случуяхъ любила утверждать наша передовая общественность.

Послѣ церкви Государь пошелъ на занятія въ штабъ, гдѣ оставался очень долго. Прогулки въ этотъ день не было, чѣмъ я воспользовался и прошелъ въ Могилевскую городскую Думу, гдѣ находились портреты Императора Павла работы Боровиковскаго, съ которыхъ я просилъ нашего фотографа Гана снять фотографіи, такъ какъ намѣревался заказать съ этихъ потретовъ копіи, въ замѣнъ сгорѣвшихъ у меня вмѣстѣ съ домомъ такихъ-же точно картинъ Боровиковскаго. Мнѣ этихъ портретовъ было болѣе жаль чѣмъ самого дома, такъ какъ они были единственными въ своемъ родѣ.

Я тогда еще могъ думать о такихъ мелочахъ и даже строить предположенія о близкомъ будущемъ.

Вечеръ этого послѣдняго, относительно спокойнаго для меня, дня прошелъ обычнымъ порядкомъ. Въ виду Воскресенья, постороннихъ докладовъ не было, и послѣ долгаго промежутка, мы — адмиралъ Ниловъ, графъ Граббе и я, по предложенію Его Величества сыграли двѣ партіи въ домино, но Государю, видимо, было не по себѣ и мы вскорѣ разошлись.

Въ понедѣльникъ 27 февраля я былъ дежурнымъ при Его Величествѣ. Утромъ Государь отправился, по обыкновенію, въ штабъ, гдѣ и оставался необычно долго.

Въ ожиданіи выхода Государя отъ генерала Алексѣева, я прошелъ въ одну изъ комнатъ генералъ-квартирмейстерской части, гдѣ встрѣтилъ генерала Лукомскаго, бывшаго тогда генералъ-квартирмейстеромъ въ Ставкѣ.

Онъ былъ, видимо чѣмъ-то очень взволнованъ и удрученъ. На мой вопросъ, «что новаго и что случилось», онъ отвѣтилъ, что «на фронтѣ, слава Богу, ничего худого, но что ночью получилось извѣстіе, что въ Петроградѣ со вчерашняго дня начались сильные безпорядки среди рабочихъ, что толпа громитъ лавки, требуетъ хлѣба и настолько буйствуетъ, что приходится употреблять въ дѣло войска, среди которыхъ много ненадежныхъ».

Генералъ Бѣляевъ, бывшій тогда Военнымъ Министромъ, хотя и успокаиваетъ, что безпорядки будутъ прекращены, но генералъ Хабаловъ, командующій войсками округа, говоритъ другое и проситъ подкрѣпленій, такъ какъ не надѣется на свои запасныя части.

Была получена и телеграмма отъ Родзянки, указывавшаго, что единственная возможность прекратить безпорядки — это немедленное формированіе отвѣтственнаго Министерства.

По имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ то время изъ за снѣжныхъ запо-

совъ Петроградъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ на восемь дней, а войска Сѣвернаго фронта на полъ мѣсяца. Государь оставался долго у генерала Алексѣева и вернулся, опоздавъ къ завтраку озабоченный. Иностранные представители, вѣроятно уже получившіе тревожныя свѣдѣнія, были очень смущены, но, видимо, и они надѣялись, что безпорядки будутъ вскорѣ прекращены. По крайней мѣрѣ, они это высказывали довольно искренно и убѣжденно.

Послѣ завтрака, около двухъ часовъ дня, когда я спускался по лѣстницѣ вмѣстѣ со всѣми приглашенными, чтобы пойти на свободный часъ домой, на нижней площадкѣ меня остановилъ съ крайне озабоченнымъ видомъ, дежурный полковникъ штаба, кажется Гюленбегель, съ открытыми телеграммами въ рукѣ. «Генералъ Алексѣевъ» — обратился онъ ко мнѣ «приказалъ передать лично Вамъ эти телеграммы, и просить Васъ, чтобы Вы лично-же, не передавая никому другому, немедленно-же доложили Его Величеству». На мой вопросъ, что это за телеграммы, полковникъ отвелъ меня въ сторону, къ окну, и сказалъ: «вотъ прочтите сами, что дѣлается въ Петроградѣ. Сейчасъ, когда я уходилъ изъ штаба, я мелькомъ видѣлъ, что получились и еще болѣе ужасныя извѣстія».

Я наскоро, взволнованный, просмотрѣлъ протянутыя мнѣ телеграммы: ихъ было двѣ, одна отъ генерала Бѣляева, другая отъ генерала Хабалова, обѣ на имя начальника штаба для доклада Государю. Въ обѣихъ говорилось почти одно и тоже, что войска отказываются употреблять оружіе и переходятъ на сторону бунтующей черни; что взбунтовались запасные батальоны Гренадерскаго и Волынскаго полковъ, перебили часть своихъ офицеровъ и что волненія охватываютъ и другія части. Они прилагаютъ всѣ усилія, чтобы съ оставшимися немногими вѣрными присягѣ частями подавить бунтующихъ, но что положеніе стало угрожающимъ и необходима немедленная помощь.

«Генералъ Алексѣевъ» — добавилъ мнѣ штабъ офицеръ» — «уже докладывалъ утромъ Его Величеству о серьезности положенія и подкрѣпленія будутъ посланы, но съ каждымъ часомъ положеніе становится все хуже и хуже».

Не буду говорить, что перечувствовалъ я въ эти три-четыре минуты ,читая такія неожиданныя для меня извѣстія, и подымаясь на верхъ къ кабинету Государя. Я постучалъ и вошелъ.

Его Величество стоялъ около своего письменнаго стола и разбиралъ какія-то бумаги. «Въ чемъ дѣло, Мордвиновъ?» — спросилъ Государь. Наружно онъ былъ совершенно спокоенъ, но я чувствовалъ по

тону его голоса, что ему не по себѣ, и что внутренно его что-то очень заботитъ и волнуетъ. «Ваше Величество» — началъ я — «генералъ Алексѣевъ просилъ Вамъ представить эти только что полученныя телеграммы... онѣ ужасны... въ Петроградѣ съ запасными творится что-то невозможное....»

Государь молча взялъ телеграммы, бѣгло просмотрѣлъ ихъ, положилъ на столъ и немного задумался. «Ваше Величество, что прикажете передать генералу Алексѣеву» прервалъ я эту мучительную до физической боли паузу. «Я уже знаю объ этомъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія генералу Алексѣеву. Надо надѣяться, что все это безобразіе будетъ скоро прекращено» — отвѣтилъ съ сильной горечью и немного раздраженно Государь.

«Ваше Величество, мнѣ дежурный штабъ офицеръ сказалъ, что видѣлъ въ штабѣ новыя, уже послѣ этихъ полученныя телеграммы, гдѣ говорится, что положеніе стало еще хуже и просятъ поторопить присылкою подкрѣпленій»....

«Я еще увижу генерала Алексѣева и переговорю съ нимъ», спокойно, но какъ мнѣ почувствовалось, тоже довольно нетерпѣливо сказалъ Государь и снова взялъ со стола положенныя телеграммы, чтобы ихъ перечитать.

Я вышелъ, какъ сейчасъ помню, съ мучительной болью за своего дорогого Государя, со жгучимъ стыдомъ за измѣнившихъ ему и родинѣ, хотя и запасныхъ, но все-же гвардейскихъ частей.

Но я былъ далекъ и тогда еще отъ мысли, что этотъ солдатскій бунтъ и буйство городской черни, черезъ три-четыре дня завершатся событіями, которыя будетъ проклинать всякій русскій и позора которыхъ съ русскаго имени не смогутъ смыть и послѣдующіе вѣка.

Я хотѣлъ вѣрить и успокаивалъ себя, что присланныя настоящія военныя части сумѣютъ возстановить порядокъ и образумить свихнувшихся мирныхъ тыловиковъ... Я не помню, какъ прошелъ остатокъ этого тяжелаго волнующаго дня.

Помню только, что генералъ Алексѣевъ приходилъ съ короткимъ докладомъ къ Государю и какъ затѣмъ Его Величество самъ отправился въ штабъ съ телеграммой на имя предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына, въ которой не соглашался, въ виду создавшагося положенія на испрашиваемыя перемѣны въ составѣ правительства. Генералъ Алексѣевъ былъ очень боленъ, видъ у него былъ лихорадочный, онъ былъ апатиченъ и угнетенъ. Онъ мнѣ сказалъ, что получены были еще телеграммы отъ Родзянко и князя Голицына. Первый просилъ

вновь о сформированіи отвѣтственнаго Министерства, второй объ отставкѣ.

Вечеромъ, около десяти часовъ, во время чая, когда ни графъ Фредериксъ ни Воейковъ обыкновенно не появлялись, они оба, неожиданно вошли къ намъ въ столовую. Графъ Фредериксъ приблизился къ Государю и попросилъ разрѣшенія доложить о чемъ-то срочномъ, полученномъ изъ Царскаго Села. Его Величество всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ и Воейковымъ въ сосѣднее зало, гдѣ докладъ и переговоры продолжались довольно долго. Государь затѣмъ вернулся къ намъ одинъ, но былъ видимо очень озабоченъ и вскорѣ удалился въ свой кабинетъ, не сказавъ намъ ни слова.

Мы совершенно не знали, въ чемъ заключался неурочный докладъ Министра Двора, но, судя по озабоченности Государя, и по отрывкамъ долетавшаго до насъ разговора, догадывались, что положеніе въ Царскомъ Селѣ становилось серьезнымъ и опаснымъ, о чемъ сообщалъ по телефону изъ Александровскаго Дворца графъ Бенкендорфъ.

Встревоженные мы начали расходиться по своимъ помѣщеніямъ, а проф. Федоровъ отправился къ графу Фредериксу, чтобы узнать подробности волновавшихъ насъ событій. Внизу, въ передней, ко мнѣ подошелъ скороходъ Климовъ и предупредилъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, на завтра утромъ назначено наше отбытіе въ Царское Село, что часъ отъѣзда еще не установленъ и будетъ сообщенъ дополнительно, но что всей свитѣ приказано готовиться къ отъѣзду.

Я направился къ себѣ въ гостинницу Франція, чтобы отдать распоряженія своему старику Лукзену и къ своему удивленію, нашелъ его уже почти готовымъ къ отъѣзду, съ уложенными вещами, ожидающимъ присылки автомобиля, чтобы ѣхать на вокзалъ.

Оказывается, что за нѣсколько минутъ до моего прихода было передано по телефону извѣщеніе, всѣмъ быть немедленно готовыми къ отъѣзду, такъ какъ Императорскій поѣздъ отойдетъ не завтра утромъ, а сегодня же, около 12 часовъ ночи.

Было уже около половины двѣнадцатаго. Я былъ дежурнымъ и потому поспѣшилъ вернуться въ губернаторскій домъ.

Внизу шла обычная передъ отъѣздомъ суматоха; на верху, въ полуосвѣщенной большой залѣ, передъ кабинетомъ Государя было пусто и мрачно. Пришелъ и генералъ Алексѣевъ, чтобы проститься съ Его Величествомъ. Онъ оставался довольно долго въ кабинетѣ и наконецъ вышелъ оттуда. На видъ былъ еще болѣе измученъ чѣмъ днемъ. Его сильно лихорадило, онъ совсѣмъ осунулся и говорилъ апатично, но про-

щаясь оживился и, какъ мнѣ показалось, съ особенной сердечностью пожелалъ намъ счастливаго пути, добавивъ: «напрасно все-таки Государь уѣзжаетъ изъ Ставки, въ такое время лучше оставаться здѣсь. Я пытался его отговорить, но Его Величество очень безпокоится за Императрицу и за дѣтей и я не рѣшился очень ужъ настаивать».

На мой вопросъ, не наступило-ли улучшеніе въ Петроградѣ, Алексѣевъ только безнадежно махнулъ рукою: «какое тамъ, еще хуже. Теперь и моряки начинаютъ и въ Царскомъ уже началась стрѣльба».

— «Что-же теперь дѣлать» — спросилъ я волнуясь.

— «Я только что говорилъ Государю» — отвѣчалъ Алексѣевъ — «теперь остается лишь одно: собрать порядочный отрядъ гдѣ-нибудь примѣрно около Царскаго и наступать на бунтующій Петроградъ. Всѣ распоряженія мною уже сдѣланы, но конечно нужно время... пройдетъ не менѣе пяти-шести дней пока всѣ части смогутъ собраться. До этого съ малыми силами ничего не стоитъ и предпринимать».

Генералъ Алексѣевъ говорилъ все это такимъ утомленнымъ голосомъ, что мнѣ показалось, что онъ лично самъ не особенно вѣритъ въ успѣшность и надежность предложенной мѣры.

— «Ну, дай Вамъ всѣмъ Богъ всего лучшаго въ Вашей поѣздкѣ», въ заключеніе немного оживляясь сказалъ онъ, «чтобы все кончилось у Васъ благополучно. На всякій случай впереди Васъ пойдетъ Георгіевскій батальонъ съ Ивановымъ, но врядъ-ли Вамъ будетъ возможность выѣхать ранѣе утра, вѣдь надо время, чтобы увѣдомить всѣ пути о Вашемъ маршрутѣ»...

Двери кабинета раскрылись и вышелъ Государь, уже одѣтый въ походную, солдатскаго сукна, шинель и папаху. Его Величество еще разъ простился съ генераломъ Алексѣевымъ, пожавъ ему руку, сѣлъ въ автомобиль съ графомъ Фредериксомъ, я сѣлъ въ другой съ Дворцовымъ комендантомъ Воейковымъ и мы поѣхали на вокзалъ. Было уже около часа ночи. В. Н. Воейковъ по дорогѣ, какъ всегда, былъ неразговорчивъ о служебныхъ дѣлахъ и на мои попытки подробнѣе узнать, чѣмъ вызванъ такой внезапный отъѣздъ, отвѣчалъ многозначительнымъ молчаніемъ или уклончиво; съ раздраженіемъ отзывался о Родзянкѣ и Ко и былъ убѣжденъ, что генералъ Ивановъ сумѣетъ справиться съ бунтующими запасными.

Этимъ-же иллюзіямъ невольно поддавался и я... Безъ нихъ, было-бы слишкомъ тяжело на душѣ...

При входѣ въ поѣздъ насъ встрѣтилъ дожидавшійся у вагона генералъ-адъютантъ Ивановъ, спокойный, видимо увѣренный въ себѣ и

въ возможности справиться съ бунтомъ и защитить Царскую Семью. Впослѣдствіи онъ мнѣ довольно подробно разсказывалъ о своемъ вынужденномъ тогда бездѣйствіи. Къ сожалѣнію туманный и неопредѣленный разсказъ его не сохранился хорошо въ моей памяти. Вспоминаю только то, что онъ разсказывалъ о полученной имъ 2 марта телеграммѣ отъ Государя, предписывавшей ему ничего не предпринимать до возвращенія Его Величества въ Царское, а также высказывалъ искреннее удовлетвореніе, что его дѣйствія «не вызвали пролитія ни одной капли русской крови», что было-бы полнымъ отчаяніемъ для Ея Величества, которую онъ посѣтилъ немедленно послѣ своего безпрепятственнаго прибытія въ Царское Село.

Генералъ Ивановъ вошелъ въ вагонъ вмѣстѣ съ Государемъ и оставался долго у Его Величества. Георгіевскій батальонъ былъ уже погруженъ и долженъ былъ отправиться раньше насъ по болѣе ближнему направленію на Витебскъ—Царское Село.

Проходя въ свое купэ, я зашелъ въ отдѣленіе профессора Федорова, гдѣ были и другіе мои сослуживцы. Изъ разговоровъ выяснилось, что нашъ внезапный отъѣздъ вызванъ былъ сильнымъ безпокойствомъ Государя за Императрицу и больныхъ дѣтей, такъ какъ Царское Село съ утра было уже охвачено волненіями, и пребываніе тамъ было не безопасно. Государыня черезъ графа Бенкендорфа, гофмаршала, спрашивала у Государя по телефону совѣта, какъ ей поступить. Ея Величество намѣревалась сначала выѣхать въ Могилевъ или по направленію нашего движенія, чтобы соединиться въ дорогѣ; но послѣ вечернихъ переговоровъ графа Фредерикса съ Государемъ было рѣшено, чтобы вся Царская семья, до прибытія генерала Иванова, а затѣмъ и насъ, оставалась въ Царскомъ Селѣ, или, если-бы обстоятельства этого потребовали, переѣхала въ Гатчинскій Дворецъ въ 40 верстахъ отъ Петрограда.

Генералъ Лукомскій и другіе, говоря въ своихъ воспоминаніяхъ объ отъѣздѣ Государя изъ Могилева, останавливаются на одномъ предположеніи «что, находясь въ Могилевѣ, Государь, яко-бы не чувствовалъ твердой опоры въ своемъ начальникѣ штаба генералѣ Алексѣевѣ и надѣялся найти болѣе твердую опору въ генералѣ Рузскомъ въ Псковѣ».

Это, конечно, совершенно далеко отъ дѣйствительности. Къ генералу Рузскому и его прежнему, до генерала Данилова, начальнику штаба генералу Бончъ-Бруевичу Его Величество, какъ и мы всѣ, относился съ безусловно меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ своему начальнику

штаба, и наше прибытіе въ Псковъ явилось вынужденнымъ и совершенно непредвидѣннымъ при отъѣздѣ. Государь, стремясь возможно скорѣе соединиться съ семьей, вмѣстѣ съ тѣмъ стремился быть ближе и къ центру управленія страною, удаленному отъ Могилева.

Мы оставались еще долго въ купэ у С. П. Федорова, взволнованно строя разныя догадки и предположенія о разыгрывавшихся событіяхъ, и узнавъ, что поѣздъ отойдетъ не раньше шести утра, наконецъ разошлись по своимъ отдѣленіямъ.

28 февраля утромъ я проснулся, когда поѣздъ былъ уже въ движеніи. Погода измѣнилась, въ окно вагона свѣтило солнце и какъ-то невольно стало спокойнѣе на душѣ послѣ мучительной, въ полузабытьѣ проведенной ночи.

Размѣренная обычная жизнь вступала въ свои права и, хоть ненадолго вмѣстѣ съ надеждой, отгоняла тяжелыя мысли отъ всего того, что совершалось тогда далеко еще за предѣлами моего уютнаго вагона.

Я быстро одѣлся и вышелъ въ столовую. Государь былъ уже тамъ, болѣе блѣдный, чѣмъ обыкновенно, но спокойно ровный и привѣтливый, какъ всегда. Разговоръ былъ очень не оживленъ и касался самыхъ обыденныхъ вещей. Мы проѣзжали замедленнымъ ходомъ какую-то небольшую станцію, на которой стоялъ встрѣчный поѣздъ съ эшелономъ направлявшагося на фронтъ пѣхотнаго полка. Имъ видимо было уже извѣстно о проходѣ Императорскаго поѣзда: часть людей съ оркестромъ стояла выстроенная на платформѣ, часть выскакивала изъ теплушекъ и пристроивалась къ остальнымъ, часть густой толпой бѣжала около нашихъ вагоновъ, заглядывая въ окна и сопровождая поѣздъ. Его Величество всталъ изъ за стола и подошелъ къ окну. Звуки гимна и громовое «ура», почти такой-же искренней силы, какъ я слышалъ на послѣднемъ смотру запасныхъ въ Петроградѣ, раздались съ платформы при видѣ Государя и невольно наполнили меня вновь чувствомъ надежды и вѣры въ нашу великую военную семью и благоразуміе русскаго народа. Но это было только мгновеніе. Стоявшій рядомъ со мною у окна Нарышкинъ, отвѣчая видимо на свои невеселыя мысли, шепнулъ мнѣ тихо: «кто знаетъ, быть можетъ это послѣднее «ура» Государю, которое мы слышимъ». Мои горячія переживанія были облиты холодной водою, но надежда все-же не остывала и разумъ ей не противился. Не хотѣлось вѣрить, что эти неожиданныя тогда радостныя переживанія дѣйствительно окажутся послѣдними и что дальше кромѣ безпросвѣтнаго мрака длинныхъ годовъ ничего болѣе ужъ не будетъ.

Что думалъ и чувствовалъ Государь, видя на маленькой станціи въ срединѣ Россіи безыскусственное проявленіе любви и преданности тѣхъ, родные братья которыхъ въ то время буйствовали въ столицѣ. Въ чью искренность онъ болѣе вѣрилъ, и не думалъ-ли онъ, что одно его появленіе, такъ воодушевившее первыхъ, не заставитъ иначе биться сердца и остальныхъ?

По свойству своей натуры, по чуткому пониманію народной души, по примѣрамъ Русской исторіи онъ навѣрное объ этомъ думалъ, на это надѣялся и на это въ нужную минуту хотѣлъ рѣшиться. Онъ вѣдь не удалялся, не бѣжалъ отъ бунтующаго Петрограда, а наоборотъ приближался къ нему. Со страдавшей отъ болѣзни семьей онъ могъ соединиться и вдали отъ столицы, но соединиться съ больной отъ безумія частицей народа — онъ могъ только тамъ. Ему помѣшали это сдѣлать тѣ, кто въ теченіе долгихъ годовъ упорно кричали о Китайской стѣнѣ, отдѣлявшей Царя отъ народа.

Императорскій поѣздъ продолжалъ безпрепятственно двигаться впередъ черезъ Оршу—Смоленскъ на Вязьму—Лихославль—Бологое и Тосну, согласно маршруту, на этотъ разъ не напечатанному на толстомъ картонѣ, а лишь наскоро написанному на клочкѣ бумаги и лежавшему у меня на столѣ.

На мелькавшихъ станціяхъ и во время остановокъ текла обычная мирная жизнь и не было даже намека на что-либо революціонное. Но агентскихъ телеграммъ, какъ бывало раньше, уже не приносили, и мы не знали, что дѣлается въ Петроградѣ. Генералъ Воейковъ тоже, видимо, не имѣлъ свѣдѣній и по обычаю шутливо отмалчивался. Изъ разговоровъ въ теченіе дня съ другими моими товарищами и Нарышкинымъ я узналъ, что была получена утромъ лишь телеграмма, посланная вслѣдъ поѣзда генераломъ Алексѣевымъ и увѣдомлявшая, что возстаніе разгорается, что Бѣляевъ доноситъ, что остались вѣрными лишь четыре роты и одинъ эскадронъ и онъ покинулъ Морское Министерство, гдѣ находился, что необходимо отвѣтственное Министерство, что Думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще смогутъ остановить всеобщій развалъ и что утрата всякаго часа уменьшаетъ надежду на возстановленіе порядка.

Телеграмма была на имя Государя и Его Величество телеграфировалъ изъ поѣзда Родзянко, назначая его, вмѣсто князя Голицына, предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и предлагая ему выѣхать для доклада на одну изъ промежуточныхъ станцій на встрѣчу Император-

скому поѣзду. Отъ Родзянко былъ уже полученъ въ то время, около трехъ часовъ дня, и отвѣтъ, что онъ выѣзжаетъ намъ навстрѣчу.

Тогда-же изъ разговоровъ выяснилось, что предполагалось предоставить Родзянкѣ выборъ лишь нѣкоторыхъ Министровъ, а Министры Двора, Военный, Морской и Иностранныхъ Дѣлъ должны были назначаться по усмотрѣнію Государя Императора и все Министерство должно было оставаться отвѣтственнымъ не передъ Государственной Думой, а передъ Его Величествомъ. Въ три часа дня мы прибыли въ Вязьму, откуда Государь послалъ Государынѣ телеграмму въ Царское Село, увѣдомляя о скоромъ пріѣздѣ.

Вечеромъ, около девяти часовъ, послѣ обѣда, мы прибыли въ Лихославль, гдѣ была назначена остановка. Въ служебный, задній вагонъ нашего поѣзда вошли нѣсколько желѣзнодорожныхъ инженеровъ и два жандармскіе генерала, только что прибывшіе изъ Петрограда для встрѣчи и дальнѣйшаго сопровожденія Императорскаго поѣзда по ихъ участку.

Я прошелъ туда. Генералы разсказывали, что при ихъ отъѣздѣ изъ Петрограда они слышали частые и безпорядочные выстрѣлы и видѣли взбунтовавшихся солдатъ. Говорили также, что, по слухамъ, много перебито офицеровъ. По ихъ словамъ, рабочіе и народъ очень возбуждены, требуютъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ и на другіе припасы, но что изъ толпы въ теченіе цѣлаго дня не было слышно ни одного рѣзкаго слова ни противъ Государя ни противъ Императрицы и что вообще въ толпѣ «политика» не играла еще главной роли, хотя несомнѣнно, что волненія вызваны искусственно разными политическими проходимцами.

Генералы были очень взволнованы, обезпокоены, говорили о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя они приняли для безопаснаго проѣзда Государя черезъ Тосну въ Царское Село и надѣялись, что все обойдется благополучно. Они-же сообщили, что, находясь уже въ вагонѣ, на вокзалѣ, для слѣдованія къ намъ, они передъ самымъ своимъ отъѣздомъ увидѣли, какъ большая, безпорядочная толпа революціонныхъ солдатъ начала занимать Николаевскій вокзалъ. Что потомъ было на вокзалѣ послѣ ихъ отъѣзда они не знали, такъ какъ не могли по дорогѣ соединиться съ Петроградомъ.

Думая съ безпокойствомъ о своихъ, я спросилъ, что дѣлается въ Гатчинѣ, и въ частности въ Гатчинскомъ Дворцѣ, гдѣ жила моя семья. Пріѣхавшіе въ одинъ голосъ успокоили меня, говоря, что въ Гатчинѣ совершенно спокойно, но что въ Царскомъ хуже и что было видно, какъ

по дорогамъ къ нему изъ Петрограда двигались какія то кучки не то солдатъ, не то вооруженныхъ рабочихъ. Они-же сообщили, что Дума, не смотря на указъ о роспускѣ, въ виду волненій, постановила не расходиться и что около Таврическаго Дворца толчется много народу, солдатъ и т. п.

Во время этого разговора, въ служебный вагонъ вошелъ кто-то изъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ и, обращаясь ко всѣмъ, сказалъ: «вотъ, посмотрите, что сейчасъ получено». Одинъ изъ жандармскихъ офицеровъ взялъ протянутую телеграмму и въ полголоса, съ трудомъ разбирая торопливо записанныя слова, началъ читать. Это была телеграмма, разосланная членомъ Государственной Думы Бубликовымъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и объявлявшая, что по порученію какого-то комитета Государственной Думы онъ занялъ сего числа Министерство Путей Сообщенія.

Въ этой-же телеграммѣ Бубликовъ объявлялъ слова приказа Родзянко, обращенныя ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ: «Желѣзнодорожники, старая власть, создавшая разруху всѣхъ отраслей государственнаго управленія, оказалась безсильной. Государственная Дума взяла въ свои руки созданіе новой власти. Обращаюсь къ Вамъ отъ имени отечества (или родины, не помню...) отъ Васъ теперь зависитъ и т. д.

Я сначала не понялъ, въ чемъ было дѣло и думалъ, что это Родзянко, уже получившій телеграмму Государя, объявляетъ въ громкихъ словахъ о своемъ назначеніи главою правительства и Бубликовъ, назначенный, вѣроятно Министромъ Путей Сообщенія, сообщаетъ о своемъ вступленіи въ должность и даже спросилъ: «кто это Бубликовъ?», и помню, что мнѣ кто-то отвѣтилъ: «это одинъ изъ Думскихъ желѣзнодорожниковъ — всегда стремился играть какую-то роль».

Но, видя, сначала недоумѣніе, а потомъ какую-то растерянность остальныхъ и воцарившееся затѣмъ молчаніе, я взялъ телеграмму и перечиталъ ее самъ. Помню, что фраза «занялъ сего числа Министерство» меня особенно поразила боевымъ тономъ генерала, увѣдомлявшаго о занятіи важной непріятельской крѣпости. Пріѣвшіяся уже давно слова «приказа» Родзянко, о власти, создавшей разруху, о новой власти, необходимой для спасенія родины, на меня произвели гораздо меньшее впечатлѣніе, и только потомъ, черезъ нѣсколько мгновеній, понявъ наконецъ о какихъ дѣйствіяхъ шла рѣчь, эти слова легли на мое сознаніе, тѣмъ гнетущимъ чувствомъ, отъ котораго я не могу отдѣлаться и до сихъ поръ...

Впечатлѣніе отъ этой телеграммы на остальныхъ, видимо, сказалось не менѣе сильно, но мнѣ было не до обмѣна впечатлѣніями. Я ушелъ къ себѣ въ купэ и забился въ уголъ дивана... Было тяжело и обидно: къ бунтующимъ солдатамъ присоединялись не только другіе безсмысленные солдаты, забывшіе долгъ и присягу, но присоединялись и люди, ничего общаго съ ними ни по развитію ни по вдумчивости не имѣвшіе... И они не только присоединялись къ толпѣ, но уже сливались съ нею до полнаго ей подчиненія... Ихъ вожаками была уличная чернь...

Поѣздъ двинулся дальше и дошелъ до Бологого.

Новая остановка и новыя болѣе опредѣленія, но еще болѣе тяжелыя вѣсти: почти всѣ войска взбунтовались, Николаевскій вокзалъ занятъ возставшими, и одному офицеру желѣзнодорожнаго батальона, лишь съ трудомъ, безъ оружія удалось выбраться изъ Петрограда. Онъ разсказалъ, что все-же горсть вѣрныхъ солдатъ и въ особенности юнкера Николаевскаго кавалерійскаго училища продолжаютъ геройски защищаться, что много офицеровъ перебито. Любань уже занята какой-то небольшой кучкой революціонеровъ; про занятіе Тосно онъ ничего не зналъ. Кто-то показалъ и новую телеграмму и листокъ, подписанный Родзянко, гдѣ объявлялось объ образованіи временнаго комитета Государственной Думы, къ которому перешла вся власть отъ устраненнаго Совѣта Министровъ и что этотъ комитетъ взялъ въ свои руки возстановленіе порядка.

О положеніи Царскаго ничего не было извѣстно: ожидавшійся навстрѣчу фельдъегерь въ Бологое не прибылъ. Но путь на Петроградъ, по справкамъ, былъ еще свободенъ, и выставленная по желѣзнодорожному пути охрана для прохода Императорскаго поѣзда стояла на своихъ постахъ.

Рѣшено было двигаться далѣе.

Профессору Федорову принесли записку отъ генерала Дубенскаго, ѣхавшаго впереди насъ въ часовомъ разстояніи въ другомъ служебномъ поѣздѣ, въ которой онъ предупреждалъ, что по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ Тосно также занято и совѣтовалъ изъ Бологого повернуть на Псковъ.

Было уже поздно, но спать не хотѣлось. Къ тому-же мы приближались къ моей родной Новгородской губерніи и я надѣялся увидать въ Малой Вишерѣ губернатора или кого-нибудь изъ губернскаго начальства, обыкновенно выѣзжавшихъ для встрѣчи Государя на эту станцію и отъ нихъ разузнать, что дѣлается въ нашихъ краяхъ:

Ожидать было еще долго, оставаться одному — невыносимо. Я зашелъ въ купѣ къ Долгорукову, моему б. товарищу по корпусу, съ которымъ я еще съ молоду былъ очень близокъ и впослѣдствіи очень любилъ за его обычную скромность, невозмутимость и всегдашнее, болѣе чѣмъ равнодушное отношеніе ко всѣмъ слухамъ и сплетнямъ, волновавшимъ большинство.

Онъ и на этотъ разъ былъ спокоенъ и выдержанъ, какъ всегда и занятъ былъ своими гофмаршальскими разсчетами. Помню, что это мнѣ показалось въ тѣ часы черезчуръ обиднымъ и я даже рѣзко упрекнулъ его: «Это все ничего» сказалъ мнѣ своимъ ровнымъ, почти апатичнымъ голосомъ — «съ этимъ справимся; а вотъ подумай-ка лучше, какъ справиться съ нѣмцами-то».

— «Какъ ничего?» — воскликнулъ я — «развѣ ты не видишь».

— «Да, такъ ничего; это все обойдется, а то пока главное».

И удивительное дѣло, эти невозмутимые слова, несмотря на всю ихъ неопредѣленность, какъ-то сразу успокоили меня своимъ напоминаніемъ о нѣмцахъ, о которыхъ я въ тѣ часы и совсѣмъ забылъ.

«Быть можетъ и дѣйствительно обойдется, не можетъ не обойтись» — подумалъ я — неисправимый оптимистъ. «Какая тамъ революція въ самомъ разгарѣ войны — революціи бываютъ при ея окончаніи или когда армія бываетъ приперта къ стѣнѣ. Намъ до этого далеко, да и успѣхъ не за горами. Это просто бунтъ, одинъ лишь Петроградъ съ окрестностями бунтуетъ, а кругомъ вѣдь все спокойно».

И снова вспомнилась мирная жизнь около тѣхъ станцій, черезъ которыя мы проѣзжали, вспомнился и восторженно встрѣтившій насъ нѣсколько часовъ назадъ пѣхотный эшелонъ, направлявшійся на фронтъ.

«Вотъ, войдетъ Иванов въ Петроградъ съ двумя - тремя такими частями, и ужъ одно ихъ появленіе приведетъ тамъ все въ порядокъ», успокаивалъ я себя и даже радовался, что утромъ буду со своею взволнованной семьей, которую навѣрно успокоитъ мое неожиданно скорое возвращеніе...

Но мечтамъ этимъ было суждено остаться мечтами на часъ. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Мы подходили къ Малой Вишерѣ. Я высунулся изъ выходной двери и смотрѣлъ на приближающуюся станцію. Она была слабо освѣщена, но на платформѣ было довольно много народу. На путяхъ стоялъ какой-то ярко освѣщенный поѣздъ. Я вышелъ и столкнулся съ генераломъ Дубенскимъ, ѣхавшимъ въ служебномъ вагонѣ далеко впереди насъ.

— «Вы какими судьбами остались здѣсь?» — удивленно спросилъ я.

— «Мы всѣ здѣсь, весь нашъ поѣздъ» — съ озабоченной тревогой отвѣтилъ Дубенскій. «Намъ не совѣтуютъ ѣхать дальше, такъ какъ по слухамъ Любань и Тосно тоже заняты революціонерами, и мы рѣшили подождать Васъ, чтобы спросить, какъ поступить дальше. Я еще послалъ объ этомъ записку Сергѣю Петровичу (Федорову) изъ Бологого. Получили-ли Вы ее?»

На платформу вышелъ генералъ Воейковъ. Его сейчасъ-же обступили разныя лица изъ начальства и начали докладывать. Мнѣ не хотѣлось присутствовать при служебныхъ разговорахъ. Было очень холодно, и, не найдя на платформѣ никого изъ своихъ Новгородскихъ знакомыхъ и ожидавшагося фельдъегеря, я поспѣшилъ войти въ служебный вагонъ нашего поѣзда, надѣясь тамъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о причинахъ задержки.

Отдѣленіе, въ которомъ помѣщалось сопровождавшее насъ желѣзнодорожное начальство было пусто — всѣ были на платформѣ. На столѣ лежала брошенная служебная телеграмма. Я машинально взялъ ее и прочелъ: какой-то поручикъ — Грековъ — называвшій себя комендантомъ Николаевскаго вокзала, въ рѣзкихъ выраженіяхъ и, кажется, съ угрозами за неисполненіе, приказывалъ, чтобы Императорскій поѣздъ безъ захода въ Царское былъ направленъ прямымъ маршрутомъ въ Петроградъ на Николаевскій вокзалъ въ его распоряженіе.

Этотъ «приказъ» неизвѣстнаго поручика Всероссійскому Императору, разсмѣшившій бы меня нѣсколько часовъ назадъ, теперь наполнилъ душу такимъ тяжелымъ негодованіемъ, отъ котораго я не скоро могъ оправиться. Я вышелъ снова на платформу и увидѣлъ нашего общаго любимца, инженера М. Ежева, начальника Императорскихъ поѣздовъ. Онъ мнѣ подтвердилъ, что дѣйствительно телеграмма невѣдомаго поручика Грекова была разослана по всей дорогѣ и что, конечно, на нее никто не обращаетъ вниманія. И вѣроятно, по полученіи увѣдомленія отъ сосѣдней станціи, мы, давъ отойти свитскому поѣзду, скоро двинемся впередъ, такъ какъ путь не испорченъ и пока до Любани свободенъ. Онъ добавилъ, что Тосна и Гатчина, черезъ которыя намъ приходилось сворачивать на Царское, лишь только по слухамъ заняты бунтующими и теперь идетъ провѣрка этихъ слуховъ.

Было уже очень поздно, часовъ около трехъ ночи, на утро, согласно маршруту приходилось рано вставать. Большинство спутниковъ по ва-

гону уже спали, я самъ былъ очень утомленъ своими дневными переживаніями. Слова Ежева меня времено успокоили и, не ожидая отправленія поѣзда, я прилегъ, не раздѣваясь на приготовленную уже кровать и сейчасъ-же крѣпко уснулъ. Спалъ я, какъ мнѣ показалось довольно долго, проснулся около шести утра, когда, по маршруту, мы должны были проходить Гатчину и часъ, который, засыпая, я мысленно назначилъ себѣ для вставанія.

Поѣздъ двигался, какъ мнѣ показалось, болѣе быстро, чѣмъ обыкновенно. «Слава Богу», подумалъ я, не смотря на строжайшій приказъ Грекова, мы все-же двигаемся, куда хотимъ, и скоро будемъ дома, а не на Николаевскомъ вокзалѣ съ его обнаглѣвшими запасными».

Я выглянулъ въ окошко, надѣясь издали разглядѣть купола Гатчинскаго собора, и къ изумлѣнію, увидѣлъ не хорошо знакомыя мнѣ окрестности Гатчины, а совершенно неизвѣстную мѣстность; къ тому-же поѣздъ двигался не къ Петрограду и Гатчинѣ, а въ совершенно обратномъ направленіи.

Встревоженный, я вышелъ въ корридоръ и натолкнулся на генерала Воейкова, въ шинели, проходившаго изъ служебнаго вагона въ свое купэ. «Владиміръ Николаевичъ, что такое, почему мы ѣдемъ назадъ и куда? спросилъ я его. — «Молчите, молчите, не Ваше дѣло» — какъ будто шутливо, но съ сильнымъ раздраженіемъ отвѣтилъ онъ и скрылся въ своемъ купэ.

Убѣжденіе В. Н. Воейкова, что онъ долженъ знать все, а мы — ничего, и что даже касавшіяся близко насъ распоряженія о разныхъ передвиженіяхъ, извѣстныя мелкому служебному люду — «не наше дѣло» — мы знали давно и съ этимъ кое-какъ свыклись.

Но тогда его столь требовательная таинственность показалась мнѣ особенно неумѣстной. Видимо онъ былъ сильно взволнованъ и не хотѣлъ этого показывать.

Корридоръ вагона былъ пустъ, купэ были закрыты; всѣ спали, и только у моего сосѣда, командира конвоя, графа Граббе, слышалось какое-то движеніе. Онъ видимо не спалъ. Я вошелъ къ нему и узналъ, что вскорѣ послѣ моего возвращенія въ вагонъ, получилось подтвержденіе, что Любань уже занята большою толпою взбунтовавшихся солдатъ, вѣроятно испортившихъ путь и что проѣхать черезъ Тосну будетъ нельзя. Было рѣшено поэтому вернуться назадъ въ Бологое и кружнымъ путемъ черезъ Старую Руссу, Дно и Вырицу проѣхать въ Царское Село. Въ Бологомъ была назначена смѣна паровозной бригады, но машинисты и другіе, не смотря на свое утомленіе, не хотѣли смѣняться

и выразили непреклонное намѣреніе ѣхать съ Императорскимъ поѣздомъ и далѣе.

Наши желѣзнодорожники свитскаго поѣзда разъединили путевой телеграфный проводъ на Петроградъ, перевели на другой конецъ паровозъ, и нашъ поѣздъ быстрымъ ходомъ двинулся назадъ. Теперь мы приближались снова къ Бологому. Впереди насъ не было уже никого — служебный поѣздъ остался позади и слѣдовалъ въ близкомъ разстояніи за нами. О непредусмотрѣнномъ движеніи Императорскаго поѣзда предупреждались только сосѣднія станціи.

Началась среда, 1-го марта, новый тяжелый день, когда томительныя передвиженія не облегчались уже ни надеждой на скорое окончаніе бунта, ни мыслью о скоромъ свиданіи съ семьей. Въ то время о своихъ я пересталъ почти думать — мои были сравнительно въ безопасности и здоровы; но за то моя родина и любимая семья моего Государя не выходили у меня изъ головы. Я представлялъ себѣ ихъ больными, окруженными бунтующей толпой, растерянными, тщетно ожидающими пріѣзда Государя.

Къ Великимъ Княжнамъ и маленькому Алексѣю Николаевичу я былъ привязанъ всею душою и въ своихъ чувствахъ къ нимъ почти не отдѣлялъ ихъ отъ собственной дочери. Не любить и не привязаться къ нимъ было нельзя: ихъ внутренній міръ чаровалъ еще больше, чѣмъ ихъ прелестный внѣшній обликъ; я чувствовалъ, что они также любили меня и насъ связывала самая искренняя дружба.

День былъ ясный, чувствовалось начало весны, на станціяхъ и въ частности въ Старой Руси текла обычная мирная жизнь, задержекъ въ пути не было, Государь не выходилъ во время остановокъ для прогулки и то короткое время, которое мы обыкновенно проводили съ Его Величествомъ, ничѣмъ не отличалось въ разговорахъ отъ обыденныхъ нетревожныхъ дней.

Не легко, конечно, было и намъ и ему говорить о ничтожныхъ вещахъ, поддерживать разговоръ и лишь думать о томъ, что такъ мучительно волновало каждаго изъ насъ и его въ особенности.

Въ теченіе дня получилось благопріятное извѣстіе, что генералъ Ивановъ со своимъ эшелономъ благополучно, безъ задержки прослѣдовалъ черезъ Дно и долженъ былъ быть уже въ Царскомъ Селѣ, откуда все еще свѣдѣній не было. Получилась и непонятная телеграмма отъ Родзянко, ожидавшагося на станцію Дно, и кратко увѣдомлявшаго, что «по измѣнившимся обстоятельствамъ онъ выѣхать на встрѣчу Его Величеству не можетъ».

До полученія этой телеграммы и до прибытія нашего на станцію Старой Русы, никакихъ предположеній о перемѣнѣ нашего маршрута на Псковъ не было и лишь по пріѣздѣ на эту станцію получилось извѣстіе, что мость по Виндавской дорогѣ, якобы, испорченъ или ненадеженъ, и только тогда было рѣшено двигаться на Псковъ и оттуда по Варшавской дорогѣ прямымъ путемъ черезъ Лугу и Гатчину на Царское Село.

Тогда была послана и новая телеграмма Родзянко, увѣдомлявшая о перемѣнѣ маршрута и снова предлагавшая ему выѣхать на встрѣчу въ Псковъ. Въ этомъ городѣ находился штабъ Сѣвернаго фронта, генерала Рузскаго, и оттуда можно было связаться прямымъ проводомъ съ Петроградомъ, Ставкой и Царскимъ Селомъ и выйти наконецъ изъ той тревожной неизвѣстности, которая насъ окружала съ вчерашняго вечера.

Остановка въ Псковѣ, о которой съ пути былъ увѣдомленъ и генералъ Рузскій, предполагалась поэтому непродолжительной и ставилась въ зависимость лишь отъ своевременнаго прибытія Родзянко и отъ времени, необходимаго для переговоровъ по прямому проводу съ Царскимъ Селомъ и со Ставкой.

Былъ уже вечеръ, около семи съ половиной часовъ, когда Императорскій поѣздъ подходилъ къ Пскову. Будучи дежурнымъ флигель-адъютантомъ, я стоялъ у открытой двери площадки вагона и смотрѣлъ на приближающуюся платформу. Она была почти не освѣщена и совершенно пустынна. Ни военнаго ни гражданскаго начальства (за исключеніемъ кажется губернатора), всегда задолго и въ большомъ числѣ собиравшагося для встрѣчи Государя, на ней не было.

Гдѣ-то по срединѣ платформы находился, вѣроятно дежурный помощникъ начальника станціи, а на отдаленномъ концѣ виднѣлся силуэтъ караульнаго солдата.

Поѣздъ остановился. Прошло нѣсколько минутъ. На платформу вышелъ какой-то офицеръ, посмотрѣлъ на нашъ поѣздъ и скрылся. Еще прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ, наконецъ, генерала Рузскаго, переходящаго рельсы и направляющагося въ нашу сторону. Рузскій шелъ медленно, какъ бы нехотя, и, какъ намъ всѣмъ невольно показалось, будто нарочно не спѣша. Голова его, видимо въ раздумьи, была низко опущена. За нимъ, немного отступя, шли генералъ Даниловъ и еще два-три офицера изъ его штаба. Сейчасъ-же было доложено и Государь его принялъ, а въ нашъ вагонъ вошли генералъ Даниловъ съ

другимъ генераломъ, разспрашивая объ обстоятельствахъ нашего прибытія въ Псковъ и о дальнѣйшихъ нашихъ намѣреніяхъ.

— «Вамъ все-таки, врядъ ли удастся скоро проѣхать въ Царское» — сказалъ Даниловъ — «вѣроятно придется здѣсь выждать или вернуться въ Ставку. По дорогѣ неспокойно и только что получилось извѣстіе, что въ Лугѣ вспыхнули безпорядки и городъ во власти бунтующихъ солдатъ».

Объ отъѣздѣ Родзянко въ Псковъ въ штабѣ ничего не было извѣстно; онъ оставался еще въ Петроградѣ; но были получены отъ него телеграммы, что въ городѣ началось избіеніе офицеровъ и возникло якобы страшное возбужденіе противъ Государя и что весь Петроградъ находится во власти взбунтовавшихся запасныхъ.

Генералъ Даниловъ былъ мраченъ и, какъ всегда, очень неразговорчивъ.

Рузскій недолго оставался у Государя и вскорѣ пришелъ къ намъ, кажется въ купэ Долгорукова, и, какъ сейчасъ помню, въ раздраженномъ утомленіи откинулся на спинку дивана.

Графъ Фредериксъ и мы столпились около него, желая узнать, что происходитъ по его свѣдѣніямъ въ Петроградѣ и какое его мнѣніе о всемъ происходящемъ.

— «Теперь уже трудно что нибудь сдѣлать» — съ раздраженной досадой говорилъ Рузскій — «давно настаивали на реформахъ, которыхъ вся страна требовала... не слушались... голосъ хлыста Распутина имѣлъ большій вѣсъ... вотъ и дошли до Протопопова, до неизвѣстнаго премьера Голицына... до всего того, что сейчасъ... посылать войска въ Петроградъ уже поздно, выйдетъ лишнее кровопролитіе и лишнее раздраженіе... надо ихъ вернуть»...

— «Меня удивляетъ, причемъ тутъ Распутинъ», — спокойно возразилъ графъ Фредериксъ. «Какое онъ могъ имѣть вліяніе на дѣла? Я, напримѣръ, даже совершенно его не зналъ».

— «О Васъ, графъ, никто не говоритъ, Вы были въ сторонѣ» — вставилъ Рузскій.

— «Что-же по Вашему теперь дѣлать?» — спросили нѣсколько голосовъ.

— «Что дѣлать? — переспросилъ Рузскій — «теперь придется, быть можетъ, сдаваться на милость побѣдителя».

Что дальше говорилъ Рузскій — я не помню; кажется ничего, такъ какъ вошедшій скороходъ доложилъ, что Государь собирается выходить къ обѣду, и мы всѣ направились въ столовую. Я чувство-

валъ только извѣстное его пренебреженіе къ намъ, къ «придворнымъ», не отдававшимъ себѣ отчета въ происходящихъ событіяхъ. Разбирался ли онъ въ нихъ самъ — вотъ что шевелилось въ моихъ мысляхъ, послѣ его словъ о необходимости вернуть войска.

Обѣдъ, хотя и короткій, тянулся мучительно долго. Моимъ сосѣдомъ былъ Даниловъ и я съ нимъ не сказалъ ни одного слова. Остальнымъ тоже было видимо не по себѣ.

Государь спокойно поддерживалъ разговоръ съ Рузскимъ и графомъ Фредериксомъ, сидѣвшими рядомъ съ Его Величествомъ.

Послѣ обѣда Рузскій черезъ нѣсколько времени снова былъ принятъ Государемъ, оставался у Государя очень поздно, заходя въ промежуткѣ доклада не на долго къ намъ въ вагонъ, въ отдѣленіе къ графу Фредериксу, съ которымъ велъ какіе-то служебные разговоры. Былъ-ли тамъ также и Воейковъ, я не помню. Когда Рузскій ушелъ, графъ въ разговорѣ съ нами сообщилъ, что соединиться съ Царскимъ не удалось, но что генералъ Рузскій намѣревается переговорить по прямому проводу съ Родзянко, спросить, почему онъ не пріѣхалъ, узнать, что дѣлается въ Петроградѣ и просить пріѣхать все-таки въ Псковъ. Графъ Фредериксъ добавилъ, что до полученія отвѣта, мы остаемся на неопредѣленное время въ Псковѣ и во всякомъ случаѣ не уѣдемъ до слѣдующаго утра.

Въ тотъ-же вечеръ мы узнали, что Государь выразилъ согласіе на назначеніе отвѣтственнаго Министерства уже вполнѣ по выбору предсѣдателя Думы, о чемъ Рузскій также собирался сообщить Родзянко. Вотъ все, что сдѣлалось намъ извѣстнымъ въ этотъ день. Приходилось ждать результатовъ переговоровъ. Было очень поздно, чуть-ли не около двухъ часовъ ночи, а Рузскій все не приходилъ. И мы, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, разошлись по своимъ отдѣленіямъ.

Изъ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ фразъ, которыми въ моемъ присутствіи обмѣнялись Рузскій съ В. Н. Воейковымъ, ясно сквозило его пренебрежительное отношеніе къ послѣднему; въ свою очередь и генералъ Воейковъ своими полушутливыми фразами давалъ понять Рузскому, что преувеличивать простой бунтъ въ міровое событіе еще преждевременно.

Утромъ, въ четвергъ 2-го марта, проснувшись очень рано, я позвонилъ моего старика Лукзена и спросилъ у него, нѣтъ-ли какихъ-либо указаній объ отъѣздѣ и въ которомъ часу отойдетъ нашъ поѣздъ. Онъ мнѣ сказалъ, что пока никакихъ распоряженій объ этомъ отдано не

было, и что, по словамъ скорохода, мы врядъ-ли ранѣе вечера уѣдемъ изъ Пскова. Это меня встревожило, я быстро одѣлся и отправился пить утренній кофе въ столовую. Въ ней находились уже Кира Нарышкинъ, Валя Долгоруковъ и профессоръ Федоровъ. Они, какъ и я, ничего не знали ни объ отъѣздѣ, ни о переговорахъ Рузскаго и высказывали предположеніе, что вѣроятно прямой проводъ былъ испорченъ и переговоры поэтому не могли состояться.

Государь вышелъ позднѣе обыкновеннаго. Онъ былъ блѣденъ и, какъ казалось по лицу, очень плохо спалъ, но былъ спокоенъ и привѣтливъ, какъ всегда. Его Величество недолго оставался съ нами въ столовой, и, сказавъ, что ожидаетъ Рузскаго, удалился къ себѣ. Скоро появился и Рузскій и былъ сейчасъ-же принятъ Государемъ, мы же продолжали томиться въ неизвѣстности почти до самаго завтрака, когда, не помню отъ кого, мы узнали, что Рузскому послѣ долгихъ попытокъ, лишь поздно ночью удалось наконецъ соединиться съ Родзянко. Родзянко сообщалъ, что не можетъ пріѣхать, такъ какъ присутствіе его въ Петроградѣ необходимо, такъ какъ царитъ всеобщая анархія и слушаются лишь его одного. Всѣ Министры арестованы и по его приказанію переведены въ крѣпость. На увѣдомленіе о согласіи Его Величества на сформированіе отвѣтственнаго Министерства Родзянко отвѣчалъ, что «уже слишкомъ поздно, такъ какъ время упущено. Эта мѣра могла-бы улучшить положеніе два дня назадъ, а теперь уже ничто не можетъ сдержать народныя страсти». Тогда-же мы узнали, что по просьбѣ Родзянко Рузскій испросилъ у Государя разрѣшеніе пріостановить движеніе отрядовъ, назначавшихся на усмиреніе Петрограда, а генералу Иванову Государь послалъ телеграмму ничего не предпринимать до пріѣзда Его Величества въ Царское Село.

Послѣ завтрака, къ которому никто приглашенъ не былъ, распространился слухъ, что вмѣсто Родзянки къ намъ для какихъ-то переговоровъ выѣзжаютъ членъ Думы Шульгинъ и Гучковъ, но прибудутъ въ Псковъ только вечеромъ. Присутствіе въ этой депутаціи Шульгина, котораго я хотя и не зналъ лично, но который былъ мнѣ извѣстенъ по своимъ твердымъ монархическимъ убѣжденіямъ, помню, меня даже отчасти успокоило. Было уже около половины третьяго дня. Я спросилъ у проходившаго мимо скорохода Климова, не собирается-ли Государь выйти въ это обычное время на прогулку, но Климовъ сказалъ, что къ Его Величеству прошли только что генералъ Рузскій и еще два штабныхъ генерала съ бумагами, вѣроятно для доклада о положеніи на

фронтѣ, и что Государь ихъ принимаетъ не у себя въ кабинетѣ, а въ салонѣ*).

Я вышелъ одинъ, походилъ немного по пустынной платформѣ, чтобы посмотрѣть не прибылъ-ли какой-нибудь поѣздъ изъ Петрограда и вскорѣ вернулся въ свой вагонъ, гдѣ въ купэ С. П. Федорова собрались почти всѣ мои товарищи по вагону, за исключеніемъ графа Фредерикса.

Не помню, сколько времени мы провели въ вялыхъ разговорахъ, строя разныя предположенія о создавшейся неопредѣленности, когда, возвращавшійся изъ вагона Государя графъ Фредериксъ, остановился въ корридорѣ у дверей нашего купэ и почти обыкновеннымъ голосомъ по французски сказалъ: «Savez vous l'Empereur a abdiqué».

Слова эти заставили насъ всѣхъ вскочить...

Я лично могъ предположить все, что угодно, но отреченіе отъ престола столь внезапное, ничѣмъ пока не вызванное, не задуманное только, а ужъ исполненное, показалось такой кричащей несообразностью, что въ словахъ преклоннаго старика Фредерикса въ первое мгновеніе почудилось или старческое слабоуміе или явная путаница.

— «Какъ, когда, что такое, да почему?» — посыпались возбужденные вопросы. Графъ Фредериксъ на всю эту бурю восклицаній, пожимая самъ недоумѣнно плечами, отвѣтилъ только: «Государь получилъ телеграммы отъ Главнокомандующихъ... и сказалъ, что разъ войска этого хотятъ, то не хочетъ никому мѣшать»...

— «Какія войска хотятъ? что такое? Ну, а Вы что-же, графъ, что Вы то отвѣтили Его Величеству на это?»

Опять безнадежное пожиманіе плечами: «что я могъ измѣнить? Государь сказалъ, что онъ рѣшилъ это уже раньше и долго объ этомъ думалъ»....

— «Не можетъ этого быть, вѣдь у насъ война». «Отречься такъ внезапно, здѣсь въ вагонѣ и передъ кѣмъ и отчего, да вѣрно-ли это, нѣтъ-ли тутъ какого-либо недоразумѣнія графъ?» — посыпались снова возбужденныя возраженія со всѣхъ сторонъ, смѣшанныя и у меня съ надеждой на путаницу и на возможность еще отсрочить только что принятое рѣшеніе.

Но взглянулъ на лицо Фредерикса, я почувствовалъ, что путаницы нѣтъ, что онъ говоритъ серьезно, отдавая себѣ отчетъ во всемъ,

---

*) Генералы Ю. Н. Даниловъ и С. С. Савинъ. См. Русская Дѣтопись, книга III, стр. 205-208 *(ред.)*.

такъ какъ и онъ самъ, былъ глубоко взволнованъ и руки его дрожали.

— «Государь уже подписалъ двѣ телеграммы» отвѣтилъ Фредериксъ — «одну Родзянкѣ, увѣдомляя его о своемъ отреченіи въ пользу Наслѣдника при регентствѣ Михаила Александровича, и, оставляя Алексѣя Николаевича при себѣ до совершеннолѣтія, а другую о томъ-же Алексѣеву въ Ставку, назначая вмѣсто себя Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича»...

— «Эти телеграммы у Васъ, графъ, Вы еще ихъ не отправили?» — вырвалось у насъ съ новой, воскресавшей надеждой.

— «Телеграммы взялъ у Государя Рузскій — съ какой-то, какъ мнѣ показалось, безнадежностью отвѣтилъ Фредериксъ и, чтобы скрыть свое волненіе, отвернулся и прошелъ въ свое купэ.

Бѣдный старикъ, по его искреннимъ словамъ, нѣжно любившій Государя какъ «сына», заперся въ своемъ отдѣленіи, а мы все продолжали стоять въ изумленіи, отказываясь вѣрить въ неотвратимость всего нахлынувшаго. Кто-то изъ насъ прервалъ наконецъ молчаніе, кажется это былъ Граббе и, отвѣчая нашимъ общимъ мыслямъ, сказалъ: «Ахъ, напрасно эти телеграммы Государь отдалъ Рузскому, это, конечно, все произошло не безъ интригъ; онъ то ужъ ихъ навѣрно не задержитъ и поспѣшитъ отправить; а можетъ Шульгинъ и Гучковъ, которые скоро должны пріѣхать, и сумѣютъ отговорить и иначе повернуть дѣло. Вѣдь мы не знаемъ, что имъ поручено и что дѣлается тамъ у нихъ; пойдемте сейчасъ къ графу, чтобы онъ испросилъ у Государя разрѣшеніе потребовать эти телеграммы отъ Рузскаго и не посылать ихъ хотя-бы до пріѣзда Шульгина». Мы всѣ пошли къ Фредериксу и убѣдили его. Онъ немедленно пошелъ къ Государю и черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно, сказавъ, что Его Величество приказалъ сейчасъ-же взять телеграммы отъ Рузскаго и передать ему; что они будутъ посланы только послѣ пріѣзда членовъ Думы.

Какъ я уже сказалъ, къ генералу Рузскому мы никогда не чувствовали особой симпатіи, а съ первой минуты нашего прибытія въ Псковъ, относились къ нему съ какимъ-то инстинктивнымъ недовѣріемъ и опаской, подозрѣвая его въ желаніи сыграть видную роль въ развертывающихся событіяхъ.

Поэтому мы просили Нарышкина, которому было поручено отобрать телеграммы, чтобы онъ ни на какіе доводы Рузскаго не соглашался и, если-бы телеграммы начали уже передавать, то снялъ бы ихъ немедленно съ аппарата.

Нарышкинъ отправился и скоро вернулся съ пустыми руками.

Онъ сообщилъ, что одну телеграмму, Родзянкѣ, хотя и начали уже отправлять, но начальникъ телеграфа обѣщалъ попытаться ее задержать, а другую — въ Ставку — не отправлять, но что Рузскій ихъ ему все-же не отдалъ и самъ пошелъ къ Государю, чтобы испросить разрѣшеніе удержать эти телеграммы у себя, и обѣщалъ ихъ не отправлять до пріѣзда Гучкова и Шульгина. Уходя отъ Его Величества, Рузскій сказалъ скороходамъ, чтобы прибывающихъ депутатовъ направили предварительно къ нему,а затѣмъ уже допустили ихъ до пріема Государемъ. Это обстоятельство взволновало насъ необычайно; въ желаніи Рузскаго настоять на отреченіи и не выпускать этого дѣла изъ своихъ рукъ не было уже сомнѣній.

Мы вновь пошли къ Фредериксу просить настоять передъ Его Величествомъ о возвращеніи этихъ телеграммъ, а профессоръ Федоровъ, по собственной иниціативѣ, какъ врачъ, направился къ Государю. Было около четырехъ часовъ дня, когда Сергѣй Петровичъ вернулся обратно въ свое купэ, гдѣ большинство изъ насъ его ожидало. Онъ намъ сказалъ, что вышла перемѣна, и что все равно прежнихъ телеграммъ теперь нельзя посылать: «я во время разговора о поразившемъ всѣхъ событіи» — пояснилъ онъ — спросилъ у Государя — «развѣ Ваше Величество Вы полагаете, что Алексѣя Николаевича оставятъ при Васъ и послѣ отреченія». — «А отчего-же нѣтъ?» съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ Государь». — «Онъ еще ребенокъ и естественно долженъ оставаться въ своей семьѣ пока не станетъ взрослымъ. До тѣхъ поръ будетъ регентомъ Михаилъ Александровичъ».

«Нѣтъ, Ваше Величество» — отвѣтилъ Федоровъ — «это врядъ ли будетъ возможно, и по всему видно, что надѣяться на это Вамъ совершенно нельзя».

Государь, по словамъ Федорова, немного задумался и спросилъ: «скажите, Сергѣй Петровичъ, откровенно, какъ Вы находите, дѣйствительно-ли болѣзнь Алексѣя такая неизлѣчимая»...

— «Ваше Величество, наука намъ говоритъ, что эта болѣзнь неизлѣчима, но многіе доживаютъ при ней до значительнаго возраста, хотя здоровье Алексѣя Николаевича и будетъ всегда зависѣть отъ всякой случайности».

— «Когда такъ» — какъ-бы про себя сказалъ Государь — «то я не могу разстаться съ Алексѣемъ. Это было-бы ужъ сверхъ моихъ силъ... къ тому-же, разъ его здоровье не позволяетъ, то я буду имѣть право оставить его при себѣ»...

Кажется на этихъ словахъ разсказа, потому что другихъ я не за-

помнилъ, вошелъ къ намъ въ купэ графъ Фредериксъ, сходившій во время нашего разговора къ Государю, и сообщилъ, что Его Величество приказалъ потребовать отъ Рузскаго задержанныя имъ обѣ телеграммы, не упоминая ему, для какой именно это цѣли.

Нарышкинъ отправился вновь и на этотъ разъ принесъ ихъ обратно, кажется, вмѣстѣ съ какою-то другой телеграммой о новыхъ ужасахъ, творящихся въ Петроградѣ, которую ему одновременно далъ Рузскій для доклада Его Величеству.

Я не помню, что было въ этой телеграммѣ, такъ какъ вошедшій скороходъ доложилъ, что Государь, послѣ короткой прогулки, уже вернулся въ столовую для дневного чая, и мы всѣ направились туда.

Съ непередаваемымъ тягостнымъ чувствомъ, облегчавшимся все же мыслью о возможности еще и другого рѣшенія, входилъ я въ столовую. Мнѣ было и физически больно увидѣть моего любимаго Государя, послѣ нравственной пытки, вызвавшей его рѣшеніе, но я и надѣялся, что обычная сдержанность и ничтожные разговоры, о постороннихъ, столь «никчемныхъ» теперь вещахъ, прорвутся наконецъ въ эти трагическія минуты, чѣмъ нибудь горячимъ, искреннимъ, заботливымъ, дающимъ возможность сообща обсудить положеніе; что теперь въ столовой, когда никого кромѣ ближайшей свиты не было, Государь невольно и самъ упомянетъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его ужасное рѣшеніе. Эти подробности намъ были совершенно неизвѣстны, и такъ поэтому непонятны. Мы къ нимъ были не только не подготовлены, но, конечно, не могли и догадываться, и только кажется графъ Фредериксъ и В. Н. Воейковъ, были болѣе или менѣе освѣдомлены о переговорахъ Рузскаго и о послѣднихъ телеграммахъ, полученныхъ черезъ Рузскаго и генерала Алексѣева отъ командующихъ фронтами.

Насъ, по обычаю, продолжали держать въ полной неизвѣстности, и вѣроятно, по привычкѣ-же, даже и на этотъ разъ забыли о нашемъ существованіи. А мы были такіе-же русскіе, жили тутъ-же рядомъ, подъ одной кровлей вагона, и также могли волноваться, страдать и мучиться не только за себя, какъ «пустые и въ большинствѣ эгоистичные люди», но и за нашего Государя, за нашу Россію.

Но, войдя въ столовую и, сѣвъ на незанятое мѣсто, съ краю стола, я сейчасъ же почувствовалъ, что и этотъ часъ нашего обычнаго общенія съ Государемъ пройдетъ точно такъ же, какъ и подобные часы минувшихъ «обыкновенныхъ» дней...

Шелъ самый незначительный разговоръ, прерывавшійся на этотъ разъ только болѣе продолжительными паузами...

Рядомъ была буфетная, кругомъ ходили лакеи, подавая чай, и можетъ быть ихъ присутствіе и заставляло всѣхъ быть такими же «обычными» по наружности, какъ всегда.

Государь сидѣлъ спокойный, ровный, поддерживалъ разговоръ и только по его глазамъ, печальнымъ, задумчивымъ, какъ-то сосредоточеннымъ, да по нервному движенію, когда онъ доставалъ папиросу, можно было чувствовать, насколько тяжело у него на душѣ...

Ни одного слова, ни одного намека на то, что всѣхъ насъ мучило, не было, да, пожалуй и не могло быть произнесено. Такая обстановка заставляла лишь уходить въ себя, несправедливо негодовать на другихъ, «зачѣмъ говорятъ о пустякахъ» и мучительно думать: «когда-же, наконецъ, кончится это сидѣнье за чаемъ».

Оно, наконецъ, кончилось. Государь всталъ и удалился къ себѣ въ вагонъ. Проходя за нимъ послѣднимъ, по корридору, мимо открытой двери кабинета, куда вошелъ Государь, меня такъ и потянуло войти туда, но шедшій впереди графъ Фредериксъ или Воейковъ уже вошелъ раньше, съ какимъ-то докладомъ.

Мы всѣ собрались опять вмѣстѣ въ купэ адмирала Нилова и В. Н. Воейковъ былъ также съ нами. Онъ былъ, какъ чувствовалось, не менѣе насъ удрученъ, но умѣлъ лучше насъ скрывать свои волненія и переживанія. Отъ него мы, наконецъ, узнали, что Родзянко, ночью въ переговорахъ съ Рузскимъ, просилъ отмѣнить присылку войскъ, такъ какъ «это безполезно, вызоветъ лишнее кровопролитіе, а войска все равно противъ народа драться не будутъ и своихъ офицеровъ перебьютъ». Родзянко утверждалъ, что единственный выходъ спасти династію — это добровольное отреченіе Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Генералъ Алексѣевъ также телеграфировалъ, что и по его мнѣнію, создавшаяся обстановка не допускаетъ иного рѣшенія и что каждая минута дорога и онъ умоляетъ Государя, ради любви къ родинѣ, принять рѣшеніе «которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ».

Появились, не помню кѣмъ принесенныя и несчастныя телеграммы Брусилова, Эверта, Сахарова и поступившая уже вечеромъ телеграма адмирала Непенина.

Телеграммы Великаго Князя Николая Николаевича съ Кавказа при этомъ не было. Она кажется оставалась у Его Величества, но,

какъ намъ кто-то сказалъ, и Великій Князь въ сильныхъ выраженіяхъ умолялъ Государя принять это-же рѣшеніе.

Тогда-же впервые прочитали мы и копіи телеграммъ, переданныхъ еще днемъ Рузскому и возвращенныхъ послѣднимъ Нарышкину.

Вотъ ихъ текстъ:

«Предсѣдателю Государственной Думы

Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ-бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной Матушки Россіи. Посему я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына, съ тѣмъ, чтобы оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата моего великаго князя Михаила Александровича.

НИКОЛАЙ».

Наштаверхъ. Ставка.

«Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно.

НИКОЛАЙ».

Телеграммы эти говорятъ сами за себя. Каждый, соотвѣтственно своему пониманію и настроенію, своему уму и сердцу сможетъ сдѣлать изъ нихъ и собственные выводы.

Я лично читалъ ихъ тогда въ какомъ-то туманѣ, не понимая многихъ фразъ, и все силясь отыскать въ ихъ словахъ главную побудительную причину, вызвавшую, по сообщенію Фредерикса, роковое рѣшеніе. Слова Государя «*разъ войска этого хотятъ*» не выходили у меня изъ головы и, какъ это ни странно, мнѣ было-бы легче на душѣ, если-бы это желаніе войскъ тамъ было ясно и категорически выражено: оно оправдывало-бы въ моихъ глазахъ, хотя отчасти, и рѣшимость Главнокомандующихъ послать такія телеграммы Его Величеству, а также и рѣшимость Государя подъ ихъ впечатлѣніемъ отказаться отъ престола. Но ничего подобнаго я тамъ не находилъ: умоляли, настаивали и указывали одни лишь высшіе генералы, но говорили исключительно отъ себя. Войска, офицеры и другіе генералы молчали и оставались вѣрны присягѣ, о чемъ свидѣтельствовалъ и самъ генералъ Алексѣевъ, говоря, что «пока арміи еще удается спасти отъ проникновенія

болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву и Кронштадтъ», а генералъ Сахоровъ съ еще большей убѣдительностью увѣрялъ, что: «арміи и флотъ непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были призваны къ защитѣ родины отъ врага внѣшняго».

Объ этомъ говорило потомъ, не дошедшее до насъ благородное исповѣданіе вѣры генерала Хана Нахичеванскаго, выражавшаго, конечно, не на словахъ только «безпредѣльную преданность гвардейской кавалеріи и готовность ея умереть за своего обожаемаго монарха».

Эту телеграмму гвардейская кавалерія послала Рузскому съ «просьбой повергнуть ее къ стопамъ Его Величества», но она была послана черезъ день послѣ отреченія, и Государь о ней не зналъ даже и черезъ пять дней послѣ ея отправленія.

Но телеграмма Сахарова, такъ отвѣчавшая моимъ чувствамъ въ своемъ началѣ, поразила своимъ дальнѣйшимъ несообразіемъ въ концѣ. «Логика разума» и у него повелѣвала надъ логикой сердца, а мнѣ всегда казалось, что то только вѣрно и сильно, что одинаково крѣпко познается, какъ сердцемъ такъ и умомъ. Въ своемъ отуманенномъ сознаніи, стараясь создать себѣ иллюзіи, я обращался на мгновеніе въ наивнаго мальчика и какъ въ своемъ дѣтствѣ, такъ и тогда недоумѣвалъ: «Вѣдь эти солдаты ведутъ своихъ вождей къ побѣдѣ. Вѣдь въ дѣйствительности берутъ крѣпости и дерутся только они. Они значитъ — главная сила, а генераламъ напрасно приписывается главная роль», и я, какъ мальчикъ, невольно снова радовался, что войска въ этихъ телеграммахъ пока молчали, были «здоровы», вѣрны, а, будучи здоровыми, могли заговорить совсѣмъ другими словами. Но сейчасъ-же переходилъ на опасенія взрослаго человѣка, уже искушеннаго опытомъ столь близкихъ дней «а что, если они молчатъ лишь потому, что ничего не знаютъ и «здоровы» лишь пока столичное повѣтріе еще не донеслось до нихъ?».

Въ подобномъ-же настроеніи былъ видимо и генералъ Дубенскій, который находился не въ нашемъ поѣздѣ, и до котораго вѣсть объ отреченіи дошла значительно позднѣе, чѣмъ до насъ. Онъ появился въ нашемъ вагонѣ очень растерянный, взволнованный и все какъ-то задумчиво и недоумѣвающе повторялъ: «какъ-же это такъ, вдругъ отречься... не спросить войско, народъ... и даже не попытаться поѣхать къ гвардіи... Тутъ въ Псковѣ говорятъ за всю страну, а можетъ она и не захочетъ»...

Эти отрывочныя разсужденія Дубенскаго невольно совпадали съ

безпорядочно проносившимися и у меня мыслями. Я самъ не зналъ и не понималъ, какъ все это произшло.

Намъ всѣмъ, ошеломленнымъ сообщеніемъ графа Фредерикса и озабоченнымъ попытками перемѣнить роковое рѣшеніе — было не до разспросовъ о подробностяхъ, его вызвавшихъ.

Что-то скажутъ эти Думскіе посланцы — продолжали тоскливо надѣяться всѣ мы. Неужели и они, какъ главнокомандующіе будутъ видѣть въ отреченіи единственную возможность возстановленія порядка. Вѣдь не все еще потеряно. Телеграмму объ отреченіи удалось задержать и все можетъ еще повернуться въ другую сторону въ зависимости отъ этихъ переговоровъ. Вѣдь въ Петроградѣ настроеніе мѣняется, и не даромъ Рузскій такъ желалъ, чтобы депутацію провели раньше къ нему, не допустивъ ее непосредственно безъ него до Государя, о чемъ предупредилъ и у насъ и сдѣлалъ распоряженіе и у себя въ штабѣ и на станціи. Онъ навѣрное, если депутаты имѣютъ другое порученіе, сумѣетъ уговорить ихъ присоединиться къ своимъ настояніямъ. Надо во что бы то ни стало, не допустить ихъ до предварительнаго свиданія съ Рузскимъ, а сейчасъ же, какъ пріѣдутъ, провести ихъ къ Государю.

Въ необходимости этого были убѣждены всѣ мы, и Воейковъ, по приказанію графа Фредерикса, поручилъ это мнѣ, какъ дежурному.

Было уже около семи вечера — часъ, когда, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, должны были пріѣхать Шульгинъ и Гучковъ. Но, выйдя на платформу, я узналъ отъ начальника станціи, что ихъ экстренный поѣздъ гдѣ-то задержался въ пути и что ранѣе девяти часовъ вечера они врядъ-ли прибудутъ. Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы мнѣ сообщили, когда поѣздъ прибудетъ на сосѣднюю станцію, я вернулся въ вагонъ. Было время обѣда, всѣ были уже въ столовой, и я поспѣшилъ туда. То же тяжелое настроеніе и то же раздраженіе отъ невольной безпомощности, какъ и за дневнымъ чаемъ, охватило меня. Все продолжало быть, по крайней мѣрѣ наружно, какъ бывало и въ обыкновенные дни...

Опасаясь пропустить прибытіе депутатовъ, я не досидѣлъ до конца обѣда, а вышелъ на платформу, увидя, что на станцію пришелъ какой то поѣздъ. Это былъ пассажирскій поѣздъ, направлявшійся съ юга въ Петроградъ. Стало извѣстно, что онъ задержится въ Псковѣ по какой-то причинѣ и отправится далѣе не ранѣе, какъ черезъ часъ. Поѣздъ былъ переполненъ, и масса народу высыпала на платформу, съ любопытствомъ разсматривая Императорскій поѣздъ, стоявшій не-

вдалекѣ. Несмотря на то, что толпа пассажировъ знала, что находится вблизи Царя, она держала себя отнюдь не вызывающе, а съ обычнымъ почтительнымъ вниманіемъ, какъ это я успѣлъ замѣтить, оставаясь долго на платформѣ и прогуливаясь среди пассажировъ въ надеждѣ увидать кого-либо изъ знакомыхъ. О «всеобщей ненависти къ династіи», о которой съ такимъ убѣжденіемъ сообщалъ Родзянко, тутъ не было и помина.

Войдя къ себѣ, я узналъ, что профессоръ Федоровъ съ этимъ же поѣздомъ отправляетъ своего человѣка съ письмомъ къ семьѣ, такъ какъ телеграфъ съ Петроградомъ частныхъ телеграммъ уже не принималъ. Это обстоятельство напомнило мнѣ о моихъ, о которыхъ я тогда забылъ. Я воспользовался добрымъ предложеніемъ Сергѣя Петровича и наскоро набросалъ записку женѣ, убѣждая ее не волноваться и увѣдомляя, что мы задержались не надолго въ Псковѣ и что, вѣроятно, скоро увидимся. Письмо я просилъ опустить на вокзалѣ въ Гатчинѣ, гдѣ жила моя семья. Записку эту жена моя такъ и не получила.

Было уже около девяти часовъ вечера. Снова показался поѣздъ, на этотъ разъ подходившій со стороны Петрограда. Я торопливо вышелъ ему навстрѣчу, но и онъ не былъ тотъ, котораго я ждалъ. Онъ прибылъ изъ Петрограда съ обыкновенными пассажирами, выйдя оттуда утромъ того-же дня. Фельдъегеря изъ Царскаго Села въ немъ не было, но ѣхалъ на фронтъ какой-то другой фельдъегерь изъ Главнаго штаба. На его груди, какъ и на шинеляхъ нѣсколькихъ офицеровъ и юнкеровъ, пріѣхавшихъ съ поѣздомъ, были нацѣплены большіе и малые красные банты, у нѣкоторыхъ изъ ленточекъ отъ орденовъ. Они всѣ были безъ оружія. Это меня поразило. Я не удержался и подошелъ къ юнкерамъ. Они мнѣ сообщили, что въ Петроградѣ съ утра 2-го марта, когда они уѣзжали, стало какъ будто спокойнѣе. Стрѣльбы почти не было слышно, но что сопротивленіе войскъ, вѣрныхъ присягѣ — окончательно сломлено, и весь Петроградъ въ рукахъ бунтующихъ. Офицеровъ стали меньше избивать, но все-же толпы солдатъ и рабочихъ набрасываются на нихъ на улицѣ, отнимаютъ оружіе, а кто сопротивляется, тѣхъ убиваютъ. Въ особенности преслѣдуютъ юнкеровъ, защищавшихся съ особеннымъ упорствомъ, и имъ, съ большимъ трудомъ, удалось пробраться на вокзалъ и уѣхать изъ этого «проклятаго города».

— «Это наше начальство, для нашей безопасности заставило нацѣпить эти банты и выходить на улицу безъ оружія» — съ какимъ-то гадливымъ смущеніемъ оправдывались они. То же самое подтвердилъ

и фельдъегерь и тѣ два-три офицера, съ которыми мнѣ кратко удалось переговорить. Они тоже не упоминали о ненависти населенія къ Царской семьѣ и, по ихъ отрывистымъ, возбужденнымъ словамъ, все происходившее они считали грандіознымъ бунтомъ запасныхъ и фабричныхъ, съ которымъ будетъ теперь очень трудно справиться, «но все же справиться можно».

Поѣздъ недолго стоялъ и вскорѣ отправился далѣе. Я только вернулся къ себѣ въ вагонъ, какъ сообщили, что депутатскій поѣздъ прибылъ на сосѣдній полустанокъ и черезъ десять-пятнадцать минутъ ожидается уже въ Псковъ. Было уже почти десять часовъ вечера. Я немного замѣшкался, и это вызвало нервное нетерпѣніе моихъ товарищей: «что ты тамъ копаешься, торопись, а то Рузскій перехватитъ».

Я поторопился и вышелъ на платформу. На ней никого почти не было, она была совсѣмъ темна и освѣщалась лишь двумя тремя далекими тусклыми фонарями. Я спросилъ у дежурнаго по станціи, на какой путь ожидается экстренный поѣздъ, и онъ указалъ мнѣ на рельсы, проходившія почти рядомъ съ тѣми, на которыхъ стоялъ нашъ поѣздъ, а мѣсто остановки почти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Прошло нѣсколько минутъ, когда я увидѣлъ приближающіеся огни локомотива. Поѣздъ шелъ быстро и состоялъ не болѣе какъ изъ одного двухъ вагоновъ. Онъ еще не остановился окончательно, какъ я вошелъ на заднюю площадку послѣдняго класснаго вагона, открылъ дверь и очутился въ обширномъ темномъ купэ, слабо освѣщенномъ лишь мерцавшимъ огаркомъ свѣчи. Я съ трудомъ разсмотрѣлъ въ темнотѣ двѣ стоявшихъ у дальней стѣны фигуры, догадываясь, кто изъ нихъ долженъ быть Гучковъ, кто — Шульгинъ. Я не зналъ ни того ни другого, но почему-то рѣшилъ, что тотъ, кто моложе и стройнѣе, долженъ быть Шульгинъ и обращаясь къ нему сказалъ: «Его Величество Васъ ожидаетъ и изволитъ тотчасъ-же принять».

Оба были, видимо, очень подавлены, волновались, руки ихъ дрожали, когда они здоровались со мною, и оба имѣли не столько усталый, сколько растерянный видъ. Они были очень смущены и просили дать имъ возможность привести себя въ порядокъ послѣ пути, но я имъ отвѣтилъ, что это неудобно и мы сейчасъ-же направились къ выходу.

— «Что дѣлается въ Петроградѣ?» — спросилъ я ихъ.

Отвѣтилъ Шульгинъ. Гучковъ все время молчалъ и, какъ въ вагонѣ, такъ и идя до Императорскаго поѣзда, держалъ голову низко опущенною.

— «Въ Петроградѣ творится что-то невообразимое» — говорилъ,

волнуясь Шульгинъ. «Мы находимся всецѣло въ ихъ рукахъ и насъ навѣрно арестуютъ, когда мы вернемся».

«Хороши-же Вы, народные избранники, облеченные всеобщимъ довѣріемъ», какъ сейчасъ помню, нехорошо шевельнулось въ душѣ при этихъ словахъ. «Не прошло и двухъ дней, какъ Вамъ приходится уже дрожать передъ этимъ «народомъ»; хорошъ и самъ «народъ», такъ относящійся къ своимъ избранникамъ.

Я вышелъ первымъ изъ вагона, и увидѣлъ на отдаленномъ концѣ платформы какого-то офицера, вѣроятно изъ штаба Рузскаго, спѣшно направлявшагося въ нашу сторону. Онъ увидѣлъ нашу группу и тотчасъ-же повернулъ назадъ.

— «Что-же Вы теперь думаете дѣлать, съ какимъ порученіемъ пріѣхали, на что надѣетесь?» — спросилъ я, волнуясь, шедшаго рядомъ Шульгина. Онъ съ какою-то, смутившею меня, не то неопредѣленностью, не то безнадежностью отъ собственнаго безсилія, и какъ то тоскливо и смущенно понизивъ голосъ, почти шопотомъ, сказалъ: «знаете, мы надѣемся только на то, что быть можетъ, Государь намъ поможетъ»...

— «Въ чемъ поможетъ?» — вырвалось у меня, но получить отвѣта я не успѣлъ. Мы уже стояли на площадкѣ вагона — столовой и Гучковъ и Шульгинъ уже нервно снимали свои шубы. Ихъ сейчасъ-же провелъ скороходъ въ салонъ, гдѣ назначенъ былъ пріемъ и гдѣ находился уже графъ Фредериксъ. Бѣдный старикъ, волнуясь за свою семью, спросилъ, здороваясь, Гучкова, что дѣлается въ Петроградѣ и тотъ «успокоилъ» его самымъ жестокимъ образомъ: «въ Петроградѣ стало спокойнѣе, графъ, но Вашъ домъ на Почтамтской совершенно разгромленъ, а что сталось съ Вашей семьей — неизвѣстно».

Вмѣстѣ съ графомъ Фредериксомъ, въ салонѣ находился и Нарышкинъ, которому, какъ начальнику военно - походной канцеляріи, было поручено присутствовать при пріемѣ и записывать все происходящее во избѣжаніе могущихъ потомъ послѣдовать разныхъ выдумокъ и неточностей.

Нарышкинъ еще ранѣе, до пріѣзда депутатовъ, предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ эту обязанность, но мысль, присутствовать при такомъ пріемѣ лишь молчаливымъ свидѣтелемъ, показалась мнѣ почему то настолько невыносимой, что я тогда подъ какимъ-то предлогомъ отказался отъ этого порученія. Теперь я объ этомъ отказѣ сожалѣлъ, но было поздно.

Въ корридорѣ вагона Государя, куда я прошелъ, я встрѣтилъ

генерала Воейкова. Онъ доложилъ Его Величеству о прибытіи депутатовъ и, черезъ нѣкоторое время, Государь въ Кавказской казачьей формѣ, спокойный и ровный, прошелъ своей обычной неторопливой походкой въ сосѣдній вагонъ и двери салона закрылись.

Я нѣсколько минутъ оставался въ корридорѣ у кабинета Государя, разговаривая съ Воейковымъ и пришедшими туда-же Долгоруковымъ, графомъ Граббе и герцогомъ Лейхтенбергскимъ, дѣлясь съ ними впечатлѣніями о мимолетномъ общеніи съ «депутатами». Какъ вспоминаю, я и тогда еще не терялъ надежды на лучшій исходъ. Слова монархиста Шульгина, что они «надѣются на помощь Государя», я толковалъ по своему въ томъ смыслѣ, какъ мнѣ этого хотѣлось, и даже чувствовалъ къ нему извѣстную признательность за это обращеніе къ помощи Его Величества.

Во время этого разговора мы увидѣли Рузскаго, торопливо подымавшагося на входную площадку салона, и я подошелъ къ нему, чтобы узнать, чѣмъ вызванъ его приходъ. Рузскій былъ очень раздраженъ и, предупреждая мой вопросъ, обращаясь въ пространство, съ нервной рѣзкостью, началъ совершенно по начальнически кому-то выговаривать: «Всегда будетъ путаница, когда не исполняютъ приказаній. Вѣдь было ясно сказано направить депутацію раньше ко мнѣ. Отчего этого не сдѣлали, вѣчно не слушаются»...

Я хотѣлъ его предупредить, что Его Величество занятъ пріемомъ, но Рузскій, торопливо скинувъ пальто, рѣшительно самъ открылъ дверь и вошелъ въ салонъ.

Его раздраженіе доставило мнѣ мимолетное удовольствіе, но и вызвало тяжелое предчувствіе о томъ, что совершалось за этими дверьми. Я ушелъ къ себѣ и съ какимъ-то тупымъ безразличіемъ прилегъ на диванъ.

Не помню когда, но кажется очень скоро, ко мнѣ въ купэ заглянулъ Нарышкинъ, озабоченно проходившій къ себѣ въ канцелярію по корридору. Я такъ и бросился къ нему: «Ну, что, уже кончилось, уже рѣшено, что они говорятъ?» — съ замирающимъ сердцемъ спрашивалъ я его. «Говоритъ одинъ только Гучковъ, все тоже, что и Рузскій» отвѣтилъ мнѣ Нарышкинъ. «Онъ говоритъ, что кромѣ отреченія нѣтъ другого выхода, и Государь уже сказалъ имъ, что онъ и самъ это рѣшилъ еще до нихъ. Теперь они сомнѣваются, въ правѣ-ли Государь передать престолъ Михаилу Александровичу, минуя Наслѣдника, и спрашиваютъ для справки Основные Законы. Пойдемъ, помоги мнѣ ихъ

отыскать, хотя врядъ-ли они взяты у насъ съ собою въ вагонъ. Въ нихъ никогда не было надобности въ путешествіяхъ»...

Всѣ иллюзіи пропадали, но я цѣплялся еще за послѣднюю, самую ничтожную: «Разъ вопросъ зашелъ о правѣ, о законахъ, то значитъ съ чѣмъ-то еще должны считаться, даже и люди, нарушившіе законъ въ эти безправные дни и можетъ быть»...

Основные Законы я зналъ лишь поверхностно, но все же мнѣ пришлось съ ними знакомиться лѣтъ пять назадъ, когда возникли разные вопросы въ связи съ состоявшимся бракомъ Великаго Князя Михаила Александровича съ г-жей Вульфертъ. Тогда все было ясно, но это было давно, я многія толкованія забылъ, хотя и твердо сознавалъ, что при живомъ Наслѣдникѣ Михаилъ Александровичъ могъ бы воцариться лишь съ согласія и отказа самого Алексѣя Николаевича отъ своихъ правъ. А, если такой отказъ по малолѣтству Алексѣя Николаевича немыслимъ и онъ долженъ будетъ вопреки желанію отца сдѣлаться Царемъ, то можетъ быть и Государь, которому невыносима мысль разстаться съ сыномъ, отдумаетъ поэтому отрекаться, чтобы имѣть возможность оставить его при себѣ.

Облегченіе для меня въ данную минуту заключалось въ томъ, имѣлось-ли въ Основныхъ Законахъ указаніе на право Государя, какъ опекуна, отречься не только за себя, но и за своего малолѣтняго сына отъ престола.

Что въ обыденной жизни наши гражданскіе законы такихъ правъ опекуну не давали, я зналъ твердо по собственному опыту, что сейчасъ и высказалъ Нарышкину, по дорогѣ, проходя съ нимъ въ сосѣдній вагонъ, гдѣ помѣщалась наша походная канцелярія.

— «Что говорятъ объ этомъ Основные Законы, я хорошо не помню, но знаю, почти заранѣе, что они врядъ-ли будутъ по смыслу противорѣчить обыкновеннымъ законамъ, по которымъ опекунъ не можетъ отказываться ни отъ какихъ правъ опекаемаго, а значитъ и Государь до совершеннолѣтія Алексѣя Николаевича не можетъ передать престола ни Михаилу Александровичу ни кому-либо другому. Вѣдь мы всѣ присягали Государю и его законному Наслѣднику — а законный Наслѣдникъ, пока живъ Алексѣй Николаевичъ, только онъ одинъ».

— «Я и самъ такъ думаю», отвѣтилъ въ раздумiи Нарышкинъ, «но вѣдь Государь не просто частный человѣкъ и можетъ быть Учрежденіе Императорской фамиліи и Основные Законы и говорятъ объ этомъ иначе».

— «Конечно, Государь не частный человѣкъ, а Самодержецъ» —

сказалъ я — «но, отрекаясь, онъ уже становится этимъ частнымъ человѣкомъ и просто опекуномъ, не имѣющимъ никакого права лишать опекаемаго его благъ».

Томъ Основныхъ Законовъ къ нашему удовлетворенію, послѣ недолгихъ розысковъ, нашелся у насъ въ канцеляріи, но спѣшно перелистывая его страницы, прямыхъ указаній на права Государя, какъ опекуна, мы не нашли. Ни одна статья не говорила о данномъ случаѣ, да тамъ и вообще не было упомянуто о возможности отреченія Государя, на что мы оба къ нашему удовлетворенію. обратили тогда вниманіе.

Нарышкинъ торопился. Его ждали, и взявъ книгу, онъ направился къ выходу. Идя за нимъ, я помню ему говорилъ:

— «Хотя въ Основныхъ Законахъ по этому поводу ничего яснаго нѣтъ все-же надо непремѣнно доложить Государю, что по смыслу общихъ законовъ, онъ не имѣетъ права отрекаться за Алексѣя Николаевича. Опекунъ не можетъ, кажется, даже отказаться отъ пріятія какого-либо дара въ пользу опекаемаго, а тѣмъ болѣе, отрекаясь за него, лишать Алексѣя Николаевича и тѣхъ имущественныхъ правъ, съ которыми связано его положеніе, какъ Наслѣдника. Пожалуйста, непремѣнно доложи обо всемъ этомъ Государю».

Лишь, какъ сквозь туманъ вспоминаю я и возвращеніе Нарышкина и Фредерикса отъ Государя и ихъ сообщеніе о происходившихъ переговорахъ. Разсказъ Шульгина, напечатанный въ газетахъ, который я впослѣдствіи прочелъ, многое возобновилъ въ моей памяти. За небольшими исключеніями (про справку въ Основныхъ Законахъ Шульгинъ умалчиваетъ) онъ въ общемъ вѣренъ и правдиво рисуетъ картину пріема членовъ Думы*).

Около 12 часовъ ночи Гучковъ и Шульгинъ покинули нашъ поѣздъ, ушли къ Рузскому и мы ихъ больше не видали. Передъ уходомъ они старались успокоить Фредерикса и говорили, что «временное правительство возьметъ на себя заботы о томъ, чтобы этому достойному старцу не было сдѣлано никакого зла».

Отреченіе безповоротно состоялось, но еще не было окончательно оформлено. Въ проектѣ манифеста, какимъ-то образомъ предупредительно полученномъ изъ Ставки и составленномъ, какъ я узналъ потомъ, по порученію генерала Алексѣева, Лукомскимъ и Базили, по-

---

*) Разсказъ В. В. Шульгина см. «Русская Лѣтопись» книга III стр. 208—212 *(ред.)*.

требовались нѣкоторыя измѣненія. Сверхъ того, члены Думы, вѣроятно для надежности, просили переписать манифестъ въ двухъ экземлярахъ. Оба за подписью Его Величества должны были по ихъ просьбѣ быть скрѣпленными Министромъ Двора. Первый экземпляръ, напечатанный, какъ затѣмъ и второй, въ нашей канцеляріи на машинкѣ, на телеграфныхъ бланкахъ, Государь подписалъ карандашемъ.

Эти манифесты были наконецъ около часу ночи переписаны, какъ ихъ отъ Государя принесли въ купэ къ графу Фредериксу и съ какимъ отчаяніемъ бѣдный старикъ, справляясь съ трудомъ, дрожащей рукою, ихъ очень долго подписывалъ.

Послѣ ухода думскихъ депутатовъ мы собрались всѣ въ столовой не для чая, котораго никто не касался, а для того, чтобы въ эти жуткія минуты не быть въ одиночествѣ.

Никакихъ извѣстій изъ Царскаго все еще получено не было. Въ это время принесли телеграмму отъ Алескѣева изъ Ставки, испрашивавшаго у Государя разрѣшеніе, на назначеніе, по просьбѣ Родзянко, генерала Корнилова командующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ и Его Величство выразилъ на это свое согласіе. Это была первая и послѣдняя телеграмма, которую Государь подписалъ какъ Императоръ и какъ Верховный Главнокомандующій уже послѣ своего отреченія.

Вспоминаю, какъ кто-то вошелъ и сказалъ, что съ поѣзда, въ которомъ прибыли Гучковъ и Шульгинъ, разбрасываются прокламаціи и что якобы, по слухамъ, по шоссе изъ Петрограда двигаются на Псковъ какіе-то вооруженные автомобили и что ихъ приказано задержать.

Тутъ же въ столовой появилась у насъ, неизвѣстно кѣмъ принесенная, копія послѣдняго, вечерняго разговора Родзянко съ Рузскимъ, въ которомъ Родзянко въ возвышенно радостныхъ выраженіяхъ сообщалъ, что: «наступило успокоеніе, и имъ впервые удалось достигнуть какого-то и съ кѣмъ-то соглашенія и въ первый разъ вздохнуть свободно и что такое событіе было ими отпраздновано даже пушечными выстрѣлами изъ крѣпости.

Въ этотъ-же поздній вечеръ былъ рѣшенъ и нашъ немедленный отъѣздъ въ Ставку, такъ какъ Государь рѣшилъ до своего возвращенія въ Царское Село проститься съ войсками, о чемъ и объявилъ Гучкову и Шульгину на ихъ почтительно озабоченный вопросъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Его Величества. Члены Думы заявили при этомъ, что Временное Правительство приметъ всѣ возможныя мѣры для безопас-

наго слѣдованія Его Величества въ Ставку и въ Царское Село. Кажется, для охраны пути Императорскаго поѣзда предполагалось еще днемъ вызвать нѣкоторые желѣзнодорожные батальоны.

Вспоминаю, что несмотря на все безразличіе, охватившее меня, я могъ еще въ тайникахъ души радоваться этому намѣренію Государя «проститься съ войсками». Я еще могъ надѣяться, что появленіе Государя среди войскъ или даже слова его прощальнаго приказа могутъ произвести такое сильное впечатлѣніе на хорошую солдатскую и офицерскую массу, что она сумѣетъ убѣдить своего вождя и Царя отказаться отъ рокового для всей страны рѣшенія...

Я еле держался на ногахъ, не отъ физической, но отъ нервной усталости. Я силился заснуть и не могъ. Начались тѣ долгія безсонныя ночи въ поѣздѣ и въ Ставкѣ, мученія которыхъ знаетъ только тотъ, кто имѣлъ ужасъ, когда-либо ихъ испытать, и о которыхъ боишься даже вспоминать.

Днемъ становилось все-таки, какъ будто, легче. Мелочи жизни, хотя и не наполняли объявшей меня мучительной пустоты, но заставляли бодриться на виду у другихъ и отвлекали вниманіе отъ самого себя.

Но все-же это главное — обстоятельства, вызвавшія столь внезапный уходъ Государя — не переставали и тогда мучительно волновать мои мысли.

За этотъ уходъ я не могъ упрекать его такъ сильно, какъ упрекали его, быть можетъ, другіе, не менѣе меня преданные ему и родинѣ люди. Я его слишкомъ любилъ какъ человѣка, чтобы не силиться найти въ его человѣческой природѣ объясненій такому рѣшенію, быть можетъ и не подходившему для Царя всей Россіи. Но понимая наболѣвшимъ сердцемъ всю горечь волновавшихъ его чувствъ, я до сихъ поръ не понимаю изъ нихъ одного: почему, судя по телеграммѣ его къ матери, — онъ считалъ себя такимъ одинокимъ и покинутымъ, когда не могъ не чувствовать, что тутъ же, рядомъ съ нимъ, подъ одной кровлей вагона, бились любящія сердца, не менѣе, чѣмъ онъ страдавшія одинаковыми переживаніями и за него и за родину.

Его замкнутая, скромная до застѣнчивости, благородная натура привыкла съ ранняго дѣтства переживать сама съ собою свои страданія и свои обиды, не отдавая ихъ для сочувствія другимъ, даже самымъ близкимъ людямъ.

Онъ такъ часто при мнѣ дѣлился съ другими своими радостями

за себя, за родину, за другихъ и всегда молчаливо, въ одиночествѣ, переживалъ и свое разочарованіе и свое горе.

Ему было такъ легко радобать другихъ и совершенно невозможно огорчать кого-либо своими собственными страданіями.

Кто знаетъ — думалось тогда мнѣ — быть можетъ эти характерныя черты, донесенныя съ дѣтства до зрѣлыхъ годовъ, и сказались, хотя отчасти на невольной потребности отречься — уйти надолго, совсѣмъ «въ другую комнату», какъ это когда-то бывало въ раннихъ дняхъ Его жизни, отъ не справедливо его обидѣвшихъ, но любимыхъ имъ русскихъ людей, чтобы не продолжать ссору и не мѣшать имъ «играть въ правительство».

И мнѣ казалось, я былъ тогда даже убѣжденъ, что рѣшеніе возникло у Государя уже раньше, еще до полученія телеграммъ Главнокомандующихъ и настояній Рузскаго. Оно вѣроятно мелькнуло въ его мысляхъ впервые, еще во вторникъ 28 февраля позднимъ вечеромъ, когда его осмѣлились непропустить въ Царское, а потребовали препровожденія въ Петроградъ, и начало укрѣпляться въ мучительную ночь съ 1 марта на 2, когда утромъ меня такъ поразилъ его измученный видъ. Это рѣшеніе было принято имъ, какъ всегда единолично, въ борьбѣ съ самимъ собою, и посвящать въ свою душевную драму другихъ, даже близкихъ, онъ по складу своей застѣнчивой, самолюбиво-благородной натуры, вѣроятно, не только не хотѣлъ, но и не могъ.

Даже болѣе сильныя настоянія, чѣмъ настоянія Родзянко, Рузскаго и другихъ генераловъ, мнѣ кажется, никогда не имѣли-бы окончательнаго успѣха, если-бы они не упали, уже на подготовленную имъ самимъ почву. Его заставила это сдѣлать не созданная лишь потугами немногихъ обстановка, наперекоръ которой, несмотря на войну, онъ всегда имѣлъ возможность и *характеръ* пойти и могъ разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ, а нѣчто высшее, чѣмъ даже суровое чувство долга Государя передъ управляемой родиной — человѣческая любовь къ русскимъ людямъ, не разбирая средп нихъ ни друзей, ни враговъ.

Зная давно о существованіи заговора и, вѣроятно, часто въ мысляхъ готовясь къ встрѣчѣ съ нимъ, Государь вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко вѣрилъ и въ то, что предательство изойдетъ не отъ простого народа, «стихійнымъ движеніемъ» котораго такъ искусно теперь прикрывались его вожаки.

Готовый по его словамъ на всякія жертвы для блага Россіи, онъ меньше всего могъ допустить, чтобы лично изъ за него, прежде человѣка, чѣмъ Государя, пролилась дорогая русская кровь.

Еще другое чувство — чувство быть можетъ не менѣе благородное, не менѣе властное для убѣжденныхъ натуръ — невольно должно было сказаться на его рѣшеніи, которое будетъ оплакивать вся Россія...

— «Что ему стоитъ» — говорили еще задолго многіе — «далъ-бы имъ конституцію и жилъ-бы себѣ спокойно Царемъ, да еще считался бы величайшимъ благодѣтелемъ народа и просвѣщеннѣйшимъ монархомъ Россіи».

Кого, даже не гонимаго современной общественностью и не считавшаго власть тяжкимъ бременемъ, могли бы не смутить эти заманчивыя слова.

Они все-же не смутили «слабаго» и «безвольнаго» Государя Николая II.

Онъ сознавалъ, что это, дѣйствительно, облегченіе для него, связанное даже съ овaціями многихъ, не можетъ принести успокоенія самобытной русской землѣ, а лишь подчинитъ ее еще болѣе разуму узкихъ политическихъ партій, гдѣ правдѣ и настоящей свободѣ никогда не бываетъ мѣста.

Строить свое собственное благополучіе, спокойствіе и мнимое величіе на ясно имъ предвидѣнномъ раздорѣ другихъ онъ не могъ, и я думаю, что одновременно «съ запоздалымъ дарованіемъ конституціи» у него возникла мысль и объ уходѣ отъ такой власти: даже своимъ присутствіемъ около нея, онъ не хотѣлъ освящать то, что вмѣстѣ съ исторіей, знаніемъ Россіи онъ съ убѣжденіемъ считалъ вреднымъ и гибельнымъ для любимой страны.

И мнѣ казалось, что и это сознаніе, вмѣстѣ съ уже смутной надеждой внести хотя-бы короткое успокоеніе на время войны, не въ меньшей степени, чѣмъ и любовь къ русскимъ людямъ, облегчили Государю «поспѣшность» отреченія. Съ «своевременнымъ дарованіемъ конституціи», отреченія отъ престола конечно не было бы, но было бы отреченіе отъ началъ, завѣщанныхъ предками (и, какъ говорили и отцомъ), отъ тѣхъ завѣтовъ, которыми крѣпла и ширилась необъятная и непонятная для другихъ русская земля, и въ величіи и необходимости которыхъ онъ и самъ былъ убѣжденъ.

Въ предоставленномъ ему измѣною и предательствомъ выборѣ онъ предпочелъ отречься отъ меньшаго — отъ власти, становившейся при томъ слишкомъ призрачной, и кто изъ монархистовъ могъ бы его въ этомъ упрекнуть.

Думая такъ я начиналъ понимать и тѣ глубокія причины, ко-

торыя заставили Государя вопреки духу закона, отречься не только за себя, но и за своего малолѣтняго сына. Побужденіями одной лишь горячей отцовской любви онѣ, конечно, не могли объясниться. Не говоря, какъ всегда громкихъ фразъ, но отдавая всего себя на служеніе родинѣ «до гробовой доски» онъ и сына своего такъ же искренно готовилъ къ тому же. Всѣ заботы его и стремленія, какъ это чувствовалось мною не разъ, были къ тому направлены. Не только съ долгой разлукой, но даже съ смертью своего ребенка, онъ вѣроятно примирился бы, еслибы зналъ, что эта жизнь положена на благо Россіи.

Но съ однимъ онъ примириться вѣроятно не могъ, одно было выше его силъ: это отдать своего сына въ руки и подъ руководство тѣхъ, которыхъ онъ послѣ всего совершившагося, по праву считалъ преступными и жалкими. Въ духѣ какихъ понятій они могли бы его воспитывать. Какимъ пустымъ, льстивымъ содержаніемъ, какими отзывами о служеніи родного отца и предковъ должно было наполняться его молодое, воспріимчивое сознаніе.

Ему было не жаль жизни своего наслѣдника, но ему было нестерпимо жаль его чистой, непспорченной души.

Впослѣдствіи, находясь въ далекой Сибири, Государь, по свидѣтельству близкихъ лицъ, не переставалъ волноваться сомнѣніями, связанными съ его отреченіемъ. Онъ не могъ не мучиться сознаніемъ, что его уходъ, вызванный «искренними» настояніями «горячо любящихъ родину» людей, не послужилъ на пользу, а лишь во вредъ свято имъ чтимой Россіи.

Быть можетъ, именно эти жестокія нравственныя переживанія не за себя, а за родину заставили его, столь всепрощающаго, сказать въ Екатеринбургѣ слѣдующія слова: «Богъ не оставляетъ меня, Онъ дастъ мнѣ силы простить всѣхъ моихъ враговъ, но я не могу побѣдить себя еще въ одномъ: генерала Рузскаго я простить не могу».

Зная чуткую, полную христіанскихъ стремленій душу Государя, я знаю твердо также и то, что онъ конечно потомъ простилъ и этого генерала, какъ и остальныхъ «не вѣдавшихъ то, что творили». Но проститъ ли имъ это ихъ родина и ихъ собственное сознаніе.

«Нужно радоваться» — писалъ 5-го марта 1917 года въ «Journal des Debats» г. А. — «что Государь убѣдился въ томъ, что сопротивляться не надо. Онъ убережъ этимъ Россію отъ революціонныхъ безпорядковъ, послѣдствія которыхъ въ разгарѣ обще-европейскаго кризиса невозможно было-бы учесть. Какъ ни больно ему было разстаться съ властью, которой онъ считалъ себя какъ-бы священнымъ носите-

лемъ и которую онъ проявлялъ по велѣніямъ своей совѣсти, чтобы передать ее неподточенной своему преемнику, онъ долженъ былъ признать себя человѣкомъ другого вѣка. Если у него сохранились еще иллюзіи относительно чувствъ тѣхъ элементовъ, которые до сихъ поръ считались столпами Имперіи и самодержавія, онъ долженъ былъ потерять ихъ въ теченіе послѣднихъ дней... тѣмъ способомъ, которымъ онъ сходитъ съ трона, Николай II оказываетъ своей странѣ послѣднюю услугу — самую большую, которую онъ могъ оказать въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Очень жаль, что Государь, одаренный такой благородной душою, поставилъ себя въ невозможность править».

Такое сужденіе могъ высказывать только благожелательный, но поверхностный, не связанный кровью съ Россіей иностранецъ. Для человѣка съ русской душою, которою должны были-бы обладать и высшіе русскіе генералы и русскіе народные избранники, оно никогда не послужитъ оправданіемъ. Я знаю, что они не будутъ «радоваться», потому что не смогутъ. Если они будутъ искренни и вдумчивы, они будутъ горько плакать, сознавая себя орудіемъ лишь жалкой сплетни, черезъ нихъ сгубившей великій славянскій народъ. Если имъ не будетъ дано такихъ душевныхъ движеній, они, вмѣстѣ съ толпою, будутъ по прежнему обвинять не самихъ себя, а Того, Кому съ такой готовностью измѣнили: «вотъ до чего довелъ», — будутъ со злобой по старому громко повторять они, и только немногіе, болѣе совѣстливые изъ нихъ прибавятъ, но уже только въ своей душѣ, новыя «обвиненія»: «зачѣмъ давалъ намъ столько воли... зачѣмъ вѣрилъ въ наше благоразуміе, вѣрилъ въ насъ самихъ, въ нашу преданность, если не ему, то родинѣ. Какіе мы русскіе? Развѣ можно судить о всѣхъ по самому себѣ».

Извѣстіе объ отреченіи, хотя о немъ никто громко не говорилъ, дошло быстро и до нашей прислуги. Помню, какимъ тяжелымъ чувствомъ оно сказалось на проводникѣ нашего вагона. Въ теченіе этого и всего слѣдующаго дня, я видѣлъ его, съ утра до вечера, неизмѣнно сидящимъ, въ одной и той-же, почти застывшей позѣ, съ головою, низко опущенной на руки. Онъ никуда не отлучался изъ своего уголка, приходившагося противъ моего купэ, и совершенно забылъ о своихъ обязанностяхъ. Его видимо и не тянуло, какъ раньше, къ другимъ, гдѣ онъ могъ-бы дѣлиться впечатлѣніями или узнавать послѣднія новости. Да и эти другіе, судя по лицу моего старика Лукзена, обыкновенно очень общительнаго, а на этотъ разъ не обмолвившагося ни единымъ

словомъ о томъ, что произошло, — точно также, лишь въ самихъ себѣ, переживали надвинувшееся на родину несчастіе.

Глядя на нихъ, я невольно думалъ и объ остальныхъ, безчисленныхъ простыхъ русскихъ людяхъ, находившихся вдали отъ насъ, на всемъ пространствѣ Россіи, и точно такъ же, какъ и эти, «не мудрствующихъ лукаво».

Тогда, въ особенности тогда, и долго еще потомъ, мнѣ слышались убѣжденныя слова ихъ старика — посланца: «пусть батюшка Царь не безпокоится — мы его выручимъ, насъ много».

Наступило утро 3-го марта. Нашъ поѣздъ, вышедшій въ три часа ночи изъ Пскова, уже двигался по направленію къ Могилеву, въ Ставку.

Будущаго уже не было, дорогое, милое прошлое рухнуло куда то въ пропасть, а настоящее пока было схоже, своею видимостью, съ прежнимъ: жизнь въ нашемъ поѣздѣ наружно шла своимъ обычнымъ, размѣреннымъ ходомъ.

Государь и послѣ отреченія продолжалъ сохранять, не только для насъ, его любящихъ, но и для людей постороннихъ, равнодушныхъ, все то присущее ему величіе, которое эти послѣдніе думали, что можно съ него снять. Это и замѣчалось и чувствовалось мною, какъ во время остановокъ на станціяхъ, такъ и по пріѣздѣ въ Могилевъ и во время дальнѣйшаго пребыванія въ Ставкѣ.

Во время этого переѣзда, всѣ лица ближайшей свиты, находившіяся въ поѣздѣ, рѣшили сообща записать до малѣйшихъ подробностей, чуть-ли не по минутамъ, все то, что происходило за эти три дня, и Нарышкинъ записывалъ все подробно подъ нашу диктовку, хотѣлъ напечатать на пишущей машинкѣ и дать это описаніе каждому изъ насъ. Копіи телеграммъ Главнокомандующихъ мы получили, нашъ общій дневникъ онъ переписать не успѣлъ.

Государь рано утромъ съ дороги послалъ въ Кіевъ телеграмму своей матери, Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, прося ее пріѣхать на свиданіе въ Могилевъ, а также телеграммы въ Царское Село — Ея Величеству и въ Петроградъ Великому Князю Михаилу Александровичу, увѣдомлявшую о передачѣ ему престола.

Телеграмма эта навѣрно не дошла, такъ какъ, судя по воспоминаніямъ В. Д. Набокова, Великій Князь «очень подчеркивалъ свою

обиду, что братъ его «навязалъ» ему престолъ, даже не спросивъ его согласія».

Насколько помню, судя по разсказамъ лицъ, читавшихъ въ Ставкѣ эту телеграмму, она была очень сердечна и была адресована на имя Его Императорскаго Величества Михаила и въ ней были между прочимъ слова: «прости меня, если огорчилъ тебя, и что не успѣлъ своевременно предупредить», «останусь навсегда вѣрнымъ и любящимъ тебя братомъ», а также и выраженіе: «послѣднія событія вынудили меня безповоротно рѣшиться на этотъ крайній шагъ».

Около четырехъ съ половиной часовъ дня, когда поѣздъ сталъ подходить къ какой-то станціи, скороходъ предупредилъ меня, что Его Величество собирается выйти на прогулку. Остановка была недолгая, всего нѣсколько минутъ. Я вышелъ на рельсы съ противоположной стороны отъ платформы. День былъ сѣрый, ненастный, темнѣло. Была оттепель. Сильная грязь и нагроможденныя полѣницы дровъ оставляли очень мало мѣста для прогулки. Государь уже успѣлъ спуститься изъ своего вагона и, увидя меня, направился въ мою сторону: «А и Вы, Мордвиновъ, вышли подышать свѣжимъ воздухомъ», какъ то особенно добро и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мнѣ показалось, необычайно грустно сказалъ Государь и продолжалъ идти впередъ. Я пошелъ рядомъ съ нимъ. Мы были совершенно одни — всѣ мои товарищи по свитѣ оставались въ вагонѣ. Ординарецъ, урядникъ конвоя, находился далеко.

Впервые за эти мучительные дни мнѣ явилась неожиданная возможность остаться на нѣсколько минутъ съ глазу на глазъ съ Государемъ, олицетворявшимъ мнѣ мою родину, съ человѣкомъ, котораго я такъ любилъ и за котораго теперь такъ страдалъ...

Я чувствовалъ его душевное состояніе, мнѣ такъ хотѣлось его утѣшить, облегчить. Такъ стыдно было передъ нимъ за все совершившееся. Но чѣмъ утѣшить, что сказать — шевелилось напрасно въ моемъ затуманенномъ, подавленномъ мозгу: сказать про «главное», про напрасное отреченіе — теперь уже поздно. А утѣшить, но чѣмъ-же? чѣмъ? — все съ большими мученіями проносилось въ моихъ мысляхъ...

Государь шелъ такъ же молча, задумавшись, уйдя глубоко въ себя. Онъ былъ такой грустный, ему было такъ «не по себѣ»...

Я посмотрѣлъ на него и вдругъ заговорилъ, почти безсознательно

и такъ глупо и путанно, что до сихъ поръ краснѣю, когда вспоминаю эти свои взволнованныя «успокоенія», оставшіяся въ наказаніе у меня въ памяти.

— «Ничего, Ваше Величество» — сказалъ я — «не волнуйтесь очень, вѣдь Вы не напрашивались на престолъ, а наоборотъ Вашего предка, въ такое-же подлое время приходилось долго упрашивать и только, уступая настойчивой волѣ народа, онъ, къ счастью Россіи, согласился нести этотъ тяжелый крестъ... нынѣшняя воля народа, говорятъ, думаетъ иначе... что-жъ, пускай попробуютъ, пускай управляются сами, если хотятъ. Насильно милъ не будешь, только что изъ этого выйдетъ».

Государь пріостановился.

— «Ужъ и хороша эта воля народа!» — вдругъ съ болью и непередаваемой горечью вырвалось у него. Чтобы скрыть свое волненіе, онъ отвернулся и быстрѣе пошелъ впередъ. Мы молча сдѣлали еще кругъ.

— «Ваше Величество» — началъ опять я — «что-же теперь будетъ, что Вы намѣрены дѣлать?»

— «Я самъ еще хорошо не знаю» — съ печальнымъ недоумѣніемъ отвѣтилъ Государь — «все такъ быстро повернулось... на фронтъ, даже защищать мою родину, мнѣ врядъ-ли дадутъ теперь возможность поѣхать, о чемъ я раньше думалъ. Вѣроятно буду жить совершенно частнымъ человѣкомъ. Вотъ увижу свою матушку, переговорю съ семьей. Думаю, что уѣдемъ въ Ливадію. Для здоровья Алексѣя и больныхъ дочерей это даже необходимо, или можетъ въ другое мѣсто, въ Костромскую губернію, въ нашу прежнюю вотчину».

— «Ваше Величество» — съ убѣжденіемъ возразилъ я — «уѣзжайте возможно скорѣе заграницу. При нынѣшнихъ условіяхъ даже въ Крыму не житье».

— «Нѣтъ, ни за что. Я не хотѣлъ-бы уѣхать изъ Россіи, я ее слишкомъ люблю. Заграницей мнѣ было бы слишкомъ тяжело, да и дочери и Алексѣй еще больны».

— «Что-жъ, что больны», — началъ было я, но кто-то подошелъ и доложилъ, что время отправлять поѣздъ и мы вошли въ вагонъ.

Къ Оршѣ, куда уже подъ вечеръ прибылъ нашъ поѣздъ, къ намъ въ купэ вошелъ Базили — чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, завѣдывавшій дипломатической канцеляріей въ Ставкѣ. Онъ выѣхалъ къ намъ навстрѣчу изъ Могилева по порученію генерала Алексѣева съ портфелемъ какихъ-то срочныхъ бумагъ для доклада Его Величеству въ пути. Что это были за бумаги я не помню, хотя Базили

о нихъ и упоминалъ: кажется, они касались увѣдомленія союзниковъ о случившемся. Помню только, что онъ говорилъ о своемъ участіи въ составленіи манифеста объ отреченіи и, кажется, сообщилъ, что манифестъ этотъ, по просьбѣ Родзянки, пока рѣшено не опубликовывать.

Базили былъ очень угнетенъ и взволнованъ, на немъ просто лица не было. Его охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что будетъ дальше, такъ какъ въ Петроградѣ якобы уже не удовлетворялись отреченіемъ и видимо не желали, чтобы и Михаилъ Александровичъ сдѣлался Императоромъ.

Онъ какъ-то трагически посматривалъ на купэ Воейкова и все повторялъ: «на его бы мѣстѣ, я теперь, вотъ такъ-бы поступилъ» — и приставляя руку къ своему виску, намекалъ на самоубійство.

Воейкова я не особенно любилъ, вѣрнѣе, я былъ къ нему совсѣмъ равнодушенъ. Складъ его характера не вызывалъ большихъ симпатій и у другихъ, но тогда мнѣ было его очень жаль. Я и ранѣе недоумѣвалъ во многомъ, когда его обвиняли въ томъ, въ чемъ онъ не могъ, при всемъ желаніи быть повиненъ, и что ему приписывала сплетня...

Кромѣ того, справедливость требуетъ сказать, что въ тѣ дни, В. Н. Воейковъ былъ одинъ изъ немногихъ, вѣрнѣе, пожалуй, единственный, кто правильно и твердо оцѣнивалъ обстановку, убѣжденно приравнивая ее не къ стихійно разыгравшейся революціи, каковою рисовалась она въ глазахъ Родзянко и Главнокомандующихъ фронтами, а къ простому бунту запасныхъ и петроградскихъ рабочихъ. Это убѣжденіе я лично слышалъ отъ него, слѣдуя съ нимъ въ одномъ автомобилѣ за Государемъ на вокзалъ, при нашемъ отъѣздѣ изъ Могилева, и я вынесъ впечатлѣніе, что это же убѣжденіе не покидало его и по пріѣздѣ въ Псковъ, вплоть до вечерняго разговора съ Рузскимъ.

Имѣлъ ли онъ возможность передать съ извѣстной силой это свое мнѣніе Государю, еще до подписанія телеграммы объ отреченіи — я не знаю; но, если да, то благодаря такой возможности, ему одному удалось бы въ тѣ минуты и часы, въ тотъ день исполнить свой долгъ передъ Его Величествомъ и родиной.

Но его обычная скрытность, далеко выходившая за предѣлы необходимости, и всегдашнее нежеланіе дѣлиться съ нами своими заботами и тревогами, сыграли въ данномъ случаѣ и для него и для насъ очень плохую роль. И, если онъ лично, и графъ Фредериксъ знали уже, еще до вторичнаго прихода генерала Рузскаго съ двумя генералами 2-го марта, что вопросъ идетъ объ отреченіи, и сочли нужнымъ объ этомъ намъ не сказать, то этимъ они лишили насъ и послѣдняго

утѣшенія и возможности всѣмъ сообща явиться къ Государю и умолять его отклонить домогательства лишь одного Петрограда, возмущавшія насъ отъ всей души. Но, вѣроятно, и для графа Фредерикса и Воейкова состоявшееся отреченіе явилось такимъ же неожиданнымъ, какъ и для насъ.

Къ нашему, въ томъ числѣ и графа Фредерикса и Воейкова, отчаянію, какъ я уже сказалъ выше, мы объ этомъ узнали слишкомъ поздно — уже тогда, когда телеграммы были подписаны и находились въ рукахъ Рузскаго.

Правда, свитѣ, въ томъ числѣ и Воейкову и графу Фредериксу, удалось оттянуть посылку роковыхъ телеграммъ до вечера, въ надеждѣ, что, какъ казалось намъ, вѣскіе доводы Шульгина придутъ къ намъ на помощь. Эти доводы пришли на помощь не намъ, а другимъ... Пусть объ этомъ судятъ исторія и русскій народъ, принимая однако во вниманіе, что въ тѣ дни лживое слово вызвало растерянность не только у мирныхъ статскихъ, но и у генераловъ, награжденныхъ крестами за храбрость.

Базили былъ принятъ Государемъ и, послѣ короткой остановки въ Оршѣ, поѣздъ двинулся далѣе.

Не помню на какой станціи, недалеко отъ Могилева, ко мнѣ въ купэ пришелъ встревоженный старикъ Лукзенъ и предупредилъ меня, что онъ слышалъ на вокзалѣ, какъ какіе-то, вѣроятно прибывшіе изъ Петрограда, солдаты разсказывали, что получено распоряженіе, немедленно по прибытіи въ Могилевъ, арестовать весь Императорскій поѣздъ и всѣхъ насъ отправить въ тюрьму. Я его успокоилъ, какъ могъ, говоря, что «не всякому слуху надо вѣрить» и что онъ самъ скоро увидитъ, что все это выдумки. Но нѣкоторыя сомнѣнія все-же не переставали тревожить меня.

Къ вечеру мы прибыли наконецъ въ Могилевъ.

На платформѣ, вмѣсто ареста и тюрьмы, обычная встрѣча, даже болѣе многолюдная, болѣе торжественная, чѣмъ всегда. Прибыли и всѣ иностранные военные представители въ полномъ составѣ миссій, обыкновенно отсутствовавшіе въ такихъ случаяхъ.

Французъ, генералъ Жаненъ, и Бельгіецъ, баронъ де Риккель, молча, но особенно сильно и сердечно, какъ-бы сочувствуя и угадывая мое настроеніе, пожали мою руку, какъ и Сербъ, полковникъ Лонткевичъ, видимо взволнованный больше всѣхъ.

Государь вышелъ, молча поздоровался съ генераломъ Алексѣевымъ и, обойдя, не останавливаясь всѣхъ собравшихся, вернулся въ вагонъ.

Было рѣшено сначала, что мы останемся и будемъ жить въ поѣздѣ, но послѣ обѣда вышла перемѣна: подали автомобили, Его Величество сѣлъ съ графомъ Фредериксомъ и уѣхалъ въ губернаторскій домъ, а мы двинулись по пустыннымъ улицамъ вслѣдъ за ними.

Въ помѣщеніи Верховнаго Главнокомандующаго было все по прежнему, какъ и четыре дня назадъ.

Утромъ, въ субботу 4-го марта, послѣ безсонной, кошмарной ночи, въ которой, на этотъ разъ, опасенія за судьбу своей семьи играли не малую роль, я отправился, какъ всегда въ губернаторскій домъ къ утреннему чаю.

Государь былъ уже въ столовой, немного блѣдный, но привѣтливый, наружно спокойный, какъ всегда. Отъ Его Величества мы узнали, что въ этотъ день прибываетъ въ Могилевъ вдовствующая Государыня Марія Феодоровна и что поѣздъ ожидается передъ завтракомъ, около 12 час. дня.

Что дѣлается въ Петроградѣ и остальной Россіи — мы не знали: утреннихъ агентскихъ телеграммъ больше уже не представляли. Днемъ, на мой вопросъ, по поводу этого обстоятельства, кто-то изъ офицеровъ штаба отвѣтилъ, что это дѣлается нарочно, по приказанію начальника штаба, такъ какъ извѣстія изъ Петрограда были настолько тягостны, а выраженія и слова настолько возмутительны, что генералъ Алексѣевъ не рѣшался волновать ими напрасно Государя.

Но мы все же узнали, что волненія начали уже охватывать не только Москву, но и нѣкоторые другіе города, и что окончательно сформировалось временное правительство, въ которомъ Керенскій былъ назначенъ Министромъ Юстиціи. Помню, что послѣднее извѣстіе меня, подавленнаго и ничему болѣе не удивлявшагося, даже вывело изъ себя: человѣку, надругавшемуся въ эти дни сильнѣе всѣхъ надъ нашимъ Основнымъ Закономъ, поручали самое главное попеченіе о немъ.

Могъ ли я думать, что черезъ какихъ-нибудь два-три мѣсяца мнѣ придется, во имя справедливости, отнестись къ этому человѣку даже съ теплымъ чувствомъ признательности и лично простить ему многое, за его, хотя и слишкомъ поздно, но все же искренно проявленныя не только уваженіе, но видимо и любовь къ Государю и его семьѣ.

По словамъ многихъ лицъ, Керенскій очень близко принималъ къ сердцу судьбу арестованной Царской Семьи и старался «дѣлать, что могъ» для ея облегченія.

Его зять, полковникъ Барановскій, разсказывалъ своимъ сослуживцамъ по Ставкѣ, передававшимъ впослѣдствіи это мнѣ, какъ однаж-

ды, въ поѣздѣ будучи уже во главѣ правительства, Керенскій, «какъ изступленный» бѣгалъ по корридору въ вагонѣ и въ неописуемой тревогѣ выкрикивалъ: «нѣтъ... ихъ убьютъ... ихъ убьютъ... ихъ надо спасти, спасти во что бы то ни стало».

Его возбужденіе было на этотъ разъ совершенно искренно; представляться не было надобности ни передъ кѣмъ, такъ какъ въ вагонѣ никого кромѣ Барановскаго и его не было.

Въ описываемый день я былъ дежурнымъ при Его Императорскомъ Величествѣ. Государь сейчасъ же послѣ чая, направился, какъ и до отреченія, въ штабъ, къ генералу Алексѣеву. Сопровождалъ я одинъ. Дворцоваго коменданта на этотъ разъ не было. За тѣ нѣсколько шаговъ, которые приходилось сдѣлать отъ губернаторскаго дома до помѣщенія генералъ-квартирмейстерской части, я успѣлъ только спросить у Государя, нѣтъ ли извѣстій изъ Царскаго Села, и Его Величество отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не имѣетъ, но что все же надѣется получить, такъ какъ уже и самъ послалъ телеграмму.

Государь, встрѣченный, какъ и всегда, на площадкѣ лѣстницы генераломъ Алексѣевымъ, прошелъ къ нему, а я остался въ сосѣднемъ помѣщеніи, ожидая обратнаго выхода. Ко мнѣ подошли нѣкоторые изъ болѣе мнѣ знакомыхъ офицеровъ штаба и, вѣроятно понимая мое состояніе, съ чуткой сердечностью, стали разспрашивать о событіяхъ послѣднихъ дней. Видимо и для нихъ — для тѣхъ, съ которыми я говорилъ, — вѣсть объ отреченіи далеко не такая внезапная и ошеломляющая, какъ для меня, была тѣмъ не менѣе мрачная и чреватая тяжелыми послѣдствіями.

Ни радости, ни ликованія или вообще какого-либо удовлетворенія при мнѣ, высказываемо не было, какъ въ тотъ день, такъ и потомъ во время дальнѣйшаго пребыванія въ Ставкѣ Его Величества.

Только изрѣдка я могъ чувствовать на себѣ какое-то ироническое злорадство немногихъ генераловъ: «кончилось Ваше царство» — говорили ихъ лица, но не слова — «теперь пришелъ нашъ чередъ».

Не помню, кто изъ говорившихъ отвелъ меня въ сторону и, озабоченно, и какъ мнѣ показалось, даже сочувственно сказалъ: «знаете что, здѣсь въ Ставкѣ царитъ сильное возбужденіе противъ Фредерикса и Воейкова, въ особенности противъ Воейкова, его считаютъ виновникомъ всего и мы опасаемся, какъ бы дѣло не кончилось очень и очень скверно; во всякомъ случаѣ арестъ его уже предрѣшенъ; посовѣтуйте ему возможно скорѣе уѣхать изъ Могилева, а то будетъ поздно

и его не спасетъ даже присутствіе Государя, а только вызоветъ излишнее раздраженіе здѣшней толпы противъ Его Величества»...

На этихъ словахъ, Государь вышелъ отъ Алексѣева и, зайдя на нѣсколько минутъ въ губернаторскій домъ, сѣлъ вмѣстѣ съ графомъ Фредериксомъ въ автомобиль и мы направились на вокзалъ для встрѣчи прибывающей Императрицы Маріи Феодоровны. Я, какъ дежурный, ѣхалъ въ автомобилѣ вмѣстѣ съ Воейковымъ.

Вспоминаю, какъ я волновался за него и какъ мнѣ было тяжело передавать ему то, что я только что слышалъ. Но мое предупрежденіе могло его спасти и оберечь Государя отъ многаго излишне тяжелаго. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уже на срединѣ дороги я началъ: «Владиміръ Николаевичъ, только что въ штабѣ, люди, видимо искренне безпокоящіеся за Вашу судьбу, просили предупредить Васъ, что рѣшено Васъ арестовать и посовѣтовать Вамъ, возможно скорѣе уѣхать изъ Ставки. Дѣйствительно, можетъ быть это и будетъ лучше: вѣдь арестованный какую пользу принесете Вы Государю. Я знаю, что Его Величество заступится за Васъ, но Вы видите, что творится. Вамъ Алексѣевъ ничего не намекалъ?»

Воейковъ былъ очень угнетенъ. Мое предупрежденіе видимо его не поразило. Онъ ничего не отвѣтилъ на послѣдній вопросъ и какъ-то задумчиво спросилъ: «уѣхать... хорошо... но куда и какъ».

— «Поѣзжайте пока къ себѣ въ Пензенскую губернію; я думаю кружнымъ путемъ туда еще можно пробраться... вѣдь не вездѣ творится Петроградскій адъ... поговорите съ Его Величествомъ и уѣзжайте»... Воейковъ задумался и мы молча доѣхали до вокзала.

Черезъ нѣсколько минутъ показался поѣздъ, остановившійся на мѣстѣ обычной остановки Императорскихъ поѣздовъ.

Государь вошелъ въ вагонъ и скоро вышелъ оттуда вмѣстѣ съ Ея Величествомъ.

Обойдя всѣхъ присутствовавшихъ Ихъ Величества прошли въ деревянный пустой сарай, находившійся напротивъ остановки поѣзда, гдѣ и оставались очень долго.

Съ Государыней прибыли только Великій Князь Александръ Михаиловичъ, жившій также въ Кіевѣ, и ея свита: графиня Менгденъ, князь Шервашидзе и князь Сергѣй Долгорукій.

Ожидавшійся мною съ такимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ лучшій другъ нашей семьи, моя горячо любимая Великая Княгиня Ольга Александровна, съ этимъ поѣздомъ не пріѣхала; ея, кажется, не было въ эти дни въ Кіевѣ. Отсутствіе Ольги Александровны сказалось на мнѣ

самымъ тяжелымъ тоскливымъ разочарованіемъ: я такъ надѣялся на ея пріѣздъ и для себя и для Государя, зная ея искреннюю и горячую принязанность къ своему брату, любившему ее, въ свою очередь, не менѣе сильно.

Князя Шервашидзе я зналъ долгіе годы, еще съ перваго дня вступленія его въ должность состоящаго при Императрицѣ. Насъ сближала не только совмѣстная служба подъ одной Дворцовой кровлей (Михаилъ Александровичъ, при которомъ я былъ адъютантомъ, жилъ до 1912 года совмѣстно съ матерью), но и наша общая страсть къ старинѣ, къ историческимъ изслѣдованіямъ и собиранію портретовъ, миніатюръ и гравюръ. Князь Шервашидзе былъ большой оригиналъ, очень начитанный, наблюдательный, отличался находчивостью въ затруднительныхъ случаяхъ и весьма своеобразно мыслилъ и говорилъ о разныхъ историческихъ событіяхъ.

Графиню Менгденъ я тоже давно и хорошо зналъ, и пріѣздъ ихъ обоихъ меня очень тогда облегчилъ: я почувствовалъ себя менѣе одинокимъ; съ ними я болѣе успѣлъ сжиться, чѣмъ съ обширной свитой Государя, къ которой я принадлежалъ всего нѣсколько лѣтъ.

Великаго Князя Александра Михаиловича я зналъ тоже довольно близко, такъ какъ мнѣ приходилось подолгу гостить у него въ Ай-Тодорѣ. Ко мнѣ онъ относился всегда добродушно иронически, и, вѣроятно, во многомъ меня не понималъ.

Увидя меня, Шервашидзе сейчасъ же направился ко мнѣ, и я, какъ сейчасъ вижу, его растерянно удивленное лицо. Онъ отвелъ меня въ сторону и недоумѣвающе возбужденно спросилъ: «что Вы надѣлали?...»

— «Мы ничего не надѣлали... Вы спросите лучше, что съ нами надѣлали» — отвѣтилъ я и въ краткихъ словахъ объяснилъ ему, съ какой внезапностью обрушились на насъ послѣднія событія. Онъ изумлялся все болѣе и болѣе и, какъ и я, не могъ примириться съ поспѣшностью отреченія.

Государь и Императрица оставались въ баракѣ очень долго, какъ мнѣ показалось, уже болѣе получаса. Былъ сильный морозный вѣтеръ. Чтобы согрѣться, мы вошли въ сколоченную изъ досокъ пристройку къ бараку, гдѣ топилось подобіе печки; около нея сидѣли какія-то дѣти. Они обернулись, когда мы вошли, и вдругъ радостно узнали меня. Это были дѣти путевого рабочаго, которыхъ успѣли уже полюбить Великія Княжны во время своихъ наѣздовъ въ Могилевъ, и которыя

уже сами успѣли привязаться къ «барышнямъ», игравшимъ съ ними и заботившимся объ ихъ здоровьѣ и одеждѣ.

Подобные пустяки, о которыхъ въ другое время не стоило-бы конечно и вспоминать, меня вывели окончательно изъ равновѣсія. Больно защемило сердце отъ напоминанія о дочеряхъ того, кто, за досками этого барака, долженъ вновь переживать свою душевную драму, дѣлясь ею со своею матерью...

Вскорѣ Ихъ Величества вышли изъ барака — Государыня со своею обычною привѣтливо - доброй улыбкой — Государь также наружно совершенно спокойный и ровный.

Всѣ размѣстились по автомобилямъ и поѣхали въ губернаторскій домъ къ завтраку. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Шервашидзе и гр. Менгденъ. Мои спутники сообщили, что у нихъ въ Кіевѣ было совершенно спокойно, и удивлялись, что улицы Могилева ничего не говорили о совершившемся переворотѣ.

Я не помню, какъ прошелъ этотъ завтракъ не менѣе мучительный, чѣмъ предыдущіе. Всѣ эти восемь дней марта я ничего не могъ ѣсть и, будучи физически здоровъ, не чувствовалъ голода.

Вставъ изъ за стола, Государь и Императрица удалились въ комнату Государя и долго оставались наединѣ, и лишь около четырехъ часовъ дня Государыня уѣхала къ себѣ въ поѣздъ, въ которомъ и оставалась до 9-го марта.

Насколько помню, вслѣдъ за отъѣздомъ Императрицы, въ кабинетъ къ Государю вошелъ Воейковъ. Онъ оставался тамъ недолго и вышелъ, какъ мнѣ показалось, очень разстроенный. Въ то время, какъ мы сидѣли за чаемъ, онъ появился, уже одѣтый въ шинель и сталъ съ нами прощаться, говоря, что «сейчасъ уѣзжаетъ». Тогда же стало извѣстно, что и графъ Фредериксъ, по настоянію многихъ и Алексѣева, также рѣшилъ уѣхать, и милый инженеръ Ежовъ дѣлалъ все возможное, чтобы ему устроить удобный и скрытый проѣздъ.

Я не знаю, какимъ образомъ В. Н. Воейкову не удалось добраться до своего имѣнія; помню только то, что бѣдный Фредериксъ направился поздно вечеромъ изъ Могилева на Югъ, кажется на Кіевъ. Ночь прошла благополучно, но утромъ на одной изъ станцій, его чиновникъ для порученій, Петровъ, съ усами немного похожими на усы графа, неосторожно вышелъ изъ вагона, чтобы отправить телеграммы графинѣ. Революціонная волна успѣла докатиться и до этой станціи: Петрова приняли за самого Фредерикса, затѣмъ арестовали обоихъ и отправили въ Петроградъ.

Съ отъѣздомъ Фредерикса и Воейкова, ихъ обязанности сталъ исполнять Гофмаршалъ князь Долгорукій.

Послѣ чая Государь сообщилъ мнѣ, что поѣдетъ обѣдать къ своей матушкѣ въ поѣздъ и проведетъ съ нею и вечеръ.

Мы выѣхали изъ губернаторскаго дома около семи часовъ вечера. До вокзала было не болѣе десяти минутъ. Кромѣ меня, Государя никто не сопровождалъ, даже запаснаго автомобиля, слѣдовавшаго, по обыкновенію, сзади, на этотъ разъ не было. Мы ѣхали совершенно частными людьми. На улицахъ было пустынно и тихо. То же волненіе, какъ и во время вчерашней прогулки, охватило меня и теперь, но еще съ большею силой.

Такъ хотѣлось опять высказать сердцемъ многое и такъ опять не хватало для этого ни мысли ни словъ. Государь тоже былъ, видимо, подавленъ и, вѣроятно, чувствовалъ и мое состояніе. Онъ былъ блѣденъ и я невольно замѣтилъ, какъ много онъ успѣлъ похудѣть за эти дни. Мы ѣхали нѣкоторое время молча.

— «Ваше Величество» — началъ опять первымъ я — «нѣтъ-ли извѣстій изъ Царскаго. Когда Вы думаете поѣхать туда?»

— «Я еще не знаю», — отвѣтилъ Государь — «думаю, что скоро». Онъ задумался и вдругъ спросилъ: «Что обо всемъ говорятъ, Мордвиновъ?»

— «Ваше Величество» — отвѣтилъ опять безтолково, волнуясь, я: «мы всѣ такъ удручены, такъ встревожены... для насъ это такое невыносимое горе... мы все еще не можемъ придти въ себя... для насъ все такъ непонятно и черезъ чуръ ужъ поспѣшно... а въ Ставкѣ, какъ я слышалъ, особенно не понимаютъ, отчего Вы отреклись въ пользу брата, а не законнаго наслѣдника, Алексѣя Николаевича; говорятъ, что это совсѣмъ уже не по закону, и можетъ вызвать новыя волненія».

Государь еще глубже задумался, еще глубже ушелъ въ себя и, не сказавъ больше ни слова, мы вскорѣ доѣхали до вокзала...

Государь прошелъ въ послѣднее большое отдѣленіе вагона, гдѣ находилась Императрица, а я остался въ корридорѣ, выжидая указаній о нашемъ обратномъ отъѣздѣ.

Его Величество скоро открылъ дверь и сказалъ мнѣ: «Мордвиновъ, матушка Васъ приглашаетъ къ обѣду. Я потомъ Вамъ скажу, когда поѣдемъ обратно» и снова закрылъ дверь.

Черезъ вагонъ Великаго Князя Александра Михайловича, гдѣ находился и бывшій въ Ставкѣ Великій Князь Сергѣй Михаиловичъ, я прошелъ въ вагонъ князя Шервашидзе и графини Менгденъ, а за-

тѣмъ, послѣ недолгаго разговора съ ними, мы прошли въ столовую, куда вскорѣ вошли и Ихъ Величества.

Государыня Марія Ѳеодоровна была по виду почти такая же, какою я привыкъ ее видѣть и въ обычные дни ея жизни, и съ доброй и привѣтливой улыбкой, поздоровалась со мною. Но, зная ее хорошо, я чувствовалъ, какимъ нечеловѣческимъ усиліемъ было это наружное спокойствіе и выдержка. Мое мѣсто за столомъ приходилось напротивъ Ихъ Величествъ, а моей сосѣдкой была графиня Менгденъ. Во время этого долгаго обѣда, я силился поддерживать съ нею обычный разговоръ. Она отвѣчала мнѣ спокойно, какъ вспоминаю оживленно, и я былъ несказано пораженъ, когда уже въ концѣ обѣда, Шервашидзе наклонился ко мнѣ, и, указывая на графиню глазами, шепнулъ: «знаете, что она только что получила извѣстіе, что ея старшаго брата убили солдаты».

Этимъ изумительнымъ самообладаніемъ, которое мнѣ, кромѣ Императрицы матери, среди женщинъ еще ни разу не приходилось встрѣчать, графиня Менгденъ восхитила меня и въ дальнѣйшіе дни, когда по улицамъ Могилева уже были развѣшены красныя тряпки и бродила вызывающая и уже разнузданная толпа. Графиня Менгденъ ни за что не хотѣла внять нашимъ настояніямъ и, рѣшительно отказываясь отъ сопутствованія, съ презрительной, но спокойной улыбкой, отправилась въ одиночествѣ гулять по возбужденному городу.

Государь послѣ обѣда еще долго оставался наединѣ съ матерью. Великій Князь Александръ Михаиловичъ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михаиловичемъ разговаривали у себя въ вагонѣ, а я сидѣлъ у Шервашидзе въ купэ вмѣстѣ съ нимъ и съ княземъ Сергѣемъ Долгорукимъ. Помню, что къ намъ приходилъ полковникъ Шепель, комендантъ поѣзда Императрицы, но о чемъ шла тогда наша бесѣда, совершенно забылъ. Врядъ ли и было что-нибудь значительное, что могло бы невольно сохраниться даже въ моей притупленной памяти. Все совершившееся было уже извѣстно, а будущее, даже ближайшіе часы, совершенно неопредѣленно и не давало возможности строить какія-либо предположенія. Выяснилось лишь, что Ея Величество рѣшила оставаться въ Могилевѣ до конца пребыванія Государя въ Ставкѣ.

Вѣсть объ отказѣ Михаила Александровича принять власть до учредительнаго собранія къ намъ тогда еще не дошла.

Очень поздно вечеромъ мы вернулись съ Его Величествомъ домой. Государь, какъ мнѣ показалось по дорогѣ, былъ немного болѣе

спокоенъ и, очень заботливо отзывался о поѣздкѣ Фредерикса и Воейкова.

Я проводилъ Его Величество до верху и вернулся къ себѣ, не заходя въ столовую, гдѣ остальные еще сидѣли за чаемъ.

5-го марта было воскресенье. Утромъ мы узнали, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ отказался принять власть впредь до подтвержденія его Императоромъ Учредительнымъ собраніемъ и что начались избіенія офицеровъ въ Гельсингфорсѣ и во флотѣ.

Отказъ Михаила Александровича отъ принятія престола меня лично не очень удивилъ.

Я зналъ хорошо скромную, непритязательную, совершенно нечестолюбивую натуру Великаго Князя, при которомъ долго былъ адъютантомъ и съ которымъ меня связывали, когда то, самыя искреннія, дружескія чувства. Меньше всего онъ желалъ вступленія на престолъ и еще будучи Наслѣдникомъ, тяготился своимъ «особеннымъ» положеніемъ, и не скрывалъ своей радости, когда, съ рожденіемъ у Государя сына, онъ становился «менѣе замѣтнымъ». Вспоминаю одинъ изъ разговоровъ моихъ съ нимъ, тогда на эту тему: «Ахъ, Анатолій Александровичъ, съ волнующей искренностью, говорилъ онъ, — если бы вы знали, какъ я радъ, что больше не Наслѣдникъ. Я сознаю, что къ этому совершенно не гожусь и былъ совершенно не подготовленъ. Я этого никогда не любилъ и никогда не желалъ»...

Въ этотъ воскресный день Государь былъ, какъ обычно, въ штабной церкви, у обѣдни, куда мы на этотъ разъ не пошли пѣшкомъ, а поѣхали въ автомобиляхъ. Вскорѣ послѣ насъ туда же прибыла и вдовствующая Императрица. Протопресвитеръ отецъ Шавельскій былъ въ отсутствіи на фронтѣ, и службу совершали, кажется, настоятель Московскаго Успенскаго собора, прибывшій въ Ставку съ чудотворной иконой Владимірской Божьей Матери, и два другихъ священника. Церковь была до тѣсноты полна молящимися и многіе были очень растроганы...

Вѣроятно не меня одного сильно взволновала небольная запинка дьякона, во время произнесенія привычныхъ словъ моленія о царствующемъ Императорѣ. Онъ уже началъ возглашать о «Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ...» и на этомъ послѣднемъ словѣ немного пріостановился, но вскорѣ оправился и твердо договорилъ слова молитвы до конца.

Помню, что по окончаніи службы Государь, Императрица и всѣ мы прикладывались къ чудотворнымъ иконамъ, а затѣмъ Ихъ Величества

отбыли въ автомобиляхъ въ губернаторскій домъ, а мы съ княземъ Шервашидзе пошли туда же пѣшкомъ.

Вспоминаю, какой болью поразили насъ красныя тряпки, которыя появились впервые на многихъ домахъ Могилева. Со зданія Городской Думы, находившагося на площади, напротивъ губернаторскаго дома, свѣшивались, чуть ли не до земли, два громадныхъ куска красной матеріи.

Народъ уже начиналъ наполнять площадь и главную улицу, ведшую отъ вокзала, но во время проѣзда Ихъ Величествъ толпа держала себя сдержанно и почтительно. Изъ губернаторскаго дома намъ было видно, какъ народъ толпился у рѣшетки сада, всматривался долго въ наши окна, въ надеждѣ увидать въ нихъ Государя и Императрицу.

Послѣ завтрака, на которомъ кромѣ лицъ ближайшей свиты никто не присутствовалъ, Государыня опять оставалась наединѣ съ Его Величествомъ и только поздно днемъ возвратилась къ себѣ въ поѣздъ. Государь опять вечеромъ обѣдалъ у своей матушки, вернулся поздно и я его почти не видѣлъ.

Въ этотъ же день одинъ изъ офицеровъ Своднаго полка, пробравшійся изъ Царскаго Села, разсказалъ о событіяхъ, разыгравшихся тамъ вечеромъ 28 февраля, когда взбунтовавшійся гарнизонъ направился для разгрома Александровскаго Дворца. Командиръ ихъ полка, генералъ Ресинъ, по тревогѣ, выстроилъ передъ Дворцомъ всѣхъ своихъ свободныхъ людей, съ частью конвоя и командой Гвардейскаго экипажа, и готовился открыть противъ мятежниковъ огонь. Въ это время появилась неожиданно на площадкѣ Императрица, вмѣстѣ съ единственно еще здоровой Великой Княжной Маріей Николаевной. Ея Величество взволнованно обратилась къ генералу Ресину и къ возбужденнымъ солдатамъ, прося ихъ успокоиться, не проливать изъ за нея крови и по возможности вступить въ переговоры съ мятежниками, уже и безъ того сильно смущенными рѣшительной угрозой вѣрныхъ династіи и родинѣ войскъ. Была установлена передъ Дворцомъ извѣстная полоса, черезъ которую бунтовщики не должны были переступать, и въ знакъ нейтралитета всѣ защитники Царской семьи, по предложенію Императрицы, надѣли на рукава бѣлыя повязки, съ которыми и могли безпрепятственно появляться на улицѣ. Этотъ же офицеръ мнѣ разсказалъ, что передъ самымъ его отъѣздомъ получилось извѣстіе, что большой отрядъ бунтовщиковъ, двигался изъ Петрограда на Царское Село, а также и по шоссе на Гатчину и уже дошелъ до Средней Рогатки.

Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ 6-го марта была для меня особенно мучительна. Мысли о семьѣ, о которой я почти не вспоминалъ въ предыдущіе дни, въ эту ночь подъ вліяніемъ разсказа офицера Своднаго полка, поглощали всѣ остальныя.

Узнать что-нибудь о женѣ и дочери — было немыслимо, такъ какъ никакой связи съ Гатчиной еще не было.

Подъ утро я вспомнилъ, что справки о судьбѣ семьи графа Фредерикса удалось получить черезъ генерала Вильямса, Англійскаго военнаго представителя въ Ставкѣ и рѣшилъ обратиться къ нему; отъ него, какъ говорили, ѣздили ежедневно курьеры въ Петроградъ и онъ многимъ уже успѣлъ помочь снестись съ родными.

Въ этотъ день я былъ дежурнымъ и нашелъ случайно генерала Вильямса, ожидавшаго пріема у Его Величества въ залѣ передъ кабинетомъ Государя. Онъ очень любезно согласился исполнить мою просьбу и, записавъ адресъ моей жены, обѣщалъ ее увѣдомить, что у меня все благополучно и что я надѣюсь скоро вернуться.

Генералъ Вильямсъ, несмотря на всю присущую ему сдержанность былъ очень раздраженъ на «Петроградъ». «Они всѣ тамъ сумасшедшіе, сумасшедшіе», неоднократно вырывалось у него. Насколько помню, онъ тогда же сказалъ мнѣ, что получилъ отъ своего посла, Бьюкенена, телеграмму о томъ, что Англійское правительство ручается за безопасный проѣздъ Царской семьи въ Англію и даже показывалъ мнѣ эту телеграмму, держа ее въ рукахъ, вѣроятно для доклада Государю. Насколько помню, въ тотъ же день, только позднѣе, я читалъ и копію телеграммы изъ Петрограда, сообщавшей, что Временное правительство не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для отъѣзда Государя заграницу. Генералъ Вильямсъ, какъ бы отвѣчая на мои собственныя мысли, тоже находилъ, что съ отъѣздомъ необходимо спѣшить и что болѣзнь дѣтей Государя не должна служить препятствіемъ. «Отъ этихъ сумасшедшихъ все возможно», сказалъ онъ.

Въ этотъ день я ѣздилъ также одинъ съ Государемъ къ Императрицѣ и какъ и прошлый разъ былъ оставленъ обѣдать Ея Величествомъ.

Государь былъ въ этотъ день особенно блѣденъ и задумчивъ. Ему было очень не по себѣ. Видимо, къ тяжелому внутреннему состоянію прибавилось и физическое недомоганіе.

Возвращаясь поздно отъ Императрицы, разговоръ коснулся предполагаемаго отбытія Государя изъ Ставки, и я вынесъ впечатлѣніе, что Его Величество предполагалъ уже тогда уѣхать заграницу, но только

не зналъ еще времени, когда будетъ возможность исполнить это намѣреніе, не высказывая, впрочемъ, его опредѣленно.

Проводивъ Государя на верхъ я вернулся къ себѣ.

Началась новая ночь и новыя мученія... Подъ утро, около 4 часовъ, когда я лежалъ съ открытыми глазами, ко мнѣ осторожно вошелъ Лукзенъ и, подавая мнѣ телеграмму, сказалъ: «Вамъ Анатолій Александровичъ, телеграмма изъ Гатчины, вѣрно важная, что ночью доставили. Навѣрно отъ Ольги Карловны, какъ то у насъ тамъ», съ боязливой озабоченностью добавилъ онъ, зажигая электричество. Телеграмма была дѣйствительно отъ жены. Она была кратка, но успокоительна и отправлена съ Гатчинскаго Дворцоваго телеграфа. Жена благодарила за увѣдомленіе, радовалась скорому свиданію, сообщала, что всѣ они здоровы и думаютъ обо мнѣ. Радость наша и моя и Лукзена была громадная и, насколько помню, я въ первый разъ заснулъ на часъ послѣ этого дорогого извѣстія.

7-го марта во вторникъ намъ стало извѣстно, что Государь рѣшилъ переѣхать въ Царское Село на слѣдующій день. Тогда же распространился слухъ, что Могилевскій гарнизонъ постановилъ собраться на митингѣ на площади около губернаторскаго дома. Генералъ Алексѣевъ предупредилъ эту демонстрацію, назначивъ по тревогѣ сборъ всѣхъ Могилевскихъ воинскихъ частей, съ церемоніальнымъ маршемъ и назначенный митингъ не состоялся.

Вообще для довольно многочисленнаго Могилевскаго гарнизона развернувшіяся событія были совершенно непонятны. Противорѣчивые и вздорные слухи, проникавшіе изъ Петрограда, начинали ихъ волновать и во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій было предписано начальникамъ частей «разъяснить» нижнимъ чинамъ сущность происшедшей перемѣны. Въ большинствѣ случаевъ эти разъясненія мало кого могли удовлетворить и оставляли за собою прежнее недоумѣніе.

Я вспоминаю разсказъ командира конвоя графа Граббе, очень взволнованнаго и подавленнаго отреченіемъ, о словахъ казаковъ конвойцевъ, обращенныхъ къ нему во время одной изъ подобныхъ бесѣдъ: «Ваше Сіятельство», спрашивали они, «какъ это такъ Государь Императоръ вдругъ отказался... и почему онъ отказался и за Наслѣдника, вѣдь это не по закону»... Граббе началъ говорить объ отеческихъ чувствахъ Его Величества, что Государь очень любитъ Наслѣдника и не въ силахъ съ нимъ разстаться... Тогда одинъ старый казакъ сказалъ на это: «Вѣдь и у многихъ изъ насъ есть либимые сыновья, многіе изъ насъ отдали, не задумались, по пяти сыновъ на войну... а тутъ

отдалъ бы Его Величество наслѣдника бабкѣ, мы бы сумѣли охранить его».

Въ среду 8-го марта, день отбытія Его Величества изъ Ставки, намъ утромъ выдали изъ Управленія дежурнаго генерала удостовѣренія личности, въ которыхъ было сказано, что «предъявитель, такой то, назначенъ для сопровожденія бывшаго Императора». Редакція эта меня очень возмутила, тѣмъ болѣе, что въ выдачѣ новыхъ удостовѣреній мы вовсе не нуждались, имѣя при себѣ старыя, полученныя отъ Военно - Походной канцеляріи Его Величества.

Въ этотъ день утромъ Государь прощался съ чинами штаба, собранными въ большомъ залѣ управленія дежурнаго генерала.

Всѣмъ было невообразимо тяжело: двое или трое упали въ обморокъ, многіе плакали. Государь говорилъ ясно, отчетливо, съ глубокимъ сердечнымъ волненіемъ. Что говорилъ онъ я не помню. Я только слышалъ звукъ его голоса и ничего не понималъ...

Какъ говорили, Государь не смогъ кончить своихъ прощальныхъ словъ и самъ, очень взволнованный вышелъ изъ зала... Я вышелъ вслѣдъ за нимъ.

Потомъ приходили наверхъ прощаться по одиночкѣ всѣ иностранные военные агенты... Даже сдержанный Вильямсъ вышелъ изъ кабинета Государя глубоко растроганный. О Коандѣ, Жаненѣ, Риккелѣ и Лонткевичѣ нечего и говорить: глаза ихъ были полны слезъ. Сербъ Лонткевичъ сказалъ мнѣ, что онъ «не могъ удержаться и поцѣловалъ руку Русскаго Царя за все то, что онъ сдѣлалъ для Славянства и для родной Сербіи». Лонткевичъ долго не могъ успокоиться и все повторялъ съ отчаяніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ увѣренностью: «Россія безъ Царя... это невозможно, этого никогда не будетъ»...

Въ этотъ же день прибывшій изъ Петрограда фельдъегерь привезъ вмѣстѣ съ другими бумагами и приказаніе временно командовавшаго Императорской Главной Квартирой, генералъ-адъютанта Максимовича, объявлявшаго, что изъ лицъ Государевой свиты только генералы преклоннаго возраста, согласно приказу новаго военнаго Министра Гучкова, могутъ, если пожелаютъ, подать въ отставку, но что молодые не имѣютъ права покидать службу до конца войны.

Я былъ только, хотя и старый, но полковникъ, сравнительно молодой и здоровый, и распоряженіе это меня ставило въ очень трудное положеніе, такъ какъ съ перваго же момента отреченія, я рѣшилъ уйти въ отставку, жить въ деревнѣ или даже уѣхать заграницу на все время владычества Временнаго правительства.

Въ какую-либо возможность продолженія войны, съ уходомъ Государя и при создавшемся хаосѣ междуцарствія, я, зная чувства деревни, совсѣмъ не вѣрилъ, а сказанныя мнѣ такъ недавно слова Его Величества о томъ, что онъ хочетъ жить совершенно частнымъ человѣкомъ, не давали мнѣ возможности надѣяться остаться при Государѣ, тѣмъ болѣе, что я и ранѣе не занималъ никакой Дворцовой должности.

Къ тому же у меня были почти всѣ человѣческіе недостатки, но кажется, «способность навязываться» была наименѣе сильная изъ всѣхъ.

Я зналъ, что это отрицательное качество было особенно нелюбимо и Государемъ, но все же имѣлъ случай въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ дней высказать Его Величеству, что: «съ нимъ я готовъ, куда угодно, хоть на край свѣта».

«Знаю, знаю, Мордвиновъ», съ удареніемъ, убѣжденно, но какъ мнѣ показалось, грустно, сказалъ мнѣ тогда Государь и глубоко задумался, а потомъ перемѣнилъ разговоръ.

До сихъ поръ я слышу эту интонацію голоса моего Государя, это убѣжденное «знаю, знаю». До сихъ поръ эти дорогія слова наполняютъ меня непередаваемо волнующимъ чувствомъ и, какъ сейчасъ, я вижу доброе лицо Его Величества, когда онъ сердечно и крѣпко обнялъ и поцѣловалъ меня при нашемъ прощаніи...

И до сихъ поръ я мучительно теряюсь въ догадкахъ, почему онъ ничего больше не сказалъ. Смущало ли его, что я семейный, и онъ, по своей чуткой, душевной деликатности, не желалъ отдѣлять меня отъ семьи, или онъ думалъ при этомъ о другихъ, дольше служившихъ при немъ, моихъ старшихъ товарищахъ, или же и самъ еще не зналъ, какъ сложится его дальнѣйшая жизнь, и кого и сколько лицъ ему можно будетъ оставить при себѣ. Или быть можетъ у него сильнѣе укрѣплялось уже намѣреніе «жить совершенно частнымъ, простымъ человѣкомъ».

Эти и другія, безчисленныя предположенія мелькали тогда въ моихъ мысляхъ и не находили увѣреннаго, успокоительнаго отвѣта...

Время отъѣзда, а значитъ и конца моей очередной оффиціальной службы при Императорѣ, уже приближалось и я все настойчивѣе продолжалъ думать о неопредѣленныхъ словахъ Государя, невольно и эго-

истично связывая съ ними и будущее своей семьи. Мнѣ было подчасъ очень совѣстно передъ самимъ собою, что въ такіе дни меня могли тревожить такія мысли, но отдѣлаться отъ нихъ, какъ ни старался, я все же не могъ. Онѣ касались не меня одного, а моей семьи, также зависѣвшей отъ моей службы. Я жилъ на небольшое жалованье по чину полковника, а пожаръ, истребившій мой домъ въ деревнѣ, еще больше затруднялъ положеніе.

Вернувшись къ себѣ въ гостинницу, уложивъ вещи и не зная, что далѣе дѣлать, я пошелъ въ помѣщеніе иностранныхъ представителей, съ которыми мы, встрѣчаясь почти ежедневно, успѣли сжиться, чтобы сдѣлать имъ прощальный визитъ, а также и поблагодарить генерала Вильямса за его любезное увѣдомленіе моей жены, доставившее ей и мнѣ столько облегченія.

О генералѣ Вильямсѣ еще раньше, а въ особенности въ послѣдніе дни, я вынесъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ долга, прямомъ, вдумчивомъ, далекомъ отъ всего мелкаго, много знающемъ того, чего мы не знали, а главное любящемъ Государя и очень безпокоющемся за его судьбу. Генералъ Вильямсъ видимо не скрывалъ этихъ чувствъ и отъ своего правительства, что и послужило, какъ говорили потомъ, причиною его позднѣйшаго отозванія изъ Ставки и замѣны болѣе демократически настроеннымъ генераломъ Бартеромъ.

Прощаясь съ нимъ и на его вопросъ о томъ, что я намѣренъ теперь дѣлать, я сказалъ, что оффиціальная моя служба кончается, что проѣду съ Его Величествомъ до Царскаго Села, а что дальше будетъ совершенно не знаю, такъ какъ въ отставку запрещено подавать, а отъ строя я отвыкъ. Подѣлился съ нимъ и моими мыслями на счетъ продолженія войны, передалъ невольно и о неопредѣленныхъ словахъ Государя въ отвѣтъ на мое заявленіе о моей преданности.

— «Нѣтъ, Вамъ лучше оставаться здѣсь въ Ставкѣ», — кратко и съ убѣжденіемъ отвѣтилъ мнѣ Вильямсъ, — «здѣсь Вы даже будете гораздо полезнѣе Его Величеству, какъ его бывшій адъютантъ».

На мой протестъ и возраженіе, что можно вѣдь вернуться и потомъ — мои вещи уже были отправлены въ поѣздъ и я стремился повидать хоть на минуту мою семью — онъ, глядя мнѣ прямо и значительно въ глаза, и намекая,какъ я сейчасъ же почувствовалъ, на ожидающій меня въ Петроградѣ арестъ, снова повторилъ: «Я Вамъ уже сказалъ, что лучше оставаться здѣсь; другого совѣта я Вамъ дать не

могу... впрочемъ дѣлайте, какъ знаете»*) — уже довольно нетерпѣливо и даже раздраженно добавилъ онъ.

И все же я съ совѣтомъ генерала Вильямса внутри себя не соглашался, продолжалъ колебаться и не приходилъ ни къ какому рѣшенію.

Въ губернаторскомъ домѣ, куда я направился, былъ полный хаосъ: внизу шла усиленная укладка Дворцоваго имущества, стояли ящики, лежали свороченные ковры, суетилась прислуга. Я машинально поднялся на верхъ, вошелъ въ пустое зало и увидѣлъ двери кабинета широко открытыми... Государь былъ одинъ, стоялъ въ глубинѣ комнаты, около письменнаго стола, и не торопливо, какъ мнѣ показалось, спокойно собиралъ съ него разныя вещицы, видимо для укладки.

«Спрошу у него самого, какъ лучше... скажу про свои сомнѣнія, сейчасъ же, пока онъ одинъ и не занятъ» — мелькнуло въ моихъ мысляхъ — «а вдругъ это покажется лишнимъ?» — но я уже входилъ въ кабинетъ.

—«Что Мордвиновъ» — спросилъ Государь.

— «Ваше Величество» — очень волнуясь и сбивчиво заговорилъ я — «я только что былъ у генерала Вильямса, чтобы проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ, и онъ мнѣ настойчиво совѣтуетъ пока оставаться здѣсь... говоритъ даже, что это почему то будетъ полезнѣе для Васъ... Ваше Величество, вѣдь Вы меня знаете... мои вещи уже въ поѣздѣ, самъ я не знаю теперь, какъ быть... какъ Вы думаете, что будетъ лучше для Васъ... быть можетъ Вамъ дѣйствительно будутъ нужны когда нибудь преданные люди, находящіеся здѣсь»...

— «Конечно, оставайтесь, Мордвиновъ», какъ мнѣ показалось, безъ колебаній и даже съ удареніемъ на словѣ «конечно» сказалъ Государь, порывисто приблизался ко мнѣ, обнялъ и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ...

Черезъ нѣсколько минутъ я уже ѣхалъ съ другими товарищами по свитѣ на станцію къ Императорскому поѣзду, куда еще раньше уѣхалъ съ вещами Лукзенъ... Я былъ весь подъ впечатлѣніемъ моего свиданія съ Государемъ и трудно было успокоиться. О, если бы я тогда по-

---

*) Въ своей книгѣ генералъ Вильямсъ (J.H. Williams. The Emperor Nicolas II as I knew Him. 1922) записалъ подъ означеннымъ днемъ слѣдующее: «Одинъ изъ флигель-адъютантовъ Государя пришелъ ко мнѣ рано утромъ и спрашивалъ моего совѣта, ѣхать ли ему въ Царское Село или оставаться здѣсь въ его новой должности при артиллерійскомъ отдѣлѣ.

Я посовѣтовалъ ему остаться здѣсь, такъ какъ былъ увѣренъ, что Его Величество предпочелъ бы, чтобы онъ такъ поступилъ» (стр. 174). *Ред.*

чувствовалъ, могъ уловить хотя бы ничтожное колебаніе въ его словахъ...

Лукзенъ еще больше растраивалъ меня своими уговорами: «Съѣздите хоть на денекъ домой... успокойте Ольгу Карловну и дочку, а то они будутъ очень ужъ убиваться»...

Императорскій поѣздъ уже стоялъ на станціи, недалеко отъ него находился и поѣздъ вдовствующей Императрицы, которая тоже намѣривалась уѣхать въ тотъ же день. Государя ожидали на вокзалѣ не раньше, какъ черезъ полъ часа и меня сейчасъ же потянуло проститься и съ Государыней.

Я любилъ Императрицу Марію Федоровную, любилъ ее за то, что она издавна тепло относилась къ отцу моей жены, ко всей моей семьѣ и ко мнѣ самому... любилъ ее, не только, какъ супругу чтимаго мною Императора Александра III, но и какъ глубоко страдающую женщину, на хрупкія плечи которой столько разъ ложилось непосильное горе...

«Кто знаетъ, увижу ли я ее еще когда-нибудь», шевельнулось въ моихъ мысляхъ», — а можетъ быть я буду еще для чего-нибудь ей теперь же нуженъ» и я вошелъ въ ее вагонъ.

О мнѣ доложили и Ея Величество сейчасъ же меня приняла. Государыня была одна и, когда я вошелъ, писала что то въ книжечкѣ-дневникѣ, какъ мнѣ показалось. Не помню точно, въ какихъ выраженіяхъ я объяснилъ ей, что пришелъ проститься, что вынужденъ на неопредѣленное время остаться здѣсь, и, передавъ ей свой разговоръ съ генераломъ Вильямсомъ, спросилъ: «Ваше Величество, какъ Вы думаете объ этомъ, что лучше; генерала Вильямса я уважаю, но все же знаю недостаточно близко, хотя и чувствую, что онъ любитъ Государя».

— «Конечно, да» — отвѣтила Императрица — «онъ настоящій дментльменъ и очень любитъ Государя».

— «Ваше Величество» — закончилъ я — «я остаюсь здѣсь, не знаю насколько, но убѣдите Государя возможно скорѣе уѣхать заграницу, пока временное правительство тому не препятствуетъ. Это тоже совѣтуетъ и генералъ Вильямсъ. Несмотря на болѣзнь Великихъ Княженъ это возможно... вѣдь возятъ въ поѣздахъ даже тяжело раненныхъ...

Я не помню, что отвѣтила на это Государыня, кажется даже промолчала, но почему то вынесъ впечатлѣніе, что такъ и будетъ...

Вскорѣ прибылъ на вокзалъ Государь. Мы ,свита, завтракали отдѣльно въ Императорскомъ поѣздѣ, а Его Величество оставался очень долго въ поѣздѣ у Государыни. Затѣмъ мы всѣ ходили прощаться съ Ея Величествомъ и вернулись къ себѣ въ вагонъ. Помню, что, я взялъ себѣ на память о дорогомъ минувшемъ прошломъ простое, уже никому

не нужное деревянное кольцо отъ салфетки, на которомъ было выжжено мое имя и написалъ, для отсылки съ Лукзеномъ, отправлявшимся съ моими вещами въ поѣздѣ, короткую записку женѣ, а на словахъ просилъ своего старика не тревожить жену излишними намеками и предположеніями о моемъ арестѣ*).

Не помню, кто изъ чиновъ штаба, собравшихся на проводы, показалъ мнѣ снова телеграмму князя Львова, адресованную генералу Алексѣеву. Эта телеграмма гласила: «Временное правительство постановило предоставить бывшему Императору безпрепятственный проѣздъ для пребыванія въ Царскомъ Селѣ и для дальнѣйшаго слѣдованія на Мурманскъ». Телеграмма эта очень всѣхъ насъ успокоила.

Тутъ распространился слухъ, что какіе то представители Временнаго правительства прибыли въ Могилевъ, чтобы сопровождать поѣздъ Государя и якобы оберегать его путь отъ всякихъ случайностей.

Хотя и немного смущенно, они все же разыгрывали роль начальства, приказали прицѣпить свой вагонъ къ Императорскому поѣзду и не позволили офицеру конвоя сопровождать поѣздъ. Графу Граббе съ трудомъ удалось устроить туда лишь трехъ ординарцевъ урядниковъ...

Я видѣлъ лишь издали этихъ трехъ-четырехъ делегатовъ на рельсахъ среди вагоновъ о чемъ-то совѣщавшихся. Фигуры ихъ, не то зажиточныхъ мастеровыхъ, не то захудалыхъ провинціальныхъ чиновниковъ, вызывали во мнѣ, обыкновенно никогда не обращавшаго никакого вниманія на внѣшность, какое то гадливое отвращеніе.

Какъ оказалось, они разсматривали списокъ сопровождавшихъ и запретили почему то адмиралу К. Д. Нилову слѣдовать въ поѣздѣ...

— «Вотъ до чего мы дожили» — вырвалось у меня въ обращеніи къ генералу Алексѣеву, пришедшему проводить Государя и стоявшему рядомъ со мною въ корридорѣ вагона Его Величества...

— «Это все равно должно было случиться» — послѣ краткаго раздумія, но увѣренно возразилъ онъ мнѣ — «если не теперь, то случилось бы потомъ не позднѣе, какъ черезъ два года».

---

*) О предполагаемомъ моемъ арестѣ говорилъ впослѣдствіи моему товарищу по Академіи генералу Барсукову Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, оставшійся въ Ставкѣ и выражавшій сначала даже неудовольствіе, что я для скрыванія избралъ своимъ убѣжищемъ Ставку и что генералъ Барсуковъ сдѣлалъ попытку пріютить меня временно въ первые дни въ своемъ артиллерійскомъ штабѣ. Потомъ Великій Князь понялъ мое положеніе, хотя я ему и не говорилъ о причинахъ, его вызвавшихъ.

Что этимъ онъ хотѣлъ сказать?... почему упомянулъ объ этомъ срокѣ? Я глядѣлъ на собравшуюся кругомъ поѣзда, еще съ утра, громадную толпу людей, сосредоточенно молчаливую, почтительную, въ большинствѣ грустную, подавленную.

Я видѣлъ слезы у многихъ.

Я чувствовалъ, что они пришли проводить не низложеннаго врага-Монарха, а покидавшаго ихъ своего природнаго, чтимаго Царя...

Этотъ русскій народъ не понималъ всего совершившагося; онъ думалъ иначе, чѣмъ его Думскіе представители и «русскіе» генералы. Онъ думалъ: «нѣтъ, такъ не должно было бы быть ни теперь ни потомъ».

«Нашего Царя заставили отказаться лишь отъ царства, но не смогли заставить отречься отъ насъ, отъ своего народа, да и мы, даже въ мысляхъ никогда не отрекались отъ него. Для насъ, какъ и встарь, онъ все тотъ же помазанникъ Божій... отреклись отъ всего святого и русскаго не мы, а другіе... пусть будетъ Богъ имъ судья».

Итакъ свершилось...

У страны нѣтъ уже Царя, но нѣтъ на землѣ и Россіи.

Она ушла съ Нимъ, такъ какъ безъ Него, наша самобытная Родина не можетъ и не будетъ въ состояніи существовать...

Слишкомъ наивная, слишкомъ особенная, слишкомъ «духовная», не похожая на другихъ, она и въ будущемъ будетъ сторониться отъ практически разсуждающихъ «передовыхъ» странъ, отъ ихъ формъ правленія и не продастъ своихъ мечтательныхъ стремленій за манящую, но дешевую плату показной культуры, и наружнаго, матерьяльнаго благополучія.

Она, быть можетъ, останется нищей со своими природными богатствами, но нищей духомъ она никогда не была и не будетъ...

Въ странѣ, гдѣ сотни тысячъ людей, инстинктомъ перелетныхъ птицъ, стремятся въ плѣненный иновѣрцами Іерусалимъ, и проходятъ тысячи верстъ пѣшкомъ, чтобы поклониться святымъ мѣстамъ, и только единицы ѣдутъ учиться или торговать въ просвѣщенную заграницу — «народомъ» приходится считать первыхъ, а не вторыхъ.

Темный и неразвитой, не знающій хорошо своего прошлаго и не задумывавшійся никогда о своемъ будущемъ, довольно далекій отъ искусственнаго патріотизма онъ тѣмъ не менѣе сердечно любилъ родину и своею человѣческою душою просто, безъ знанія своей исторіи,

постигалъ, что «народился лишь отъ Бога и что къ Богу же затѣмъ отойдетъ». «Отъ Бога же данъ ему и Царь». Апостольское наставленіе»: «Бога бойтесь — Царя чтите» ни въ одномъ изъ христіанскихъ народовъ не находило такого горячаго отклика, какъ въ народѣ Русскомъ. Оно такъ отвѣчало его несложнымъ душевнымъ стремленіямъ, затуманеннымъ остальнымъ, для него всегда менѣе важнымъ.

Онъ стремился жить поэтому «по Божески», «по хорошему», «по настоящему» и когда это ему слишкомъ часто не удавалось, онъ въ лицѣ лучшихъ, не исключая молодежи, наполнялъ далекія кельи излюбленныхъ пустынниковъ и старцевъ, спрашивая у нихъ наставленія и каясь въ своихъ заблужденіяхъ. Этотъ, безграмотный въ своей массѣ народъ, слишкомъ давно своимъ простымъ сердцемъ научился читать книгу Жизни, чтобы ее не понимать и не проникнуться ея содержаніемъ, хотя бы во время спокойныхъ, но тяжелыхъ періодовъ своей жизни.

Эту книгу не сумѣли ему замѣнить ни его собственныя суевѣрія, ни толстыя книги ученыхъ мыслителей, ни подпольные листки крикливой «свободы». За такими въ глубокомъ понятіи народа никчемными вещами потянулись лишь отошедшіе отъ него «пустые люди», «бахвалы», «пропаганцы», «оратели», «неудачники», которыхъ онъ никогда не уважалъ, иногда сожалѣлъ, иногда побаивался, но всегда не любилъ.

Нерѣдко тянулась къ нимъ и часть сельской молодежи, побывавшей въ городѣ, которая, нахватавшись «городскихъ верховъ», глумилась надъ стариковскими воззрѣніями, своевольничала, «безобразничала», пьянствовала, играла въ карты, не думала «по отцовски» и не «по отцовски» хотѣла жить.

Но и ея мечты о «лучшихъ временахъ» не связывались съ низложеніемъ Царя, и въ этомъ отношеніи она одинаково прочно думала съ остальной деревней.

Этотъ народъ не могъ примириться съ свершившимся переворотомъ, и сколько разъ при разныхъ случаяхъ, мнѣ приходилось выслушивать народныя сужденія, связанныя съ поспѣшностью отреченія Царя.

Эти сужденія неизмѣнно были проникнуты огорченіемъ и всегда сводились къ одной и той же недоумѣнной укоризнѣ: «Напрасно Государь такъ сразу и уступилъ. Народъ не хотѣлъ ни за что, чтобы отрекся... за него большинство заступилось бы, только позови... Вѣдь, если бы у человѣка было четверо сыновъ, а одинъ бы набросился и

сталъ бы душить, онъ бы долженъ былъ остальныхъ трехъ крикнуть на подмогу»...

Народъ не поднялся тогда, когда Царя отняли отъ Россіи, лишь потому, что самъ Государь громко сказалъ всѣмъ, что уходитъ добровольно, и что страна и впредь не останется безъ Царя. Народъ молчалъ, потому только что ждалъ. Онъ молчалъ затѣмъ при слухахъ о его кончинѣ, потому что онъ хотѣлъ вѣрить, что онъ живъ.

Нашъ народъ разстался съ нимъ вынуждено молчаливо въ дѣйствительности, но не разстался, какъ я чувствую, въ мечтахъ.

Государя Императора Николая Александровича и Его Семью я узналъ близко сравнительно недавно, всего съ 1912 года. До этого времени, я былъ долго адъютантомъ его брата, Великаго Князя Михаила Александровича, съ которымъ меня связывали, самыя искреннія дружескія чувства, и встрѣчался часто съ Его Величествомъ, но лишь въ оффиціальныхъ случаяхъ, или во время очень рѣдкихъ докладовъ по дѣламъ и по порученію Великаго Князя, когда онъ былъ въ отсутствіи.

Я вспоминаю съ особымъ чувствомъ, какъ, во время одного изъ такихъ докладовъ, Государь, отпуская меня, обратился ко мнѣ съ доброй улыбкой: «Я давно хотѣлъ Вамъ сказать, Мордвиновъ, да все забывалъ... Зачѣмъ Вы приходите ко мнѣ всегда въ мундирѣ и орденахъ... Пожалуйста, оставьте все это и приходите въ слѣдующій разъ просто въ сюртукѣ»...

Тяжелыя личныя переживанія, вызвавшія желаніе удалиться въ деревню, заставляли меня въ эти годы, неоднократно просить объ увольненіи отъ службы, которое, однако всегда отклонялось, и когда, въ мартѣ 1913 года, я подалъ четвертое, кажется, прошеніе объ отставкѣ, Государю Императору было угодно вмѣсто увольненія назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ и зачислить въ Свиту Его Величества.

Не буду говорить, какимъ горячимъ чувствомъ наполнило меня это пожалованіе. Скажу только, что и до этого счастливаго дня вся семья Государя Императора Александра III уже издавна занимала громадное мѣсто и въ жизни и въ средѣ нашей семьи.

Государь Александръ Александровичъ былъ еще Наслѣдникомъ, когда отецъ моей жены, Карлъ Іосифовичъ Хисъ (Heath) поступилъ въ 1877 году воспитателемъ и преподавателемъ англійскаго языка къ

Его дѣтямъ. Нашему дорогому Государю Николаю Александровичу было тогда около десяти лѣтъ, а крестной матери моей дочери, Великой Княжны Ольги Николаевны, не было еще на свѣтѣ. К. О. Хисъ скончался въ 1900 году въ Аничковскомъ Дворцѣ, и краткое описаніе его жизни можно найти въ одномъ изъ номеровъ «Историческаго Вѣстника» за 1901 годъ.

Этотъ замѣчательный, почти во всѣхъ отношеніяхъ, человѣкъ, глубоко образованный, начитанный, прекрасный педагогъ, талантливый художникъ (его картины имѣются въ музеѣ Александра III) и спортсменъ прослужилъ при Дворѣ почти четверть вѣка, и, не обладая ни однимъ изъ отрицательныхъ качествъ царедворца, пользовался, не смотря на полную независимость своихъ мнѣній, неизмѣннымъ расположеніемъ и уваженіемъ какъ Царской семьи, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто съ нимъ соприкасался. Я вспоминаю, съ какимъ теплымъ чувствомъ говорилъ о немъ Государь еще въ февралѣ 1917 года.

Его привязанность къ своимъ воспитанникамъ и ихъ родителямъ была искренна и глубока. Онъ весь преображался, когда говорилъ о нихъ, и они занимали въ его сердцѣ не меньшее мѣсто, чѣмъ его собственные дѣти, въ числѣ которыхъ моя жена была младшая, а затѣмъ и единственная.

Онъ меньше всего, вѣрнѣе совсѣмъ не думалъ о своей служебной карьерѣ. Онъ ея просто не понималъ. Его съ трудомъ убѣдили въ необходимости сшить присвоенный его званію мундиръ и, вступивъ на службу при Дворѣ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, онъ и умеръ въ томъ же чинѣ послѣ своей непрерывной четверть вѣковой придворной дѣятельности.

Объ этой дѣятельности онъ не оставилъ никакихъ письменныхъ воспоминаній. Всѣ дневники, по его словамъ, неизмѣнно попадающіе на глаза постороннимъ, онъ считалъ неискренними и, кромѣ того, нескромными по отношенію къ тѣмъ, съ кѣмъ была связана его интимная жизнь, какъ бы ни бывали порою красивы и велики ея черты. Въ этомъ отношеніи, мысли моего beau père'a совпадали съ моими и я очень долго не хотѣлъ писать своего дневника, но одинъ разговоръ съ Императрицей Александрой Федоровной заставилъ меня измѣнить свое, казалось бы уже прочно сложившееся рѣшеніе. «Нѣтъ, Вы должны писать непремѣнно дневникъ» — говорила она — «но писать какъ можно искреннѣе, всегда помня, что это приноситъ пользу не только Вамъ, но и другимъ и помогаетъ не только памяти, но и правдѣ».

Изъ всѣхъ одухотворявшихъ его чувствъ и стремленій — стремле-

ніе къ правдѣ и искренности было сильнѣйшимъ; и эту правду, какъ ее понималъ, онъ умѣлъ высказывать при всякихъ случаяхъ самымъ рѣшительнымъ, и всегда оригинальнымъ образомъ. Всякій даже намекъ на ложь, на неискренность, на лицемѣріе волновали его необычайно.

Вспоминаю, съ какимъ буйнымъ и рѣзкимъ негодованіемъ обрушился однажды Карлъ Осиповичъ на графа Льва Толстого, когда, при встрѣчѣ въ одномъ домѣ, рѣчь зашла о пресловутомъ «непротивленіи злу».

Правдѣ словъ этого человѣка нельзя было не вѣрить и любить что либо недостойное, или привязываться къ чему-либо нехорошему или мелкому хоть бы и высокопоставленному, онъ по своей натурѣ не могъ.

А онъ и крѣпко любилъ и былъ крѣпко привязанъ къ своимъ Августѣйшимъ воспитанникамъ.

Они также очень любили его и, вспоминая о своихъ счастливыхъ дѣтскихъ годахъ, Государь еще не задолго до кончины твоего дѣда, высказалъ ему волнующія слова, что: «если у него есть что-либо хорошее, то этимъ онъ обязанъ единственно ему».

Многое изъ устныхъ разсказовъ К. І. Хисъ не сохранилось у меня въ памяти, но о нѣкоторыхъ, я невольно вспоминалъ не разъ во время долгихъ мучительныхъ раздумій, послѣ совершившагося переворота.

По его словамъ Государь, еще въ далекомъ дѣтствѣ отличался большою замкнутостью, задумчивостью не по годамъ, и въ этомъ отношеніи не походилъ на своихъ сверстниковъ и братьевъ.

Онъ былъ очень застѣнчивъ и трудно было узнать о чемъ онъ задумывался; былъ очень упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ и разубѣдить его въ нихъ бывало не легко.

Даже мальчикомъ онъ почти никогда не горячился и не терялъ самообладанія.

«Бывало во время крупной ссоры съ братьями или товарищами дѣтскихъ игръ» — разсказывалъ Карлъ Іосифовичъ — «Николай Александровичъ, чтобы удержаться отъ рѣзкаго слова или движенія, молча уходилъ въ другую комнату, брался за книгу, и только успокоившись, возвращался къ обидчикамъ, и снова принимался за игру, какъ будто ничего не было».

Онъ былъ очень любознателенъ и прилеженъ, вызывая даже этимъ добродушныя насмѣшки другихъ и чрезвычайно увлекался чтеніемъ, проводя большую часть свободнаго времени за книгою. Любилъ также, чтобы ему читали и самъ отлично читалъ вслухъ.

«Однажды» — разсказывалъ Карлъ Іосифовичъ — «мы читали

вмѣстѣ съ маленькимъ Николаемъ Александровичемъ одинъ изъ эпизодовъ Англійской исторіи, гдѣ описывался въѣздъ короля (King John), любившаго простонародье и которому толпа восторженно кричала: «да здравствуетъ король народа(Hail the King of the people»).

Глаза у мальчика такъ заблистали, онъ весь покраснѣлъ отъ волненія и воскликнулъ: «Ахъ, вотъ я хотѣлъ бы быть такимъ», но я сейчасъ же ему замѣтилъ: «Вы не должны быть Государемъ одного лишь простого народа, для Васъ всѣ классы населенія должны быть равны, одинаково дороги и любимы».

Это интимное желаніе быть любимымъ «многими», «всѣми», по преимуществу простыми людьми и притомъ только русскими, хотя и было запрятано у Николая Александровича очень глубоко, все же чувствовалось во многихъ случаяхъ и впослѣдствіи, когда онъ достигъ зрѣлаго возраста и сталъ Императоромъ.

Его простую, незлобливую, безпритязательную, глубоко вѣрующую, застѣнчивую натуру тянуло болѣе къ безхитростнымъ людямъ, съ душою простого русскаго человѣка.

Во внутреннемъ мірѣ крестьянства, составлявшемъ три четверти его подданныхъ, Государь видимо искалъ всѣ тѣ черты, которыя были ему дороги, и которыя онъ такъ рѣдко встрѣчалъ въ окружавшей его средѣ.

Это любовное чувство къ простому народу мнѣ приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленныхъ разговоровъ Государя съ крестьянами. Оно всегда проявлялось въ особой, легко уловимой, задушевной интонаціи его голоса, въ чуткомъ выборѣ задаваемыхъ вопросовъ, въ высказывающихся затѣмъ по окончаніи разговора впечатлѣніяхъ — неизмѣнно довѣрчивыхъ, добродушно - ласкательныхъ и заботливыхъ.

Эта черта характера Государя замѣчалась, конечно, не однимъ мною, и у многихъ, болѣе опытныхъ и скептически настроенныхъ она вызывала отрицательно критическое отношеніе.

Мнѣ самому, крѣпко связанному всѣмъ мнѣ дорогимъ не съ городомъ, а съ деревней, — не менѣе часто, чѣмъ этимъ людямъ, приходилось разочаровываться въ безкорыстной правдивости и искренности чувствительныхъ изліяній нашего русскаго крестьянина послѣднихъ годовъ. Но всѣ эти довольно горькія разочарованія своего опыта я относилъ къ естественнымъ разочарованіямъ барина, помѣщика и старался не отожествлять ихъ съ отношеніями населенія русской деревни къ своему Царю: «Богу да Царю неправды не скажешь» —

вспоминалась при этомъ русская поговорка, сдѣлавшаяся излюбленной благодаря религіознымъ воззрѣніямъ нашей деревни.

Мнѣ кажется, что на такое отношеніе къ нему надѣялся и самъ Государь и, если въ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ мнѣ единичныхъ случаяхъ, и ему не приходилось избѣжать разочарованія, то въ неподдѣльность хорошихъ чувствъ къ своему Царю всей совокупной массы русскаго крестьянства онъ крѣпко вѣрилъ и былъ въ этомъ конечно правъ.

Разнузданность во время смуты, когда его не стало, только рѣзко подтвердила, какимъ незамѣнимымъ благодѣтельнымъ началомъ являлся для народа его Царь, съ отсутствіемъ котораго для большинства «стало все позволено».

Слишкомъ уже далекими отъ дѣйствительности, слишкомъ выдуманными, являются для меня всѣ сужденія современной печати, когда они силились изобразить характеръ, поступки и даже стремленія Государя въ желаемомъ для нихъ, а не въ истинномъ свѣтѣ.

Говорили всѣ, или почти всѣ, въ томъ числѣ и придворные и многіе члены Императорской семьи, что Государь всецѣло подпалъ подъ вліяніе Императрицы, но говорили, по моему искреннему убѣжденію, совершенно голословно.

Никто изъ этихъ возмущавшихся или сокрушенно шептавшихъ не могъ, конечно, лично присутствовать или слышать своими ушами тѣ слова и фразы, которыми Императрица такъ «могущественно овладѣвала» волей своего супруга и которыя съ неменѣе пагубной силой сказывались на его управленіи. Государь былъ не такой человѣкъ уже съ дѣтства, чтобы легко подчинить свои главныя убѣжденія убѣжденіямъ другихъ, даже наиболѣе ему близкихъ и дорогихъ лицъ.

Онъ соглашался въ дѣйствительности только съ тѣми мнѣніями, которыя не противорѣчили его собственнымъ, продуманнымъ имъ самимъ безъ посторонняго навязыванія и, если его вѣрованія совпадали съ вѣрованіями Императрицы, то это было лишь совпаденіе слишкомъ далекое отъ «всецѣлой подчиненности». Насколько эти основныя, совпадавшія у нихъ, убѣжденія были «скверны», «невѣрны», «пагубны», «не соотвѣтствовали росту самосознанія страны», представляется, конечно, судить каждому соотвѣтственно его независимому собственному складу мышленія или подчиненному партійной указкѣ.

Но это были чистыя вѣрованія и, какъ таковыя, искренно, посильно продуманныя, подкрѣпленныя опытомъ отечественной исторіи, проникнутыя безпредѣльнымъ желаніемъ добра не только для части, но и для всего населенія необъятной Россіи.

Это были вѣрованія, въ которыхъ низкихъ побужденій личной заинтересованности не было и тѣни и отказать которымъ въ глубочайшемъ уваженіи, при всемъ желаніи, нельзя.

Въ выработкѣ этого одинаковаго, чисто русскаго міровоззрѣнія, если говорить о вліяніи вообще, подчиненная роль естественно должна была принадлежать не Государю, а Императрицѣ, почти не знавшей страны, въ которой начиналась ея новая неопытная жизнь и въ знаніи особенностей которой ее превосходилъ въ неизмѣримой степени Государь.

Мнѣ лично, имѣвшему радость находиться довольно часто и по долгу въ интимной обстановкѣ Царской семьи, ни разу не приходилось слышать, чтобы Ея Величество «диктовала свою волю» Государю и наоборотъ, я не разъ бывалъ свидѣтелемъ того, что, не смотря на многократныя просьбы и настоянія Императрицы, по совершенно незначительнымъ дѣламъ, далекимъ отъ государственныхъ и исполнить которыя было легко, Его Величество оставался твердъ въ принятыхъ рѣшеніяхъ. Вспоминаю, какъ незадолго до революціи, когда по убѣжденію всѣхъ «никогда вліяніе Императрицы не было такъ сильно», Ея Величество, на основаніи ходатайства чиновъ ея санитарнаго поѣзда просила Государя дать разрѣшеніе всѣмъ гражданскимъ чинамъ, соприкасавшимся съ военной обстановкой, «лишь доносить» ихъ походное обмундированіе, превращенное ими совершенно въ форму офицеровъ дѣйствующей арміи, что вызывало давно, не только недоразумѣнія, но и естественное негодованіе въ войскахъ.

Я помню, что Государыня днемъ, и въ теченіе вечера, нѣсколько разъ обращалась къ Его Величеству съ этой, очень настойчивой просьбой, ссылаясь на многіе доводы, но Государь, со все возраставшей категоричностью, наотрѣзъ отклонилъ всѣ Ея настоянія.

Появившіяся въ иностранной печати интимныя письма Императрицы къ Государю не разбиваютъ, а скорѣе подтверждаютъ сложившееся у меня въ этомъ отношеніи убѣжденіе.

Въ нихъ сказывается не «всесильная госпожа воли Государя, не властная соправительница Императора», а лишь безпредѣльно любящая мать и жена, силящаяся, по мѣрѣ возможности, помочь своему мужу въ повседневныхъ трудахъ, предупреждая о кажущихся Ей интригахъ и опасностяхъ волнующаяся, какъ и всякая русская женщина, за исходъ войны и за судьбу своей, хотя и второй, но крѣпко любимой родины.

Въ своихъ печалованіяхъ и опасеніяхъ она, какъ самый близкій

человѣкъ, естественно не можетъ удержаться и отъ совѣтовъ, кажущихся ей наиболѣе благоразумными и необходимыми, но во скольких письмахъ чувствуется и горечь, что ея предупрежденій обыкновенно нѣ слушались и высказывается опасеніе, что ея совѣтамъ не будутъ слѣдовать и впредь.

Быть можетъ она была «мятущаяся» душа, но была мятущейся въ хорошемъ смыслѣ этого слова, гдѣ нѣтъ удовлетворенія мелочными стремленіями обыденной жизни и гдѣ, болѣе высокимъ проблеммамъ человѣческаго духа отводится главное значеніе.

Я до сихъ поръ теряюсь въ догадкахъ, какимъ образомъ, Государыня, выросшая въ средѣ, совершенно чуждой и противоположной русскому «народному» православію, сумѣла впитать въ себя самыя характерныя и глубокія его черты, и склоненъ думать, что, помимо наслѣдственнаго расположенія къ сложнымъ духовнымъ переживаніямъ, полученнаго отъ матери, Государь оказывалъ въ этомъ отношеніи не малое вліяніе.

Эти черты, многіе съ насмѣшкою стараются относить «къ пережиткамъ 16 вѣка», совершенно забывая, что въ стремленіяхъ человѣческаго духа и вѣры вѣка играютъ ничтожную роль и настоящимъ вѣрующимъ нашего «великаго» 20 столѣтія крѣпкія, восторженныя до наивности вѣрованія первыхъ вѣковъ христіанства должны являться столь же заманчивыми, какъ и достойными подражанія...

Они оба и Государь и Императрица носили въ своей душѣ это стремленіе къ Богу, и вся ихъ внутренняя интимная жизнь была полна религіознымъ содержаніемъ.

Глубину этой жизни можно было не только чувствовать, о ней можно было и догадываться по многимъ поступкамъ. Хотя замкнутые, стѣсняющіеся почти всегда, они были въ этомъ отношеніи замкнуты особенно.

Какъ истинные носители религіознаго свѣта, они были носителями не показными, а тихими, скромными, почти незамѣтными для большинства.

Помню одинъ день въ Могилевѣ, во время послѣдняго пріѣзда туда Царской семьи, когда одна изъ Великихъ Княженъ мнѣ сказала: «Мама хочетъ быть у всенощной не въ штабной церкви, а въ городскомъ монастырѣ и проситъ Васъ насъ сопровождать. Только, пожалуйста не предупреждайте никого и не говорите полиціи. Мы хотимъ помолиться совсѣмъ не замѣтно для другихъ».

Кажется это было наканунѣ 21 ноября 1916 г., такъ какъ именно

въ этотъ день Могилевскій епископъ сказалъ свою разнесшуюся по всему городу проповѣдь, которая начиналась словами: «Сегодня мы празднуемъ введеніе во храмъ Царицы Небесной, а вчера въ нашъ храмъ вошла незамѣтно Царица земная»... Эта красивая, полная искренняго чувства проповѣдь, призывавшая къ отданію должнаго Государынѣ, за всю ея жизнь, посвященную церкви и страдающимъ людямъ, произвела даже тогда въ жесткіе притупленные предреволюціонные дни очень сильное впечатлѣніе. По свидѣтельству старика Лукзена переполненная церковь была очень взволнована, многіе плакали...

Мы вошли, никѣмъ не замѣченные въ церковь и смѣшались съ молящимися. Императрица купила свѣчи и сама, какъ и Великія Княжны, поставила ихъ передъ чудотворной иконою. Всѣ ея движенія, земные поклоны, пріемы, съ которыми она ставила свѣчку, крестилась, прикладывалась къ образамъ, меня поразили своимъ изумительнымъ сходствомъ съ движеніями, простыхъ религіозно настроенныхъ русскихъ женщинъ. Только женщина, родившаяся и выросшая въ старинной православной средѣ, проникнутая православными обычаями, сознающая всю цѣнность церковныхъ обрядовъ, даже думающая простодушно по русски, могла такимъ внѣшнимъ образомъ выражать свое молитвенное настроеніе...

Насъ вскорѣ узнали, толпа около насъ зашевелилась, зашепталась; откуда то появились стулья, подъ ноги подталкивали ковры, молящіеся стали къ намъ тѣсниться, заглядывать въ лицо... Императрица ничего не замѣчала — она ушла въ самое себя. Она стояла съ глазами полными слезъ, устремленными на икону, съ лицомъ, выражавшимъ безпредѣльную тоску и мольбу... губы ея беззвучно шептали слова молитвы, она вся была воплощеніе вѣры и страданія. О чемъ молилась она, за кого страдала, во что вѣрила? — дома тогда все было благополучно, всѣ, даже Алексѣй Николаевичъ, были здоровы, но Россія, изнывая въ войнѣ, была уже безнадежно больна... не о чудѣ ли ея исцѣленія и вразумлѣнія, такъ настойчиво и горячо просила Русская Царица...

Будучи оба глубоко вѣрующими христіанами, они были Русскими и православными въ особенности. Изъ этого міровоззрѣнія главнымъ образомъ и вытекалъ ихъ національный патріотизмъ, ихъ мистическое настроеніе, ихъ покорность судьбѣ и стремленіе полагаться во всемъ на волю Бога.

Отсюда же проистекало и ихъ отвращеніе ко всему соціалистически безбожному, либерально матеріалистическому.

Они оба не были и не могли быть «демократами», въ томъ смыслѣ, какимъ проникнуто это слово въ современной партійной жизни, и какими ихъ хотѣла бы видѣть наша общественность. Но они всѣмъ сердцемъ и всею душою любили свой народъ, притомъ съ тою силою и благородствомъ, которыя даются въ удѣлъ лишь немногимъ, только избраннымъ аристократамъ по духу и крови, какими они и были въ дѣйствительности.

Этимъ же религіознымъ воззрѣніемъ, которому нельзя отказать въ волнующемъ величіи, освѣщалось и ихъ убѣжденіе въ необходимости самодержавнаго начала въ Россіи, къ какому убѣжденію, по тѣмъ же, главнымъ образомъ причинамъ, приходили и выдающіеся русскіе историки и глубокіе русскіе мыслители, какъ Достоевскій, Соловьевъ, Константинъ Леонтьевъ и другіе.

Быть и сознавать себя русскими, было не только ихъ гордостью и радостью, но тою необходимостью, безъ которой по ихъ искреннимъ выраженіямъ терялась бы вся прелесть ихъ существованія. Они не понимали для себя возможности жить внѣ Россіи. Какъ настоящіе христіане и глубоко культурные люди, они стремились любить всѣхъ, не разбирая національностей, но русскіе для нихъ всегда бывали несравненно лучше всѣхъ.

Вспоминаю одинъ разговоръ во время обмѣна мнѣніями послѣ прочитанныхъ Его Величествомъ «Собственноручныхъ записокъ Императрицы Екатерины II», гдѣ она, говоря о перенесенномъ во время леченія кровопусканіи, выражала шутливо, радость, что «хотя она и обезкровлена, но за то у ней не осталось больше ни одной капли нѣмецкой крови, и она стала совсѣмъ русскою».

На Государя этотъ эпизодъ произвелъ большое впечатлѣніе: «Какая, изумительная женщина она была» — говорилъ Государь — «даже, судя по этимъ шутливымъ словамъ. Я такъ понимаю это ея стремленіе при всякихъ обстоятельствахъ не только быть, но и сознавать себя русскою».

И Государь и Императрица не искали популярности. У нихъ не было даже и намека на это несвойственное ихъ натурѣ стремленіе, проявленіе котораго мнѣ, при непередаваемой гордости за своихъ, приходилось слишкомъ часто наблюдать при другихъ, могущественныхъ иностранныхъ Дворахъ.

Въ обаятельной, естественной простотѣ Государя сказывалось то

настоящее русское величіе, которое не нуждается, ни въ особо разсчитанныхъ красивыхъ словахъ, ни въ показныхъ поступкахъ или жестахъ, но которое тѣмъ не менѣе было способно притягивать къ себѣ не предубѣжденную народную массу.

Даже дни, протекавшіе уже послѣ отреченія, показываютъ съ какою силою это врожденное величіе сказывалось на настроеніи людей, окружавшимъ отказавшагося отъ престола Государя.

Мнѣ часто приходилось видѣть и у насъ въ Россіи и заграницей при различныхъ торжественныхъ случаяхъ появленіе монарховъ среди собравшихся подданныхъ. Я старался всматриваться въ тѣ грандіозныя картины народной жизни, которыя проходили передъ моими глазами, невольно самъ сливался съ окружавшимъ меня людскимъ моремъ и старался переживать съ нимъ его чувства, но никогда я не былъ такъ восторженно охваченъ тѣмъ непередаваемымъ чувствомъ особенной близости монарха къ народу и народа къ монарху, какъ у насъ во внѣпарламентской и неконституціонной, а самодержавной Россіи.

Правда я былъ русскій и могъ въ этихъ случаяхъ чувствовать по своему, по русски, но то же самое впечатлѣніе мнѣ высказывали и иностранцы, которымъ приходилось присутствовать у насъ при различныхъ торжествахъ.

А между тѣмъ многіе, въ томъ числѣ и доброжелательные монархи Европы, не разъ высказывали при мнѣ мысль, что Государь, якобы, недостаточно популяренъ и сожалѣли, что онъ не дѣлаетъ ни одного шага для пріобрѣтенія этой популярности.

«Передъ кѣмъ?», неизмѣнно задавалъ я себѣ вопросъ. Вѣдь народныя массы не только любятъ, но и чтятъ своего Царя и имъ даже непріятно, когда ихъ Царь спускается со своего величія».

«Ему надо чаще показываться въ обществѣ, принимать у себя, не жить такою замкнутою жизнью, давно ушедшихъ вѣковъ» — говорили одни.

«Отчего онъ, по примѣру другихъ монарховъ, не входитъ въ болѣе близкое соприкосновеніе съ оппозиціонными элементами» — говорили другіе: — «вѣдь опытъ иностранныхъ государей показываетъ, что нѣсколько любезныхъ словъ, пожатіе руки, оказанное на виду у другихъ вниманіе способны въ нѣсколько минутъ перемѣнить міровоззрѣніе этихъ, въ большинствѣ случаевъ, ненасытно честолюбивыхъ и самолюбивыхъ людей».

Но всякій, кто хоть немного зналъ Государя и имѣлъ съ нимъ общеніе, пойметъ насколько его благородной и прямой натурѣ было про-

тивно завоевывать расположеніе къ себѣ такими дешевыми средствами, всегда унизительными не только для тебя самого, но и по отношенію къ своимъ недоброжелателямъ, которыхъ онъ не презиралъ никогда, часто извинялъ и всегда сожалѣлъ. Такое благородное отношеніе къ своимъ противникамъ мнѣ приходилось неоднократно наблюдать по разнымъ случаямъ.

Въ разгарѣ войны, когда пришла вѣсть о тяжелой болѣзни Австрійскаго Императора Франца Іосифа, Государь съ душевнымъ сочувствіемъ сказалъ: «Бѣдный старичекъ... какъ ему тяжело переживать все то, что происходитъ теперь и въ особенности сознавать, что онъ могъ бы не дать разгорѣться войнѣ и былъ все же безсиленъ сдѣлать это» . . .

Вспоминаю и одинъ вечеръ въ Могилевѣ, когда я случайно находился въ кабинетѣ Государя вмѣстѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ и его наставникомъ Жильяромъ. Его Величество, сидя за письменнымъ столомъ, готовился подписать какую то бумагу и, обратясь ко мнѣ сказалъ: «Кто бы могъ подумать, что мнѣ придется сейчасъ подписать объявленіе войны Болгаріи, той самой Болгаріи, за которую пролилось столько русской крови... съ гнетущимъ чувствомъ подписываю этотъ документъ... я знаю, что Болгарскій народъ тутъ ни при чемъ, онъ не можетъ быть врагомъ Россіи, своей освободительницы... это все происки враговъ славянства, потомъ поймутъ, но будетъ уже поздно»...

Государю были противны всякая игра, всякіе замаскированные ходы, всякая неискренность, необходимая, якобы, для пользы дѣла. Онъ предпочиталъ молчать, вмѣсто того, чтобы подобными фразами или поступками скрывать свое дѣйствительное отношеніе къ вопросу, какъ то умѣютъ дѣлать ловкіе политики.

Онъ и бывалъ очень часто молчаливъ, въ особенности, когда чувствовалъ, что его слова могутъ чѣмъ либо обидѣть собесѣдника, сдѣлать ему больно, но, будучи разъ высказанными, эти слова всегда искренно передавали то, что онъ думалъ въ данное время, не оставляя за собою никакой задней скрытой мысли.

За все время довольно близкаго общенія съ Государемъ, я видѣлъ его быть можетъ слишкомъ часто молчаливымъ, уходящимъ въ себя, иногда, очень рѣдко, непослѣдовательнымъ въ поступкахъ (всегда въ пользу справедливо недолюбливаемыхъ имъ людей), но всегда деликатнымъ и безусловно искреннимъ и прямымъ, когда онъ высказывалъ свое мнѣніе или убѣжденіе. Чуствовалось, что ему, по натурѣ чрезвычайно скромному, даже застѣнчивому, стремившемуся всегда не

только къ хорошему, а къ лучшему рѣшенію вопроса, насквозь проникнутому чувствомъ единоличной отвѣтственности — изъ этихъ благородныхъ побужденій невольно приходилось во многомъ колебаться, сомнѣваться въ самомъ себѣ, и отъ избытка деликатности ему было очень трудно навязывать свою волю другимъ.

Но вѣдь только самовлюбленныя, поверхностныя натуры могутъ не имѣть сомнѣнія и высказывать свои непогрѣшимые выводы съ рѣшительностью и жестокостью сильной воли, недоступною для болѣе вдумчивыхъ и деликатныхъ.

Сильная воля — это свойство, присущее не всякому. Оно — чисто органическое, какъ и физическая сила, и, конечно, какъ и эта послѣдняя, не предполагаетъ непремѣнно и нравственныхъ качествъ. Всякій знаетъ, что можно быть ограниченнымъ, злымъ и преступнымъ и обладать выдающеюся силою воли.

Я знаю, что многимъ покажется мое утвержденіе о полной искренности Государя голословнымъ и они, по примѣру иностраннаго публициста, будутъ подолгать говорить, о поцѣлуяхъ, расточаемыхъ Министрамъ одновременно съ состоявшимся уже, но имъ еще неизвѣстнымъ увольненіемъ.

Эти поцѣлуи, хотя и рѣдкіе, но бывали и, конечно, не были тѣми лобзаніями Іуды, какими ихъ силятся представить «безпристрастные» повѣствователи.

Этимъ словомъ нельзя назвать сердечный порывъ Государя, сильнѣе выразить свою благодарность нѣкоторымъ (далеко не всѣмъ) покидавшимъ свой постъ людямъ и его волнующее желаніе показать имъ, что онъ, какъ человѣкъ, чутко понимаетъ ихъ нелегкія переживанія при оставленіи службы и сочувствуетъ имъ отъ всей души. Это бывалъ всегда невольный порывъ и, какъ таковой былъ всегда искреннимъ, неподготовленнымъ заранѣе, не разсчитаннымъ на эффектъ, ничего не имѣвшій общаго ни съ хитростью, ни съ вѣроломствомъ или коварствомъ.

Вообще отношеніе Государя и его семьи къ человѣческимъ тяжелымъ внутреннимъ переживаніямъ, къ человѣческимъ страданіямъ и несчастьямъ было изумительно сердечно и отзывчиво.

Я прожилъ не одинъ десятокъ лѣтъ, много видалъ хорошихъ добрыхъ людей, но почти нигдѣ не встрѣчалъ такой безпредѣльной, чарующей доброты, такого большого, незлобливаго сердца, какъ въ семьѣ моего Государя и его отца.

Графъ Витте, вѣроятно, слишкомъ мало зналъ Государя, когда въ

своихъ воспоминаніяхъ говорилъ «о сухости его сердца», якобы «происходившаго отъ слабости разума». Все мое существо и навѣрно не у меня одного возмущается, читая эти явно несправедливыя слова.

При всемъ стремленіи найти недостатки у Государя, его меньше всего можно было назвать сухимъ. Потребовались бы цѣлыя горы бумаги, чтобы перечислить всѣ случаи его безграничной, деликатной отзывчивости, его сердечныхъ переживаній горя съ другими, и той искренней радости, когда его помощь шла на пользу людямъ.

Его доброта была не поверхностнаго качества, не выказывалась наружу, и не уменьшалась отъ безчисленныхъ разочарованій. Онъ помогалъ, сколько могъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, не задумываясь о величинѣ просимой суммы, въ томъ числѣ и лицамъ, къ которымъ, я зналъ, онъ былъ лично не расположенъ. «Онъ скоро раздастъ все, что имѣетъ» — говорилъ мнѣ однажды покойный князь Н. Д. Оболонскій, управлявшій кабинетомъ Его Величества, основывая на этомъ даже свое желаніе покинуть занимаемую должность.

Конечно добротою Государя слишкомъ пользовались многіе и для многихъ такая «неразборчивая» отзывчивость могла казаться странной, вредной и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оправдывавшейся дѣйствительной нуждой. Я самъ принадлежалъ невольно къ числу этихъ сомнѣвающихся и очень часто, даже слишкомъ часто не понималъ такой широты. Эти доводы приходилось выслушивать Его Величеству неоднократно отъ многихъ докладывающихъ и иногда оффиціально и уступать, помогая затѣмъ этимъ же самымъ просителямъ уже лично, непосредственно отъ себя, негласнымъ путемъ.

— «Гдѣ еще этимъ несчастнымъ ждать провѣрки» — говорилъ какъ то Государь, — «да и какъ провѣрить ихъ искренность?», и приводилъ въ примѣръ одинъ изъ случаевъ, не переставшихъ волновать Его Величество, когда одинъ изъ отставныхъ офицеровъ, обратившійся съ просьбой объ уплатѣ неотложныхъ долговъ, упомянулъ въ своемъ прошеніи, что въ случаѣ отказа онъ застрѣлится. «Вотъ, тогда этому не повѣрили, считали только дерзкой угрозой и вымогательствомъ, а я узналъ изъ газетъ, что онъ дѣйствительно затѣмъ застрѣлился. Нѣтъ, такими словами не шутятъ».

Взгляды Государя и его семьи на человѣческія взаимоотношенія были рыцарски благородными, чистыми, проникнутыми доброжелательствомъ, и атмосфера, въ которой протекала ихъ домашняя, скромная однообразная жизнь, являлась тому наглядымъ доказательствомъ.

Во время семейныхъ бесѣдъ ихъ разговоръ былъ всегда далекъ отъ

всякихъ мелкихъ пересудовъ, затрагивавшихъ чью-либо семейную жизнь и бросавшихъ какую-либо тѣнь на одну изъ сторонъ. Въ теченіе многихъ дней и вечеровъ, когда я имѣлъ радость находиться въ близкомъ общеніи съ Царской семьей, я ни разу не слышалъ даже намека на сплетню, столь оживлявшую всегда всѣ классы, какъ нашего, такъ и иностраннаго общества. Попытки нѣкоторыхъ близкихъ лицъ нарушить это обыкновеніе, неизмѣнно встрѣчались молчаніемъ и перемѣной разговора. Въ этомъ отношеніи семья моего Государя была единственною изъ всѣхъ, какія я когда-либо зналъ: о нихъ сплетничали всѣ, даже близкіе родные, они не сплетничали ни о комъ.

Вся грязь человѣческой жизни, съ которою Его Величеству, какъ высшему лицу, приходилось невольно сталкиваться, вызывала въ немъ по извѣстнымъ мнѣ случаямъ ярко выраженное отвращеніе, полное брезгливаго нежеланія останавливать на нихъ свое вниманіе или входить въ подробности.

Но вся семья отнюдь не обособлялась отъ жизни въ другихъ ея проявленіяхъ.

Эта жизнь, какъ свѣтлая, такъ и темная, служебная и частная, ликующая и глубоко страдающая, жизнь верховъ и низовъ, не смотря на ихъ «замкнутость» проникала къ нимъ, благодаря ихъ положенію безчисленными путями и въ безчисленныхъ случаяхъ они соприкасались съ нею непосредственно.

И Государь и Императрица волновались этими проявленіями жизни, не менѣе, а скорѣе болѣе другихъ, о чемъ я, какъ очевидецъ, имѣю возможность утверждать, и назвать Государя «безучастнымъ» ко всему было бы такой явной несообразностью, о которой въ другое время, говоря объ этихъ словахъ ген. Деникина и многихъ другихъ, конечно не стоило бы и упоминать.

Въ особенности любятъ ссылаться при этомъ на вынужденное подавленіе оружіемъ бунтовъ и на тѣ смертныя казни, которыя являясь послѣдствіемъ кровавыхъ выступленій революціонныхъ преступниковъ, должны были по ироніи судьбы, изрѣдка примѣняться, по военнымъ суровымъ законамъ Главнокомандующими округовъ даже въ царствованіе этого самаго незлобливаго и наиболѣе цѣнящаго человѣческую кровь монарха Европы.

Если бы эти люди только знали, съ какимъ отвращеніемъ и съ какою душевною болью относился вообще Государь къ этому наказанію, не смотря на всѣ доводы начальствующихъ лицъ въ ея необходимости. Онъ съ нимъ не могъ примириться даже въ самыя разнузданныя вре-

мена кровавыхъ политическихъ преступленій и всегда былъ такъ удовлетворенъ, что наши «деспотическіе» русскіе законы въ противоположность «демократическимъ» республикамъ просвѣщенныхъ странъ не знали этого наказанія за убійство въ обычныхъ условіяхъ жизни государства.

Одинаковое чувство раздѣляла съ нимъ и Императрица, которая по своимъ глубокимъ христіанскимъ воззрѣніямъ, была бы готова, какъ ея сестра Великая Княгиня Елизавета Федоровна, умолять о дарованіи жизни даже убійцѣ ея собственнаго мужа.

По собственнымъ словамъ Его Величества, сказаннымъ однажды съ глубокимъ сердечнымъ волненіемъ, онъ за все время царствованія, не подписалъ лично ни одного смертнаго приговора и ни одна просьба о помилованіи, дошедшая до Государя, не была имъ отклонена.

Мнѣ лично въ четырехъ или пяти случаяхъ приходилось, какъ дежурному флигель-адъютанту представлять Его Величеству такія поступавшія ходатайства (два или три изъ нихъ по просьбѣ Великой Княгини Ольги Александровны) и всегда Государь съ искренней радостью и нескрываемыми поспѣшностью и душевнымъ удовлетвореніемъ на нихъ соглашался.

Помню, какъ однажды на имя дежурнаго флигель-адъютанта поступила по почтѣ всеподданнѣйшая просьба о помилованіи, не помню кого изъ приговоренныхъ военнымъ судомъ къ смертной казни, приговоръ о которомъ былъ уже утвержденъ къ исполненію однимъ изъ командующихъ войсками, кажется Одесскаго округа; срокъ оставался чрезвычайно короткій и Государь очень волновался, чтобы помилованіе пришло во время и самъ предлагалъ способы для скорѣйшаго его доставленія по назначенію.

Если бы генералъ Деникинъ и другіе, совсѣмъ не знавшіе Государя, побывали дѣйствительно лично сами и не разъ въ томъ «Царскомъ Селѣ», гдѣ по ихъ утвержденію «плелалась липкая паутина грязи, распутства и преступленій», онъ навѣрно взялъ бы и эти свои слова назадъ и замѣнилъ бы ихъ фразою болѣе подходившей къ тогдашней дѣйствительности: «вокругъ чистаго, безпредѣльно преданнаго Россіи Царскаго Села плелась эта липкая паутина грязи, распутства, преступленій, предательства».

Въ настоящемъ, а не воображаемомъ Царскомъ Селѣ царствовала лишь чистая, строгая, почти монашеская жизнь, полная глубокой любви къ родинѣ и горячихъ стремленій къ человѣчности, къ счастью всего народа.

Въ противность утвержденію генерала Деникина, Государь цѣнилъ крѣпко монархическую идею. Онъ ее берегъ и понималъ: этой идеи не понимали, какъ слѣдуетъ, и совсѣмъ не берегли ее именно тѣ, кто и теперь, продолжая указывать на Распутинскій мифъ, бросаютъ ему этотъ упрекъ.

Распутина, о которомъ всѣ такъ много кричали, и о которомъ толковали на всѣ лады, я совершенно не зналъ. Я ни разу не встрѣчалъ его ни во Дворцѣ, ни во время прогулокъ въ Дворцовомъ паркѣ, и ни разу не слышалъ о немъ ни малѣйшаго намека ни отъ Ихъ Величествъ, ни отъ Наслѣдника, ни отъ Великихъ Княженъ, съ которыми я былъ связанъ самою искреннею и откровенною дружбою.

Я не видалъ его ни на одной изъ фотографій, снятыхъ собственноручно членами Царской Семьи и очень подробно, шагъ за шагомъ обрисовывающихъ ея домашнюю жизнь. Ужъ одно это обстоятельство показываетъ, насколько утвержденія всѣхъ, что Распутинъ «дневалъ и ночевалъ во Дворцѣ» и «былъ главною фигурою въ Ихъ интимной жизни, безъ которой они не могли обойтись», является столь же далекими отъ истины, какъ и фантастическія легенды, связывавшіяся съ именемъ и вліяніемъ этого человѣка.

Командиръ Собственнаго своднаго Его Императорскаго Величества полка, генералъ Ресинъ, безъ вѣдома котораго ни одно лицо не могло проникнуть во Дворецъ, въ декабрѣ 1916 года мнѣ дружески говорилъ, что могъ бы дать честное слово, что со времени вступленія его въ должность, кажется въ теченіи семи мѣсяцевъ, нога Распутина не бывала въ Александровскомъ Дворцѣ.

И я не могу себѣ представить, чтобы образованный, глубоко культурный, начитанный исторически человѣкъ, и при томъ человѣкъ съ преемственнымъ государственнымъ опытомъ, съ безпредѣльно развитымъ чувствомъ долга и личной отвѣтственности, какимъ являлся въ моихъ глазахъ Государь, могъ подпасть подъ вліяніе и оказаться руководимымъ не въ частной жизни только, а въ государственномъ управленіи, другимъ человѣкомъ, совершенно лишеннымъ даже зачатковъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для государственнаго сотрудничества. Это являлось тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что основныя черты характера Государя не давали этой возможности никому.

Ни одинъ изъ государственныхъ дѣятелей, ни до Распутина ни послѣ него, не могъ утверждать, что пользовался исключительнымъ всеобъемлющимъ вліяніемъ.

Какимъ бы сильнымъ характеромъ ни отличались эти дѣятели, или

даже частныя лица всѣхъ оттѣнковъ, неизмѣнно приходилось отъ каждаго изъ нихъ или лично выслушивать, или читать въ ихъ запискахъ, что ихъ вліяніе у Государя обыкновенно бывало ничтожнымъ.

Распутинъ, какъ бы ни заставляла его хвастаться созданная ему легковѣрной толпой репутація, конечно, не могъ являться исключеніемъ и не имѣлъ того значенія въ государственныхъ дѣлахъ, какое ему приписывали.

Только люди, смотрѣвшіе на взаимоотношенія глазами самаго Распутина, могли допустить подобную возможность, а подъ гнетомъ собственнаго настойчиваго желанія, и увѣровать въ это.

Впрочемъ самъ Распутинъ, какъ видно, напримѣръ, изъ его случайнаго, характернаго разговора съ Французскимъ посломъ Палеологомъ, свидѣтельствуетъ, что его вліяніе въ дѣлахъ управленія равно нулю и онъ проситъ посторонняго иностранца, Палеолога, укрѣпить Государя въ мнѣніи о полезности одной изъ мѣръ, такъ какъ самъ лично это сдѣлать безсиленъ.

Распутинъ, хотя и рѣдко, но все же бывалъ иногда принятъ во Дворцѣ. По словамъ наставника Алексѣя Николаевича, Жильяра, жившаго во Дворцѣ и лейбъ медика Е. С. Боткина, бывшаго тамъ ежедневно, они на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ встрѣтили его всего по одному разу. На обоихъ эти случайныя встрѣчи произвели непріятное впечатлѣніе, но оба связывали его посѣщеніе Дворца лишь съ состояніемъ здоровья Наслѣдника.

Многіе, настаивали на вліянія Распутина, любятъ ссылаться на уволненіе и опалу, постигавшія Министровъ, пытавшихся раскрыть Государю глаза на проистекающій отсюда вредъ или осмѣливавшихся не исполнить разныхъ просьбъ людей, находившихся подъ его покровительствомъ. Послѣднее обстоятельство ни разу не подтвердилось дѣйствительностью.

Я вспоминаю, наоборотъ, два случая изъ служебной жизни Министра Народнаго Просвѣщенія графа Игнатьева, разсказаннымъ мнѣ имъ самимъ, о томъ, какъ онъ въ рѣзкой формѣ отклонилъ просьбу лица, явившагося къ нему на пріемъ съ запиской отъ Распутина; а въ другой разъ — уволилъ отъ службы значительнаго чиновника, принадлежавшаго къ числу лицъ, окружавшихъ Распутина. Оба случая отнюдь не отразились на служебной карьерѣ графа Игнатьева и на оборотъ, насколько я знаю, Государь непосредственно вслѣдъ за этимъ настойчиво просилъ его оставаться на службѣ, когда графъ обращался къ Его Величеству съ просьбой объ увольненіи. Извѣстные мнѣ слу-

чая: одинъ съ лейбъ медикомъ Е. С. Боткинымъ, отказавшимся, несмотря на желаніе Ея Величества, принять больного Распутина у себя на дому и продолжавшаго сохранять неизмѣнное расположеніе Ихъ Величествъ. Другой — съ врачемъ Царскосельскаго лазарета княжной Гедройцъ, попросившей Распутина, пришедшаго навѣстить больную А. А. Вырубову, покинуть госпиталь и тѣмъ не менѣе продолжавшей сохранять свою должность и пользоваться вниманіемъ Императрицы. Эти случаи подтверждаютъ всю неосновательность вздорныхъ слуховъ, возникшихъ по подобнымъ поводамъ.

Неудовольствіе Государя нѣкоторыми изъ государственныхъ дѣятелей, по моему искреннему мнѣнію, вызывалось не стремленіемъ ихъ добиться удаленія Распутина, или опороченіемъ «старца» указаніями на его безпутную жизнь, а ихъ ни на чемъ не основанной вѣрой въ могущественное вліяніе старца на Императрицу, а черезъ нее на Государя и якобы на государственныя дѣла.

Въ глазахъ Его Величества одна возможность такого предположенія являлась оскорбительной, унижавшей его достоинство и то, что Государь легко извинялъ рядовому обывателю, онъ не могъ простить (не за себя конечно, онъ былъ изумительно незлобливъ, а свой Императорскій санъ) своимъ, имъ самимъ выбраннымъ, и близко съ нимъ соприкасавшимся сотрудникамъ.

Какъ же относился къ Распутину въ своей интимной, внутренней жизни Государь?

Нѣкоторыя письма Государыни, опубликованныя въ журналѣ Revue de France, хотя и косвенно, но подтверждаютъ сложившееся у меня, на основаніи многочисленныхъ впечатлѣній, прочное убѣжденіе, что отношеніе Государя къ этому человѣку почти не отличалось отъ отношенія отца семейства изъ «Дѣтства и Отрочества» Толстого къ «Божьему человѣку» «страннику Гришѣ», къ которому съ такимъ искреннимъ религіознымъ почитаніемъ относилась его жена. Уже само, довольно частое упоминаніе въ письмахъ о Распутинѣ показываетъ, что отношенія къ нему Государя были не такія, какими ихъ хотѣла бы видѣть Государыня; человѣкъ, крѣпко вѣрящій въ особое значеніе и непреложныя, спасительныя истины «Друга», конечно не нуждался бы въ усиленномъ обращеніи вниманія на его существованіе. «Какъ часто мы не обращаемъ вниманія на его слова». «Все дѣлается противъ его желанія». «Его очень опечалило, что не спрашиваютъ его мнѣнія» — вотъ выраженія, которыя можно встрѣтить не въ одномъ письмѣ Государыни, и которыя показываютъ, что дѣйствительность,

какъ я и ранѣе это чувствовалъ, была слишкомъ далека отъ какой либо «подчиненности».

Графъ Фредериксъ однажды, въ интимной бесѣдѣ, въ моемъ присутствіи, когда вопросъ коснулся тогдашней злобы дня, сказалъ: «Вы знаете, что я люблю Государя, какъ сына, и потому не могъ удержаться, чтобы не спросить Его Величество, что же наконецъ такое представляетъ собою Распутинъ, о которомъ всѣ такъ много говорятъ. Его Величество отвѣтилъ мнѣ совершенно спокойно и просто—«дѣйствительно, слишкомъ ужъ много и, по обыкновенію, много лишняго говорятъ, какъ и о всякомъ, кто не изъ обычной среды принимается изрѣдка нами. Это только простой русскій человѣкъ, очень религіозный и вѣрующій... Императрицѣ онъ нравится своею искренностью; она вѣритъ въ его преданность и въ силу его молитвъ за нашу семью и Алексѣя... но вѣдь это наше совершенно частное дѣло... удивительно, какъ люди любятъ вмѣшиваться во все то, что ихъ совсѣмъ не касается... кому онъ мѣшаетъ?»

Какъ я уже сказалъ, я совершенно не зналъ Распутина, никогда его не встрѣчалъ и ни одного намека со стороны Царской семьи, о самомъ существованіи его не слышалъ.

Чувствовалось невольно, что это была интимная область, связанная съ религіозными настроеніями, которой имъ не хотѣлось, чтобы касались другіе, даже люди наиболѣе имъ доброжелательные и въ скромности которыхъ они были убѣждены.

Это чувство было понятно, и, естественно, что ихъ тѣхъ же побужденій, по которымъ принято не читать чужихъ писемъ, большинству изъ лицъ ближайшей свиты приходилось обходить эту область молчаніемъ.

И только тотъ, кто ни разу въ своихъ внутреннихъ исканіяхъ не шелъ неправильнымъ путемъ, кто въ своихъ страданіяхъ за близкихъ не искалъ мистической помощи свыше, кто въ отчаяніи ни разу не бросался къ настойчиво рекомендуемымъ другими «цѣлителямъ» и «знахарямъ» и кто отказывался вѣрить, что истина могла вмѣщаться не только высококультурными мыслителями, но и простонародными Галилейскими рыбаками, — только тотъ, пожалуй, имѣетъ право такъ безудержно возмущаться и негодовать на русскую по духу Императрицу, и не находить объясненій въ ея невольныхъ и проникнутыхъ великимъ словомъ «любовь» ошибкахъ.

Я лично очень любилъ Императрицу — это нервное, всегда застѣнчивое, всегда искреннее, высоко настроенное, напряженное существо,

забывающее самое себя, свое больное сердце, бросающееся навстрѣчу всѣмъ страдающимъ людямъ, старающееся забыть свои обиды, и силящееся и въ помыслахъ и въ поступкахъ, просить своихъ обидчиковъ. Находившійся гдѣ то, въ неизвѣстномъ пространствѣ Распутинъ, не мѣшалъ мнѣ видѣть, съ какимъ отчаяніемъ и горемъ принимала она всѣ извѣстія о неудачахъ нашей войны, и съ какою любовью относилась ко всему русскому, старинному, православному, самобытному. Распутинъ не мѣшалъ ей высказывать и искреннія, продуманныя мысли и сужденія, благородство и глубина которыхъ не позволяли мнѣ сомнѣваться въ ея богато одаренной, чуткой и къ искусству и къ будничной жизни натурѣ. Эти мысли и сужденія она не только высказывала, но какъ я по многому замѣчалъ, имъ слѣдовала или старалась слѣдовать, напрягая для этого всѣ свои душевныя силы.

Ея основное религіозное міровоззрѣніе прочно сложилось задолго до встрѣчи съ Распутинымъ и врядъ ли этотъ послѣдній смогъ внести въ него что-либо новое.

Я чувствовалъ къ ней невольную симпатію и потому, что видѣлъ, что ея отношенія къ людямъ отличались большимъ благородствомъ, болѣе любовнымъ чувствомъ, чѣмъ этихъ людей къ ней и что ея слова не были только фразами.

Я мало зналъ ея сестру Великую Княгиню Елизавету Федоровну, отдавшую весь остатокъ своей жизни на заботы о другихъ, но я ясно сознавалъ, что основныя душевныя черты обѣихъ сестеръ были въ этомъ отношеніи совершенно одинаковы. Я рѣдко, почти никогда, не видѣлъ ее веселой; она слишкомъ была чутка и слишкомъ чувствовалась въ ней боль отъ всего, происходящаго вокругъ нея, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ.

«Отвращать Его Величество отъ народа» не былъ въ силахъ никто, тѣмъ менѣе способна была на это Императрица, которую именно въ такихъ выраженіяхъ обвиняли наши «дѣятели».

Служеніе Россіи и народу она ставила главной цѣлью своей жизни и радовалась необычайно каждому искреннему чувству, проявленному по отношеніи къ ней кѣмъ либо изъ этого народа, знатнаго или ничтожнаго. Помню, съ какимъ чувствомъ удовлетворенія Императрица показывала мнѣ ту груду писемъ, занимавшихъ чуть ли не цѣлый уголъ ея комнаты, которыя она получала съ фронта и изъ отдаленныхъ деревень съ наивными выраженіями любви и благодарности.

Думая о Государѣ непрестанно, останавливаясь на доступныхъ мнѣ мелочахъ его частной жизни, мнѣ всегда невольно вспоминаются

слова Эмиля Фагэ. «Надо твердо признать» — говорилъ онъ — «что духовно одаренныя натуры всегда обречены на одиночество и отсюда слѣдуетъ, что они рѣдко бываютъ счастливы».

Кому удавалось, какъ мнѣ, видѣть глаза Государя, обычно задумчиво грустные глубокіе даже въ минуты, когда кругомъ все было непринужденно весело, тотъ пойметъ, что глаза эти не отражали въ себѣ душу обыкновеннаго поверхностнаго человѣка. Помимо глубины, въ нихъ было что то такое, что заставило твою мать, когда она впервые увидала портретъ Сѣрова, тутъ же на выставкѣ расплакаться...

Государь былъ, конечно, счастливъ въ своей семьѣ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ, обладающій именно такой идеально сплоченной, любящей семьей, но и тутъ постоянное нездоровье Императрицы, постоянное опасеніе за жизнь сына не могли давать ему всей полноты семейныхъ радостей.

Но удовлетворяться однимъ семейнымъ счастьемъ можетъ не всякій: другая обширная семья — его родина, которой Государь стремился служить не только потому, что судьба и рожденіе поставили его во главѣ страны, но и просто, какъ русскій, занимала его мысли и вызывала скрытыя глубоко мучительныя переживанія, въ которыхъ сомнѣнія играли не малую роль. Къ нему въ этомъ отношеніи очень подходили слова Мериме. «Онъ ставилъ своей цѣлью быть честнымъ человѣкомъ и сомнѣваться».

Но въ своихъ основныхъ, главныхъ, крѣпко имъ продуманныхъ и выношенныхъ убѣжденіяхъ онъ не сомнѣвался никогда. Сомнѣнія вызывали лишь подробности тѣхъ путей, которыми онъ стремился, возможно лучше, безъ особыхъ потрясеній, подойти къ намѣченной цѣли.

Въ глубинѣ это была душа нѣжная и чувствительная, хотя онъ дѣлалъ все, чтобы скрывать свои порывы и не дать имъ вырваться наружу. Наивность, жаръ, горячее убѣжденіе другихъ, все это въ его глазахъ, вѣроятно казалось «страннымъ», знакомъ чрезмѣрной увѣренности въ себѣ, чего онъ такъ не любилъ и въ другихъ.

Онъ былъ деликатенъ чрезвычайно, даже до утонченности и умѣлъ, какъ никто, цѣнить искренность и какъ никто умѣлъ хранить въ себѣ тайну, довѣренную ему въ порывѣ искренняго чувства другими, но своими собственными тайнами ему было трудно дѣлиться изъ чувства все той же утонченной деликатности, но не недовѣрія.

Мнѣ трудно говорить съ достаточной силой объ отношеніяхъ Государя къ своей собственной семьѣ и объ отношеніяхъ Великихъ Княженъ, какъ къ своимъ родителямъ, другъ къ другу, такъ и къ посто-

роннимъ, имѣвшимъ радость съ ними близко соприкасаться. Скажу только, что ихъ свѣтлые образы даже и всесокрушающему времени не удастся вырвать изъ моей благодарной памяти и я навсегда буду подъ впечатлѣніемъ этой изумительной, до встрѣчи съ ними никогда ранѣе мною невиданной, чудной во всѣхъ отношеніяхъ семьи.

То неизмѣнное впечатлѣніе, которое всегда оставлялъ за собою ихъ Отецъ, даже у людей враждебно относившихся къ нему, было впечатлѣніе обаятельной простоты, спокойнаго достоинства и полнаго тихаго самообладанія во всѣхъ тягостныхъ случаяхъ жизни.

Эти благородныя черты культуры характера не даются однимъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, а требуютъ большой работы надъ самимъ собою. Не легко, навѣрно, далась эта работа и Государю.

«Бѣдный Государь... какой маленькій, великій благочестивѣйшій самодержавнѣйшій Императоръ Николай II» — восклицаетъ, врядъ ли искренно, С. Ю. Витте, оцѣнивая въ своихъ воспоминаніяхъ Государя, смогшаго сдѣлать его графомъ Великой Россійской имперіи.

Только гр. Витте, цѣплявшійся всѣмъ своимъ существомъ за власть и раздраженный за удаленіе отъ нея, могъ могъ сказать такія слова и въ томъ именно смыслѣ, какъ это ему хотѣлось.

Въ своемъ христіанскомъ смиреніи, въ сознаніи своего ничтожества передъ Богомъ и безсилія передъ міровыми событіями, Государь конечно, считалъ себя маленькимъ, но тѣмъ болѣе великимъ выростаетъ онъ въ нашихъ глазахъ.

Онъ былъ, быть можетъ, не властнымъ Царемъ, но былъ большимъ человѣкомъ, что важнѣе, человѣкомъ, что бы тамъ ни говорили, съ большою волею, съ волею не на показъ и съ большимъ сердцемъ; человѣкомъ, умѣвшимъ сдерживать себя, не думать о себѣ, подчинять свои собственныя побужденія чувству долга, не заискивать у другихъ и не примиряться съ тѣмъ, чему противилась его совѣсть.

Ни передъ кѣмъ наша родина не должна себя чувствовать такой виноватой, такой цинично преступной, какъ передъ нимъ. У нея даже нѣтъ оправданія, что онъ «самъ подставлялъ себя подъ удары рока». Не рокъ, а люди — русскіе люди, которыхъ онъ такъ любилъ, въ которыхъ вѣрилъ, которыми гордился, сдѣлали его жизнь въ концѣ столь несправедливо несчастной и столь захватывающе великой въ этомъ несчастьи, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ.

Но какимъ великимъ несчастьемъ сказался его уходъ для нашего «великаго, просвѣщеннаго вѣка», когда короли, подъ давленіемъ парламентовъ вынуждены пожимать руки палачамъ и ворамъ и не имѣютъ

возможности удержать своихъ Министровъ отъ тѣсныхъ соглашеній съ убійцами и грабителями.

Эти властныя велѣнія текущихъ дней, подкрѣпленныя волею даже парламентовъ всего міра, не смутили бы ушедшаго «безвольнаго» Русскаго Царя. Они бы нашли у него достойный отвѣтъ. Ихъ можетъ быть и не было бы вовсе, если бы онъ продолжалъ царствовать, какъ и раньше не только на страхъ врагамъ своей родины, но и на страхъ врагамъ человѣческой совѣсти, немирящейся съ жадностью къ золоту, обагренному кровью невинныхъ людей...

Его, вдохновителя и создателя первой конференціи мира, проникнутаго любовью къ человѣчеству, вѣрившаго въ необходимость и въ политикѣ завѣтовъ Христа, уже больше нѣтъ на виду у всѣхъ...

Великой, нравственной сдерживающей, авторитетной, законной силой стало меньше на свѣтѣ. Остались только царствующіе, но не управляющіе короли, пугливо подчиняющіеся велѣніямъ парламентовъ, да сами парламенты, громкія слова которыхъ прикрываютъ лишь низменныя побужденія выгодъ минуты.

Остались, правда, во всѣхъ странахъ еще нѣсколько благородныхъ людей, взывающихъ къ разуму и человѣческой совѣсти. Ихъ голосъ еще изрѣдка звучитъ довольно громко... но для толпы, въ которую превратились народы, ихъ призывы не убѣдительны — она имѣетъ возможность и желаніе ихъ неисполнять, при молчаливомъ согласіи своихъ призрачныхъ правительствъ. Только законная, независимая, сильная власть могла бы эти призывы претворить въ жизнь и дать хоть немного счастья и свѣта людямъ...

Сознаютъ ли тѣ, кто вызвалъ отреченіе русскаго Царя, какой незамѣнимой, благодѣтельной силой этотъ Царь былъ и могъ бы быть для народовъ и какое преступленіе совершено ими передъ Богомъ и передъ всѣми людьми...

Я чувствую, что такого сознанія нѣтъ даже у многихъ русскихъ, но хочу вѣрить, и уже вѣрю, что оно наконецъ къ нимъ придетъ.

Безъ этой вѣры, стоитъ ли даже мечтать о крѣпкой, христіанской Россіи, а безъ крѣпкой Россіи кто можетъ спокойно жить на свѣтѣ!....

***

Меня спрашиваютъ: «А что затѣмъ».

А затѣмъ — непереносимые, даже въ воспоминаніяхъ — дни, мѣсяцы, годы, иногда мгновенія, которыя стоятъ долгихъ лѣтъ...

Два мелькнувшихъ непередаваемой радостью переживанія при

полученіи бодрыхъ, сердечныхъ писемъ отъ дорогихъ Великихъ Княженъ, съ привѣтомъ отъ «Папа» и «Мама», съ описаніемъ ихъ жизни, но безъ всякаго упоминанія объ ожидавшемся скоро отъѣздѣ... и снова мракъ, кошмарный мракъ безсилія, какъ будто немного менѣе давящій при настойчивыхъ успокоеніяхъ нѣкоторыхъ изъ союзныхъ миссій, при которыхъ я тогда состоялъ, что «скоро всѣ будутъ на свободѣ и уѣдутъ заграницу»... «Вотъ Вы увидите»...

Потомъ... арестъ въ Витебскѣ... чудесное избавленіе, по милости Божьей, отъ разъяренныхъ «людей» главковерха Крыленки, шедшаго походомъ на Ставку, скрываніе со своими въ деревнѣ, опять арестъ, тюрьма въ уѣздномъ городѣ, мученія жены, ужасъ одинокой дѣвочки-дочери, еще одно радостное переживаніе, когда даже стѣны тюрьмы казались свѣтлыми и уютными...

Затѣмъ переводъ на Гороховую 2, снова нависшая угроза разстрѣла, Трубецкой бастіонъ крѣпости... лазаретъ женской тюрьмы, опять незаслуженная милость Бога и короткая, но восторженная радость освобожденія... опять деревня... опять постановленіе объ арестѣ, но уже всей семьи, и бѣгство въ Петроградъ, съ больной старушкой — матерью жены... арестъ еще больного послѣ оспы брата... заботы, какъ «изъ ничего» прокормить его на Шпалерной... розыски вывезенной неизвѣстно куда, ночью, изъ общины нашей умирающей старушки... спасеніе ея изъ ужасной «Обуховки»... ея кончина...

Бѣгство всей семьей черезъ Финляндію... провокаторъ... за версту отъ границы арестъ... чрезвычайка... издѣвательство... все отнято... голодъ тюремъ въ Шуваловѣ и Озеркахъ... мученія за сидящихъ въ тюрьмѣ жену и дочь... радость свиданія съ воспитательницей дочери... судъ... снова незаслуженное заступничество Бога и освобожденіе всей семьи... мы нищіе... помощь добрыхъ людей... кошмарная жизнь въ Петроградѣ... крестный ходъ въ Лавру... снова мракъ... снова заботы о прокормленіи себя и брата, осужденнаго къ заключенію «до конца гражданской войны»... «не мстимъ, а исправляемъ»...

Радость по случаю его освобожденія по декрету «изъ за переполненія тюремъ»... приготовленія къ новому бѣгству... отъѣздъ... находившаяся въ деревнѣ дочь изъ за снѣжной бури къ нему опаздываетъ... наше и ея отчаяніе... все же надо ѣхать... оставляемъ ее на попеченіи ея воспитательницы, нашего родного друга швейцарки Эммы Жаккаръ и моего брата... кошмарный переѣздъ... Латвія... Литва... еще болѣе кошмарный карантинъ на границѣ... покража нашей жалкой корзинки... остаемся въ чемъ были... я заболѣваю .. геройскими усиліями жена меня

вывозить безъ дорогъ въ занятую Польшей мѣстность, въ имѣніе брата... тамъ находимъ полное разрушеніе... коморка пріютившаго насъ добраго ксендза... моя тяжкая болѣзнь... полное отчаяніе жены... извѣстія отъ дочери тоже нѣтъ... мы не знаемъ, что она больна оспой... Мартъ... я поправляюсь... добрые люди помогаютъ привести въ жилой видъ комнатку въ домѣ брата... переходимъ туда... добрыя отношенія Польскихъ властей и мѣстныхъ жителей... весна... я начинаю ходить... зацвѣтаютъ деревья, а извѣстій отъ дочери все нѣтъ...

Страстная суббота... ѣдемъ отыскивать русскую церковь, чтобы быть у заутрени и причаститься... находимъ одну — службы нѣтъ... указываютъ на другое дальнее мѣстечко... ѣдемъ туда... уже темно, скоро одиннадцать часовъ... на переѣздѣ стоитъ поѣздъ, толпятся люди... что такое?... «бѣженцы изъ Петрограда»... жена бросается узнать что-нибудь о дочери и... нечаянно, въ потьмахъ, натыкается на нее самую, блѣдную, слабую, исхудавшую, но бодрую, оживленную... показывается и братъ, обросшій большой, уже сѣдой бородой измученный, но улыбающійся...

Черезъ полъ часа мы идемъ всѣ вмѣстѣ въ церковь... тихая, теплая, душистая отъ сирени и яблонь ночь... все поетъ и ликуетъ во мнѣ... около церкви горятъ костры, показывается крестный ходъ, поютъ «Христосъ Воскресе»...

. . . . . .

Вскорѣ радостное извѣстіе: воспитательницѣ дочери удается выбраться въ Швейцарію... насъ тянетъ повидаться съ нею, съ нашими немногими друзьями, съ родными жены... Хочется узнать подробности о тѣхъ, кто такъ намъ дорогъ... братъ дѣлится съ нами своими послѣдними деньгами... хлопоты о паспортахъ... полученіе визъ... Варшава... короткая остановка въ Берлинѣ...

Тяжелыя вѣсти... сомнѣнія...

28 іюня 1921 года ѣдемъ по берегу краснваго Невшательскаго озера... остановка для пересадки... маленькій Швейцарскій городокъ... прогулка... въ окнѣ объявленіе о вышедшей книгѣ Жильяра...

А. Мордвиновъ.

Декабрь 1922 года.
Гарцъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Княгини Т. Г. Куракиной

урожденной баронессы Врангель.

1918-1921 г.г.

Лѣто и осень 1918 г. я проводила въ Кіевѣ во время опереточнаго тамъ правленія Гетмана Скоропадскаго. Когда закончилась война между нашими бывшими союзниками и Германіей, положеніе Гетмана стало весьма шаткое, такъ какъ союзники потребовали отъ Германіи, чтобы она вывела всѣ свои войска изъ оккупированныхъ ими мѣстностей бывшей Россійской Имперіи. Гетманъ Скоропадскій же опирался исключительно на нѣмецкіе штыки, и Гетманское правительство не пользовалось никакой популярностью на Украинѣ.

Единственной военной опорой, на которую Гетманъ могъ болѣе или менѣе разсчитывать, помимо нѣмцевъ, являлся полкъ, составленный изъ малороссовъ, попавшихъ во время великой войны въ плѣнъ въ Германію. Нѣмцы, отлично понимая свою выгоду, пропагандировали среди этихъ плѣнныхъ идею «самостійной Украины», увѣрили ихъ, что Украина «всегда была подъ игомъ и гнетомъ Россіи», и когда, по нѣмецкому рецепту, на Украинѣ воспряло гетманство, возглавляемое Гетманомъ Скоропадскимъ, то изъ Германіи онъ получилъ этотъ полкъ, бывшихъ плѣнныхъ малороссовъ, прекрасно одѣтыхъ въ опереточные украинскіе жупаны и въ папахи со шлыками.

Какъ только Петлюра почуялъ, что союзники потребуютъ ухода германскихъ войскъ изъ Украины, и что Гетманъ очутится между двухъ стульевъ, онъ собралъ свои войска — состоявшія преимущественно изъ подростковъ лѣтъ 16-18, бандитовъ и грабителей, и изъ небольшого количества регулярныхъ частей изъ Галиціи. И вотъ Петлюра двинулъ свои войска на Скоропадскаго. Нѣмецкія войска еще не покинули Украины, но, по приказанію союзниковъ,

имъ было предписано держаться строжайшаго нейтралитета. Войска Гетмана большею частью немедленно перешли на сторону Петлюры, который въ то время пользовался на Украинѣ популярностью среди народа, такъ какъ его лозунги были почти большевистскіе, но безъ коммунизма: «Вся земля, все помѣщичье добро, всѣ заводы» — все было обѣщано крестьянамъ. Петлюровскія войска докатились до Кіева почти безъ всякаго сопротивленія.

Несмотря на то, что истые русскіе патріоты никогда не стояли за Гетмана, видя въ немъ опереточнаго ставленника Германіи, и никто не считалъ себя подданнымъ Украины, — тѣмъ не менѣе, мы очутились въ такомъ отчаянномъ положеніи, что волей неволей пришлось стать на сторону Гетмана, ибо ясно было, что побѣда Петлюры не только не сулитъ ничего хорошаго, но что послѣдній, со своими бутафорскими войсками, продержится очень недолго въ Кіевѣ, и будетъ въ свою очередь сметенъ большевистскими ордами.

Горько и больно вспоминать ошибки нашихъ бывшихъ союзниковъ - французовъ, которые своей политикой погубили Украину и отдали эту богатѣйшую, цвѣтущую страну на разореніе большевикамъ. Положеніе было таково: война окончилась; въ Германіи вспыхнула революція. Ясно было, что какъ только отозваны будутъ изъ Украины нѣмецкія войска, то придетъ Петлюра, а затѣмъ большевики. Поэтому, во что бы то ни было, надо было убѣдить Францію не отзывать нѣмецкія войска изъ Украины, а заставить ихъ тамъ нести полицейскую службу и поддерживать порядокъ, не какъ побѣдителей, а именно какъ побѣжденныхъ, несущихъ службу. Но Франція, увы, не хотѣла этого понять: страхъ ея передъ Германіей былъ слишкомъ великъ и упоеніе побѣдой вскружило ей голову. Вообще французы не поняли, къ сожалѣнію, всей важности момента; политика ихъ по отношенію къ Украинѣ колебалась то въ одну, то въ другую сторону.

Какъ только Петлюра началъ наступленіе, все что было русскихъ офицеровъ бывшей Русской Арміи въ Кіевѣ, встало на защиту его. У многихъ была надежда, что Франція подошлетъ свои войска на помощь, такъ какъ въ это время въ Одессѣ стояли французскія войска; была надежда и на Румынъ — словомъ, на кого то, на что то надѣялись, — но въ глубинѣ души каждый зналъ, что разыгрывается великая драма, что на сторонѣ Гетмана не осталось и одной десятой части его «войскъ», и главной его опорой — вѣрнѣе — опорой Кіева — были русскіе офицеры, на скорую руку

организованные въ какія-то части, какіе-то полки. Но это была горсточка героевъ въ сравненіи съ войсками Петлюры, поддержаннаго всѣмъ населеніемъ Украины. Мой мужъ какъ разъ за день до выступленія Петлюры, поѣхалъ въ Одессу, и оттуда тайно въ Румынію, для переговоровъ съ французами, которые совершенно не отдавали себѣ отчета въ трагическомъ положеніи Украины. Мужъ же просилъ ихъ замѣнить нѣмецкія войска союзническими, ибо ясно предвидѣлъ, что Петлюра выступитъ противъ Гетмана и этимъ откроетъ дверь большевикамъ. Такъ и случилось на слѣдующій день послѣ отъѣзда мужа, который оказался отрѣзаннымъ отъ Кіева, и котораго я уже не видѣла до моего бѣгства изъ Совдепіи, т.е. до Іюля 1921 г.; почти три года разлуки.

Защита Кіева продолжалась, если не ошибаюсь, 3 недѣли. Ужасные дни: чувствовалось, что эта геройская защита — равносильна самоубійству. Подкрѣпленій не было никакихъ — да и откуда было ихъ взять? Народъ весь перешелъ на сторону Петлюры. Владѣнія «Гетмана» все уменьшались, такъ какъ врагъ подступалъ подъ самый городъ. Главныя «силы», т.е. новообразованныя части изъ бывшихъ русскихъ офицеровъ, сосредоточились за Деміевкой (западное предмѣстье Кіева), у такъ называемаго «Краснаго Кабачка». Отдыха не знали ни днемъ ни ночью — запасныхъ частей не было, и надо было все время быть на чеку. Помню, какъ-то разъ, забѣжалъ къ намъ въ домъ Князь Кантакузенъ и съ радостнымъ лицомъ объявилъ намъ: «Ну, сегодня день хорошій, прислали намъ 9 человѣкъ резерва».

Въ ночь на 1-е Декабря, Петлюровскія банды совершили сильный натискъ: нашимъ «войскамъ» пришлось отходить въ самый городъ, по Б. Васильковской улицѣ, вплоть до площади Бессарабки, т.е. въ самый центръ города. Ясно было, что все кончено, что геройская защита Кіева спѣла свою послѣднюю пѣснь. Хаосъ и растерянность были полные, и ужасно было то, что сдаваться Петлюрѣ значило — сдаваться дикарямъ, которые мучили и убивали свои жерствы безъ суда и разбора. Одна часть офицеровъ такъ и попала въ плѣнъ «соціалистическому вождю самостійной Украины»; другимъ удалось бѣжать, благодаря помощи и содѣйствію нѣмецкихъ солдатъ, которые относились къ нимъ съ большимъ участіемъ; третьи попрятались, кто гдѣ могъ. У меня лично много было родныхъ и друзей среди защитниковъ Кіева: братья Шебеко, Князь Кантакузенъ, К. Араповъ и др. Благодаря гуманному отношенію итальянскаго консула, удалось спрятать ихъ въ

консульствѣ — временно, пока не придумали, какимъ способомъ имъ уѣхать. К. Араповъ, племянникъ мой, попалъ въ плѣнъ, и съ группой въ 500 человѣкъ, былъ посаженъ въ Педагогическій музей, превращенный въ военный лагерь. Такъ какъ содержаніе столькихъ офицеровъ было въ тягость Петлюрѣ, то въ одинъ прекрасный день, въ «музей» была брошена бомба, якобы нечаянно. Къ счастью, жертвъ было немного, и Араповъ остался живъ.

Гетману, въ эти роковые дни для Кіева, удалось исчезнуть при помощи нѣмцевъ, которые увезли его тайкомъ въ Германію. Таковъ конецъ эпопеи Скоропадскаго, послѣдняго «Гетмана» Кіева и Всея Украины.

Съ утра 1-го Декабря 1918 года, Кіевъ былъ весь разукрашенъ «украинскими жовто-бланкитными прапорами», т.е., на галиційскомъ (не на малороссійскомъ) нарѣчіи — голубо-желтыми флагами. Но, несмотря на всѣ эти «прапоры», Кіевъ встрѣчалъ новыхъ хозяевъ безъ радости, удрученный, и предчувствуя всѣ тѣ ужасы, которые еще были впереди. Первымъ дѣломъ пошли аресты всѣхъ бывшихъ гетманскихъ министровъ и должностныхъ лицъ. Арестованъ былъ также доблестный генералъ Келлеръ, командовавшій силами «защиты Кіева», и предательски убитъ затѣмъ въ спину, со своимъ адъютантомъ, кавалергардомъ Пантелѣевымъ, когда ихъ ночью переводили изъ одной тюрьмы въ другую. Въ эти ужасные дни, всѣ мы старались спасти какъ можно больше офицеровъ, т.е. содѣйствовать ихъ бѣгству, такъ какъ, разумѣется, никто изъ честныхъ и приличныхъ людей не желалъ служить у Петлюры. Теперь смѣшно даже вспомнить, чѣмъ я занималась; доставала всякими способами фальшивые паспорта, фальшивые документы, по которымъ бывшіе офицеры могли выбраться изъ Украины. Паника среди знакомыхъ была сильная, и, точно предчувствуя, что идетъ на югъ девятый валъ, — всѣ старались бѣжать, куда глаза глядятъ. Выѣхать же было труднѣе, чѣмъ въ рай попасть — но, несмотря на всѣ неудобства, на весь рискъ быть ограбленнымъ въ дорогѣ, — всѣ уѣзжали.

Зачѣмъ и я не уѣхала тогда со своимъ сыномъ Андреемъ? Вотъ вопросъ, который невольно всѣ мнѣ задаютъ. Не уѣхала я потому, что будучи человѣкомъ не нервнымъ, не поддающимся легко паникѣ и растерянности, я рѣшила что, хотя и тяжело жить подъ притѣсненіями большевистскаго режима, хотя я и была готова къ тому, что у меня будутъ «обыски», «выселенія изъ квартиры» и всякія, тому подобныя, прелести — все же лучше оставаться

спокойно на мѣстѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, что меня, женщину, да вдобавокъ жену человѣка, который ни на какой государственной службѣ не служилъ, и моего сына 15-ти лѣтъ — могутъ арестовать. Условія путешествія были такъ ужасны, неизвѣстность того, что будетъ дальше... все это меня удержало отъ того, чтобы послѣдовать примѣру всѣхъ, рѣшительно всѣхъ моихъ знакомыхъ, и очертя голову бѣжать изъ Кіева: и какъ я раскаялась потомъ, что этого не сдѣлала. Но раскаиваться и ныть надъ невольными заблужденіями — не стоитъ. Не мы, смертные, рѣшаемъ за себя: все отъ Бога зависитъ, и въ этомъ случаѣ — это была судьба!

Должна, однако, сказать въ свое оправданіе, что, хотя я съ перваго дня революціи смотрѣла на совершающіяся событія съ самыми мрачными предчувствіями и знала, что революція не можетъ въ Россіи разрѣшиться иначе, какъ тѣмъ, что мы теперь зовемъ большевизмомъ — но въ это время въ мое сердце закрался слабый лучъ надежды. Какъ я уже говорила, Одесса была въ то время занята французскими войсками; въ порту стояла французская эскадра. Прибывали также румынскія, греческія войска, и мужъ мой, съ которымъ мнѣ удалось завязать письменныя сношенія, обнадеживалъ меня, что союзники рѣшили къ веснѣ выступить противъ Петлюры и очистить Украину. Невольно хотѣлось вѣрить такой пріятной перспективѣ, и я рѣшила, что прожить 3-4 мѣсяца подъ игомъ Петлюры, а затѣмъ Ленина и Троцкаго — какъ нибудь можно будетъ, а тамъ весна, союзныя войска, освобожденіе... О, мечты! Никогда не забуду я того ошеломляющаго, удручающаго впечатлѣнія, когда въ Апрѣлѣ 1919 г. въ Кіевѣ вдругъ узнали, что французскія войска покинули Одессу.

Но я забѣгаю впередъ. Какъ я уже сказала, Петлюровскія войска заняли Кіевъ 1-го Декабря 1918 г. Продержались они тамъ до 25 Января 1919 г., т. е. не полныхъ два мѣсяца — когда они, въ свою очередь, были вытѣснены большевистскими ордами. Хотя все время чувствовалась неустойчивость Петлюровской авантюры, хотя не жилось при немъ сладко, но все же приходъ большевиковъ ожидался всѣми со страхомъ и отчаяніемъ. А приходъ этотъ былъ неизбѣженъ: помимо того, что у Петлюры было гораздо меньше войскъ, большевизмъ пустилъ въ темныя массы глубокіе корни, и такъ какъ это было только начало большевистскаго рая, то народъ еще вѣрилъ во всѣ блага, которыя сулили ему Ленинъ и Комп., и въ громадномъ большинствѣ охотно встрѣчалъ совѣтскую власть.

Не могу сказать, чтобы Петлюровскія войска доблестно защищали Кіевъ. Дня два, издалека, верстъ за 60, слышна была лѣнивая, рѣдкая канонада: въ это время шла эвакуація Кіева. 25-го Января я вышла на Крещатикъ (главную улицу Кіева), посмотрѣть, какъ будутъ входить въ городъ «побѣдоносныя войска Россійской Совѣтской, Федеративной, Соціалистической, Рабоче-Крестьянской Республики». Какъ говорится: «это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно». Правда, толпа на улицѣ была изрядная, но это не была толпа сочувствующихъ, а любопытныхъ, какъ я. Въ 3 часа, во всю прыть, карьеромъ, на худыхъ, обросшихъ, отвратительныхъ клячахъ, съ Подола на Крещатикъ пронеслись нѣсколько всадниковъ: у кого на папахѣ красныя тряпки, у кого на плечѣ, у кого еще гдѣ-то прицѣплены красные лохмотья — это кавалерія. За ними разбросанными кучками вошла пѣхота; потомъ какіе-то разбойники тащатъ какія-то ржавыя пушки — это артиллерія. Я стояла, разинувъ ротъ: это войска? Разбойники, бандиты, какія-то полу-сумасшедшія, полупьяныя, осатанѣлыя двуногія твари. Толпа смотрѣла на нихъ въ гробовомъ молчаніи — ни привѣта, ни «ура» не раздавалось. Три-четыре тощія делегаціи коммунистовъ отъ нѣкоторыхъ заводовъ; оркестръ, играющій фальшиво «Интернаціоналъ» — вотъ и вся торжественная встрѣча, да еще одинъ жиденокъ лѣтъ 18 выскочилъ на балконъ Городской Думы и, картавя, выкрикнулъ: «Да здравствуетъ Совѣтская власть». Больше ни рѣчей, ни привѣтствій, ни ликованій не было.

За то сами за себя большевики постарались, и на слѣдующій же день началось разукрашиваніе Кіева. Не было дома, на которомъ не были бы нацѣплены красныя тряпки, не намалевана красная, пятиконечная, франмасонская звѣзда, не написаны пролетарскіе, демагогическіе, истеричные выклики, вродѣ того, какъ: «Миръ хижинамъ — война дворцамъ!» «Мы на горе всѣмъ буржуямъ міровой пожаръ раздуемъ.» «Жри ананасы и рябчики жуй; послѣдній денечекъ насталъ твой, буржуй». и т. д.

Рябчиковъ мы не ѣли и ананасовъ не жрали, но что настали наши послѣдніе денечки — такъ это совершенно было вѣрно. Долго останавливаться на всѣхъ продѣлкахъ Совѣтской власти надъ обывателями вообще, и надъ буржуями въ особенности, я не буду, такъ какъ это всѣмъ извѣстно. А, не дай Богъ, если вы имѣли несчастіе принадлежать къ аристократіи и, вдобавокъ, носить, какъ я, княжескій титулъ, то тогда уже притѣсненіямъ и глумленіямъ не было конца. Жила я съ сыномъ на Банко-

вой улицѣ, въ прелестномъ домѣ-особнякѣ, принадлежащемъ нашей родственницѣ. Съ первыхъ же дней прихода большевиковъ, нашъ домъ былъ занятъ чекистами, но сначала намъ оставили каждому по комнатѣ; потомъ нажимъ сталъ усиливаться; хотѣли насъ совсѣмъ выселить; не проходило дня, чтобъ не врывались къ намъ какіе-то комиссары, матросы, солдаты, осматривали домъ, обѣщая намъ, что: «Васъ, буржуевъ, скоро вытурятъ отсюда; довольно пожили въ хорошемъ домѣ, пора и намъ въ немъ пожить». Въ концѣ концовъ выселили насъ изъ нашихъ комнатъ и разрѣшили жить внизу, въ подвальномъ этажѣ. И за то спасибо — все таки это было лучше, чѣмъ переѣзжать на другую квартиру, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ вамъ не разрѣшается ничего брать съ собой, ни кровати, ни мебели, — только 3 смѣны бѣлья и два платья.

Такъ прожили мы всю зиму, весну. Наши «квартиранты» часто мѣнялись. Сначала жили помощникъ Коменданта Кіева, армянинъ Айвазянъ и нѣкто Андреевъ, потомъ чекисты, потомъ представитель учрежденія Кіевскаго гарнизона — Солодубъ. Многіе изъ нихъ были со своими «женами», какъ они теперь называютъ своихъ сожительницъ-коммунистокъ, съ неизбѣжно стриженными волосами, нахальныя, вульгарныя, тошнотворныя созданія. Нашъ прелестный, чистый особнякъ немедленно превратилсявъ свинюшникъ и въ вертепъ. Я даже не понимаю, какъ это люди ухитряются изгадить и разрушить все, къ чему бы они ни прикасались. Мебель разломали, обои запачкали, занавѣсы, портьеры разорвали, — не говоря уже о всѣхъ мелкихъ вещицахъ, которыя сейчасъ же были растасканы. Почти каждую ночь происходили у нашихъ «квартирантовъ» оргіи: шампанское и вино лились рѣкой, и утромъ, выходя изъ дому черезъ черный ходъ, я насчитывала всегда не менѣе 30-ти пустыхъ бутылокъ. Въ нашемъ подвалѣ, надъ нашими головами, мы всю ночь слышали музыку, пьяныя, циничныя пѣсни, крики и визги коммунистокъ — тамъ шелъ дикій разгулъ и, признаться, все это было довольно жутко.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я вкусила прелести перваго своего ареста. Дѣло было такъ: была у меня, оставленная мнѣ Графиней Олсуфьевой, собаченка-дворняшка, не то болонка, не то пудель, очень ко мнѣ привязанная и никогда не покидавшая меня. Назвала я ее «Петлюрка» и, не стѣсняясь, звала ее такъ и на улицѣ во время правительства Петлюры, къ великому негодованію «щирыхъ Украинцевъ». Какъ-то разъ (уже при большевикахъ) пошла я погулять

въ «Царскій Садъ»: сѣла отдохнуть на скамью; рядомъ со мною сидѣли дама и господинъ, которые начали ласкать мою Петлюрку и заигрывать съ ней, а затѣмъ разговорились со мной. Въ это время мимо насъ проходитъ красноармеецъ, и моя собачка начинаетъ на него съ остервенѣніемъ лаять: я и говорю дамѣ: «Видите, даже собаки, и тѣ не могутъ видѣть равнодушно красную звѣзду». Красноармеецъ это услыхалъ, налетѣлъ на меня: «Какъ вы смѣете оскорблять Совѣтскую власть — я васъ арестую». Я ему отвѣчаю: «Совѣтскую власть я не оскорбляю, а что хочетъ выразить вамъ моя собака своимъ лаемъ — привѣтъ или ругательство — я не знаю, такъ какъ по собачьему, какъ вы, не понимаю, не имѣя съ ними родства».

Понялъ ли красноармеецъ мой, весьма ясный, намекъ или нѣтъ, но онъ продолжалъ орать и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Нечего было дѣлать — пошли мы втроемъ: солдатъ, я и Петлюрка съ задраннымъ хвостомъ и побѣдоноснымъ видомъ. Привели меня на гауптъ-вахту 1-го коммунистическаго полка. Было часовъ 6 вечера. Вышелъ дежурный офицеръ — изъ пролетарскихъ — и объявилъ мнѣ, что я просижу тутъ всю ночь, до утра, когда будетъ вызванъ слѣдователь изъ Губернской Чрезвычайки, для разсмотрѣнія моего «дѣла». Дверь захлопнулась, и я осталась одна въ грязномъ, вонючемъ чуланѣ, кишащемъ клопами. Меня очень безпокоило то, что дома никто не зналъ объ этомъ печальномъ инцидентѣ, и всѣ будутъ безумно обо мнѣ безпокоиться. А во вторыхъ — я носила на себѣ, вокругъ таліи, мѣшочекъ, въ которомъ были зашиты 200.000 р., что составляло тогда кое-какую сумму и — главное — вся моя нитка жемчуговъ. Я знала, что какъ только меня переведутъ въ Ч.К., меня раздѣнутъ, какъ полагается, обыщутъ, и тогда уже пиши пропало и деньги и жемчуга. Всю ночь просидѣла я на скамейкѣ, стараясь что-нибудь придумать, чтобы спасти жемчугъ, и безпокоясь за своихъ дома. Къ десяти часамъ утра дверь отворилась, вошелъ военный изъ Губернской Чрезвычайки. Насмотрѣлась ли я уже вдоволь на звѣрскія, садистскія, кровожадныя, тупыя лица коммунистовъ и большевиковъ — но я какъ-то инстинктивно могла опредѣлить по глазамъ — большевикъ ли или *не* большевикъ. И вотъ, какъ только я взглянула на вошедшаго ко мнѣ чекиста, мнѣ почему то не повѣрилось, что онъ — большевикъ: въ глазахъ было выраженіе, которое у этихъ людей безъ совѣсти и сердца —не бываетъ. Онъ меня разспросилъ, въ чемъ дѣло, и почему я арестована. Я ему

все дословно разсказала. Онъ отъ души расхохотался и сказалъ мнѣ: «Пустяки — идите себѣ съ Богомъ», не спросивъ даже моей фамиліи.

Впослѣдствіи я узнала, что въ Кіевской Чрезвычайкѣ намѣренно служили 3 офицера изъ Деникинской Арміи — его агенты: я увѣрена, что это былъ одинъ изъ нихъ. Но признаться, я ушамъ своимъ не вѣрила, когда услыхала эти слова: «Идите себѣ съ Богомъ», и, точно окрыленная, я выскочила на чистый воздухъ. Была весна; воздухъ благоухалъ и ласкалъ, солнце улыбалось, ласточки высоко перекликались. Я вздохнула полной грудью, наслаждаясь неожиданной свободой, и не чуя, что недалекъ тотъ день, когда я лишусь ея — не на одну ночь, а на цѣлые полтора года. Не буду описывать, съ какой радостью я была встрѣчена дома своими, которые провели такую же безсонную ночь, какъ и я сама, рисуя въ своемъ воображеніи самыя ужасныя картины.

ГЛАВА II.

Послѣ этого траги-комическаго инцидента дни потекли попрежнему, но настроеніе отъ полной безнадежности и отчаянія стало постепенно улучшаться. Съ Юга, съ Дона, шли хорошія извѣстія. Деникинская армія начала наступленіе, и мало-по-малу подвигалась впередъ. Большевики, между тѣмъ, чувствуя свое нетвердое положеніе и предвидя, что имъ придется удирать изъ Кіева, еще пуще свирѣпствовали. Чрезвычайная Комиссія развернулась во всю: аресты, обыски не прекращались; тюрьмы были переполнены и большая часть домовъ на Екатерининской, на Институтской и на Садовой были превращены въ «Особые Отдѣлы» Ч.К. — т.е., въ мѣста заключенія. Арестовывали всѣхъ буржуевъ: бывшихъ помѣщиковъ, бывшихъ офицеровъ, коммерсантовъ — однимъ словомъ, всѣхъ и вся, и разстрѣлы не прекращались; разстрѣливали безъ допроса, безъ суда. Это была настоящая кровавая оргія. Деникинская армія уже дошла до Харькова — и тутъ ужасамъ «краснаго Террора» уже не было предѣловъ.

13 Іюня я вышла на Крещатикъ. Возвращаясь домой, по Лютеранской улицѣ, встрѣчаю нашу горничную, блѣдную, взволнованную, которая тихонько говоритъ мнѣ, что меня пришли арестовать. Я немедленно пошла обратно, сказавъ горничной, чтобы она предупредила дома, что я пока скроюсь у бывшаго служащаго въ нашемъ имѣніи — и тамъ рѣшу, что мнѣ дальше дѣлать и куда скрыться. Семья нашего бывшаго служащаго приняла меня удивительно сердечно, и этого я никогда не забуду, такъ какъ въ эти дни скрывать кого-нибудь у себя на квартирѣ было очень рискованно: Совѣтская власть карала за это самымъ безпощаднымъ образомъ. Я никакъ не могла примириться съ мыслью, за что, почему меня хотятъ арестовать? Что я сдѣлала, въ чемъ могутъ обвинить меня? Въ этотъ день, къ тому же, пришлось обойтись безъ извѣстій изъ дому, такъ какъ боялись, что идетъ вокругъ дома усиленная слѣжка, и что если кого-нибудь пошлютъ ко мнѣ, то тѣмъ выдадутъ мое мѣстопребываніе.

На слѣдующій день прибѣжалъ ко мнѣ мужъ нашей горничной,

и я сразу, по его смущенному лицу, догадалась, что онъ несетъ мнѣ недобрыя вѣсти изъ дому. Я не ошиблась, но извѣстіе, которое онъ мнѣ сообщилъ, меня какъ громомъ поразило: всего я ожидала, но не этого. Когда изъ Всеукраинской Чрезвычайки пришли меня арестовать и не нашли меня дома, то начали дѣлать обыскъ въ моей комнатѣ; ничего, конечно, не нашли, такъ какъ все болѣе или менѣе цѣнное было припрятано въ надежномъ мѣстѣ. По окончаніи обыска стали меня дожидаться, и такъ какъ я все не возвращалась, то моему сыну объявили, что его арестуютъ вмѣсто меня, разъ я исчезла. Должна сказать, что въ эти дни у моего сына высыпала на лицѣ и на тѣлѣ сыпь, очень сильная и красная, и докторъ опасался кори. Несмотря на это и на то, что сыну только что минуло 16 лѣтъ, его забрали и повели въ Особый Отдѣлъ В.Ч.К., на Екатерининской улицѣ, гдѣ и засадили.

Когда мнѣ обо всемъ этомъ разсказали, я почувствовала, что ноги мои какъ то не поддерживаютъ меня, и повалилась на кровать, молча. Еслибы мнѣ только могло прійти въ голову, что если я скроюсь, то вмѣсто меня могутъ арестовать моего сына — почти ребенка, я бы и не думала скрываться — пусть со мной продѣлываютъ, что хотятъ, эти звѣри, эти изверги — лишь бы не трогали моего сына. На сердце точно камень легъ — невыносимо было тяжело: но надо было взять себя въ руки, главное, надо было дѣйствовать.

Я рѣшила, что немедленно пойду въ В.Ч.К. и сама сдамся имъ, чтобы они меня арестовали, но освободили бы моего сына. Къ этому времени пришелъ ко мнѣ старый управляющій, служившій въ нашей семьѣ болѣе 40 лѣтъ, вѣрный и преданный другъ, и когда онъ узналъ отъ меня о моемъ рѣшеніи, то сталъ умолять меня не поступать такъ необдуманно, такъ какъ, оказывается, что когда у меня произвели обыскъ и арестовали сына, то чекисты сказали управляющему: «Ну, а если намъ попадется въ руки ваша Княгиня, такъ ей ужъ не сдобровать — разстрѣляемъ».

Долго мы разсуждали съ управляющимъ; я настаивала на своемъ и не хотѣла сдаваться. Наконецъ — остановились на слѣдующемъ рѣшеніи: за сына будутъ хлопотать, будутъ приняты всѣ возможныя и невозможныя мѣры, будетъ предложена какая угодно сумма за его освобожденіе — однимъ словомъ, какъ говорятъ, будутъ нажаты всѣ кнопки. Мнѣ же достанутъ фальшивый паспортъ, по которому я поѣду на станцію Жуляны, въ 20 в. отъ Кіева, гдѣ буду скрываться у желѣзнодорожнаго служащаго,

знакомаго нашего управляющаго. Если недѣли черезъ двѣ не удастся вырвать сына изъ Ч.К., то я приведу въ исполненіе свой планъ, т.е. пойду сдаться въ В.Ч.К..

Кромѣ того, я рѣшила написать письмо Раковскому, состоящему во главѣ «Украинской Совѣтской Республики». Письмо я рѣшилась написать по слѣдующему соображенію: при Гетманскомъ правительствѣ состоялъ посланникомъ Болгаріи нѣкій Шишмановъ, женатый на дочери извѣстнаго украинофила и революціонера, Драгоманова. Когда Гетмана замѣнила Петлюровская власть, то всѣ посольства остались на мѣстахъ. Зная, что при Петлюрѣ будетъ уплотненіе квартиръ, и во избѣжаніе какихъ либо нежелательныхъ квартирантовъ, я предложила Шишмановымъ переѣхать въ нашъ домъ, предоставивъ имъ лучшія комнаты. Они съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе. Но когда Петлюровцы должны были бѣжать изъ Кіева, то и всѣ бывшія посольства эвакуировались. Передъ тѣмъ, какъ уѣхать, Шишмановъ мнѣ сказалъ, что онъ отлично знакомъ съ Раковскимъ, и что если когда нибудь Совѣтская власть будетъ меня притѣснять, то чтобы я обратилась прямо къ «великому Раковскому» отъ имени его друга Шишманова; онъ даже оставилъ мнѣ свою визитную карточку, на которой написалъ все, что слѣдуетъ, Раковскому. «Это прекраснѣйшій, честнѣйшій человѣкъ», говорилъ онъ про Раковскаго и, главное, настоящій «gentleman». Я вспомнила обо всемъ этомъ и написала по французски любезное письмо «gentleman-у», котораго умоляла освободить ни въ чемъ неповиннаго сына моего. Но какъ и слѣдовало ожидать, — «честнѣйшій человѣкъ» оказался негодяемъ, какъ и вся шайка большевиковъ и большевистскихъ лидеровъ — какъ всѣ эти Ленины, Петерсы, Зиновьевы, Крыленко и Комп.. Если можно сказать что либо въ ихъ оправданіе, то лишь то, что они психически разстроенные звѣри, а не люди. Отвѣта я никакого не получила на мое письмо, и сына не освободили.

Пока доставали мнѣ фальшивый паспортъ для поѣздки въ Жуляны, я все время, т.е. 3 дня, проживала тамъ же, въ семьѣ бывшаго нашего служащаго. На третій, памятный для меня день 15 Іюня, сидимъ мы всѣ въ столовой и пьемъ чай. Вдругъ слышимъ, у подъѣзда останавливается автомобиль; звонокъ. Открываютъ дверь — стоятъ три типичныхъ, отвратительныхъ чекиста, какъ полагается, въ кожаныхъ курткахъ, вооруженные до зубовъ, съ револьверами спереди, сзади и сбоку, обмотанные пулеметными лентами — однимъ словомъ, типичные представители Совѣтской

власти. Одинъ изъ нихъ, старшій, по фамиліи Извощиковъ (фамилія не настоящая — еврей, бывшій лакей въ клубѣ въ Черниговѣ) на одну лишь секунду остановилъ на мнѣ свой взглядъ, но тотчасъ же обратился къ хозяину квартиры, объявивъ, что ему приказано произвести въ его квартирѣ обыскъ. Я, конечно, въ одинъ мигъ сообразила, что обыскъ — это только предлогъ, что разнюхавъ, неизвѣстно какъ, гдѣ я скрываюсь, они пришли меня арестовать.

Я встала, подошла къ Извощикову и сказала ему: «Послушайте, никакого обыска вамъ не приказано производить, тѣмъ болѣе, что хозяева этой квартиры — не буржуи, не «кровопійцы», не помѣщики, а люди, своимъ трудомъ добывающіе себѣ хлѣбъ насущный — у такихъ людей вы обысковъ не дѣлаете. Въ пришли сюда, потому что разыскиваете меня: я и объявляю вамъ, что я — Княгиня Татіана Георгіевна Куракина: арестуйте меня».

Онъ нахально улыбнулся и отвѣтилъ мнѣ, что я совершенно права, что они пришли меня арестовать.

«Долженъ Вамъ сказать», прибавилъ онъ, «что Вашъ поступокъ пойдетъ Вамъ въ прокъ: Вы, такъ сказать, сами сдались намъ — навѣрное, за этотъ поступокъ будетъ смягчено Ваше наказаніе» (какъ дальше будетъ видно, никакого «смягченія» не было).

Обыскъ былъ произведенъ для проформы, послѣ чего мнѣ объявили, чтобы я собиралась, такъ какъ меня сейчасъ повезутъ въ Ч. К. Я предложила имъ выпить чашку чая — они развалились за столомъ и, повидимому, наслаждались тѣмъ, что, наконецъ, сцапали меня.

«Для насъ Вы — очень цѣнное пріобрѣтеніе, товарищъ Куракина», сказалъ мнѣ Извощиковъ.

«Я не сомнѣваюсь», отвѣтила я ему, «что я для васъ очень цѣнное пріобрѣтеніе, но позвольте вамъ замѣтить, что я для васъ совсѣмъ не товарищъ, такъ какъ вы меня ненавидите, а я васъ презираю».

Удивительно, какъ этимъ подлымъ людямъ все можно говорить въ лицо. Я замѣтила, что никогда ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ моего взгляда и не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

Напившись чаю, я простилась съ моими хозяевами; меня усадили въ автомобиль, и мы помчались на Екатерининскую улицу, въ Особый Отдѣлъ Всеукраинской Чрезвычайной Комиссіи. Проѣзжая по Институтской, вижу, идетъ одинъ господинъ, съ которымъ меня какъ то познакомилъ мой мужъ, и съ которымъ я встрѣ-

чалась на улицѣ раза два въ жизни — такъ что я даже забыла, какъ его зовутъ. Увидя меня ѣдущей въ автомобилѣ, въ блестящемъ обществѣ чекистовъ, онъ обернулся и имѣлъ несчастную мысль поклониться мнѣ.

«Кто это такой?» спросилъ меня Извощиковъ.

«Увѣряю Васъ, что я даже не знаю его фамиліи», отвѣтила я.

Это была совершенная правда, но мнѣ, разумѣется, не повѣрили; шоффeру было приказано повернуть обратно. Догнавъ несчастнаго господина, объявили ему, что онъ арестованъ за то, что поклонился мнѣ, забрали его тоже въ автомобиль и поѣхали дальше.

Пріѣхавъ въ Чрезвычайку, надо было видѣть, съ какой радостью, съ какимъ почетомъ меня встрѣтили. Не знаю, почему они меня считали такой важной преступницей, такимъ «цѣннымъ пріобрѣтеніемъ», какъ выразился Извощиковъ, но они не скрывали своего удовольствія.

«А попалась таки наша Княгиня». — «Ну, и важнаго же карася сегодня поймали», слышала я, когда меня вели въ канцелярію Чрезвычайки, гдѣ уже собрались всѣ важныя шишки сего учрежденія, чтобы посмотрѣть на меня и поглумиться надо мной. Сидѣлъ тамъ комендантъ В.Ч.К., жирный, противный, отвратительный матросъ, «краса и гордость революціи», по фамиліи Авдохинъ, по прозванію Мишка; былъ тамъ и его помощникъ Никифировъ, морфинистъ, кокаинистъ, дрянь отпѣтая; былъ и знаменитый «комиссаръ смерти», т. е. тотъ, который занимается разстрѣлами, также матросъ, Тереховъ, рослый, видный мужчина, но съ такимъ звѣрскимъ, тяжелымъ, кровожаднымъ взглядомъ, что жутко становилось, глядя на него: и всякіе еще тамъ были отвратительные типы — однимъ словомъ, я очутилась среди «fine fleur» чекистовъ.

Сдѣлали мнѣ краткій допросъ: гдѣ жила, чѣмъ занималась и т.д.; потомъ увели въ сосѣднюю комнату, гдѣ какая-то баба раздѣла меня до рубашки и обыскала меня, послѣ чего меня опять потребовали въ канцелярію: повидимому, видя мое полнѣйшее хладнокровіе, этимъ мерзавцамъ хотѣлось какъ нибудь оскорбить меня. Стали они ставить мнѣ всякіе вопросы, ничего общаго съ моимъ арестомъ не имѣющіе. Я на все отвѣчала любезно и спокойно. Тогда Авдохинъ, выведенный изъ терпѣнія, вдругъ вскочилъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ развалившись, — и съ крикомъ накинулся на меня.

«Ты знаешь, что такимъ гадамъ, какъ ты, мѣста нѣтъ въ Совѣтской Республикѣ? Сегодня жива — завтра на тотъ свѣтъ отправлю».

Я только выпрямилась во весь свой большой ростъ и только посмотрѣла ему въ глаза, но, вѣроятно, въ моемъ взглядѣ было столько гордости, что онъ лишь покраснѣлъ, сразу замолкъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, повалился опять въ свое кресло и далъ лаконическій приказъ вести меня въ тюрьму.

Какъ то до послѣдней минуты нервы мои такъ были напряжены, столько думъ было въ головѣ, что я не совсѣмъ отдавала себѣ отчетъ во всемъ происходящемъ: но когда я сообразила, что вотъ сейчасъ меня куда то поведутъ, лишатъ свободы, отрѣжутъ отъ остального міра — чувство безысходной тоски и отчаянія охватило душу: одно желаніе было, одна надежда — чтобъ освободили сына; за него я страдала и мучилась ужасно. Я отъ жизни видѣла много счастья, много хорошаго — настали теперь мрачные дни испытаній и мученій, но позади было и ясное небо и солнце. Но мой сынъ, для котораго жизнь только еще начиналась —чѣмъ заслужилъ онъ такое незаслуженное испытаніе? Съ этой мыслью я не могла примириться, и моя ненависть и презрѣніе къ людямъ, совершающимъ столько зла, — не знали границъ. Да, я глубоко вѣрующій человѣкъ, и во время самыхъ мучительныхъ и горькихъ испытаній у меня не было ни минуты сомнѣній, не было возмущенія противъ такъ часто кажущейся намъ несправедливости Божьей. Но нѣкоторыя общепринятыя положенія мнѣ совершенно непонятны, скажу больше, я ихъ считаю антихристіанскими, фарисействомъ, фальшью. Напримѣръ, — такимъ врагамъ, какъ были, не только для меня лично, но и для родины моей, большевики, — я не то что никогда не прощу, но буду дѣлать все возможное, чтобы ихъ уничтожить: это *долгъ* каждаго истиннаго христіанина; такихъ людей ничто, никогда не исправитъ, и надо ихъ истреблять, какъ чумную заразу.

Кромѣ ужасной тоски, охватившей меня, я страдала еще отъ полнаго своего безсилія, отъ сознанія совершенной невозможности отмстить.

Полная самыхъ тяжелыхъ думъ, послѣдовала я за двумя вооруженными конвоирами. Вышли въ маленькій дворикъ, потомъ въ другой, огороженный высокой рѣшеткой, и вошли въ небольшой, полу-развалившійся, одноэтажный домикъ: это и былъ знаменитый Особый Отдѣлъ, куда, какъ стадо скота, загоняли десятки и ты-

сячи людей, жертвъ Краснаго (никогда не прекращавшагося) Террора, ожидавшихъ тамъ своей судьбы. Всего было 4 комнаты: одна побольше, другія совсѣмъ небольшія — аршинъ 10 на 8; и тѣмъ не менѣе умудрялись запихивать туда человѣкъ до 300. Когда меня привели, было далеко за полночь. Ввели меня въ первую комнату, гдѣ еще не было очень много народа — человѣкъ до 10 всего, мужчинъ и женщинъ; всѣ лежали — спали. Конвоиры, сопровождавшіе меня, ушли: я стояла у двери, ошеломленная; въ головѣ стоялъ какой-то туманъ, и я вѣрить не могла, что вотъ тутъ, среди этихъ совершенно мнѣ незнакомыхъ людей, въ этой грязной, душной обстановкѣ, я должна буду жить. Я никакъ не могла рѣшиться лечь на грязныя нары — мы такъ привыкли къ чистотѣ, что для насъ она кажется вещью столь же естественной, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ. И вдругъ — надо было примириться съ подобной клоакой. Но дѣлать было нечего; забралась я на нары, положила подъ голову вязаную кофту и подушечку, которую я захватила изъ дому и... заснула сразу, мертвымъ сномъ; но отъ непривычки спать на голыхъ доскахъ, скоро проснулась — кости болѣли, я не знала, какъ получше устроиться. Такъ прошла вся ночь — засну и проснусь, то давая отдохнуть правому маклаку, то лѣвому. Ночью привезли къ намъ еще 7 арестованныхъ буржуевъ.

Рано утромъ, открывъ глаза, первое лицо, которое я увидала — Андрей мой сынъ, стоитъ передо мной и улыбается. Какъ я была рада его видѣть, но какъ тяжело было видѣть его въ такой обстановкѣ. Оказывается, онъ помѣщался въ сосѣдней комнатѣ, и, зная, что меня наканунѣ привели, пришелъ ко мнѣ. Но сообщаться со мной ему было строго запрещено, и пробывъ всего нѣсколько минутъ, онъ шмыгнулъ обратно въ свою комнату.

Было 7 часовъ; мои товарищи по несчастью стали просыпаться; новый заключенный представляетъ всегда большой интересъ — начались разспросы, кто я, почему арестована и т. д. Всѣ относились, конечно, съ большимъ участіемъ и возмущались тому, что меня засадили ни за что, ни про что. Впрочемъ, всѣ почти безъ исключенія были въ такомъ же положеніи, арестованы за то, что были когда то помѣщиками, что служили при Царѣ — да и просто за то, что они «буржуи» — заподозрѣны въ «контръ-революціи», не сочувствуютъ большевикамъ и пр. и пр. Познакомившись со своими сожителями, я стала думать о томъ, какъ будетъ съ моимъ туалетомъ, какъ, гдѣ умыться, причесаться, однимъ словомъ, привести себя

въ порядокъ? Уборной съ умывальниками не было,и всего на всего, въ комнатѣ гдѣ я помѣщалась — повидимому бывшая кухня — былъ кранъ съ микроскопической раковиной. Такъ какъ мужчины и женщины были въ перемежку, то раздѣться и вымыться основательно не было никакой возможности — впрочемъ какъ можно было даже поверхностно вымыться подъ краномъ, который выпускалъ воду по капелькѣ. О прочихъ удобствахъ — даже вспоминать тошно: такой грязи я въ жизни не видала. Спать на доскахъ я привыкла, голодать научилась, со всѣмъ можно свыкнуться, но къ отсутствію воды и ванны привыкнуть нельзя.

«Режимъ» въ мѣстахъ заключенія Чрезвычаекъ поистинѣ ужасенъ: о немъ много писалось, и мнѣ не хочется распространяться на этотъ счетъ. Скажу только, что обращеніе съ нами было, какъ со скотомъ — да что я говорю, во сто разъ хуже. Въ низкихъ комнатахъ съ крошечными окнами, лѣтомъ, въ самую жаркую пору, нечѣмъ было дышать, такъ какъ онѣ биткомъ были набиты арестованными. Спали на полу и на нарахъ — какъ сельди рядышкомъ лежали. Я старалась всячески устроиться между людьми, внушающими мнѣ болѣе или менѣе довѣріе въ смыслѣ чистоплотности. Мой выборъ палъ на доктора Марино-Благовѣщенской Общины Краснаго Креста, и на полковника Поляка, между которыми я и спала. Такъ какъ лежали вплотную, то мы рѣшили втроемъ одновременно лежать на той же сторонѣ, дабы согнутыя колѣни одного входили въ согнутыя колѣни другого, какъ игра «puzzle» — а то на твердыхъ нарахъ ноги ужасно затекали и болѣли при неподвижномъ прямомъ положеніи. Выходить позволяли два раза въ день, въ маленькій загонъ 24 аршина длины и 8 ширины: и вотъ въ такомъ пространствѣ — 300 человѣкъ старались «погулять», чтобы хотя немного размять ноги. Конвоиры при Особыхъ Отдѣлахъ Ч. К. были всѣ до единаго страшно грубы и злы. Напримѣръ — ночью они нарочно располагались подъ самой нашей дверью (которая оставалась открытой на дворъ), пѣли, свистали, орали и, конечно, затѣвали разговоры о томъ, какіе кровопійцы буржуи, какъ ихъ всѣхъ надо уничтожить и т. п.: поминутно входили въ комнаты заключенныхъ, нарочно шумя и разговаривая, чтобы мѣшать имъ спать.

На слѣдующій день послѣ ареста, меня вызвали къ слѣдователю для допроса. Тогда какъ всѣхъ водили всегда съ однимъ конвоиромъ, меня не выпускали иначе, какъ съ двумя вооруженными стражами — до того я была «опасна». Повели меня на Екатерининскую улицу, въ домъ бывшій Уваровой, гдѣ помѣщалась Всеукра-

инская Чрезвычайка — къ самому Президенту Ч. К., женщинѣ-слѣдователю Егоровой, любовницѣ Коменданта В. Ч. К., матроса Авдохина. Встрѣтила меня женщина лѣтъ 35, средняго роста, очень мило одѣтая: глаза смотрятъ привѣтливо, ласково, и хотя волосы и стрижены, но общее впечатлѣніе не «коммунистическое» — а женщины очень доброй, отзывчивой и вполнѣ благовоспитанной. Очень любезно предложила мнѣ сѣсть; начала разспрашивать дѣловито, ясно. Когда все, что я ей говорила было ею записано, я спросила ее, можно ли мнѣ узнать, по какому поводу, по какой причинѣ я арестована, и, наконецъ, — въ чемъ я виновата передъ Совѣтской властью?

«Вы ни въ чемъ не обвиняетесь», отвѣтила мнѣ она, «но вы арестованы за то, что вы, *единственная Княгиня*, оставшаяся въ Кіевѣ».

При этомъ въ ея полузакрытыхъ, ласковыхъ глазахъ блеснулъ такой огонекъ ненависти, что я вдругъ поняла, что эта женщина — хуже, отвратительнѣе любого Авдохина, Терехова и т. п.

«Но какъ же такъ», сказала я ей, «вы уничтожили всѣ званія, всѣ титулы — такъ что по вашему, я теперь уже не Княгиня, а арестуете меня за титулъ?».

«Это ничего не значитъ», отвѣтила она — и мнѣ пришлось удовольствоваться этимъ отвѣтомъ.

Я спросила, могу ли я узнать участь сына, на что она мнѣ отвѣтила, что его освободятъ. Тогда я ей сказала, что въ тюрьмѣ мнѣ не разрѣшаютъ съ нимъ разговаривать, и просила ее позволить мнѣ проститься съ нимъ передъ его освобожденіемъ.

«Я его сейчасъ вызову сюда», отвѣтила она, «вы можете проститься съ нимъ здѣсь, при мнѣ».

Я, конечно, была ей благодарна, и съ сердца какъ камень свалился, когда она сказала, что Андрея освободятъ: я вся просіяла. Черезъ минутъ 10 пришелъ Андрей; мы съ нимъ поцѣловались и я, радостная, счастливая, объявила ему, что его рѣшено освободить — просила его передать привѣтъ всѣмъ дома, поболтала съ нимъ и простилась.

Какъ только я перестала говорить, Егорова встала вся преобразившаяся: гдѣ ласка въ глазахъ, куда дѣвались вкрадчивыя интонаціи? Глаза стальные, безпощадные, сама захлебывается отъ злости.

«Товарищъ Куракинъ», обратилась она къ сыну, «все что вамъ сказала ваша мать — невѣрно: васъ не освободятъ, а заключатъ

на 3 года въ рабочія роты. Вы еще молоды, мы хотимъ васъ перевоспитать и сдѣлать изъ васъ честнаго коммуниста, полезнаго соціалистической родинѣ. А теперь, можете идти».

Мой бѣдный Андрей стоялъ и ничѣмъ не выдалъ своего волненія — я только замѣтила, что виски его чуть чуть поблѣднѣли — спросилъ: «Могу идти», повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Каждый пойметъ, что происходило у меня на душѣ. Мнѣ сдѣлалось немного дурно, и я опустилась на стулъ. Егорова ходила по комнатѣ и посмѣивалась — ея садизмъ былъ удовлетворенъ: она нанесла мнѣ ужасный ударъ, она видѣла передъ собой женщину, которая была глубоко несчастна. Она же была также матерью, и говорятъ очень любила свою 15-ти лѣтнюю дочь — и она могла такъ жестоко, такъ звѣрски поступить со мной: обнадежила меня, сказала, что сынъ свободенъ — и когда я вся радостная объявляю ему объ этомъ, она наноситъ мнѣ такой коварный ударъ. Да — этой дьяволицы я не забуду, и попадись она мнѣ на пути... месть моя будетъ безпощадна.

Не помню, какъ я дошла до тюрьмы — невыносимо тяжело было. Въ этотъ же день мнѣ объявили, что я приговорена къ разстрѣлу. Какъ подѣйствовало на меня это извѣстіе? Въ другое время я, конечно, возмутилась бы, страдала, отчаивалась. Но теперь на сердцѣ моемъ точно нарасталъ какой то желѣзный слой: я стиснула зубы и ждала все новыхъ ударовъ судьбы молча, стараясь «чувствовать» какъ можно меньше. Меня только очень смущало — знаетъ ли Андрей, что меня хотятъ разстрѣлять? Впослѣдствіи оказалось, что онъ зналъ и старался не выдать себя передо мной.

Картина, какъ ведутъ людей на разстрѣлъ, была самая обычная, такъ какъ почти каждую ночь, отъ 10 до 12-ти, приходили конвоиры за намѣченными жертвами. Впечатлѣніе было ужасное. Даже еслибъ это были настоящіе преступники, и то было бы ихъ жаль — а тутъ, люди совершенно ни въ чемъ неповинные. Преимущественно — почти исключительно — разстрѣливались бывшіе офицеры, генералы и служившіе на государственной службѣ при Царѣ. Жутко становилось, за сердце захватывало, когда приходили вечеромъ за приговоренными къ разстрѣлу несчастными жертвами. Глубокое молчаніе, тишина воцарялись въ комнатѣ: глаза смотрѣли внизъ. И въ большинствѣ случаевъ, эти несчастные обреченные умѣли умирать: они шли на смерть молча, съ удивительнымъ спокойствіемъ — лишь по блѣднымъ лицамъ, и въ одухотворенномъ взглядѣ, чувствовалось, что то уже не отъ міра сего. Но еще болѣе

тяжелое впечатлѣніе производили тѣ несчастные, которые не хотѣли умирать. Это было ужасно. Они сопротивлялись до послѣдней минуты, цѣплялись руками за нары, за стѣны, за двери; конвоиры грубо толкали ихъ въ спины, а они плакали, кричали обезумѣвшимъ отъ отчаянія голосомъ — но палачи безжалостно тащили ихъ, да еще глумились надъ ними, приговаривая: «Что, не хочешь къ стѣнкѣ стать? Не хочешь — а придется». Отъ подобныхъ сценъ морозъ по кожѣ пробѣгалъ, и мнѣ приходилось дѣлать надъ собой неимовѣрное усиліе, чтобы не броситься на этихъ изверговъ, убійцъ, которыхъ хотѣлось растоптать ногами, уничтожить какъ бѣшеныхъ собакъ, какъ отвратительныхъ гадовъ.

Были среди арестованныхъ 3 большевика-коммуниста, служившіе въ Ч. К. Конечно, они были заключены нарочно среди насъ, дабы шпіонить и докладывать «начальству». Припоминаю ихъ фамиліи (авось когда нибудь попадутся мнѣ): Болденко, Фишеръ, третьяго не припомню. Когда приходили за жертвами, предназначенными на разстрѣлъ, они сидѣли во дворѣ, въ компаніи двухъ проститутокъ изъ ихъ общества — пѣли, хохотали, говорили всякія мерзости — все это нарочно, конечно — когда мимо нихъ вели несчастныхъ, обреченныхъ на смерть. Не чистый ли это садизмъ?

Когда мнѣ сказали, что я на спискѣ осужденныхъ къ разстрѣлу, я до 12 час. ночи никогда не засыпала — все ждала, придетъ ли за мной «комиссаръ смерти» или нѣтъ? Въ такомъ пріятномъ ожиданіи прожила я двѣ недѣли. Всѣ заключенные, разумѣется, знали, что меня ожидаетъ, и относились ко мнѣ съ глубокимъ сочувствіемъ. Но нѣкоторыя изъ дамъ (увы, только нашъ прекрасный полъ на это способенъ), искренно желая высказать мнѣ свое сочувствіе, подходили ко мнѣ и объявляли мнѣ: «Ахъ, бѣдная, бѣдная Княгиня! Вы знаете, говорятъ, что сегодня вечеромъ за вами придутъ и уведутъ васъ на разстрѣлъ». Онѣ, конечно, совершенно чистосердечно меня жалѣя, хотѣли меня подбодрить и высказать мнѣ свою симпатію — но разумѣется подобнаго рода сожалѣнія не очень успокоительно на меня дѣйствовали.

Помню какъ то лежала я, все прислушиваясь, не идутъ ли за мной: было душно, нечѣмъ дышать; я встала, подошла къ открытому окну. На меня пахнула дивная украинская лѣтняя ночь; липа подъ окномъ была въ полномъ цвѣту, и этотъ свѣжій, такой знакомый запахъ, навѣялъ цѣлый рой воспоминаній... не вѣрилось, что на землѣ, гдѣ природа такъ прекрасна, гдѣ столько красоты и величія, живутъ люди, творящіе столько зла, столько ужаса. Мое вниманіе

привлекли голоса: во дворѣ, на скамейкѣ подъ окномъ сосѣдней комнаты, сидѣли три коммуниста, о которыхъ я выше говорила, и вели разговоръ съ однимъ изъ заключенныхъ, стоявшимъ у окна. Разговоръ шелъ о разстрѣлахъ. Невидимый мной заключенный спросилъ:

«Скажите, пожалуйста, вѣрно-ли что Княгиню Куракину разстрѣляютъ? Вѣдь она противъ Совѣтской власти не выступала и ни въ чемъ не повинна?»

«Да», отвѣтилъ одинъ изъ трехъ мерзавцевъ, «мы знаемъ, что, собственно говоря, она ни въ чемъ не обвиняется. Но, видите-ли, теперь объявленъ красный терроръ, а одна изъ силъ краснаго террора состоитъ въ томъ, что разстрѣливаются нѣкоторыя невинныя жертвы, но извѣстныя лица по своему высокому положенію или богатству и т. д. Разстрѣлъ княгини Куракиной произведетъ нѣкоторую сенсацію въ Кіевѣ, гдѣ всѣ ее знаютъ, гдѣ она занимала извѣстное положеніе».

Я все это слушала — съ какимъ чувствомъ, легко себѣ представить. Среди заключенныхъ въ нашей комнатѣ была одна очень милая особа, дочь священника, которая нарочно заигрывала и любезничала со всѣми чекистами, надѣясь этимъ ускорить свое освобожденіе. Какъ то разъ, ее вызвалъ Тереховъ (комиссаръ смерти) въ свой кабинетъ. Вернувшись оттуда, она мнѣ разсказала, что онъ старался черезъ нее узнать разное о заключенныхъ. Когда рѣчь дошла до меня, она его спросила, вѣрно ли, что меня разстрѣляютъ. Тереховъ нагло разсмѣялся и сказалъ:

«Не знаю еще — разстрѣляю ли я ее, или возьму въ любовницы».

Слышать такую мерзость и не быть въ состояніи отомстить, было для меня невыносимой пыткой. А красный терроръ все продолжался и усиливался съ каждымъ днемъ. Извѣстія изъ арміи Деникина были отличныя: бѣлые приближались къ Кіеву, и большевики неистовствовали. И ночью и днемъ привозили все новыя и новыя жертвы, а на разстрѣлъ уводили ежедневно по нѣсколько человѣкъ. Ужасное впечатлѣніе произвели на меня 3 офицера, которыхъ большевики пытали. Имъ было объявлено, что ихъ ведутъ на разстрѣлъ, но когда ихъ привели въ подвалъ, гдѣ происходили разстрѣлы, въ нихъ выстрѣлили холостыми зарядами; потомъ стали выворачивать какъ то плечи и производить разныя другія пытки. Когда я ихъ увидѣла на слѣдующій день, я сначала очень обрадовалась тому, что ихъ не разстрѣляли — но когда они мнѣ разсказали про эти ужасныя пытки — я пришла въ ужасъ. Такъ

продолжалось три дня: объявляли имъ, что ведутъ ихъ на разстрѣлъ, но только пытали. Наконецъ, на третій день, одинъ изъ нихъ, нѣкто Солнцевъ, не выдержалъ и сошелъ съ ума; онъ рвалъ на себѣ одежду, ни слова не говорилъ и подбиралъ все, что находилъ на полу. Несмотря на то, что несчастный совершенно потерялъ разсудокъ, его оставили среди насъ. Не знаю, что впослѣдствіи случилось съ этими мучениками, такъ какъ меня перевели въ пересыльную тюрьму. Сына отослали туда раньше. Въ общемъ въ В. Ч. К. я пробыла ровно 2 недѣли. Въ концѣ второй недѣли, пріѣхалъ въ Кіевъ знаменитый Лацисъ — латышъ, садистъ, палачъ, убійца — глава всѣхъ чрезвычаекъ. Я узнала, что когда ему передали на разсмотръ мое «дѣло», онъ великодушно рѣшилъ, что меня пока можно избавить отъ разстрѣла. Итакъ — я осталась жива.

ГЛАВА III.

Пересыльная тюрьма, или, какъ ее называли, «концентраціонный лагерь» находился на Печерскѣ. Послѣ чрезвычайки онъ показался мнѣ почти роскошнымъ учрежденіемъ, такъ какъ дворъ былъ очень большой и камеры высокія и просторныя. Но это уже была настоящая тюремная обстановка: рѣшетки на окнахъ, длинный корридоръ, рядъ однообразныхъ камеръ, тяжелыя двери съ вѣчно щелкающими замками. Здѣсь помѣстили женщинъ отдѣльно. Было разрѣшено мнѣ разговаривать съ сыномъ, что для меня было большимъ утѣшеніемъ. Но тутъ ожидали меня и новые сюрпризы. Въ В. Ч. К. никого изъ заключенныхъ не заставляли работать: это было временное, этапное заключеніе. Здѣсь же всѣхъ гоняли на работы, и мужчинъ и женщинъ. Моего сына посылали за ворота копать яму для водопровода. Молодой и сильный, онъ любилъ физическій трудъ, и скоро замѣтили, что онъ всегда работаетъ лучше и скорѣе другихъ. Это не мало удивляло тюремное начальство, состоящее изъ демократовъ, пролетаріевъ, такъ называемыхъ «тружениковъ съ мозолистыми руками». Какъ такъ — князекъ, маменькинъ сынокъ, отпрыскъ той «гнилой аристократіи», на которую соціалисты и демократы выливаютъ цѣлые ушаты помоевъ — и вдругъ работаетъ лучше и производительнѣе любого чернорабочаго? Для меня же было большой поддержкой видѣть, какъ сынъ бодро — почти весело — переноситъ свое заключеніе: всегда спокойный, веселый, онъ былъ любимцемъ всѣхъ заключенныхъ, среди которыхъ создалъ себѣ массу друзей.

Что касается меня, то я совершенно не была, какъ говорятъ про лошадей, въ кондиціи для тяжелой работы. Болѣзнь легкихъ, отъ которой я только недавно отдѣлалась, не прошла совсѣмъ безслѣдно: у меня были сильныя боли въ боку; но главное, всѣ переживаемыя событія, конечно, отозвались не только на нервахъ, но и на всемъ организмѣ. Я положительно ничего не ѣла, несмотря на то, что старая няня Андрея каждый день приносила намъ въ тюрьму всякое вкусное питаніе. Въ эти двѣ недѣли я страшно похудѣла — и не удивительно, я сбавила вѣсу на пудъ. Ежедневно

утромъ я прибирала, выметала тюремную контору, канцелярію, кабинетъ коменданта: это все разумѣется было невесело, но совсѣмъ легко. Но кромѣ того, насъ посылали на тяжелыя, грязныя работы. Я было попробовала отдѣлаться отъ нихъ подъ предлогомъ своей болѣзни — но мнѣ это не удалось: пришелъ комендантъ (нѣкто Сорокинъ, мужикъ села Х), накричалъ на меня, какъ полагается истому хаму, обѣщая «такихъ буржуекъ» какъ я, посылать на самыя тяжелыя работы. Вообще я въ Кіевѣ у этихъ негодяевъ была на особомъ счету — за мной установлена была спеціальная слѣжка, и они не пропускали ни одного случая сказать мнѣ что нибудь оскорбительное и мерзкое. Бѣдные, они не понимали, что этимъ они только себя унижаютъ. Чтобы чистить клозеты, они нарочно назначали меня и стараго, почтеннаго священника: но свѣтъ не безъ добрыхъ людей — среди заключенныхъ было три мужичка изъ повстанцевъ, и такъ какъ они голодали, не получая передачи, я имъ всегда отдавала всю ѣду, которую приносила на мою долю няня. Они въ благодарность за это умудрялись за меня чистить клозеты такъ, чтобы начальство не замѣтило этой подмѣны.

Когда же насъ посылали въ городъ мыть полы въ казармахъ, то тутъ уже никакъ нельзя мнѣ было устроиться, а между тѣмъ эта работа была мнѣ совсѣмъ не подъ силу. Насъ подымали въ 6 часовъ утра и даже раньше и грубо приказывали немедленно выстроиться въ рядъ, во дворѣ. Не только умыться не позволяли, но даже пойти въ уборную. Чая также не давали напиться; и вотъ, на пустой желудокъ, гнали насъ по ужаснымъ кіевскимъ мостовымъ, черезъ весь городъ — иногда верстъ за 7-8. Приходили въ казармы, гдѣ насъ съ издѣвательствами встрѣчали красноармейцы. Во что превращены были казармы этими двуногими свиньями — уму непостижимо. Вымыть полъ въ чистомъ домѣ — это ничего; но мыть некрашенный деревянный полъ, на которомъ трехвершковый слой грязи, пыли, сѣмечекъ, плевковъ и т. п. — работа очень тяжелая, особенно когда къ ней не привыкъ. Красноармейцы тутъ же валялись на кроватяхъ и издѣвались надъ нами, а иногда, кто изъ нихъ вскочетъ, возьметъ ведро съ грязной водой, и на только что вымытый мною полъ, плеснетъ всю эту грязную воду: «Я тебя научу какъ полы мыть, помѣщица-кровопійца». И я, съ моей пылкой натурой и съ моимъ жаждущимъ хлестать языкомъ — должна была стиснувъ зубы молчать, потому что въ Кіевѣ, могу сказать, обращеніе съ заключенными было по истинѣ звѣрское. Помню какъ разъ, возвращаясь съ работы въ казармахъ, я была такъ утомлена, и бокъ

мой такъ сильно разболѣлся, мѣшая мнѣ дышать, что я остановилась, отставъ отъ остальной группы арестованныхъ. На меня набросился конвоиръ и ударилъ меня по плечу прикладомъ. Это было отвратительно — вспоминать не хочется. Вообще конвоиры въ пересыльной тюрьмѣ были жестоки до крайности, точно на подборъ; все это были жидки-молокососы, наслаждающіеся своей властью. Особенно отличались Каменецкій, Блейхманъ и Комисаровъ.

Послѣ двухъ недѣль пребыванія въ концентраціонномъ лагерѣ — или пересыльной тюрьмѣ — сына отослали на работы въ Южно-Русскій заводъ, а меня на Греторовскій заводъ, по Житомірскому шоссе. Разлука съ сыномъ была для меня очень чувствительна. Но въ Кіевѣ, во время нашего заключенія, у насъ обоихъ было то преимущество, что мы не были заброшены. Наша тетка, В. И., графиня С. Ф. Нирод, управляющій, служащій Ал. (и другіе, которыхъ пока не могу назвать, такъ какъ они остались въ Совѣтской Россіи) всѣ о насъ хлопотали, заботились. А старая няня всю душу вложила въ то, чтобъ облегчить нашу участь. Она ежедневно, иногда даже два раза въ день, приносила намъ пищу, умудрилась послать мнѣ матрацъ, подкупала конвоировъ, чтобы передавать намъ всякія вещи. Бѣлье я могла мѣнять сколько угодно, такъ какъ я ей его отсылала для стирки — однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ, дни заключенія въ Кіевѣ были днями роскоши. Разъ въ недѣлю разрѣшались свиданія — няня приходила съ вѣчно радостной Петлюркой. Какъ я радовалась этимъ свиданіямъ, какъ становилось легче и спокойнѣе на душѣ отъ одного взгляда моей преданной, милой няни и отъ ея непоколебимой вѣры въ то, что «Богъ все къ лучшему дѣлаетъ — на все Воля Божья». Меня эти простыя слова убаюкивали. А тѣмъ временемъ Петлюрка, какъ шальная прыгала вокругъ меня и по своему говорила мнѣ о своей радости.

На Гретеровскій заводъ меня перевели 12 іюля. Кромѣ меня послано было туда 40 мужчинъ и 10 женщинъ. Всѣ 10 дамъ были польскія студентки, курсистки, очень милыя барышни, и было пріятно очутиться среди чистой и немногочисленной публики. Помѣстили насъ въ симпатичномъ особнякѣ, гдѣ для насъ дамъ, была большая, свѣтлая комната; домъ былъ окруженъ большимъ садомъ съ зелеными лужайками, съ громадными, тѣнистыми деревьями. Хоръ птицъ, жужжаніе насѣкомыхъ и заунывное кваканье лягушекъ — напоминали мнѣ деревню. Данте сказалъ: «Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria» и я на-

слаждалась этой обстановкой. Мужчины работали на заводѣ, а мы, дамы, исполняли домашнюю работу. Меня пристроили въ кухню — судомойкой. Я была этому очень рада, такъ какъ это было гораздо лучше, чѣмъ мытье половъ. Одно то, что я цѣлый день была на воздухѣ — такъ какъ кухня — походный котелъ — была подъ открытымъ небомъ. Мои обязанности состояли въ томъ, что я чистила картофель, мыла кухонную посуду, которая была немногочисленна, и подъ вечеръ подметала кухню. За повара былъ у насъ очень милый польскій помѣщикъ, съ которымъ мы всегда разговаривали по французски, что весьма не нравилось конвоиру. Но недолго продолжалась моя судомойная идиллія. Пріѣхалъ какъ то на ревизію комендантъ концентраціоннаго лагеря, Сорокинъ. Увидавъ меня за моей работой, «Какъ, Куракина чиститъ картофель? Я же приказалъ давать ей самыя тяжелыя работы — смѣнить ее на кухнѣ — пусть моетъ полы».

И вотъ меня пристроили горничной въ огромную комнату-свинюшникъ, гдѣ помѣщались наши конвоиры. Пришлось покориться — противно было убирать эту комнату, и еще противнѣе то, что конвоиры, развалившись на кроватяхъ, говорили мнѣ всякія циничности и гадости. Но это продолжалось недолго. 22-го іюля, совсѣмъ неожиданно, велѣно было насъ всѣхъ перевести обратно въ концентраціонный лагерь. Конечно, намъ не говорили зачѣмъ и почему послѣдовалъ такой приказъ, но по озабоченнымъ и раздраженнымъ лицамъ нашихъ начальниковъ, чувствовалось, что они затѣваютъ что то нехорошее. Впрочемъ мы по газетамъ давно знали, что большевикамъ приходится плохо, такъ какъ бѣлые были совсѣмъ уже недалеко отъ Кіева. Итакъ потащили насъ обратно въ лагерь на Печерскъ. Пріѣхали мы туда подъ вечеръ — и ужаснулись! Лагерь былъ биткомъ набитъ тысячами арестованныхъ. Изъ Москвы былъ присланъ новый комендантъ, Угаровъ: звѣрь, а не человѣкъ, который не выпускалъ изъ руки револьверъ. На воротахъ, на стѣнахъ были развѣшаны объявленія, что впродолженіи трехъ дней, никакія свиданія, никакія передачи изъ города не будутъ допущены. Насъ немедленно заперли по камерамъ — и что тутъ происходило, я никогда не забуду. Въ камерѣ, предназначенной для 20-ти человѣкъ, насъ посадили 62 человѣка; это было что то ужасное, и лечь не было никакой возможности. Стояли жаркіе, душные дни, и несмотря на открытое окно, дышать было нечѣмъ.

Всѣ нервничали въ ожиданіи чего то; полная неизвѣстность была невыносима. И тутъ пронесся зловѣщій слухъ, что насъ, какъ

заложниковъ, отошлютъ въ Москву. Меня какъ обухомъ ударило по головѣ. Вѣдь я только и жила надеждой, что вотъ вотъ Деникинская армія войдетъ въ Кіевъ, и мы будемъ свободны. Кромѣ того, у меня была и другая надежда. Нашъ бывшій арендаторъ посѣтилъ меня, когда я была на Гретеровскомъ заводѣ, и сказалъ мнѣ, что хлопоты о нашемъ освобожденіи съ сыномъ идутъ такъ успѣшно, что дней черезъ восемь-десять, насъ должны освободить. Была предложена крупная сумма нѣкоторымъ «честнымъ коммунистамъ» не бравшимъ, яко-бы никогда взятокъ, и мы должны были вскорѣ быть на свободѣ. И вдругъ — всѣ надежды рушатся — насъ увозятъ въ Москву!

Большая часть заключенныхъ, по славянскому легкомыслію, не допускала этой возможности: говорили, что Кіевъ отрѣзанъ уже, что въ Нѣжинѣ, въ Бахмачѣ — уже бѣлые, что желѣзныя дороги забастовали — но я сразу почуяла, что судьба наша рѣшена, и что Москвы намъ не миновать. Это была одна изъ самыхъ горькихъ и тяжелыхъ минутъ моего заключенія. 24-го іюля насъ разбудили въ 3½ часа ночи и объявили, что черезъ 20 минутъ мы должны быть готовы, и взяли бы свои вещи. Но при этомъ не было намъ сказано, куда насъ ведутъ. Мы наскоро стали готовиться — молчаніе царило въ камерѣ, многіе плакали. Мнѣ казалось, что я превратилась въ льдину — къ какой то автоматъ. Вышли на дворъ, гдѣ я увидала Андрея съ вещами — значитъ и его увозятъ въ Москву. Выстроили насъ въ ряды, и подъ сильнѣйшимъ конвоемъ повели на Кіевскую товарную станцію: сопровождалъ насъ Угаровъ, для пущаго страха стрѣлявшій изрѣдка въ воздухъ изъ револьвера. Насъ было ровно двѣсти человѣкъ заложниковъ, которыхъ размѣстили въ товарныхъ вагонахъ. Женщинъ было 23: для насъ былъ отдѣльный товарный вагонъ, который не былъ даже прибранъ послѣ перевозки скота, такъ что на полу была грязь и навозъ.

На товарной станціи мы простояли до часу дня. Кое кто въ городѣ узналъ, что въ Москву отходитъ поѣздъ съ заложниками, узнали объ этомъ мои знакомыя, сестра милосердія В. В. Чичерина и Предсѣдательница Польскаго Краснаго Креста, м-мъ Нейманъ: въ качествѣ сестеръ, имъ было разрѣшено выйти на дебаркадеръ, къ нашему поѣзду. Няня же, тоже прибѣжавшая на станцію, должна была стоять шагахъ въ 50-ти. Какъ мнѣ памятно это ужасное утро — я была какъ въ полу-снѣ, я не могла вѣрить тому, что насъ увозятъ; въ сердцѣ былъ полный мракъ — надежды никакой ни въ чемъ; я чувствовала себя дѣйствительно обреченной... хотя бы

Андрея не увозили — вѣдь когда подумаешь, это же ужасно брать дѣтей заложниками! А безсмыслица всего этого: уничтожаютъ званія, классы, титулы — а меня берутъ заложницей за то, что я — княгиня Куракина!

Я въ безысходной тоскѣ сидѣла въ открытой двери вагона, свѣсивъ ноги и смотрѣла, смотрѣла на няню; она, бѣдная, плакала, и я, которая до этого дня никогда не плакала, чувствовала, какъ у меня слезы текутъ, текутъ по щекамъ, по шеѣ — и не могла ихъ удержать. Поѣздъ двинулся, тяжело загрохоталъ — и мнѣ казалось, что меня въ гробъ заколачиваютъ, а слезы все текли безъ конца, неудержимо и сквозь нихъ, какъ сквозь туманъ, я всматривалась въ удаляющійся Кіевъ; вотъ мы на мосту черезъ Днѣпръ; чудный, знакомый видъ на весь городъ, утопающій въ зелени; лѣтнее солнце золотитъ купола Лавры, а тамъ, за Днѣпромъ, просторъ и голубая даль. И все тяжелѣе становится на душѣ; до тѣхъ поръ у меня былъ хоть маленькій лучъ надежды, а теперь, никакой — все кончено!

Везли насъ 6 дней. Въ спальномъ отдѣленіи международныхъ вагоновъ, конечно, удобнѣе, чѣмъ въ вагонѣ для скота, но я эту тряску и спаніе, скорчившись на узкой доскѣ, перенесла сносно. Обращеніе же съ нами во время этого путешествія было отвратительное. Такъ какъ передачи пищи и вообще чего бы то ни было были запрещены 3 дня до нашего отъѣзда, и такъ какъ про отъѣздъ нашъ изъ Москвы никому не было сказано, то всѣ мы уѣхали безъ провизіи, а главное — безъ денегъ. У меня на насъ двухъ съ Андреемъ было всего 6.000 р., что по тогдашнимъ цѣнамъ были гроши. Въ дорогѣ намъ почему то запрещали покупать ѣду на станціяхъ; никто насъ не кормилъ, и лишь на третій день, въ Брянскѣ намъ «сервированъ» былъ обѣдъ, состоящій изъ супа съ сушеной воблой и куска чернаго хлѣба, перемѣшаннаго съ соломой. Со мной было только нѣсколько яицъ и свѣжихъ огурцовъ — все наше питаніе за эти 6 дней. Что меня касается, мнѣ ничего въ ротъ не лѣзло, но Андрея, обладающаго гигантскимъ аппетитомъ, было очень жаль.

По пути меня поразило полное отсутствіе движенія поѣздовъ: все замерло, все вымерло, все уничтожено большевиками. За всю дорогу — три, четыре встрѣчныхъ поѣзда; на станціяхъ — пустыня, ни вагоновъ на запасныхъ путяхъ, ни паравозовъ, станціи пустыя, точно вся Россія вымерла.

На шестой день, рано утромъ, доѣхали мы до Москвы. Я всегда не любила этотъ городъ, но теперь я питала къ нему совсѣмъ осо-

бенное отвращеніе, и послѣ юга небо показалось такимъ блѣднымъ, малокровнымъ, въ воздухѣ уже пахло осенью, и было холодно. Насъ помѣстили, вначалѣ, въ Кожуховскомъ лагерѣ, гдѣ мы пробыли 9 дней. Лагерь этотъ былъ построенъ во время войны, для германскихъ плѣнныхъ. Насъ помѣстили всѣхъ — 200 человѣкъ мужчинъ и женщинъ — въ одинъ общій деревянный баракъ, съ двухэтажными нарами. Такое общее сожительство было очень оригинально. Невольно вырабатывались замѣчательно примитивные нравы. Напримѣръ, такъ какъ уборная была общая для всей братіи, то когда намъ , дамамъ, нужно было ею воспользоваться, то мы безъ стѣсненія просили нѣкоего полковника З. сторожить у двери и мужчинъ не пускать. Умывальникъ былъ устроенъ подъ открытымъ небомъ, и когда мы ходили мыться и совсѣмъ раздѣвались, то тотъ же З. сторожилъ и не пускалъ любопытныхъ. Впервые въ милѣйшей Москвѣ я познакомилась со вшами. Эти насѣкомыя были моей «bete noire», и отъ одной мысли, что можетъ быть, на меня ползетъ подобное чудовище, я начинала искать, присматриваться и нервничать. Въ самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ неизмѣнно бываетъ и юмористическая сторона. Ничего не могло быть смѣшнѣе, чѣмъ пробужденіе нашего барака утромъ. Всѣ, проснувшись, принимали сидячее положеніе, и полусонные еще, сразу принимались за ловлю вшей: снимали рубашки, и со сосредоточеннымъ, серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ, начинали искать. Я спала на нижнихъ нарахъ: надъ моей головой помѣщался инженеръ, полякъ, Стемковскій. Утреннее наше привѣтствіе неизмѣнно было таково:

«Bonjour, Monsieur Stemkovsky; bonne chasse ce matin?»

Онъ: «Pas mal, pas mal, Madame. Cinq pieces au tableau!»

Не могу умолчать о комендантѣ этого лагеря, Звѣревѣ. Онъ впослѣдствіи былъ разстрѣленъ, такъ какъ это былъ офицеръ Колчаковской арміи, взятый въ плѣнъ большевиками. Сначала ему довѣряли и назначили его комендантомъ Кожуховскаго лагеря; потомъ нашли его опаснымъ «контръ-революціонеромъ» и разстрѣляли. Когда насъ привели въ лагерь и онъ дѣлалъ обходъ бараковъ, онъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ кто я такая, очень мнѣ сочувствуетъ, постарается похлопотать за Андрея и за меня, такъ какъ самъ по неволѣ служитъ у большевиковъ, но по убѣжденіямъ всецѣло на нашей сторонѣ. Его сердечное, милое отношеніе ко мнѣ очень тронуло меня. Когда насъ перевели изъ Кожуховскаго лагеря въ Андроніевскій, мнѣ тайно передали свертокъ съ сухарями и сказали, что комендантъ

Звѣревъ посылаетъ мнѣ эти сухари, такъ какъ очень насъ жалѣетъ. Съ благодарностью вспоминаю объ этомъ.

Въ Кожуховскомъ лагерѣ насъ предупредили, что мы помѣщены тамъ только временно. 7-го августа насъ послали на настоящее наше мѣстожительство въ Андроніевскій монастырь, преобразованный въ концентраціонный лагерь. Такъ какъ у большевиковъ совершенно особые «порядки», и они все дѣлаютъ шиворотъ на выворотъ, то они всегда переводили насъ изъ одного мѣста въ другое въ самое неудобное время. Въ Андроніевскій лагерь мы пришли ночью, такъ какъ отъ Кожуховскаго онъ верстахъ въ 8-ми. Усталые отъ продолжительной ходьбы, вошли мы черезъ большія ворота подъ колокольней, въ монастырскій дворъ. Тутъ начались всѣ обязательныя проформы — перекличка, записываніе каждаго и пр. Наконецъ размѣстили насъ. Насъ, дамъ помѣстили въ особое зданіе — бывшій архіерейскій домъ. Электрическаго освѣщенія не было; лампъ также не было, свѣчей тоже. И вотъ насъ впихнули въ совершенно темный домъ, объяснивъ, что тамъ 3 комнаты, въ которыхъ мы можемъ расположиться по собственному усмотрѣнію. Мы, какъ слѣпыя, стали нащупывать стѣны, двери, нары. Я, по своему обыкновенію, скорѣе забралась въ уголъ на нарахъ, такъ какъ въ углу чувствуешь себя все таки больше «у себя дома», имѣя лишь съ одной стороны сосѣда. Было очень холодно и каменный, давно необитаемый домъ былъ до того сырой, что когда я забралась на нары, я почувствовала, что доски не то что влажныя, а совершенно мокрыя. Одѣялъ намъ въ этотъ вечеръ не успѣли выдать; у меня было только свое, легкое, такъ что постелить нечего было. Я такъ устала и такъ скверно себя чувствовала, что не раздѣваясь и завернувшись въ мое одѣяло, легла такъ сказать въ болото. Проснувшись — почувствовала, что вся промокла, озябла страшно. Но усталость брала свое, и я опять заснула. На слѣдующій день, намъ были выданы сухія доски и одѣяла.

Что касается обращенія съ арестованными, то въ Москвѣ оно было гуманнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не скажу, чтобы со мной были любезны — но не было этого вѣчнаго глумленія и ругательства, какъ въ Кіевѣ, не было побоевъ прикладомъ и сквернословія. Комендантъ и его помощникъ были коммунисты — изъ подъ сохи, нахватавшіеся Маркса тупорылые хамы, глупые до нельзя, но воображающіе, что они постигли самую мудрость. Конвой въ Андроніевскомъ лагерѣ состоялъ изъ плѣнныхъ отъ арміи Колчака и относился къ арестованнымъ очень хорошо. Я часто вела съ ними бесѣ-

ды, интересуясь тѣмъ, каковы ихъ политическія убѣжденія, ихъ отношеніе къ Совѣтской власти, къ бѣлымъ, къ Колчаку и пр. Увы, я послѣ каждаго разговора выносила самое неутѣшительное впечатлѣніе. Большевиковъ они не любили и не сочувствовали имъ, коммунизмъ ругали, звѣрства Совѣтской власти возмущали ихъ — но и къ бѣлымъ они относились совершенно равнодушно и вообще никакихъ политическихъ убѣжденій не имѣли. Обѣщали имъ помѣщичью землю — за это они и держались зубами, а на остальное имъ было наплевать. Что касается военныхъ операцій, то одинъ изъ конвоировъ, въ общемъ не глупый, развитой парень, мнѣ сказалъ:

«Да, по правдѣ сказать — намъ то какое дѣло за кого воевать, за красныхъ или за бѣлыхъ? Когда Колчаку везетъ и когда у него въ арміи служить выгоднѣе, то мы на его сторонѣ. Когда Колчака бьютъ и у красныхъ лучше, мы къ краснымъ переходимъ. Вотъ я, напримѣръ, 7 разъ перебѣгалъ, то къ краснымъ, то къ бѣлымъ. А товарищъ у меня есть — такъ тотъ 9 разъ перебѣжалъ».

Какъ было вѣрить въ побѣду бѣлыхъ, если ихъ войска, кромѣ сознательнаго элемента, были составлены изъ такихъ людей? Да съ перваго же дня революціи, съ знаменитаго приказа № 1, Русская армія была разрушена и сознаніе долга уничтожено.

Монастырская обстановка хотя и была живописна — но производила грустное, угнетающее впечатлѣніе, такъ какъ всѣ постройки и церкви (конечно запертыя) были окружены кладбищемъ. Было очень зелено, тѣнисто, но видъ всѣхъ этихъ могилъ и крестовъ не веселилъ душу: куда глаза не посмотрятъ — кресты, точно напоминаніе намъ, чтобъ мы несли свой крестъ. Тоска меня охватила ужасная, когда я на утро вышла осмотрѣть мое новое мѣстожительство, и главное угнетало то, что я не знала, сколько времени я тутъ буду томиться? Я всегда предпочитала знать худшее, но знать — и еслибъ мнѣ сказали, что я пробуду здѣсь столько то времени, хотя бы годъ, мнѣ было бы легче, чѣмъ эта полная неизвѣстность.

Я къ этому времени стала скверно себя чувствовать и сильно ослабѣвать. Поддержать силы нечѣмъ было. Кормили насъ отвратительно — простыми словами, голодомъ морили. Въ день выдавали намъ по 3/4 фунта сквернаго чернаго хлѣба, 3 золотника сахару; обѣдъ въ 12 часовъ состоялъ изъ бурды съ замерзшимъ картофелемъ, или съ гнилой капустой, или съ пшеницей, какъ лакомство иногда съ чечевицей. Вечеромъ на ужинъ — то же самое. Жировъ никакихъ — о мясѣ и думать нечего было. А природа требовала своего; чувство

голода меня не покидало; становилось мучительно — но это было еще только начало голодовки, кое-какія силы еще оставались и организмъ боролся.

Въ Москвѣ мы съ Андреемъ были совершенно заброшены и одиноки; никого у насъ тамъ не было, ни друзей, ни знакомыхъ. Будучи всегда окружена семьей, имѣя вездѣ и всегда друзей, привыкши къ добру и ласкѣ окружающихъ — это сознаніе полнаго одиночества и заброшенности было очень тяжело. Одна только была у меня въ Москвѣ родственница. Она 2 раза навѣстила меня, принесла намъ пищу и отнеслась къ намъ удивительно сердечно. Но вскорѣ разстрѣляли ея мужа — это было ужаснымъ для нея ударомъ; условія жизни были для нея такъ тяжелы, что она ничего для меня не могла сдѣлать. Итакъ — кромѣ лагернаго питанія, я ничѣмъ не могла поддержать свои силы. Вдобавокъ — насъ заставляли работать, стирать бѣлье не только на всѣхъ арестованныхъ, человѣкъ 500, но и на нашъ конвой. Отказаться отъ этого было невозможно, такъ какъ въ такомъ случаѣ, намъ было объявлено, что насъ, женщинъ, переведутъ въ другой лагерь, т. е. разлучатъ меня съ сыномъ, а многихъ другихъ — съ мужьями, и мы, разумѣется, этого не хотѣли.

И вотъ изъ полсмойки и судомойки, которыми я была въ Кіевѣ, я превратилась въ прачку. Помню какъ я, въ былыя времена, всегда говорила, что еслибъ мнѣ пришлось зарабатывать свой хлѣбъ, то я была бы чѣмъ угодно, но только не прачкой. Вышло иначе, но я продолжаю говорить, что стирать грязное бѣлье — самое отвратительное занятіе, какое можно себѣ представить. Положимъ, прачкой я была такой скверной, что ни въ одинъ приличный домъ меня бы не наняли. Но все же очень ужъ не аппетитное это занятіе. Да притомъ — въ какихъ условіяхъ приходилось стирать! Мыло выдавалось въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что его и на десятую долю всего бѣлья не могло хватить, а каждой изъ насъ надо было въ день простирать отъ 40 до 50 штукъ бѣлья — да какого, ношеннаго недѣлями. А грубыя простыни, а шерстяныя гимнастерки нашихъ конвоировъ — это не то, что дамскій батистовый платочекъ стирать. А помѣщеніе, въ которомъ приходилось работать: сырой подвалъ, всѣ окна выбиты, сквознякъ неимовѣрный и ноги по щиколку въ водѣ; и это когда на дворѣ было уже очень холодно, какъ это бываетъ въ сентябрѣ въ центрѣ Россіи. Не скрою, что я просто изнемогала отъ этого занятія — да оно и вправду оказалось мнѣ не подъ силу, и послѣ 4-хъ такихъ стирокъ, я заболѣла и слегла.

У меня сдѣлался острый артритъ; отъ истощенія развилось острое малокровіе, и сдѣлался сильный жаръ. Тяжело заболѣвшихъ заключенныхъ полагалось отсылать въ центральную больницу всѣхъ концентраціонныхъ лагерей. Но я умоляла не увѣдомлять коменданта о моемъ заболѣваніи, чтобы меня не отсылали въ знаменитую центральную больницу, гдѣ люди мерли какъ мухи, до того былъ тамъ скверный уходъ за больными. Кромѣ того, тамъ въ перемѣшку клали здоровыхъ съ тифозными, съ сифилитиками и т. д., и это заведеніе пользовалось, вообще, самой ужасной репутаціей. Я предпочла остаться въ лагерѣ. Пролежала я 6 недѣль, не вставая съ твердыхъ наръ. И что это было за мученіе! Подо мной не было ни сѣнника, ни матраца, только свернутое одѣяло. Боли были ужасныя во всѣхъ рѣшительно суставахъ, а главное — въ ребрахъ и въ плечахъ. Нары были устроены такъ, что доски шли не вдоль тѣла, а поперекъ: поэтому, когда кто нибудь влѣзалъ и располагался на нихъ, то отъ движенія и тяжести тѣла тряслась поочередно каждая доска, и отъ этихъ толчковъ — выть хотѣлось отъ боли. Днемъ нары пустовали, но когда наступалъ вечеръ, и всѣ ложились спать, то начинались мои мученія. Я ждала ночи, когда всѣ заснутъ, чтобы позволить себѣ маленькую роскошь — всплакнуть. Эта слабость меня злила, но правда, какъ будто немного легче становилось. Черезъ 6 недѣль жаръ исчезъ, а также и острыя боли, но тѣло съ тѣхъ поръ всегда ныло. Я встала — но представляла изъ себя развалину.

ГЛАВА IV.

Во время моей болѣзни былъ освобожденъ мой сынъ Андрей. Такъ какъ въ Москвѣ кое какой порядокъ существовалъ по отношенію къ заключеннымъ, то многихъ привезенныхъ со мною изъ Кіева заложниковъ освободили. Въ доказательство того, что въ русской революціи Евреи занимаютъ совсѣмъ особое положеніе, играютъ особую роль, и что всѣ несправедливости и звѣрства Совѣтской власти ихъ или совсѣмъ не касаются, или затрагиваютъ ихъ очень поверхностно, я могу достовѣрно утверждать, что не было случая, чтобы Еврей пробылъ въ заключеніи долгое время. Просидитъ мѣсяцъ, другой — смотришь, ужъ и на свободѣ. Такъ, всѣ 40 человѣкъ Евреевъ, прибывшіе съ нами заложниками отъКіева — всѣ были въ Москвѣ освобождены въ продолженіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Многіе откупались, кто милліономъ, кто полъ-милліономъ; другихъ освобождали потому, что у каждаго Еврея есть протекція въ Совѣтской власти среди коммунистовъ — главарей правительства. Вѣдь всѣ эти Зиновьевы, Каменевы, Стекловы, Крыленки, Троцкіе, Свердловы — все это Евреи, а Евреи, съ ихъ франмасонствомъ, солидарны и сильны, какъ скала.

Андрей былъ освобожденъ «Комиссіей по дѣламъ малолѣтнихъ преступниковъ». Я должна была бы радоваться освобожденію сына, но обстоятельства такъ сложились къ этому времени, и положеніе было таково, что и радоваться то особенно нечему было, такъ какъ эта свобода была не менѣе горька, чѣмъ заключеніе. Кіевъ былъ занятъ бѣлыми. Мы въ Москвѣ были отрѣзаны. Куда было дѣваться Андрею? Онъ положительно выброшенъ былъ на улицу раздѣтый, голодный, безъ гроша денегъ.

Въ такихъ то условіяхъ приходилось моему сыну 16-ти лѣтъ, воспитанному, какъ ни есть, въ роскоши и въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, начинать самостоятельное существованіе. Первые дни ему разрѣшили ночевать въ канцеляріи Комиссіи. Имъ заинтересовался Предсѣдатель «Комиссіи по дѣламъ малолѣтнихъ Преступниковъ» и предложилъ ему временно поселиться у него на квартирѣ, что Андрей и сдѣлалъ. Предсѣдатель оказался очень ми-

лымъ человѣкомъ; онъ пріютилъ сына, кормилъ его даромъ, однимъ словомъ, выказалъ много участія и сердца. Какъ то разъ, приходитъ ко мнѣ на свиданіе въ лагерь Андрей и говоритъ мнѣ, что Тарабыкинъ (такова была фамилія Предсѣдателя) сказалъ ему, что онъ вовсе не большевикъ, а бывшій офицеръ Русской Арміи, ненавидитъ Совѣтскую власть и мечтаетъ перебраться къ бѣлымъ. Въ Андреѣ онъ принималъ самое живое участіе и предложилъ устроить ему бѣгство въ Кіевъ. Планъ былъ таковъ: сына онъ опредѣлялъ на службу въ Гомель, въ «Главтопъ» (Доставка топлива). Тамъ, въ Гомелѣ, ему будутъ давать разныя порученія, будутъ посылать его въ командировку, для закупки дровъ, и вотъ, поближе къ Кіеву, онъ сможетъ туда перебраться. Всѣ документы, какъ совѣтскому служащему, ему были выданы, и побѣгъ былъ организованъ очень хорошо.

Несмотря на то, что у меня сердце сжалось при мысли, какому страшному риску Андрей будетъ подвергаться, и какіе дни волненій я буду переживать — я согласилась и дала ему свое благословеніе. Его полное одиночество въ Москвѣ и дальнѣйшая судьба его меня очень безпокоили. Заключеніе свое онъ выдерживалъ очень бодро, но очутившись на свободѣ въ чуждой ему Москвѣ, онъ очень тяготился такимъ положеніемъ. За устроенный побѣгъ, Тарабыкинъ просилъ Андрея передать мнѣ, что онъ очень проситъ меня рекомендовать его моему двоюродному брату, Барону Врангелю, командовавшему въ то время одной изъ армій Деникина, подъ начальство котораго онъ хотѣлъ поступить.

Я знала, что рѣшаться на такой шагъ очень рискованно: вѣдь ни я, ни Андрей въ жизни не видѣли Тарабыкина, никогда о немъ не слыхали, рѣшительно ничего не знали о немъ. Кто могъ ручаться за то, что онъ дѣйствительно не большевикъ, и что вся эта затѣя — не провокація? Я была очень смущена, но, какъ всегда, колебалась недолго, дала Андрею разрѣшеніе на побѣгъ, а П.Н. Врангелю написала письмо, рекомендуя ему Тарабыкина. Повторяю, я вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что страшно рискую. Во первыхъ, если Андрей, какъ совѣтскій служащій, попадется въ побѣгѣ, — то дѣло его плохо. Во вторыхъ, если попадется Тарабыкинъ съ моимъ письмомъ къ Врангелю — то мнѣ будетъ плохо. Но рѣшеніе было принято, письмо написано. Вѣдь я была такъ глубоко благодарна Тарабыкину за его удивительно сердечное отношеніе къ сыну, за данный ему пріютъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, за то, что онъ кормилъ его даромъ: въ то время это уже

стоило бѣшеныхъ денегъ. Мнѣ кажется, каждый пойметъ, что я не могла отказать ему въ его просьбѣ — я была слишкомъ ему обязана.

Прошелъ еще мѣсяцъ,—и Андрей, уже форменный Совѣтскій служащій, уѣхалъ на мѣсто служенія въ Гомель. Я осталась одна, совсѣмъ уже одна въ Москвѣ. Не забуду, какъ остро я почувствовала это одиночество въ тотъ день, когда Андрей пришелъ въ послѣдній разъ на свиданіе. Это было въ Ноябрѣ; стояла суровая зима, разыгралась метель, и я изъ окна смотрѣла на удаляющуюся длинную фигуру моего Андрея. Хлопья снѣга облѣпили ему спину, и вотъ въ туманѣ и метели онъ, какъ призракъ, исчезъ. Съ тѣхъ поръ я цѣлыхъ 1½ года была разлучена съ нимъ.

Волненіе за благополучный исходъ побѣга, тоска по сыну, не давали мнѣ покоя. Дни тянулись за днями, сѣрые, нудные, однообразные до нельзя. Лѣтомъ все же было лучше — и тепло, и свѣтло. Зимой же, ко всѣмъ прелестямъ заключенія прибавилось еще одно удовольствіе — холодъ, который я очень тяжело переносила. Въ нашей камерѣ не было печки, такъ что совсѣмъ не топили — и это при 20-ти градусномъ морозѣ. Ночью температура въ нашей камерѣ спускалась ниже нуля. Вдобавокъ — холодъ этотъ былъ сырой; подушка моя всегда была холодная и влажная. Днемъ мы сидѣли, накрывшись всѣмъ, что имѣли; ждали супа-бурды, какъ голодныя собаки, такъ какъ послѣ него хоть на ½ часа немного согрѣвались. Впослѣдствіи насъ перевели въ болѣе теплое помѣщеніе; но пока — мы мерзли въ нашемъ ледникѣ. Бывали минуты такой безнадежной тоски и отчаянія, что хотѣлось только одного — умереть. Я чувствовала, что должна бороться противъ этого состоянія, и рѣшила, что надо найти себѣ дѣло. Къ этому времени, въ нашемъ лагерѣ была организована небольшая больница, спеціально для заключенныхъ. Я предложила свои услуги въ качествѣ сестры милосердія, что и было мнѣ разрѣшено. Итакъ я въ моихъ разнообразныхъ должностяхъ стала соціально повышаться, и изъ прачки сдѣлалась сестрой милосердія.

Отъ этого времени моего заключенія въ Москвѣ, у меня остались менѣе тяжелыя воспоминанія. Не скажу, чтобы я примирилась съ судьбой, но я нашла себѣ занятіе, которое любила; я была страшно занята, и это мѣшало мнѣ задумываться и тосковать. Къ тому же, въ это время я получила извѣстіе, что Андрей благополучно добрался до Кіева. У меня съ души какъ камень свалился. Хотя Кіевъ былъ опять въ рукахъ красныхъ, но тамъ сынъ не былъ за-

брошенъ — были и друзья и бывшіе наши служащіе, и я знала, что если понадобится, все сдѣлаютъ для него, что могутъ.

Со стороны жизненной, желудочной, послѣдовало также улучшеніе, такъ какъ «Польскій Комитетъ помощи заключеннымъ Полякамъ» назначилъ «передачу», т.е. разъ въ недѣлю присылалъ мнѣ провизію, состоящую изъ 1 ф. пшена, ½ ф. масла или сала, хлѣба, а иногда и сахара. Я всецѣло была обязана этимъ Поляку Городецкому, исполняющему должность санитара въ нашей больницѣ. Я съ нимъ и раньше была немного знакома, а мужа онъ хорошо зналъ. Очень милый и отзывчивый, онъ меня очень жалѣлъ, видя, въ какомъ исключительно тяжеломъ положеніи я была въ отношеніи питанія. Онъ и просилъ Польскій Комитетъ устроить мнѣ передачу. Я была очень благодарна Комитету, которому просила передать мою росписку въ томъ, что какъ только я буду находиться въ нормальныхъ условіяхъ, я возвращу ему деньгами все, что будетъ на меня истрачено. Я иначе не хотѣла принимать эти передачи. Черезъ нѣсколько дней мнѣ передали отъ Предсѣдателя Польскаго Комитета, что моя росписка имъ уничтожена, такъ какъ зная мои и моего мужа хорошія отношенія къ Полякамъ, зная, что въ нашемъ имѣніи было столько же служащихъ - Поляковъ, какъ и Русскихъ, онъ считаетъ для Комитета честью и обязанностью помочь мнѣ въ тяжелые дни. Это былъ чрезвычайно милый и любезный поступокъ.

Польскія передачи пришли во время, такъ какъ мнѣ обязательно надо было поддерживать свои силы. Я схватила малярію, промучившую меня всю зиму, что меня еще больше истощало. Но я переносила ее на ногахъ, такъ какъ не хотѣла отказаться отъ своей должности сестры милосердія. Приступы лихорадки приходили не аккуратно — то черезъ день, то черезъ дней 10-15, но были очень сильны. Трясло меня, какъ осиновый листъ, температура бывала выше 40; въ дни моего дежурства я еле на ногахъ стояла. За то, когда приступъ являлся въ свободный отъ занятій день, я блаженствовала и, какъ пластъ, лежала на своемъ ложѣ.

Занятія въ больницѣ и амбулаторіи были большимъ для меня утѣшеніемъ; пріятно было хотя бы то, что это былъ совершенно отдѣльный мірокъ, почти ничего общаго не имѣющій съ лагеремъ, со всѣми этими комендантами, комиссарами и пр. и пр. Персоналъ больничный былъ симпатичный, также ничего общаго съ большевизмомъ не имѣвшій. Больные были такіе же заключенные безъ всякой вины, какъ и я — и хотѣлось помочь имъ, чѣмъ можно.

Дежурила я черезъ день, такъ какъ насъ было двѣ сестры милосердія: я и баронесса Дризенъ, очень милая особа. Она также была привезена изъ Кіева заложницей, по прибытіи въ Москву — освобождена, но оставалась въ больницѣ, какъ «вольная» сестра. Старшій врачъ былъ также съ воли — старикъ, военный врачъ, Слонимъ, ворчунъ, путаникъ, но очень хорошій человѣкъ; второй врачъ — заключенный лагерный, Иринарховъ; съ воли — фельдшеръ; изъ заключенныхъ — 4 санитара; сестра Дризенъ и я — вотъ и весь нашъ персоналъ.

Не могу умолчать о томъ, въ какое печальное состояніе, при «созидательности рабоче-крестьянской власти» приведено все касающееся санитарной части въ Совѣтской Россіи. Медикаментовъ совершенно нѣтъ — лѣчить нечѣмъ; мыла нѣтъ; дезинфекцій нѣтъ: чистоту соблюдать почти невозможно; перевязочныхъ средствъ почти нѣтъ; бѣлья въ больницахъ нѣтъ. Коснусь хотя бы только нашей лагерной, небольшой больницы. Какъ я уже говорила, почти всѣ заключенные отъ истощенія и малокровія страдали язвами и нарывами, но промывать эти раны приходилось иногда просто кипяченой водой, такъ какъ ни іода, ни перекиси водорода, ни спирта, ни Буровской воды и т.д., часто совсѣмъ не было. Я въ этихъ случаяхъ на бутылку съ кипяченой водой приклеивала ярлыкъ: «Acqua Percata» — это хотя имѣло видъ лѣкарства, и подтверждало мое мнѣніе о томъ, что по латыни въ Россіи не стоило учиться, ибо всѣ забываютъ все, чему научились. Ваты, марли, бинтовъ было у насъ такъ мало, что приходилось дѣлать чудеса экономіи, чтобы на всѣхъ хватало. Я стирала и перестирывала бинты, пока они не обращались въ веревочки. При желудочныхъ заболѣваніяхъ, соблюдать діэту или давать легкую пищу было невозможно, такъ какъ для больныхъ не было отдѣльной пищи. Была у насъ изоляціонная комната для заразныхъ, которыхъ переносили туда до отсылки ихъ въ Центральную Больницу. Но какая это была изоляція — рядомъ съ больничной палатой. Дезинфекціи никогда не могли произвести основательной, по неимѣнію для этого средствъ. Халатовъ больничныхъ у насъ было такъ мало, что ходили мы въ изоляціонную въ томъ же халатѣ; бывало, что даже и руки нечѣмъ было дезинфецировать, и приходилось мыть ихъ только мыломъ.

Тяжело и заразныхъ больныхъ надо было отсылать въ Центральную Больницу. Но они у насъ иногда оставались день за днемъ, такъ какъ перевозочныхъ средствъ не было. Во всей Москвѣ былъ только одинъ автомобиль Скорой Помощи, который

долженъ былъ обслуживать всѣ Московскія больницы; на него надо было записываться заранѣе, и иногда приходилось ждать 4-5 дней своей очереди. Въ такихъ случаяхъ докторъ просилъ Коменданта дать свою лошадь, но она не всегда была свободна. Когда удавалось ее получить, то запрягали ее въ ту повозку, на которой заключеннымъ привозили хлѣбъ и провіантъ — не могу сказать, чтобы это было гигіенично. Перевозимаго больного нечѣмъ было покрыть, и такъ въ сильнѣйшіе морозы тащили его съ Замоскворѣчья къ Брянскому Вокзалу, гдѣ находилась Центральная Больница, все время шагомъ, такъ какъ лошадь Концентраціоннаго лагеря содержалась на такой же пищѣ Св. Антонія, какъ и мы, заключенные, и идти рысью не была въ состояніи.

Припоминаю, какъ разъ прибѣгаетъ къ намъ въ амбулаторію Комендантъ и говоритъ, что сейчасъ пріѣдетъ осмотрѣть больницу Голубевъ, завѣдующій всѣми больницами при мѣстахъ заключенія, и чтобы все было въ порядкѣ. Въ этотъ день старшій врачъ не приходилъ, и дежурными были только младшій врачъ изъ заключенныхъ и я. Вотъ мы сидимъ и ожидаемъ высшее начальство, и вдругъ Иринарховъ (младшій врачъ) говоритъ мнѣ:

«А знаете, вѣдь я вовсе не докторъ, и никакого права не имѣю быть имъ здѣсь, такъ какъ я только студентъ».

Я ему отвѣчаю:

«А вы знаете что я вовсе не сестра милосердія, и никакого права не имѣю ею быть здѣсь, такъ какъ никакихъ экзаменовъ не держала. Во время войны у меня былъ свой лазаретъ, гдѣ я работала — но я самоучка, и правъ никакихъ не имѣю».

Мы разсмѣялись. Совпаденіе было, правда, оригинальное. и мы рѣшили, что стѣсняться не будемъ и наговоримъ Голубеву всякихъ истинъ, такъ какъ обыкновенно «высшему начальству» всегда втираютъ очки и представляютъ все въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Итакъ, когда пріѣхалъ Голубевъ, мы самымъ невиннымъ образомъ ему вывалили всю правду о томъ, въ какомъ печальномъ состояніи находится наша больница, аптека, какъ скверно кормятъ больныхъ, требующихъ усиленнаго питанія, однимъ словомъ, облегчили свою душу. Голубеву все это, конечно, было не очень по сердцу, но онъ промолчалъ, и только спросилъ насъ заключенные ли мы, или работающіе «съ воли».

Приблизительно съ конца Ноября составъ заключенныхъ въ нашемъ лагерѣ очень измѣнился: большая часть моихъ Кіевскихъ компаньоновъ (не рѣшаюсь писать: «товарищей», это слово опро-

тивѣло мнѣ до тошноты) была освобождена. Поляковъ отправили въ Польшу въ обмѣнъ; нѣкоторыхъ заключенныхъ перевели въ другіе лагеря, а изъ Андроніевскаго сдѣлали Концентраціонный Лагерь почти исключительно для иностранцевъ. Я насчитала 18 разныхъ національностей — даже 2 негра было среди насъ. Русскихъ оставалось очень немного. Между этими послѣлними была привезена изъ Петрограда жена бывшаго Военнаго Министра, Сухомлинова. Въ былыя времена, до революціи, я всегда избѣгала ее и не хотѣла быть съ ней знакома, такъ какъ это была женщина, извѣстная своими некрасивыми исторіями. Когда ее привели, она набросилась на меня, какъ на старую знакомую — я, конечно, ея не оттолкнула, такъ какъ она теперь искупила многое изъ прошлаго своего, и не могу не сказать, что въ ней было много доброты. Мы съ ней были сосѣдками на нарахъ, и она мнѣ много разсказывала о всѣхъ ужасахъ ея многочисленныхъ заключеній. Теперь она была полна надежды на освобожденіе. Она недолго пробыла среди насъ. Однажды подъ вечеръ, ей было приказано собираться, безъ вещей, въ Ч.К. Она была увѣрена, что ее вызываютъ на допросъ, и ушла вся радостная. На слѣдующій день мы узнали, что ее разстрѣляли.

Иностранцевъ въ лагерѣ было человѣкъ 400. Обращались съ ними гораздо лучше, чѣмъ съ Русскими. Въ это время Совѣтская власть все таки побаивалась общественнаго мнѣнія Европы и не чувствовала себя еще такъ прочно, какъ теперь, когда правительства почти всего міра стали заигрывать съ ними, когда Ллойдъ Джорджъ строитъ имъ глазки, и Европа приглашаетъ на Генуэзскую Конференцію этихъ палачей и разрушителей, благодаря которымъ не только Россія вымираетъ, но экономическое равновѣсіе всего міра нарушено, и страдаетъ отъ этого, въ концѣ концовъ, именно та демократія, тотъ пролетаріатъ, во имя которыхъ правительства распинаются — и тѣмъ только губятъ свои страны.

Я сохранила самыя лучшія воспоминанія обо всѣхъ этихъ иностранцахъ — объ этой Вавилонской башнѣ, гдѣ говорили на всѣхъ языкахъ и на всѣхъ нарѣчьяхъ. Особенно славная была группа изъ 50-ти Англичанъ, взятыхъ большевиками въ плѣнъ около Архангельска. Изъ нихъ — 10 офицеровъ, остальные солдаты. Мнѣ нравились отношенія офицеровъ къ своимъ солдатамъ и наоборотъ. Это были настоящіе «товарищи», въ хорошемъ значеніи этого слова, что нисколько не мѣшало солдатамъ отдавать честь старшимъ. Англичане все ждали, что ихъ отошлютъ на родину,

и вотъ — одинъ изъ нихъ, очень милый лейтенантъ, предложилъ мнѣ устроить между нами фиктивный бракъ, разсчитывая такимъ образомъ, подъ видомъ жены своей, выезти меня изъ Россіи, уже какъ англійскую подданную. Если бы я знала, что сынъ мой въ безопасности, у бѣлыхъ, или гдѣ нибудь въ Европѣ, я, конечно, дала бы свое согласіе на столь заманчивый бракъ — но покидать Россію безъ сына я не хотѣла.

Я была назначена переводчицей къ Англичанамъ. Когда пріѣзжало высшее начальство и разспрашивало Англичанъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо жалобъ, я съ наслажденіемъ переводила слово въ слово то, что они мнѣ говорили. Такъ, когда они пожаловались на то, что, не имѣя уборной, принуждены умываться у крана на дворѣ въ самые сильные морозы, и Комендантъ на это имъ отвѣтилъ, что у него въ квартирѣ также нѣтъ уборной — я съ самымъ спокойнымъ и невиннымъ видомъ перевела дословно отвѣтъ Англичанъ:

«Они просятъ передать Вамъ, что они (Англичане) не такіе свиньи, какъ вы, и привыкли умываться каждый день».

Мнѣ доставляло удовольствіе сказать Коменданту, хотя бы косвенно, что онъ — свинья. А онъ краснѣлъ и багровѣлъ отъ злости въ такихъ случаяхъ, но ничего не могъ мнѣ сдѣлать, такъ какъ я только исполняла свои обязанности и переводила слово въ слово. Англичане же наслаждались и тутъ же, въ присутствіи Коменданта, отъ души хохотали, тогда какъ я сохраняла невозмутимое спокойствіе.

Однажды я съ тремя Англичанами рѣшила сыграть въ бриджъ. Игра въ карты была запрещена; тѣмъ не менѣе мы вечеромъ, послѣ моего обхода больныхъ, собрались въ изоляціонной — гдѣ, кстати сказать, еще утромъ лежалъ тифозный больной — и засѣли въ бриджъ. Партнеры мои играли хорошо и были премилые люди. Англійскій солдатъ на доскѣ, вмѣсто подноса, подавалъ намъ чай и бисквиты, привезенные изъ Англіи — мнѣ это напоминало настоящіе «вечера» добрыхъ старыхъ временъ. Было немного волненій — какъ бы начальство не застигло насъ на мѣстѣ преступленія, но тѣмъ не менѣе мы играли до 2-хъ часовъ ночи: я выиграла 100 рублей и осталась очень довольна своимъ «кутежомъ».

Итакъ — Декабрь 1919-го и Январь 1920 го года прошли для меня сравнительно сносно. Я была занята, нервы немного успокоились, и я старалась отгонять мрачныя мысли. Тѣмъ не менѣе были минуты, когда я приходила въ полное отчаяніе: вѣдь

шелъ восьмой мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ меня арестовали, а надежды на освобожденіе не было никакой, такъ какъ я считалась въ лагерѣ первой, самой важной заложницей, и мнѣ сказали, что до окончанія гражданской войны меня не освободятъ. А гражданская война все продолжалась. Хотя Деникинъ и отошелъ за Донъ, но стали поговаривать о томъ, что на весну бѣлые начнутъ новое наступленіе. Къ этому времени стала восходить звѣзда Врангеля, который принялъ командованіе арміей, и котораго большевики ругали на чемъ свѣтъ стоитъ, такъ какъ имъ была извѣстна его репутація не только доблестнаго военнаго, но и энергичнаго, честнаго и предпріимчиваго человѣка. Вначалѣ моего ареста, я все надѣялась, что мужу удастся вырвать меня изъ этого ада — выкупомъ ли, или обмѣномъ заложниковъ — я не знала, но уповала на такой исходъ. Но время шло; про мужа я ровно ничего не знала, и освобожденіе не приходило.

Теперь я узнала, что мужъ семь разъ посылалъ за мной въ Совѣтскую Россію, гдѣ ему было обѣщано, что меня освободятъ. Сестра также хлопотала. Хлопотали черезъ Бэла-Куна, черезъ Радека, черезъ Садуля — но все, конечно, оказалось напраснымъ.

Изъ Кіева я имѣла лишь рѣдкія вѣсти. Почта ли скверно дѣйствовала, или писемъ не передавали — не знаю. Мнѣ было извѣстно, что сыну опасно было оставаться въ Кіевѣ, гдѣ многіе его знали, и что жилъ онъ то въ одномъ селѣ, то въ другомъ, у бывшихъ служащихъ, урядника, священника и т.д. Жилъ, разумѣется, подъ чужой фамиліей. Одно извѣстіе я получила, которое меня глубоко поразило и взволновало. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ моя тетя, написала мнѣ письмо, въ которомъ сообщала, что моя старая няня выѣхала въ началѣ Сентября въ Москву, чтобы быть возлѣ меня и Андрея и помогать намъ. Съ тѣхъ поръ прошло около 4-хъ мѣсяцевъ — и объ ней не было никакихъ извѣстій. Она выѣхала изъ Кіева при Деникинцахъ, и чтобы попасть въ Москву, ей нужно было перейти линію фронта. Я была убѣждены, что она попалась въ руки краснымъ и была разстрѣляна, такъ какъ везла милліонъ денегъ и разныя вещи. Эта мысль не давала мнѣ покоя, и такая ужасная смерть милой няни была для меня большимъ горемъ.

Мнѣ иногда казалось, что я уже десять лѣтъ какъ заключена — до того однообразно протекали дни. И вдругъ — совершенно неожиданно — произошла въ моей жизни перемѣна, которую я

совсѣмъ не ожидала. Это былъ еще новый ударъ судьбы, которая меня не щадила.

1-го Февраля былъ ясный, морозный день, и такъ какъ это не былъ день моего дежурства, то я, по обыкновенію, воспользовалась этимъ, чтобы погулять, и ходила взадъ и впередъ по всему монастырскому двору. Проходя мимо канцеляріи, конвоиръ мнѣ говоритъ, что Помощникъ Коменданта пошелъ за мной. Возвращаюсь въ комнату и встрѣчаю его.

«Васъ требуютъ въ кабинетъ къ Коменданту», говоритъ онъ мнѣ.

Я не мало удивилась, такъ какъ этого никогда не случалось, и я не могла представить себѣ, въ чемъ дѣло. Иду — вхожу въ кабинетъ, гдѣ сидитъ Комендантъ, а за письменнымъ столомъ, незнакомый субъектъ семитскаго типа, который приглашаетъ меня сѣсть напротивъ него.

«Я — судебный слѣдователь отъ Всероссійскаго Цнетральнаго Исполнительнаго Комитета», говоритъ онъ мнѣ и при этомъ вытаскиваетъ изъ портфеля два конверта, которые я немедленно узнаю: одинъ съ письмомъ моимъ къ Врангелю насчетъ рекомендаціи Тарабыкина — другой, съ письмомъ сына къ Врангелю.

Я вся похолодѣла — сердце точно перестало биться: это была ужасная минута, которую я забыть не могу. Я сидѣла какъ разъ противъ окна; безпощадное, холодное, сѣверное солнце освѣщало меня во всю, точно смѣясь надо мною и пытая меня. Одна только мысль была — не выдать своего волненія, и я не шевельнулась, и смотрѣла прямо въ глаза судебному слѣдователю. Такія минуты или, скорѣе, секунды, ужасны тѣмъ, что надо сразу сообразить, что дѣлать, что говорить, о чемъ промолчать. Но у меня всю жизнь и во всѣхъ случаяхъ жизни была только одна «ligne de conduite» — правда. А когда совѣсть совершенно чиста, когда знаешь, что ничего сквернаго, ничего преступнаго не сдѣлалъ — то эта правда рвется на волю, и удержать ее я не могла и не хотѣла.

Слѣдователь разложилъ передо мною письма, и спросилъ:

«Извѣстно ли вамъ, чей это почеркъ?»

«Конечно, извѣстно: вотъ это мой почеркъ, а это — почеркъ моего сына, и чтобъ не затруднять васъ допросами, я вамъ сама скажу, что одно письмо написала я своему родственнику, барону Врангелю, рекомендуя ему Предсѣдателя Комиссіи по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, а другое письмо написалъ тому же Врангелю мой сынъ».

«Значитъ, вы это сдѣлали сознательно и не отрицаете этого?»

«Совершенно сознательно, и не отрицаю».

«Почему вы рекомендовали Тарабыкина Врангелю?»

«Потому что, когда благодаря вашей Совѣтской власти, мой 16-ти-лѣтній сынъ былъ выброшенъ на улицу, безъ пріюта, безъ денегъ, и не зналъ куда итти и что дѣлать, Тарабыкинъ сдѣлалъ ему столько добра, что я, конечно, въ благодарность за это, исполнила его просьбу и рекомендовала его Врангелю».

«Отчего вы выражаетесь про Совѣтскую власть: ваша власть?»

«Оттого что я ее своей властью не считаю и никогда не буду считать, такъ какъ ненавижу и презираю ее».

«Значитъ вы — противъ нея?»

«Безусловно».

«Гдѣ вашъ сынъ?»

Тутъ я, конечно, ни минуты не колеблясь, отступила отъ принципа моей жизни — правды, и стала врать, но это я дѣлала для спасенія сына. Я отвѣтила:

«Онъ служитъ въ Гомелѣ, въ Главтопѣ».

«Получали ли вы въ послѣднее время отъ него письма?»

«Нѣтъ, не получала».

Я потомъ узнала, что Тарабыкинъ былъ арестованъ за то, что у него въ Комиссіи оказались всякіе недочеты, называемые преступленіями по службѣ. При обыскѣ въ его комнатѣ случайно напали на наши письма. Это все происходило въ началѣ Декабря. Съ тѣхъ поръ искали моего сына по всей Россіи, для того, чтобы и его также арестовать. Не найдя его, прислали слѣдователя за мной въ лагерь.

Допросъ мой продолжался еще нѣкоторое время; слѣдователь записывалъ дословно всѣ мои отвѣты. Въ глаза онъ мнѣ ни разу не посмотрѣлъ. Какъ я уже говорила, меня это всегда поражало. Когда допросъ былъ оконченъ, онъ мнѣ сказалъ:

«Надъ вами назначенъ будетъ судъ. Черезъ пять минутъ будьте готовы; я васъ отвезу въ тюрьму».

Меня увезутъ въ тюрьму!... Эти слова ложились мнѣ на душу невѣроятной тяжестью. Я впомнила Кіевъ — день ареста, потомъ Егорову, разговоръ о моемъ разстрѣлѣ, слышанный мной, отъѣздъ въ Москву. Ко всѣмъ этимъ ужаснымъ минутамъ прибавлялась еще одна... меня увезутъ въ тюрьму, меня будутъ судить! Я встала, пошла къ себѣ; надо было торопиться, скорѣе собрать,

уложить все свое небогатое имущество. Я была спокойна, но руки дрожали, не слушались.

Между тѣмъ, вѣсть о стрясшейся надо мной бѣдѣ мигомъ облетѣла Лагерь. Пришли проститься со мной, помочь мнѣ уложить вещи. Милые Англичане совали мнѣ въ карманъ — кто шоколадъ, кто папиросы. Я была глубоко растрогана сердечнымъ отношеніемъ всѣхъ ко мнѣ. Но надо было торопиться — ужъ Комендантъ два раза присылалъ спросить, готова ли я. Въ послѣдній разъ проходила я по монастырскому двору... не мило жилось въ Андроніевскомъ Лагерѣ, но худшія вещи ожидали меня впереди.

ГЛАВА V.

У воротъ стоялъ автомобиль, въ который я сѣла въ сопровожденіи слѣдователя и вооруженнаго конвойнаго, и мы двинулись по грязнымъ, отвратительнымъ улицамъ «рабоче-крестьянской» столицы. Я вдругъ вспомнила, что у меня зашито между пальто и подкладкой мелко-свернутое письмо къ мужу — что-то вродѣ завѣщанія, въ которомъ я ужасно выражалась о большевикахъ. Я боялась, что въ тюрьмѣ меня обыщутъ и найдутъ его. Прикрывъ лицо одной стороной воротника, мнѣ удалось зубами разорвать подкладку, и незамѣтно раскрошивъ его зубами, я посѣяла письмо по улицамъ Москвы. Я думала, что меня повезутъ въ Бутырскую Тюрьму, гдѣ заключена была масса «контръ-революціонеровъ», политическихъ, однимъ словомъ, подходящихъ ко мнѣ по «преступленіямъ» людей. Но меня повезли въ Новинскую Женскую Тюрьму, что въ переулкѣ у Новинскаго бульвара. Одинъ видъ этой тюрьмы наводитъ тоску, и я вошла въ нее, точно окаменѣлая. Пока пошли докладывать обо мнѣ дежурной надзирательницѣ, я ждала въ передней, въ которую вошелъ и шоферъ, везшій меня въ тюрьму. Подойдя ко мнѣ, онъ тихонько передалъ мнѣ пачку хорошихъ папиросъ и шепнулъ мнѣ:

«Охъ, жаль мнѣ васъ, барынька; я бы васъ не въ тюрьму, а домой отвезъ. Ну ихъ къ дьяволу, этихъ большевиковъ — и долго ли ихъ Богъ терпѣть будетъ? А что подѣлаешь — ѣсть надо, вотъ и служишь у этихъ иродовъ. Ну да не сокрушайтесь; Богъ поможетъ».

Я ему отъ души пожала руку, и онъ ушелъ.

Въ это время пришла дежурная надзирательница и повела меня въ комнату, гдѣ полагалось обыскивать арестованныхъ, просматривать ихъ вещи. Мы остались съ ней вдвоемъ.

«Такъ вы княгиня Куракина? я слыхала о васъ», сказала она, покачала головой, улыбнулась — и я поняла, что эта изъ «нашихъ». Вещей, конечно, не коснулась даже, просила только передать деньги во избѣжаніе непріятностей. Послѣ этого она повела меня черезъ тюремный дворъ въ длинное, кирпичное, однообраз-

ное, отвратительное зданіе - тюрьму. Пошли на верхній этажъ по узкому корридору, и вошли въ камеру 12 — это былъ такъ называемый карантинъ, куда сажали вновь прибывшихъ на 3 недѣли, во избѣжаніе заразъ.

Когда я увидѣла, какая тутъ публика находится, я пришла въ ужасъ. Новинская женская тюрьма была спеціальной тюрьмой для самаго преступнаго, самаго низкаго, самаго отвратительнаго женскаго элемента. Тутъ были самые подонки рода человѣческаго: всѣ типы Купринской «Ямы», всѣ героини Горькихъ, Андреевыхъ и другихъ опроститутившихся современныхъ русскихъ писателей казались мнѣ герцогинями и принцессами въ сравненіи съ тѣмъ, что я нашла здѣсь, въ Новинской тюрьмѣ. Убійцы, воровки, бандитки, проститутки — да какія... такія, которыхъ самый послѣдній изъ пьяныхъ ломовыхъ не захотѣлъ бы. Однимъ словомъ, это былъ музей всего самаго низкаго, самаго развратнаго, что только можно себѣ представить. И это не былъ утонченный развратъ, а развратъ въ самыхъ грубыхъ, самыхъ отталкивающихъ его проявленіяхъ. Шумъ, гамъ, крикъ, сквернословіе, руготня, ссоры, драки не превращались. Жить въ такой обстановкѣ было истымъ мученіемъ; ни минуты спокойствія не было, отборныя словечки такъ и висѣли въ воздухѣ, и я обогатила свое познаніе родного языка цѣлымъ ожерельемъ перлъ и брилліантовъ.

Когда я впервые увидала драку между двумя изъ этихъ «дамъ», я была просто загипнотизирована этимъ зрѣлищемъ; угостивъ другъ друга самыми уму непостижимыми эпитетами, онѣ начали съ того, что бросали другъ въ друга все, что попадалось подъ руку, потомъ вцѣпились другъ въ друга мертвой хваткой и стали рвать другъ другу волосы, плевать въ лицо, царапать глаза, пока сильнѣйшая не повалила болѣе слабую, и тогда ужъ стала колотить ее безостановочно, въ то время, какъ побѣжденная издавала допотопный визгъ и крикъ.

Въ такихъ случаяхъ никто не смѣлъ подступить къ этимъ разъяреннымъ, дикимъ самкамъ, даже мужчины - надзиратели боялись приблизиться. Наказаніе, какъ запираніе въ одиночныя камеры — ничего не помогало, и такія драки были постояннымъ зрѣлищемъ. Одинъ видъ этихъ существъ отталкивалъ: грязныя, неаккуратныя, какія-то расплывчатыя — это не были женщины, а животныя. Если и попадались красивыя, то эта красота какъ-то не замѣчалась подъ общимъ видомъ чего-то неописуемаго. Процентовъ 80 изъ заключенныхъ состоялъ изъ подобныхъ существъ;

потомъ была категорія «спекулянтшъ» и «самогонщицъ» — это были все женщины простыя, мѣщанскаго типа, но вполнѣ приличныя. «Буржуекъ» и политическихъ заключенныхъ было совсѣмъ мало — отъ 10 до 15 человѣкъ.

Итакъ, я очутилась въ настоящемъ вертепѣ, публичномъ домѣ, и впредь должна была мириться съ такимъ обществомъ. Послѣ карантина, я перешла въ камеру № 4: въ ней помѣщались «политическая» Е.А. Бушъ (по первому браку Княгиня Горчакова), очень милая и умная женщина; въ этой камерѣ она и я были единственными «буржуйками», такъ какъ большевики нарочно придумали новое правило, которое они завели во всѣхъ тюрьмахъ. Тогда какъ прежде, при Царскомъ режимѣ, политическихъ преступниковъ содержали отдѣльно отъ уголовныхъ, при Совѣтской власти, наоборотъ, политическихъ сажали вмѣстѣ съ самымъ преступнымъ уголовнымъ элементомъ. Большевики этимъ хотѣли еще больше увеличить наши страданія, такъ какъ знали, что намъ, привыкшимъ къ чистотѣ и физической и нравственной, прикосновеніе грязи во всѣхъ ея видахъ и формахъ, не можетъ быть пріятно. Исключеніе дѣлалось только для есъ-эровъ, которыхъ содержали отдѣльно, и у которыхъ были всякія привиллегіи. Въ Бутырской тюрьмѣ они потребовали, чтобы мужчины и женшины могли бы сообщаться; двери ихъ камеръ не запирались на ключъ; они продолжали слушать лекціи въ тюрьмѣ, куда съ воли допускался лекторъ.

Заключенныя раздѣлялись на двѣ категоріи-слѣдственныхъ, т.е. тѣхъ, надъ которыми еще не было суда и приговора, и осужденныхъ. Первыхъ не заставляли работать; вторыя должны были работать — исполняли тюремную работу, на кухнѣ, въ прачешной, во дворѣ, кололи дрова. Кромѣ того, была тюремная мастерская шитья.

На меня переводъ въ тюрьму и всѣ переживанія послѣднихъ дней такъ подѣйствовали, что я опять стала себя чувствовать очень скверно. Подкрѣпившись немного послѣднихъ два мѣсяца въ Андроніевскомъ Лагерѣ, благодаря передачамъ изъ Польскаго Комитета, я опять очутилась въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ въ смыслѣ питанія; кромѣ тюремной бурды, ничѣмъ не разнящейся отъ лагерной, у меня ничего не было. Начиналась настоящая голодовка. Несмотря на всѣ удары судьбы, которые сыпались какъ изъ рога изобилія, и на то, что мнѣ было надъ чѣмъ призадуматься, я дошла до такого состоянія голода и слабости, что у меня была лишь одна мысль въ головѣ — ѣда. Я все посматривала на часы и ждала

время обѣда и ужина. Утромъ, когда каждая изъ насъ получала свою порцію хлѣба — по одному фунту — я аккуратно раздѣляла кусокъ на пять равныхъ частей: на утро, на обѣдъ, на день, на ужинъ и — самый вкусный — на вечеръ, когда я уже лежала на своей койкѣ и собиралась спать, потому что, засыпая съ кускомъ хлѣба во рту, казалось, что не такъ голодно.

Во снѣ я постоянно видѣла всякія вкусныя блюда; а когда кто-либо изъ заключенныхъ получала съ воли передачу — я отвертывала глаза отъ такого соблазна: мучительно было смотрѣть.

Стали у меня отъ полнаго истощенія появляться очень непріятные симптомы: отекали ноги, стало пухнуть лицо — что меня очень безпокоило, такъ какъ въ женщинѣ можно убить всѣ чувства, кромѣ одного — кокетства. Я страдала такой одышкой и головокруженіями, что не могла подняться на второй этажъ, не отдохнувъ раза три; начала все забывать. Бывало, сижу и что-нибудь шью, штопаю, и вдругъ — въ головѣ какая-то пустота, не знаю, куда мнѣ тянуть иголку, вверхъ или внизъ? Но хуже всего было то, что кромѣ нервной сыпи, отъ которой я страдала съ первыхъ дней заключенія, начали появляться нарывы на всемъ тѣлѣ. Началось съ огромнаго карбункла на спинѣ, у плеча; я почувствовала сильный жаръ, спина болѣла, тѣмъ болѣе, что надо было цѣлый день сидѣть на скамейкѣ: ложиться днемъ было запрещено по тюремнымъ правиламъ. Вмѣсто наръ были койки — т.е. желѣзныхъ двѣ палки, между которыми было натянуто полотно. Койки устроены такъ, что на ночь ихъ опускаютъ, а на день ихъ нужно поднимать обязательно, и каждой заключенной полагалось сидѣть на «собачкѣ» — по тюремному жаргону, скамейка. Топили камеры черезъ день, по шесть бревенъ, а такъ какъ камеры были высокія и большія — на 17 коекъ, то самое большее бывало 8 градусовъ; при этомъ холодный афсальтовый полъ, на которомъ ноги страшно мерзли.

Ночи я проводила безсонныя; я не знала, какъ лечь, такъ какъ, лягу ли я на спину, или на правый, или на лѣвый бокъ, со всѣхъ сторонъ были нарывы, на которыхъ больно было лежать. И вотъ, я по цѣлымъ днямъ сидѣла на моей «собачкѣ», полу-одуренная отъ боли, въ самыхъ мрачныхъ размышленіяхъ. Особенно непріятные дни бывали, когда я оставалась совершенно безъ хлѣба, и вотъ почему: я, конечно, ни за что не хотѣла давать свое бѣлье въ общую стирку, съ бѣльемъ всѣхъ этихъ грязныхъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ стирку давалось и бѣлье всѣхъ сифилитокъ, кото-

рыхъ въ тюрьмѣ было %70. Я стирала сама свое бѣлье, но когда появились всѣ симптомы истощенія и головокруженіе, я уже совсѣмъ не была въ силахъ этимъ заниматься, и стала нанимать одну изъ заключенныхъ для стирки своего бѣлья; но за это надо было платить; денегъ у меня не было, и приходилось платить своимъ хлѣбнымъ пайкомъ. Эти дни бывали очень тяжелы. Наконецъ, мнѣ стало такъ нехорошо, что докторъ велѣлъ перевести меня въ тюремную больницу, находившуюся тутъ же, рядомъ, во дворѣ. По обстановкѣ, больничныя палаты мало чѣмъ разнились отъ тюремныхъ камеръ, но не было такъ шумно. Кромѣ того, я попала въ чистую кампанію — это было большимъ облегченіемъ. Въ палатѣ, куда меня помѣстили, я нашла старую знакомую. А.Б. Сазонову, жену бывшаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Была еще сестра милосердія, привезенная изъ Петрограда; одна полу-француженка, полу-полька, Е.И. Иванова и дочь ея, К.А. Миллеръ. Кромѣ насъ, была еще одна женщина неопредѣленной профессіи, и одна изъ извѣстныхъ въ Москвѣ кокотокъ, Валентина Ботина.

Нарывы мои не прекращались; карбункулъ, принявшій огромные размѣры, нужно было бы прорѣзать, но въ тюремной больницѣ не было даже чѣмъ продезинфицировать инструменты. Докторъ рѣшилъ дѣйствовать безъ инструментовъ, а просто изовсѣхъ силъ давить обѣими руками: очень несимпатичная операція, и я орала благимъ матомъ. Перевязокъ впродолженіи 9 дней нельзя было дѣлать, такъ какъ не было ни перевязочнаго матеріала, ни іода. Какъ меня Богъ помиловалъ, я сама не знаю, такъ какъ заразить огромную, открытую рану, въ кишащей вшами тюрьмѣ, было дѣломъ очень легкимъ.

Само собою разумѣется, тюремный медицинскій персоналъ былъ анти-большевистской платформы. Для такихъ заключенныхъ, какъ я, и докторъ С. и фельдшерицы, готовы были сдѣлать все, что можно, чтобы облегчить мою участь, но, разумѣется, они не могли дѣлать никакой разницы между заключенными. Вѣдь по понятіямъ Совѣтской власти, я была преступницей куда болѣе опасной и серьезной, чѣмъ какая-нибудь бандитка-рецидивистка, зарѣзавшая не одного человѣка въ жизни, и попадавшая въ тюрьму въ двадцатый разъ — такихъ было много. Все же тюремное начальство Новинской Тюрьмы, начиная съ Начальницы Тюрьмы, и кончая надзирательницами и надзирателями, были почти всѣ, безъ исключенія, стараго режима, такъ что съ этой стороны мнѣ было хорошо, меня никто не притѣснялъ, но всѣ они должны были быть

очень на сторожѣ, такъ какъ при малѣйшемъ заподозрѣваніи ихъ въ «контръ-революціонности» большевики ихъ самихъ засадили бы въ ту же тюрьму. Попечительницы также остались стараго режима, но, конечно, назывались теперь «товарищами», «комиссаршами» — не знаю ужъ какъ.

Сначала попечительницами были Княгиня К. и Княжна В., потомъ назначили еще добрѣйшую и милѣйшую женщину, которая всю душу вкладывала въ то, чтобы намъ помочь и облегчить нашу горькую долю. А доля моя, правда, была невеселая. Скверное состояніе здоровья и вѣчное чувство голода дѣйствовали на меня удручающе; тяжела была полная неизвѣстность о мужѣ; тосковала я ужасно о сынѣ, безпокоилась о немъ, что изъ него будетъ, не испортится ли онъ, живя совершенно самостоятельно и одиноко среди чужихъ. Я чувствовала себя совершенно отрѣзанной отъ всего міра. Кромѣ того, удручала неизвѣстность будущаго.

Шелъ третій мѣсяцъ, какъ меня заключили въ тюрьму, и я все еще была «слѣдственная» и не знала, когда же, наконецъ, вызовутъ меня на судъ. А я знала, что обвиненіе противъ меня было изъ самыхъ серьезныхъ, съ точки зрѣнія большевиковъ. Не говоря уже о томъ, что я двоюродная сестра Врангеля, что само собой считалось преступленіемъ, меня обвиняли въ томъ, что я рекомендую и поставляю офицеровъ въ армію бѣлыхъ. Обвиненіе ужасное, и пахнувшее разстрѣломъ. Вѣдь, во время моего заключенія въ лагерѣ, были разстрѣлены въ Москвѣ отецъ, сынъ и дочь К., только за то, что у нихъ найдена была переписка съ ихъ родственникомъ, офицеромъ въ арміи бѣлыхъ.

Помню, какъ мнѣ было особенно грустно и тяжело въ ночь на Пасху. При тюрьмѣ была церковь, и по какому-то чуду — ее большевики не закрыли и допускали въ ней богослуженіе. Положимъ, мнѣ довольно понятно, почему въ Концентраціонныхъ Лагеряхъ, передѣланныхъ изъ монастырей, они закрывали церкви, а въ такой тюрьмѣ, какъ Новинская — нѣтъ. Вѣдь, въ лагеряхъ большій процентъ заключенныхъ состоялъ изъ «буржуевъ», генераловъ, помѣщиковъ и подобной публики — такъ вотъ, имъ надо было насолить — тогда какъ въ Новинской тюрьмѣ и 10% «буржуевъ» не было. Пролетаріату же, даже преступному, они никогда не дѣлаютъ пакостей.

Пасха была въ этомъ году ранняя, но погода стояла замѣчательная. Окна больницы были какъ разъ противъ тюремной церкви: начиналась заутреня — но я не рѣшилась пойти въ цер-

ковь. Я не ручалась за себя, что не заплачу — и не хотѣла показывать другимъ своего волненія. Я открыла окно: окна церкви были ярко освѣщены; запѣли «Христосъ Воскресе», по всей Москвѣ запѣли, загудѣли колокола, а наверху, на ясномъ небѣ, сіяли и сверкали звѣзды. Какъ радостно и легко на душѣ всегда бывало въ этотъ Праздникъ, а теперь, я все видѣла и слышала точно изъ могилы.

ГЛАВА VI.

Послѣ Пасхи прошло нѣсколько дней, и меня вызвали для прочтенія обвинительнаго акта, предупредивъ, что въ скоромъ времени будетъ назначенъ день суда. Обвинительный актъ я прочла съ интересомъ. Оказалось, что я замѣшана въ огромное дѣло, такъ какъ къ суду привлекалась масса людей — человѣкъ 10, если не ошибаюсь. Начиналось съ дѣла Тарабыкина по преступленіямъ по службѣ; эта часть была очень скучная и неинтересная, а потомъ дѣло шло «crescendo»: Тарабыкинъ обвинялся въ «контръреволюціи», и въ заключеніе являлась я, помѣщица-кровопійца,-знатная аристократка, княгиня Куракина, родственница Врангеля, поставляющая въ его армію офицеровъ. Въ общемъ я сама знала, въ чемъ меня будутъ обвинять, и въ обвинительномъ актѣ ничего новаго для меня не было.

Прошло дней 10 и, наконецъ, 21-го Апрѣля, меня вызвали къ «рѣшеткѣ», черезъ которую изъ конторы говорятъ съ арестованными, и объявили, что на завтрашній день меня вызываютъ на судъ въ Кремль. Хотя я знала, въ какихъ ужасахъ меня обвиняютъ, и за какую страшную преступницу меня считаютъ — я была довольна, что, наконецъ, послѣ трехъ-мѣсячнаго ожиданія, назначенъ судъ. Я эту ночь никакъ не могла заснуть — я знала, что на судѣ я буду спокойна, какъ всегда въ критическія минуты, но теперь меня охватило волненіе, и я глазъ не могла сомкнуть.

На слѣдующій день пришли за мной два конвоира — открылась тяжелая, мрачная тюремная дверь, и въ первую минуту, слѣдуя лишь животному инстинкту, я вдыхала полной грудью весенній воздухъ, свободный воздухъ, втягивала въ себя неуловимый весенній запахъ и любовалась нѣжной, молодой зеленью на деревьяхъ... это была какая то секунда наслажденія! Потомъ пробужденіе настало очень скоро. Я шла между двумя конвоирами по мостовой, какъ полагается арестованнымъ. Но такъ какъ я была очень слаба въ это время, то не пройдя и ста шаговъ, у меня начала кружиться голова. Конвоиры были хорошіе, сами предложили мнѣ сѣсть у забора и отдохнуть. Черезъ нѣсколько минутъ пошли

дальше, но черепашьми шагами, такъ какъ я задыхалась и сильно заболѣлъ бокъ.

Путь до Кремля показался мнѣ нескончаемымъ, и мы туда еле-еле дотащились къ шести часамъ. Подходя къ Башнѣ-Кутафьѣ, встрѣтили другую процессію вродѣ нашей, съ той разницей, что конвоиры вели не женщину, а мужчину: онъ былъ небольшого роста, худой, съ симпатичнымъ лицомъ и на видъ совсѣмъ молодой. Это и былъ тотъ самый Предсѣдатель Комиссіи по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Тарабыкинъ, съ которымъ судьба меня такъ странно связала, меня, никогда не видавшую и не знавшую его до этого дня. Насъ повели уже вмѣстѣ въ бывшій Дворецъ Императора Николая I-го (кажется, такъ онъ назывался), а нынѣ — Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ, вершавшій судьбой разрушенной имъ же, оскверненной, развращенной, обездоленной, несчастной Россіи. Конвоиры спросили, куда насъ вести.

«Въ помѣщеніе для особо важныхъ преступниковъ», услышали мы отвѣтъ.

Насъ повели въ лѣвое крыло Дворца, въ подвальный этажъ. Пройдя длинный, темный, грязный корридоръ, мы вошли въ наше «помѣщеніе», гдѣ были переданы мѣстному конвою. Насъ помѣстили въ большую комнату, раздѣленную перегородками на три части: въ первой помѣщался конвой, во второй — Тарабыкинъ, въ третьей — я. Вездѣ на стѣнахъ были мало хорошаго обѣщающія надписи: «Здѣсь сидѣлъ такой-то, разстрѣленъ такого то числа и года». Между фамиліями нашла знакомыхъ, какъ то Щегловитова, бывшаго министра юстиціи.

Сообщаться съ Тарабыкинымъ мнѣ не было запрещено, и мы сейчасъ же познакомились, другъ передъ другомъ извинились, такъ какъ, если я изъ-за него попала въ тюрьму, то и онъ изъ-за меня попалъ въ «контръ-революціонеры» — мы были квиты. Намъ было о чемъ поговорить и переговорить: Что насъ ожидаетъ завтра? Какой приговоръ вынесутъ намъ? Потомъ надо было рѣшить, что мы будемъ говорить о побѣгѣ Андрея. Конечно, мы скроемъ, что знали о немъ, и что Тарабыкинъ былъ авторомъ всего предпріятія, и скажемъ, что сынъ самъ сбѣжалъ, не предупредивъ насъ объ этомъ. Я рада была, что я не одна, что есть съ кѣмъ отвести душу; и у меня и у Тарабыкина нервы были натянуты, и вдвоемъ такое состояніе легче было перенести. Намъ принесли ужинъ, на который мы набросились, такъ какъ проголодались; и къ удивленію нашему

— ужинъ оказался очень вкуснымъ, или показался такимъ намъ, привыкшимъ къ тюремнымъ помоямъ. Спать ложиться не хотѣлось, и проболтали еще до поздней ночи.

На слѣдующій день намъ сообщили, что судъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. Къ этому времени насъ повели въ В.Ц.И.К. Обыкновенно судъ бываетъ въ учрежденіяхъ «Ревтрибунала». Для насъ же былъ особый почетъ, и наше дѣло считали такимъ серьезнымъ, что насъ рѣшили судить въ «высшей инстанціи», В.Ц.И.К. — что соотвѣтствовало прежнему Сенату. Суды въ В.Ц.И.К. были очень рѣдки; тамъ судили только самые важные, политическіе «контръ-революціонные» заговоры. И вотъ, мнѣ досталась такая великая честь.

Насъ ввели въ комнату, гдѣ подсудимые ждали, чтобы ихъ вызвали въ залъ суда. Черезъ минуту вошелъ молодой офицеръ, и — о удивленіе — шаркнувъ ногой, поцѣловалъ мнѣ руку... совсѣмъ уже не коммунистическія манеры! Я не знаю, кто онъ былъ, какой то блюститель порядка, вѣроятно, но ужъ навѣрное большевикъ по принужденію, такъ какъ это можно по лицу сейчасъ опредѣлить. Спросилъ насъ, нѣтъ ли у насъ какихъ жалобъ. Я сказала, что жалобъ нѣтъ, но что очень прошу, когда меня будутъ отсылать въ тюрьму — если не отошлютъ въ другое мѣсто — чтобы мнѣ было разрѣшено идти по панели, такъ какъ я больна, и мнѣ такъ трудно итти по мостовой, что я задерживаю конвоировъ. Онъ отвѣтилъ, что не забудетъ этого, и что все будетъ исполнено — и затѣмъ удалился. Послѣ этого зашли къ намъ правозаступники. Намъ разрѣшалось имѣть защитниковъ отъ В.Ц.И.К. Предложили свои услуги. Я отвѣтила, что не имѣвъ случая переговорить основательно раньше — мнѣ кажется, что я сама сумѣю себя лучше защищать, тѣмъ болѣе, что все мое обвиненіе — это такой абсурдъ, что мнѣ это даже совсѣмъ не будетъ трудно. Но одинъ изъ нихъ, тотъ, который предлагалъ мнѣ свои услуги, все таки посовѣтовалъ мнѣ не пренебрегать его защитой, тѣмъ болѣе, что это не будетъ мѣшать мнѣ, съ своей стороны, защищать себя, и говорить все, что мнѣ будетъ угодно. На этомъ и порѣшили. Прошелъ еще томительный часъ, и насъ потребовали въ залъ суда. Поставили насъ рядомъ — съ боковъ конвоиры — и мы такимъ порядкомъ вошли въ залъ. И тутъ... о ужасъ, мнѣ захотѣлось неудержимо смѣяться, смѣяться безъ конца. Нѣтъ, правда — вѣдь положеніе было слишкомъ абсурдное. Эта Совѣтская Россія съ ея коммунистами-палачами — это же домъ сумасшедшихъ. Какая то болѣзнь

садизма напала на всѣхъ. Я вдругъ представила себѣ всю безсмыслицу моего положенія: меня, княгиню Куракину, въ жизни не принимавшую никогда участія въ политикѣ, спокойно жившую себѣ въ Кіевѣ на Банковой 15 — вдругъ, здорово живешь, берутъ, сажаютъ въ тюрьму за то, что я — княгиня Куракина, а теперь тащатъ въ судъ за то, что я, не думая ни о какихъ заговорахъ, ни о какихъ пополненіяхъ Бѣлой Арміи — рекомендую Врангелю человѣка (даже не говоря, что рекомендую его, какъ военнаго), дѣлая это исключительно изъ чувства признательности. Нѣтъ — когда у меня пронеслась въ головѣ вся эта картина — мнѣ все это положительно показалось смѣшнымъ, несмотря на всю трагичность моего положенія. Я — на скамьѣ подсудимыхъ!!

Залъ суда представлялъ внушительный видъ, такъ какъ было много публики. Оказывается, что поймавъ меня «на мѣстѣ преступленія», большевики вообразили, что они напали на страшно важный заговоръ, на цѣлую «контръ-революціонную» организацію. Въ эту пору Врангелевская армія начала наступленіе, и красные, какъ всегда бывало при малѣйшей ихъ неудачѣ, страшно трусили и съ пѣной у рта произносили его имя. Я, точно на бѣду, оказалась его двоюродной сестрой, что очень усугубляло серьезность моего положенія, и они были убѣждены, что раскрыта какая то важная «контръ-революціонная» затѣя. Ленинъ велѣлъ докладывать себѣ ежедневно о «ходѣ дѣла». На судъ были позваны представители Совѣтской печати — однимъ словомъ, обставленъ былъ нашъ судъ великолѣпно.

Я почувствовала, войдя въ залъ, что сотни глазъ устремились на меня. Они воображали, что увидятъ униженную, смутившуюся, подавленную женщину. Они наслаждались тѣмъ, что они, пролетаріи, оскорбили, унизили княгиню Куракину. Я это безъ всякихъ словъ понимала. Поэтому мое появленіе произвело разочарованіе. Я не была ни смущена, ни унижена, ни подавлена, а прошла къ скамьѣ подсудимыхъ съ поднятой головой.

На эстрадѣ, обтянутой краснымъ сукномъ, сидѣли: съ одной стороны, четыре защитника, всѣ четыре евреи; посрединѣ, за большимъ столомъ — предсѣдатель суда, русскій, изъ рабочихъ, и два его помощника, оба еврея; секретарь, также еврей; а съ другой стороны, за отдѣльнымъ столикомъ... онъ, онъ самый... великій Крыленко, самъ Крыленко (онъ же Цейтлинъ, еврей), тотъ самый Крыленко, который командовалъ красной арміей, подписывалъ сотни тысячъ смертныхъ приговоровъ и собственной рукой уби-

валъ и разстрѣливалъ — чьи руки были въ крови. Крыленко былъ моимъ обвинителемъ... вотъ такъ почетъ!

Судъ продолжался два дня подъ рядъ. Первый день меня мало коснулся, такъ какъ начали съ обвиненія Тарабыкина и его сослуживцевъ въ преступленіяхъ по службѣ, такъ что это мало имѣло общаго съ моимъ «дѣломъ», которымъ спеціально занялись на второй день. Залъ былъ еще болѣе переполненъ, но публикой въ душѣ сочувствующей мнѣ. Когда дѣло дошло до меня, мнѣ, какъ полагается подсудимымъ, нужно было встать и отвѣчать стоя; но я сказала, обращаясь къ Крыленкѣ, что у меня болитъ нога, и продолжала сидѣть—такъ и просидѣла все время. Предсѣдатель Суда обратился ко мнѣ, и спросилъ:

«Подсудимая Куракина, признаете ли вы себя виновной?»

«Виновной я себя ни въ чемъ не считаю, такъ какъ вины за мной никакой нѣтъ; а что я написала Врангелю, этого я, конечно, не буду отрицать».

Послѣ этого Крыленко сталъ закидывать меня вопросами, и между нами завязалась продолжительная словесная дуэль. Началъ онъ съ того, что ставилъ вопросы совершенно не касающіеся дѣла, много разспрашивалъ о томъ, сколько было десятинъ въ нашемъ имѣніи, какой былъ домъ, сколько времени я жила въ деревнѣ и т.д., потомъ спросилъ:

«Вашъ мужъ на государственной службѣ не состоялъ?»

«Нѣтъ».

«А какой нибудь придворный чинъ имѣлъ?»

«Да, онъ состоялъ въ должности егермейстера при Высочайшемъ Дворѣ».

«Значитъ» — и Крыленко скорчилъ насмѣшливую физіономію — «ходилъ въ расшитомъ золотомъ мундирѣ».

«Да, слава Богу, не въ косовороткѣ, и не въ кожаной курткѣ.

«А какъ вы приходитесь родственницей Врангелю?»

Я объяснила, что отцы наши были братья.

«Значитъ вы — рожденная Врангель?»

«Да».

«Баронесса?»

«Да».

Тогда, изобразивъ на своемъ лицѣ презрительно-насмѣшливую гримасу, онъ обращается къ публикѣ въ залѣ.

«Удивительно! Они не могутъ безъ титула. Рождаются съ титуломъ; замужъ выходятъ — съ титуломъ. Удивительно!»

Меня взорвало; я вскочила со своего мѣста и громко бросила ему въ лицо:

«И бабушка была съ титуломъ, и прабабушка съ титуломъ».

Въ залѣ — хохотъ. Это, видимо, не понравилось Крыленкѣ; онъ перемѣнилъ разговоръ.

«Итакъ, у васъ въ арміи бѣлыхъ есть связи?»

«Какой странный, чтобы не сказать больше, съ вашей стороны вопросъ. Конечно, есть: всѣ мои родственники, друзья, знакомые, рѣшительно всѣ у бѣлыхъ. Совѣтской Россіи никто не хочетъ служить».

«Можете ли вы назвать мнѣ нѣсколько именъ?»

«Конечно, могу», и, какъ заведенная машина, я ему сдѣлала перечень всего русскаго «Almanach de Ghota»: «Голицыны, Долгорукіе, Шереметевы, Воронцовы, Гагарины, Шуваловы, Вяземскіе, Бобринскіе, Шаховскіе, Оболенскіе, Кочубеи...»

«Довольно, довольно. Скажите, вѣдь вы не первый разъ рекомендовали Врангелю человѣка?»

«Нѣтъ, въ первый разъ».

«Какъ же такъ? Вы сами въ своемъ письмѣ къ Врангелю вотъ что пишете» — и тутъ онъ открываетъ мое письмо и читаетъ: «*Дорогой Пиперъ. Ты же знаешь, что я никогда не рекомендовала тебѣ неподходящаго человѣка*». Что Вы на это скажете, подсудимая?»

«Что я на это скажу? А то, что, повидимому, здѣсь» — и я сдѣлала жестъ рукой по направленію типично еврейскаго состава судей, секретаря, прокурора — «здѣсь, и мало по русски понимаютъ, и не умѣютъ читать. Прошу васъ еще разъ прочитать мое письмо» (я помнила каждое слово моего письма наизусть), «куда вы дѣвали маленькое, но очень важное словечко «бы»? Прочитайте внимательнѣе: въ моемъ письмѣ ясно написано: «Ты знаешь, что я никогда не рекомендовала *бы* тебѣ неподходящго человѣка» — не находите ли вы, что это словечко — «*бы*» — совершенно мѣняетъ смыслъ фразы?»

Крыленко смутился.

«Да, положимъ, я не замѣтилъ этого слова» — сказалъ онъ, и продолжалъ разспрашивать о другомъ.

Я чувствовала себя въ повышенномъ настроеніи. «Панъ или пропалъ» — я шла на проломъ и говорила то, что шло на языкъ.

«Вы не знаете, гдѣ находится вашъ сынъ?»

«Рѣшительно не знаю».

«Считаете ли вы правильными тѣ обвиненія, которыя на него возлагаются въ обвинительномъ актѣ?»

«Да. Онъ, вѣроятно, удралъ изъ соціалистическаго рая, такъ какъ я не имѣю отъ него никакихъ извѣстій. Неправильнымъ въ обвинительномъ актѣ я только считаю то, что тамъ сдѣлана инсинуація, будто бы ему больше 16-ти лѣтъ, и ему сбавили года, чтобы дать возможность «Комиссіи по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ» освободить его изъ подъ ареста, какъ неподлежащаго таковому по годамъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано: «*Андрей Куракинъ, якобы 16-ти лѣтъ*». Если вы не вѣрите, что сыну моему 16 лѣтъ, то наведите справки тамъ, гдѣ онъ родился: вы найдете въ церковной книгѣ, въ какомъ году онъ родился. Нашихъ документовъ я не могу, къ сожалѣнію, вамъ показать, такъ какъ при моемъ арестѣ они были отобраны Кіевской В.Ч.К. и не были возвращены мнѣ. Не сомнѣваюсь, что какая нибудь коммунистка присвоила себѣ мой паспортъ, и когда ей это понадобится, будетъ выдавать себя за княгиню Куракину. Но я этого не боюсь; если у васъ есть свой пролетарскій Интернаціоналъ, то у насъ есть свой Дворянскій Интернаціоналъ, которому извѣстна каждая изъ княгинь Куракиныхъ — ихъ всего и есть четыре на бѣломъ свѣтѣ».

Сознаюсь, что меня просто забавляло говорить на судѣ подобныя вещи. Этотъ судъ мнѣ нисколько не импонировалъ — напротивъ, онъ казался мнѣ не только абсурднымъ, но и убогимъ. На душѣ тѣмъ не менѣе кошки скребли, и я курила папиросу за папиросой, что подсудимымъ, въ сущности, не полагается. Но мнѣ ничего не смѣли сказать.

Крыленко продолжалъ:

«Отдаете ли вы себѣ отчетъ въ томъ, что вы совершили преступленіе противъ Совѣтской власти, поставляя Врангелю въ армію офицера, тѣмъ болѣе состоящаго на Совѣтской службѣ?»

«Послушайте, мнѣ совершенно непонятно, какъ вы не можете сообразить, что мой поступокъ вовсе не былъ вызванъ желаніемъ выступать противъ Совѣтской власти и пополнять офицерами армію бѣлыхъ. Когда я писала Врангелю, во мнѣ исключительно говорило материнское чувство благодарности. За доброе отношеніе Тарабыкина къ сыну, я хотѣла отплатить ему чѣмъ могла; я чувствовала себя обязаной ему — и вотъ, я исполнила его просьбу и рекомендовала его двоюродному брату. Я, сочувствующая всѣмъ сердцемъ, всей душой, бѣлой арміи и желающая ей

успѣха — я этой рекомендаціей, наоборотъ, рисковала сдѣлать много вреда этой, близкой сердцу моему, арміи. Вѣдь я въ жизни никогда не слыхала про Тарабыкина, не знала его — кто мнѣ ручался за то, что вся эта затѣя не провокація, что онъ не вашъ агентъ, что онъ не собирается къ Врангелю, какъ шпіонъ Совѣтской власти? Давая ему письмо, я знала, что иду на рискъ, я поступала опрометчиво, даже глупо. Это было дѣйствіе въ ущербъ себѣ. Я могла бѣлымъ принести во сто разъ больше вреда, чѣмъ пользы. Мнѣ кажется, что это понятно и ясно для всякаго новорожденнаго, а у васъ сѣдина въ головѣ... Я дѣйствовала, исключительно повинуясь чувству глубокой благодарности и материнской любви».

Долго еще продолжался нашъ разговоръ съ Крыленко. Онъ все старался докопаться до какой то связи между моимъ поступкомъ и всякими «контръ-революціонными» заговорами, нашумѣвшимъ дѣломъ Самарина и другими «контръ-революціонными» дѣлами. Старался меня сбить съ толку, запутать. Но мое дѣло было для меня такъ просто, такъ ясно и такъ какъ, исключая моей освѣдомленности о побѣгѣ сына, я ровно ничего не скрывала, даже моей глубокой ненависти къ большевикамъ, то мнѣ не трудно было отпарировать его удары.

Наконецъ, выступилъ и мой защитникъ со своей защитительной рѣчью. Должна сказать, что рѣчь его была прекрасная. Въ залѣ царила мертвая тишина. Мой защитникъ говорилъ картинно, убѣдительно и краснорѣчиво — я слѣдила за каждымъ его словомъ и убѣдилась, что онъ глубоко и сознательно вникъ въ суть дѣла и правильно понялъ не только причину моего поступка, но и все то, что я испытала втеченіи 10 мѣсяцевъ моего заключенія. Онъ, такъ же какъ и я, напиралъ особенно на то, что причиной моего поступка не была никакая политика, никакія политическія убѣжденія, ни связь съ арміей бѣлыхъ — а материнское чувство благодарности за сына. Чувствовалось, что рѣчь моего защитника производила большое впечатлѣніе — и дѣйствительно — говорилъ онъ хорошо.

Пришла очередь обвинителя - Крыленко произнести свою обвинительную рѣчь. Говорилъ онъ отрывисто — чувствовалась въ каждомъ его словѣ злоба и непобѣдимая ненависть не только ко мнѣ лично, но ко всему нашему сословію, къ бѣлымъ, и ко всему тому, что было не его лагеря, не его убѣжденій. Мы съ Тарабыкинымъ предчувствовали, что онъ вынесетъ намъ тяжелый при-

говоръ, и если только на совѣщаніи суда его не измѣнятъ, то намъ будетъ плохо. И дѣйствительно, Крыленко высказался за 10 лѣтъ тюремнаго заключенія мнѣ, и 20 лѣтъ — Тарабыкину.

Мнѣ стало жутко, и я крѣпко сжимала въ рукѣ маленькую икону Иверской Божьей Матери, которую захватила съ собой — и вѣрила.

Когда судъ, такъ сказать, кончился, то всѣмъ подсудимымъ, по обыкновенію, предоставили право сказать послѣднее слово. Очередь дошла до меня.

«Подсудимая Куракина, желаете ли вы сказать что нибудь еще?»

Я на секунду задумалась.

«Нѣтъ, отъ послѣдняго слова я отказываюсь, такъ какъ пощады просить у васъ я не желаю. Но если у васъ еще осталась хотя капля совѣсти, то загляните въ нее».

Этими словами закончился судъ. Теперь судьи и прокуроръ-обвинитель должны были удалиться на совѣщаніе, послѣ чего подсудимымъ объявлялся окончательный приговоръ. Крыленко и судьи пошли въ сосѣднюю комнату на совѣщаніе. Тарабыкина и меня вывели въ комнату, гдѣ мы утромъ ожидали суда. Мы оба, конечно, очень волновались за исходъ совѣщанія — я чувствовала какое то нервное возбужденіе, почти что не сознавая, что въ эту минуту рѣшается моя судьба, быть можетъ, на десять лѣтъ.

Къ намъ прибѣжалъ мой защитникъ, пожалъ мнѣ руку:

«Не волнуйтесь, будемъ надѣяться». Я его искренно благодарила за блестящую защитительную рѣчь. Прошло около часу, и насъ опять вызвали въ залъ суда. Я сѣла на свое мѣсто; сердце такъ и стучало. Я смотрѣла въ окно на блѣдное, весеннее, вечернее небо и молилась. Предсѣдатель Суда прочелъ всѣ приговоры остальныхъ подсудимыхъ. Наконецъ, дошелъ и до моего приговора.

«Гражданка Татіана Куракина, за связь съ бѣлыми, за то, что рекомендовала въ Врангелевскую армію совѣтскаго служащаго, бывшаго офицера, Тарабыкина, о чемъ сама написала своему родственнику, командующему войсками бѣлой арміи, Врангелю — обвиняется въ контръ-революціи и, какъ опасный для Совѣтской Рабоче-Крестьянской Республики элементъ, приговорена высшимъ судомъ при В.Ц.И.К. къ тюремному заключенію, съ принудительными работами, на одинъ годъ».

Богъ услышалъ мои молитвы. Съ 10 лѣтъ мнѣ сбавили на одинъ годъ заключенія. Въ эту минуту мнѣ казалось, что одинъ годъ —

это пустякъ, какой нибудь мѣсяцъ. Три мѣсяца я прожила въ ожиданіи суда, въ полной неизвѣстности, какая меня ожидаетъ участь, рисуя въ своемъ воображеніи самыя мрачныя картины; неудивительно, что приговоръ на одинъ годъ тюрьмы мнѣ казался совсѣмъ пустяшнымъ. Тарабыкинъ также радовался — его присудили къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія.

Судъ мой былъ законченъ; я вздохнула съ облегченіемъ. Залъ зашевелился; многіе совершенно незнакомые мнѣ люди подходили ко мнѣ съ поздравленіями, или сочувственно улыбались мнѣ. Подбѣжалъ ко мнѣ и защитникъ мой, съ радостнымъ лицомъ, и поздравилъ.

«Вы знаете», сообщилъ онъ мнѣ, «хотя Крыленко и сказалъ, что такія, какъ вы — это непримиримые враги Совѣтской Россіи, но онъ тутъ же прибавилъ, что преклоняется передъ вашей честностью и правдивостью».

Наши конвоиры стали насъ торопить, удивляясь, вѣроятно, нашему вольному поведенію. Мы пошли обратно въ помѣщеніе «для особо важныхъ преступниковъ», гдѣ должны были еще разъ переночевать. Настроеніе наше совсѣмъ измѣнилось — мы были оживлены, почти что веселы, и въ пріятной бесѣдѣ провели вечеръ до поздняго часа. Странно, какъ судьба сталкиваетъ людей. Вотъ мы провели съ Тарабыкинымъ три дня вмѣстѣ, почти что въ одной комнатѣ; общность нашего положенія сблизила насъ, почти какъ старыхъ друзей, потомъ — каждый пойдетъ своей дорогой, и въ это смутное время, когда не знаешь, что тебя ожидаетъ завтра, неизвѣстно, столкнетъ ли насъ когда нибудь опять судьба?

На слѣдующій день насъ водворили опять каждаго въ свою тюрьму, меня — въ Новинскую, а Тарабыкина — въ Таганскую. Я была увѣрена, что офицеръ, по старо-режимному поздоровавшійся со мной и спросившій меня, нѣтъ ли у меня какихъ жалобъ, забылъ о моей просьбѣ разрѣшить мнѣ итти по панели. Велико же было мое удивленіе, когда, выходя изъ нашего помѣщенія, я увидѣла передъ дверьми чудный, крытый автомобиль. Мое любительское око даже сразу признало въ немъ одного изъ бывшихъ царскихъ «Delaunay Belleville». Я съ наслажденіемъ усѣлась въ него, точно въ собственный автомобиль, и меня водворили обратно въ «мою» тюрьму. Встрѣча мнѣ сдѣлана была въ тюрьмѣ очень сердечная —всѣ безпокоились за меня, такъ какъ ожидали, что я изъ Кремля возвращусь только на четвертый день, и очень радовались благополучному исходу суда.

ГЛАВА VII.

Должна сказать, что за это время рѣзко измѣнилось отношеніе ко мнѣ среди арестованныхъ уголовныхъ — убійцъ, проститутокъ, воровокъ. Когда меня привели въ тюрьму, то на меня смотрѣли косо, какъ на «буржуйку», на «не свою». Я держалась подальше отъ руготни, отъ сквернословія, отъ дракъ этихъ «дамъ», и, конечно, никогда не вмѣшивалась въ ихъ ссоры и споры. По моему адресу пускались колкости, но я, разумѣется, на это не обращала вниманія. Со временемъ онѣ увидѣли,, что я не такъ ужъ горда и неприступна. Когда можно было въ чемъ нибудь имъ помочь, я это охотно дѣлала; приходили онѣ ко мнѣ за совѣтами, всегда обращались ко мнѣ, чтобы я имъ написала прошенія о помилованіи — сколько я написала такихъ прошеній! Словомъ, всѣ онѣ стали смотрѣть на меня другими глазами, и я стала ихъ любимицей.

Только вернувшись съ моего суда въ тюрьму, однако же, я почувствовала, что цѣлый годъ еще подобнаго житья въ подобной обстановкѣ, въ сущности, очень долго и очень невесело. Тѣмъ не менѣе, все таки легче было знать, что ожидаетъ меня впереди, чѣмъ прежняя неизвѣстность. Но здоровье мое все было неважно, хотя нарывы появлялись рѣже. Наша докторша, желая сдѣлать все, что могла, для меня, доставила мнѣ огромное удовольствіе: она выдала мнѣ записку, что по состоянію моего здоровья, т.е. по непрекращающейся нервной сыпи,' мнѣ предписаны ежедневныя ванны. Настоящей ванны, конечно, въ тюрьмѣ не было, но была маленькая баня, спеціально для тюремныхъ служащихъ. И вотъ, каждое утро, я, совсѣмъ одна, могла пользоваться этой баней и плескаться въ горячей водѣ, сколько было душѣ угодно. Тотъ, кто въ жизни не испыталъ прелести тюрьмы, не въ состояніи даже понять, какое это наслажденіе, какое это счастіе было для меня. Утромъ, еле открывъ глаза, я со своимъ тазомъ стремглавъ летѣла въ милую баню, единственный уголокъ тюрьмы, который сталъ мнѣ дорогъ.

Если здоровье оставляло желать лучшаго, то съ нравственной стороны я себя чувствовала лучше послѣ суда и подбодрилась.

Одно сознаніе того, что теперь — не имѣя за душой никакихъ писемъ Врангелю и подобныхъ «контръ-революціонныхъ» продѣлокъ — меня дальше тюрьмы не угонятъ, было пріятно.

Что же касается моего приговора съ назначеніемъ на принудительныя работы, то я, какъ только вернулась съ суда, объявила начальнику тюрьмы, что одинъ годъ просидѣть въ тюрьмѣ — я просижу, но что касается принудительныхъ работъ, то я и пальцемъ не пошевелю, такъ какъ на Совѣтскую власть не желаю работать. Пусть меня засадятъ въ одиночную камеру (я только этого и желала) — мнѣ рѣшительно все равно, а работать я не буду. Такъ какъ тюремное начальство было старо-режимное, то на мое категорическое рѣшеніе смотрѣли сквозь пальцы. Я добавила, что если найдется какая нибудь работа мнѣ по душѣ, то я, можетъ быть, соглашусь на нее. Со стороны тюремнаго начальника было очень мило такъ хорошо ко мнѣ относиться, тѣмъ болѣе, что въ тюрьму часто пріѣзжало для провѣрки «высшее начальство» изъ «Карательнаго Отдѣла». Я всегда старалась избѣгать этихъ личностей, до того онѣ были мнѣ противны — по большей части, сами бывшіе убійцы, воры, уголовные преступники, или прожившіе при Царѣ въ подпольѣ «товарищи». Просто тошно было смотрѣть на эти преступныя физіономіи и думать, что вотъ эта вся шваль, это отребье рода человѣческаго, правитъ теперь всей Россіей. Но иногда я попадалась по пути этимъ господамъ, и когда они меня спрашивали, за что я арестована, я неизмѣнно отвѣчала:

«Во первыхъ за то, что замужъ вышла; за это я просидѣла восемь мѣсяцевъ въ заключеніи. А теперь я сижу за то, что родилась».

И правда же, арестовали меня за то, что я — княгиня Куракина, а потомъ присудили къ году тюремнаго заключенія за то, что я — баронесса Врангель.

Однажды въ тюрьму для ревизіи пріѣхала «инспекція отъ рабочихъ». Вошли въ тюремный дворъ, гдѣ всѣ мы были на прогулкѣ, 3 мальчика лѣтъ 17-18-ти, съ нахальными, самодовольными рожами. И что я вижу — цѣлая толпа нашихъ заключенныхъ проститутокъ набрасывается на нихъ съ радостными привѣтствіями:

«Ванька! Сашка! Петька! Какъ поживаете? Какъ дѣла? А Борька гдѣ? А Колька?»

Оказалось, какъ мнѣ разсказали проститутки, что онѣ въ этихъ представителяхъ «Совѣтской власти» узнали своихъ сутенеровъ, мальчиковъ-воришекъ, сообщниковъ ихъ.

Привели разъ въ тюрьму очень сомнительную особу. Оказа-

лось потомъ, что это была шпіонка; она поселилась подъ предлогомъ болѣзни въ больничной палатѣ, въ которой находилась и я. Я ей прямо сказала:

«Послушайте, мнѣ извѣстно, что вы приставлены ко мнѣ, чтобы шпіонить за мной. Знайте же, что это для васъ совершенно напрасный трудъ, такъ какъ я и передъ самими большевиками не скрываю, какого я о нихъ мнѣнія. Я во всеуслышаніе говорю, что я — непримиримый врагъ Совѣтскаго Правительства; Ленина, Троцкаго и всѣхъ большевиковъ презираю, ненавижу и считаю за воровъ, убійцъ и палачей, отъ всей души сочувствую бѣлымъ и желаю имъ успѣха. Если вамъ угодно еще что нибудь знать, то я къ вашимъ услугамъ, я вамъ все скажу откровенно. Поэтому шпіонить за мной — совершенно напрасный для васъ трудъ».

Она была страшно зла, но такъ какъ была неимовѣрно глупа, то никакъ не могла выкрутиться. Впослѣдствіи, я была съ ней въ самыхъ корректныхъ отношеніяхъ, точно ничего не произошло, но она чувствовала иронію и легкое презрѣніе съ моей стороны. Она пробыла въ тюрьмѣ недолго, и ее освободили.

Дни тянулись за днями: скучно, однообразно и, главное, голодно. Когда назначенъ вамъ срокъ заключенія, то удивительно, какъ аккуратно слѣдишь за числами дней, за недѣлями, мѣсяцами. Я постоянно высчитывала и считала, какую часть своего годового срока я отсидѣла, сколько еще остается и такъ далѣе. Насталъ Іюнь — погода была чудная, и я почасту сидѣла на бревнахъ во дворѣ и грѣлась на солнцѣ, мысленно улетѣвъ куда-то далеко, далеко за тюремныя стѣны. Однажды, когда я витала такъ гдѣ-то за облаками, подходитъ ко мнѣ надзирательница, разносящая почту, и передаетъ мнѣ письмо. Эти рѣдкія письма бывали всегда цѣлымъ событіемъ въ моей однообразной тюремной жизни. Я поспѣшила разорвать конвертъ... и остолбенѣла. Это была краткая записка — подписанная: «Ваша няня».

Значитъ — няня жива! Я такъ обрадовалась, что боялась глазамъ вѣрить своимъ. Вѣдь у меня уже не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что она погибла, и я каждый вечеръ молилась за упокой ея души. Радость моя не поддается описанію. Я прочла записку слѣдующаго содержанія:

«Я уже восьмой мѣсяцъ какъ арестована, и нахожусь въ Бутырской тюрьмѣ. Наконецъ узнала, гдѣ вы находитесь. На дняхъ меня освободятъ, и я приду къ вамъ».

И дѣйствительно, въ слѣдующее воскресеніе, въ день свида-

ній, она пришла навѣстить меня. Это совпало какъ разъ съ годовщиной моего ареста. Проживъ почти годъ въ совершенномъ одиночествѣ, не имѣя въ Москвѣ рѣшительно никого близкаго, окруженная чужими — мнѣ даже трудно описать то чувство радости и волненія, которое я испытала, когда увидѣла опять милое, родное лицо. Я живо припомнила няню всю въ слезахъ, провожавшую насъ на товарной станціи въ Кіевѣ — и теперь намъ обѣимъ хотѣлось плакать, но отъ радости.

Свиданія въ тюрьмѣ происходятъ черезъ рѣшетку, даже черезъ двѣ рѣшетки, такъ что мы стояли шагахъ въ двухъ другъ отъ друга, но она могла мнѣ разсказать всю свою эпопею, отъ которой она стала мнѣ еще болѣе дорога, такъ какъ такую преданность, такое самоотверженіе на свѣтѣ рѣдко можно найти. Въ Сентябрѣ 1919 года Кіевъ уже былъ въ рукахъ Добровольческой Арміи Деникина. Няня, страшно тоскуя по Андреѣ и по мнѣ, и безпокоясь за нашу судьбу, рѣшила во что бы то ни стало пробраться въ Москву. Для облегченія ей перехода черезъ линію фронта между бѣлыми и красными, она заручилась всякими документами и свидѣтельствами отъ Краснаго Креста, съ чѣмъ и двинулась въ путь. Отъ Краснаго Креста она везла нѣсколько писемъ и 500.000 денегъ; для меня съ ней была подобная же сумма и много вещей. Остановившись на пути въ Харьковѣ, она купила тамъ за 15.000 три золотыхъ браслета съ брилліантами и сафирами, правильно разсчитавъ, что въ Москвѣ она ихъ продастъ гораздо дороже.

Все шло хорошо до линіи фронта приблизительно. Тутъ поѣзда уже не ходили. Ей пришлось бросить часть вещей, и она пошла дальше пѣшкомъ, пройдя такимъ образомъ верстъ 200 и таща на спинѣ мѣшокъ съ остальными вещами. Линію фронта перешла безъ затрудненій, но когда дошла до Мценска, то въ ея документахъ придрались къ какой то неточности и арестовали ее. Обыскавъ ее, отобрали у нея рѣшительно все — ей только какимъ-то непонятнымъ чудомъ удалось сохранить въ чулкѣ три браслета, купленныхъ ею въ Харьковѣ. Отобрали, конечно, и письма: изъ за этихъ то писемъ она и очутилась въ скверномъ положеніи, такъ какъ ее обвинили въ шпіонажѣ. Привезли ее въ Москву, гдѣ сначала содержали въ Ч.К., а потомъ въ Бутырской Тюрьмѣ. Будучи въ Ч.К. она заболѣла сыпнымъ тифомъ, но никому не говорила объ этомъ и перенесла его на ногахъ, такъ какъ, если бы объ этомъ узнали, то перевели бы ее въ больницу, гдѣ уже непремѣнно на-

шли бы на ней три браслета, которые она спрятала. Она ни за что не хотѣла, чтобы ихъ у нея отобрали, такъ какъ это былъ теперь единственный капиталъ ея, и она съ непоколебимой вѣрой надѣялась на то, что когда ее освободятъ, она, реализовавши эти браслеты, будетъ поддерживать Андрея и меня и приносить намъ передачи.

Наконецъ, послѣ 8 мѣсяцевъ заключенія, ее освободили, и она, съ удивительной энергіей и практическимъ инстинктомъ, устроилась такъ, что не только могла прокормить себя, но приносила и мнѣ чудныя передачи. Она начала съ того, что продала одинъ браслетъ за 350.000 р.; другой за 450.000, и на эти деньги завела торговлю бѣлыми булками, которыя каждый день выносила на Смоленскій базаръ, зарабатывая этимъ отъ 12 до 15-ти тысячъ чистыхъ въ день. Положительно могу сказать, что исключительно благодаря нянѣ я не потеряла окончательно здоровія. Вѣдь я была до того истощена, что докторъ боялся, что я не выдержу второй зимы въ подобныхъ условіяхъ.

Теперь няня приносила два раза въ день передачи, которыя не только хватали мнѣ на каждый день, но которыми я могла угощать многихъ изъ голодающихъ арестованныхъ. Каждый день я ѣла мясо, часто бывало молоко — а что за наслажденіе было, когда появлялся творогъ со сметаной. Въ самомъ лучшемъ ресторанѣ въ Парижѣ я не ѣмъ теперь съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ я уплетала нянины передачи. Благодаря моей живучей натурѣ, я быстро стала поправляться. Исчезли нарывы, головокруженія, силы прибывали съ каждымъ днемъ. Это имѣло лишь одну нехорошую сторону: я такъ поправилась, что меня выписали изъ больницы, въ которой пробыла болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Я опять перешла въ камеру № 4. Еженедѣльныя свиданія съ моей милой няней были для меня большимъ счастьемъ. Я вспоминала, какъ мнѣ невыносимо тяжело бывало раньше въ эти дни свиданія, когда съ самаго утра вся тюрьма волнуется, суетится, радуется: каждая кого то ждетъ, ко всѣмъ кто нибудь прійдетъ, а ко мнѣ никто, никогда. Теперь и я не была одинока; кто то обо мнѣ думалъ, заботился, и я ждала воскресенья съ нетерпѣніемъ. И мнѣ хотѣлось крикнуть всѣмъ этимъ «друзьямъ народа», соціалистамъ, проповѣдующимъ братство и любовь, и подстрекающимъ пролетаріатъ къ враждѣ съ нами, вселяющимъ въ ихъ темныя души ненависть и зависть. «Смотрите, вотъ я, представительница ненавистнаго вамъ дворянскаго сословія — и вотъ няня,

пролетарка, еле умѣющая писать и читать — смотрите, вотъ между нами истинное братство и истинная любовь. Между нами разницы никакой я не знаю, потому что и она *человѣкъ* и я *человѣкъ*. И если мы, «буржуи», дворяне и великіе міра сего, ужъ правда такіе кровопійцы, такіе изверги, такіе палачи, какими вы насъ малюете — то неужели пролетарка, какъ моя няня, любила бы насъ такъ беззавѣтно и была бы такъ предана намъ — тѣмъ болѣе, что теперь въ этой преданности ей не было никакого разсчета, никакой выгоды. Я ей и жалованья не могла платить, ни кормить, ни одѣть ее не могла — теперь она меня содержала своей работой, своимъ трудомъ. Значитъ, не такъ ужъ много плохого она отъ меня видѣла?»

Въ тюрьму часто приводили этапныхъ заключенныхъ, т.е. такихъ, которыхъ везли въ другія мѣста, другіе города. Между ними часто бывали соціалъ-революціонеры, съ которыми мнѣ интересно было поговорить, и послѣ такихъ разговоровъ я всегда все болѣе и болѣе убѣждалась во всей утопичности соціализма, во всемъ томъ злѣ, котрое оно посѣяло среди людей. Разъ только привезли пожилую женщину, фельдшерицу въ какомъ то уѣздномъ городѣ, которая при Царѣ сидѣла два раза въ тюрьмѣ, какъ «политическая», и была ярой эсъ-эркой въ свое время, молясь на Плеханова и Крапоткина — а теперь, эта старая и очень умная женщина проклинала соціализмъ, проклинала свое революціонное прошлое и говорила мнѣ:

«Вѣдь если Россія дошла до большевизма, то въ этомъ мы, соціалисты, виноваты».

Эта умная старушка мнѣ очень нравилась и была мнѣ очень симпатична. Она теперь только и мечтала о побѣдѣ Врангеля. Я же съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала совѣтскихъ газетъ, съ извѣстіями «съ бѣлаго фронта». Я не могла вѣрить, что маленькая бѣлая армія сокрушитъ огромную Красную — но хотѣлось, такъ хотѣлось вѣрить! Совѣтскія газеты были полны ругательствъ и шипѣли, какъ змѣи, по адресу Врангеля. Статьи противъ этого «золотопогоннаго негодяя», какъ они его называли, были шедеврами утонченной, остроумной литературы. Какъ его ругали, какъ его ни называли! И про всю нашу бѣлую братію шла самая площадная брань въ совѣтскихъ газетахъ. Въ одной изъ нихъ, говоря о генералахъ и помѣщикахъ, было напечатано чернымъ на бѣломъ: «Вся эта генеральская сволочь и помѣщичье г... о». Простите, читатель, но даю вамъ слово, что это было такъ.

Въ Новинской Тюрьмѣ довольно часто устраивались концерты и спектакли, такъ какъ большевики кичатся тѣмъ, что въ Сов. Россіи искусство не будетъ, какъ прежде, достояніемъ привилегированнаго класса, а достояніемъ всего народа, и что именно пролетаріатъ создастъ такое удивительное искусство, передъ которымъ поблѣднѣетъ все донынѣ существующее, такъ сказать *не* пролетарское искусство. Въ тюрьму два раза въ недѣлю приходила учительница музыки; конечно, любительницъ научиться настоящей, хорошей музыкѣ — среди воровокъ и проститутокъ не было; имъ хотѣлось только пѣть пѣсни своего, циничнаго репертуара. Для концертовъ устраивались хоры народныхъ пѣсенъ, и меня просили аккомпанировать, такъ какъ я по слуху подбирала аккомпаниментъ. Не могу сказать, чтобы это доставляло мнѣ удовольствіе, но я отъ этого получила большую выгоду: такъ какъ я этимъ принимала участіе въ концертахъ и, значитъ, поощряла развитіе любви къ искусству въ пролетаркахъ — то мнѣ было разрѣшено каждый день упражняться на фортепіано, что для меня было большимъ развлеченіемъ и удовольствіемъ. Рояль — очень хорошій — помѣщался въ библіотекѣ, куда никому изъ заключенныхъ не разрѣшалось входить. Поэтому я наслаждалась одиночествомъ. Одно изъ самыхъ непріятныхъ испытаній тюремной жизни для меня было то, что приходилось всегда, и днемъ и ночью, быть на людяхъ. Это вѣчное общеніе съ человѣчествомъ, да вдобавокъ — человѣчествомъ изъ «Ямы», было невыносимо. Со мной всѣ эти мои пріятельницы, проститутки, были очень милы, жалѣли и уважали меня, за что я была имъ очень признательна. Но все таки я страдала отъ этого вѣчнаго сожительства съ ними.

Мнѣ вообще страшно надоѣло женское общество, и видѣть только женщинъ да женщинъ. Вдобавокъ, нравы почти поголовно всѣхъ этихъ особъ были мнѣ противны, и возмущали меня. Онѣ были почти всѣ лесбійками. Эта ненормальность, какъ у одного пола, такъ и другого, приняла ужасающіе размѣры въ нынѣшней Совѣтской Россіи, какъ и нюханіе кокаина. Прежде, какъ ни былъ невѣжественъ, и теменъ, и грубъ русскій народъ, но были пороки, о которыхъ онъ даже понятія не имѣлъ. Теперь же и въ деревню стали проникать самые утонченные пороки, и въ самыхъ отталкивающихъ формахъ. И раньше въ тюрьмахъ, какъ и, вообще, въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ находится скопленіе представителей одного только пола, бывали нерѣдко случаи ненормальныхъ сношеній; но — какъ мнѣ и докторъ подтвердилъ — въ женскихъ

тюрьмахъ было обязанностью начальника, надзирателей, доктора, слѣдить за такими ненормальностями. Виновницъ отдѣляли и отсылали въ другую тюрьму. Теперь же, наоборотъ, всѣ заключенныя эти пролетарки держали въ рукахъ и начальника и надзоръ, такъ какъ чувствовали за собой силу. Во первыхъ — «высшее» начальство, т.е. большевики-коммунисты изъ Карательнаго Отдѣла, стояли на сторонѣ «пролетарокъ-проститутокъ», такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это все такіе же, ненормальные, развращенные до мозга костей люди, педерасты и кокаинисты. Дисциплины въ тюрьмѣ не было никакой. Всѣ эти женщины даже не скрывали своихъ отношеній другъ къ другу и открыто объ этомъ говорили.

Другой бичъ не только тюрьмы, но и всей Совѣтской Россіи — это кокаинъ. Хотя Россія приведена въ состояніе полнаго обнищанія и нуждается рѣшительно во всемъ — но кокаинъ есть, и его хватаетъ на всѣхъ. Достаютъ его изъ подъ полы, тайкомъ — но онъ есть: откуда, какими путями онъ попадаетъ въ Россію, сказать не берусь — но онъ есть. Большевики занюхиваются имъ почти поголовно. Русскій народъ раньше безъ водки не могъ жить. Хотя теперь тайкомъ и гонятъ спиртъ въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, но все таки это и рисковано — за это сажаютъ въ тюрьму — и хлопотливо. Привыкнувъ къ алкоголю и къ интоксикаціи, русскій народъ безъ оныхъ уже не можетъ обойтись. И вотъ, водка замѣняется кокаиномъ: нюхаютъ его даже дѣти. Кокаинъ проникалъ даже въ тюрьму, куда вообще ничего нельзя передавать безъ осмотра надзирателей. Умудрялись его передавать въ хлѣбѣ, въ пробкахъ отъ бутылокъ и т.д.

Вся эта нравственная грязь, которой я была окружена, была мнѣ ужасно противна, и чтобы быть подальше отъ нея, я просила, чтобы меня назначили смотрѣть за тюремной библіотекой, которую надо было привести въ порядокъ. Кромѣ меня, тамъ работала еще П.В. Шапошникова, очень умная и милая барышня — одинъ изъ рѣдкихъ оазисовъ въ тюрьмѣ. Мы переписывали всѣ книги, раздѣляли ихъ по категоріямъ. Наши занятія никто не контролировалъ, никто насъ не принуждалъ, такъ что дѣломъ занимались очень мало и больше болтали. Потомъ я играла на рояли — пальцы мои пробѣгали по клавишамъ; я припоминала мелодіи Шопена, Шумана, Листа — и переносилась въ прошлое. Къ намъ въ библіотеку часто приходили, якобы за дѣломъ, попечительница, докторша, фельдшерицы; съ ними можно было хоть душу отвести, по-

бесѣдовать и минутами забыть, что находишься за тюремной стѣной, за рѣшетками.

Такъ я проводила цѣлые дни въ библіотекѣ, гдѣ только глухо, черезъ окна, слышенъ былъ шумъ и гамъ тюремный. Не побывавъ въ тюрьмѣ — мнѣ всегда казалось, что тамъ, должно быть, царитъ всегда тишина, что всѣ ходятъ грустные и удрученные. На самомъ дѣлѣ — въ Новинской тюрьмѣ, по крайней мѣрѣ, — былъ непрерывный шумъ, смѣхъ, танцы. И неудивительно: для всѣхъ этихъ воровокъ и проститутокъ тюрьма была, какъ родной домъ; онѣ попадали въ нее постоянно, и всѣ между собой были знакомы, и по воровскому своему промыслу, и по тюрьмѣ.

Была между ними нѣкая Архипова — извѣстная въ Москвѣ воровка; ей было 34 года, и она сама мнѣ говорила, что семнадцать разъ проводила Пасху въ тюрьмѣ. Во время моего заключенія, имѣя передъ глазами такой обширный и разнообразный подборъ «падшихъ созданій», меня заинтересовало дѣлать наблюденія надъ ними, и я усердно искала среди этого богатаго матеріала женщину, подходящую по типу къ «падшимъ созданіямъ», которыми полна русская литература, и которыхъ такъ красиво, почти что поэтично, описываютъ не только Горькій, Купринъ, Андреевъ — но даже и великій Достоевскій. Обыкновенно принято думать, что первое паденіе дѣвушки — ошибка молодости, соблазнъ, необдуманное увлеченіе, послѣ котораго она плачетъ и страдаетъ въ пыткахъ угрызенія совѣсти: потомъ, махнувъ на все рукой, она уже катится по скользкой тропинкѣ грѣха до самой пропасти, до самой ямы. Это все очень трогательно, очень жалостливо — и невольно проронишь слезу надъ этими бѣдными, невиноватыми созданіями. Но мои наблюденія показали мнѣ совсѣмъ иную картину; и не только мои наблюденія, но и мои бесѣды съ ними. Никакой ошибки молодости онѣ не допускали, какъ и не чувствовали за собой никакой вины и не испытывали никакихъ раскаяній: онѣ были проститутками потому, что были ими по своей натурѣ, и, такъ сказать, съ рожденія. Онѣ ничего не чувствовали, не сознавали, и о болѣе чистой и порядочной жизни и не помышляли. Надо было слышать, какъ онѣ на смѣхъ подымали нашихъ благотворителей-филантроповъ, которые съ такимъ усердіемъ стараются ихъ вывести на путь истинный, читаютъ имъ лекціи о нравственности, увѣряютъ ихъ, что гораздо лучше зарабатывать свой хлѣбъ честнымъ трудомъ, а не своимъ тѣломъ, открываютъ всякіе пріюты для «падшихъ женщинъ, желающихъ стать честными женщинами».

Онѣ мнѣ разсказывали, какъ онѣ поступаютъ въ эти пріюты въ трудныя минуты жизни, когда ѣсть нечего, изображаютъ изъ себя Магдалинъ и кающихся грѣшницъ и — при первой возможности — удираютъ и возвращаются къ прежней жизни.

О филантропы! бросьте ваши иллюзіи, не тратьте силъ, труда и денегъ понапрасну! Грѣхъ будетъ существовать, пока свѣтъ существуетъ; его только надо держать на мундштукѣ, и въ извѣстныхъ рамкахъ. Большевики, хотя всѣ они дегенераты и развратники, хотѣли показать всему свѣту, что они святые, что сумѣютъ съ корнемъ вырвать зло изъ міра. Они закрыли всѣ дома терпимости — и къ чему это повело? Къ тому, что проституція, съ ея вѣрнымъ спутникомъ, сифилисомъ, разлилась по всѣмъ улицамъ, переулкамъ, тропинкамъ и закоулкамъ Россіи, въ ужасающихъ размѣрахъ. Заболѣванія сифилисомъ въ Совѣтской Россіи, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ 1920 г. увеличились на 50%.

Всѣ эти «падшія созданія» меня очень любили, и имъ нравилось бесѣдовать со мной, такъ какъ я имъ никогда не читала проповѣди, не совѣтовала имъ бросить свою профессію — напрасное и безплодное занятіе. Я только развивала въ нихъ чувство красоты: паденіе въ красивыхъ рамкахъ, какъ ни какъ, лучше грубости и вульгарности. Это, можетъ быть, и нехорошо съ моей стороны, но я знаю, что человѣкъ, живущій на этой грѣшной землѣ — въ святого не превратится. За то воровкамъ я прямо говорила, что ихъ промыселъ отвратителенъ и не достоинъ никакого снисхожденія; но въ нихъ это зло такъ укоренилось, что онѣ положительно не были въ состояніи понять, что это нехорошо.

Среди послѣднихъ была знаменитая воровка — Феня Косино. Ловкость ея была просто невообразима, и когда она разсказывала мнѣ о своихъ продѣлкахъ, глаза у нея блестѣли, и вся она оживлялась—для нея это были цѣль и смыслъ жизни. Достойна сожалѣнія была Валентина Ботина, о которой я выше уже упоминала. Она сошлась 15-ти лѣтъ съ богатымъ присяжнымъ повѣреннымъ, который ее, правда, любилъ и былъ добръ и щедръ съ ней. Теперь ей было лѣтъ за 30, и онъ не покидалъ ея. Она разсказывала мнѣ, какъ широко она жила, получая отъ своего содержателя 60.000 въ годъ (до революціи), не отказывая себѣ ни въ чемъ — имѣла брилліанты, автомобиль, любила рестораны, цыганъ — однимъ словомъ, жила весело и безпечно. Онъ ей все прощалъ и никогда не бросалъ ея. Но малу по малу она стала нюхать кокаинъ, опускалась все ниже и ниже, попала въ кампанію воровъ и, наконецъ, дошло до того,

что сама она сдѣлалась воровкой. Въ тюрьму ее привели грязную, въ лохмотьяхъ, точно нищенку съ улицы. Видно было, что она была красива; когда она мнѣ разсказывала о своемъ бывшемъ величіи, она вся перерождалась — и вдругъ начинала истерично плакать: она сознавала, что сама искалѣчила свою жизнь, но отъ кокаина отстать уже не была въ состояніи. Мнѣ ее было жаль.

Другая у меня еще была пріятельница среди проститутокъ, Феня Голдина — красивая, граціозная, она была и умна и остроумна, и умоляла меня, когда мы будемъ на свободѣ, взять ее подъ свое покровительство и пристроить ее къ какому нибудь доброму и богатому знакомому. Меня она очень смѣшила, такъ какъ обладала удивительнымъ юморомъ. Вотъ и всего на тюрьму выдѣлялись изъ падшихъ созданій эти двѣ — Голдина и Ботина, въ которыхъ чувствовалось «что-то» кромѣ чисто-животнаго.

Но несмотря на то, что всѣ жительницы тюрьмы относились ко мнѣ такъ хорошо, мнѣ казалось, что конецъ моего заключенія никогда не настанетъ, и что я никогда не вернусь къ другой жизни. Короткое сѣверное лѣто прошло; опять настала зима, суровая, снѣжная, съ вѣчно свинцовымъ небомъ, которое меня приводило въ уныніе, а съ холодомъ вернулись и ревматизмъ, и артритъ и малярія, и я со страхомъ думала о томъ, какъ я перенесу еще цѣлую зиму въ ужасной тюремной обстановкѣ. Вѣсти съ «бѣлаго фронта» были все хуже и хуже, и когда я прочла въ газетахъ, что Врангелевская армія эвакуируется изъ Крыма — мое сердце сжалось. Пока еще существовала хотя какая нибудь русская военная сила, которая боролась и дѣлала геройское усиліе, чтобъ побѣдить Красную чуму — несмотря на весь мой пессимизмъ по отношенію къ результату этой неравной борьбы — я все таки въ глубинѣ души на что-то надѣялась. Но съ эвакуаціей Крыма — всѣ надежды рушились, и было чувство, точно на Россію, какъ на могилу, навалили тяжелый камень.

Откуда было ждать спасенія? Уже, конечно, не извнутри страны, такъ какъ, несмотря на то, что весь народъ, и крестьяне и рабочіе, разочаровался въ прелестяхъ большевизма — это не было здоровое, національное, сознательное возмущеніе. Народъ возмущался тѣмъ, что Совѣтская власть съ него тянула продналоги, налоги; реквизировала у него не только хлѣбъ и скотъ, но и овощи, фрукты, яйца — однимъ словомъ все, что онъ производилъ. Запрещеніе свободной торговли также возмущало его. Свобода, которую обѣщали народу — оказалась тираніей Совѣтской власти.

Вздохнуть свободно нельзя было; крестьянинъ не могъ зарѣзать барана, продать лошадь или корову, такъ какъ все его имущество было взято на учетъ правительствомъ, которое оставляло въ его пользованіе только то, что полагалось на годъ на прокормленіе его и его семьи.

Всѣ возстанія, которыя вспыхивали то тутъ, то тамъ, по всей Россіи, носили чисто мѣстный характеръ протеста противъ законовъ Совѣтской власти. Большевиковъ народъ не хотѣлъ — но и какой либо другой власти онъ также не хотѣлъ. «Сами справимся» — вотъ представленіе крестьянъ о свободѣ. Они, главнымъ образомъ, держались за землю, совершенно не допуская того, что земля эта пріобрѣтена ими незаконно, насиліемъ, что какъ и Совѣтская власть, такъ и весь народъ — грабители и воры, и что, исходя изъ принципа грабежа и насилія, правительство могло привести страну только къ состоянію полной разрухи. О чувствахъ патріотизма, національнаго достоинства, народъ и понятія не имѣлъ. Если прежде темная масса была безсознательна и невѣжественна — то въ ней не старались разбудить самые скверные инстинкты. Революція же воистину «развила народъ» — но развила въ немъ самые низкіе, безнравственные, звѣрскіе инстинкты, начавъ съ того, что убила въ немъ вѣру въ Бога. Народъ озвѣрѣлъ, не допуская никакихъ законовъ, никакой дисциплины: убивать, грабить стало для него самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; жадность его дошла до крайнихъ предѣловъ.

Какъ ни какъ, но крестьянамъ, несмотря на реквизиціи, разверстки, налоги, продналоги и пр. — легче жилось, чѣмъ городскимъ обывателямъ. У нихъ была своя собственность — и домъ, и поле, и огородъ и скотъ; они могли прокормиться собственными средствами. Городъ же голодалъ — но крестьяне на этомъ голодѣ спекулировали, поднимая цѣны на продукты изъ деревни до неимовѣрныхъ размѣровъ. Хотя совѣтскія деньги ничего не стоятъ — тѣмъ не менѣе это деньги. Крестьяне своей безстыжей спекуляціей накопили цѣлые вороха этихъ денегъ, не считая царскихъ и думскихъ денегъ, которыя уже давно перешли въ деревню. Итакъ, хотя и было вездѣ въ народѣ возмущеніе противъ Совѣтской власти, но были и соблазны. Къ возстанію народъ не былъ способенъ; къ тому же, безъ интеллигентныхъ лидеровъ и вождей возможно ли возстаніе въ такой странѣ, какъ Россія? А вождей этихъ не было, такъ какъ все, что было культурно-интеллигентнаго въ странѣ, принуждено было бѣжать заграницу отъ краснаго ига,

другая часть интеллигенціи была разстрѣляна, а то ничтожное количество интеллигенціи и людей высшаго класса, которымъ не удалось бѣжать, либо, какъ я, томились въ тюрьмахъ, либо помирали съ голода, и не были способны ни о чемъ думать, кромѣ того, чтобы достать кусокъ хлѣба себѣ и своимъ дѣтямъ, чтобы не помереть съ голода.

Отъ подобныхъ неутѣшительныхъ размышленій становилось грустно; тяготила все больше и больше неизвѣстность о своихъ. Днемъ я старалсь отогнать всѣ эти печальныя мысли, не падать духомъ, развлечь себя какимъ нибудь занятіемъ. Въ библіотекѣ уже нельзя было работать, такъ какъ она не отоплялась, а на дворѣ стояли сильные морозы до 20 градусовъ. Начальникъ тюрьмы предложилъ мнѣ заниматься въ конторѣ. Я согласилась, но предупредила, что буду заниматься не по принужденію, а когда мнѣ того захочется. Я всегда старалась подчеркивать, что не признаю приказовъ и декретовъ Совѣтской власти, какъ и принудительной работы. Высказывать во всеуслышаніе мое мнѣніе о Совѣтской власти доставляло мнѣ удовольствіе, и мнѣ въ тюрьмѣ дали прозвище «гидры контръ-революціи». Занятія въ конторѣ были маленькимъ развлеченіемъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, изъ оконъ видны были не тюремный дворъ, а улица и люди на свободѣ.

Такимъ образомъ, дни проходили въ занятіяхъ довольно сносно. За то ночью, когда не спалось, одолѣвала ужасная тоска; какъ то жутко было думать, что вотъ уже восемнадцатый мѣсяцъ, что я въ тюрьмѣ, что эти полтора года вычеркнуты изъ жизни, а прожито за это время больше горя, чѣмъ за всю жизнь. Моя койка находилась въ углу, подъ самымъ окномъ. Бывало, лежу ночью и смотрю на крестъ надъ тюремной церковью и на звѣздное небо; Большая Медвѣдица глядитъ на меня и тихо плыветъ въ Востоку — далеко улетаютъ мысли, а на сердцѣ мракъ и тоска.

25 Октября Совѣтская власть празднуетъ годовщину большевистской революціи. Къ этому дню назначается широкая амнистія, но, разумѣется, она касается почти исключительно пролетаріата: освобождаютъ убійцъ, бандитовъ, рецидивистовъ и т.д., потому что это — пролетаріатъ. Насъ же, буржуевъ, амнистія всегда обходитъ. И дѣйствительно, «Октябрьскія Торжества», какъ называютъ большевики эту годовщину позора Россіи, мнѣ никакой амнистіи не принесли. Наоборотъ, меня вызвали къ рѣшеткѣ и прочли мнѣ бумагу, полученную изъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, сообщающую о томъ, что:

«Арестованной Т. Куракиной въ амнистіи отказано». Подписана она была Крыленко. Этотъ отказъ даже не огорчилъ меня, такъ какъ я была болѣе чѣмъ увѣрена, что мнѣ амнистіи не будетъ, и я, шутя, просила начальника тюрьмы передать Крыленко, какъ я глубоко тронута тѣмъ, что онъ меня такъ любитъ, что не хочетъ отпустить меня. Вернулась я въ мою камеру и принялась снова считать и высчитывать, сколько мѣсяцевъ и дней осталось до истеченія срока. Чѣмъ дальше шло время — тѣмъ медленнѣе, казалось, оно протекало.

ГЛАВА VIII.

Прошло недѣли три со дня, когда мнѣ сообщено объ отказѣ мнѣ въ амнистіи. Памятенъ мнѣ этотъ день 27-го Ноября 1920 г. Сидѣла я у себя на койкѣ и занималась вышиваніемъ — чему только не научишься съ тоски въ тюрьмѣ. Я, въ жизни не бравшая никогда иголки въ руки, тутъ научилась шить и вышивать. Входитъ въ камеру начальница тюрьмы, садится рядомъ со мной:

«Я пришла къ вамъ съ хорошимъ извѣстіемъ», говоритъ она мнѣ.

«Для меня есть письмо?»

«Нѣтъ, что то получше».

«На мое имя пришла посылка?»

«Нѣтъ, что то получше.»

Я развела руками, такъ какъ положительно ничего хорошаго не могла ожидать. Начальница поцѣловала меня и сказала:

«Вы освобождены».

Эта новость такъ была неожиданна, что я почти не могла сообразить въ чемъ дѣло. Радости моей я не берусь описать. Когда впродолженіи полутора года чувствуешь себя заживо погребенной, чувствуешь, что какіе то изверги и палачи лишили тебя свободы безо всякой причины и причинили тебѣ нескончаемыя мученія, какъ нравственныя, такъ и физическія, то желаніе жить охватываетъ съ такой силой, что моей первой и единственной мыслью было уйти, бѣжать прочь, прочь изъ тюрьмы, изъ Москвы, изъ Россіи, изъ этого ада — гдѣ нѣтъ мѣста для людей честныхъ и чистыхъ, гдѣ жизнь человѣка считается ни во что, гдѣ царствуетъ зло, обманъ и насиліе.

Узнавъ о моемъ освобожденіи, вся тюрьма потокомъ хлынула въ мою камеру. Да, никогда не предполагала я въ жизни, что у меня будетъ столько друзей среди проститутокъ, воровокъ и убійцъ. За меня искренно радовались, кричали, галдѣли, поздравляли и, наконецъ, Феня Голдина объявила:

«Давайте нашу княгиню качать» — и въ мигъ я очутилась

гдѣ-то въ воздухѣ, подбрасываемая многочисленными руками. Послѣ столь шумныхъ и своеобразныхъ проводовъ, я попросила, чтобы дали знать нянѣ о моемъ освобожденіи, дабы она помогла мнѣ тащить мои вещи. Пришла няня съ сіяющимъ лицомъ; я уложила или, вѣрнѣе, набросала и утрамбовала свои вещи въ мѣшки, и пошла прощаться въ контору съ тюремнымъ персоналомъ. Открылась передо мною тяжелая тюремная дверь, пропустила меня — и захлопнулась... я опять на свободѣ! И пошли мы съ няней прямо въ Часовню Иверской Божьей Матери, гдѣ отслужили благодарственный молебенъ.

Въ Москвѣ пришлось пробыть цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ какъ въ «свободной» Совѣтской Россіи всякія передвиженія съ одного мѣста на другое сопряжены съ нескончаемымъ рядомъ формальностей. Шагу нельзя сдѣлать безъ санкціи и разрѣшенія вершителей судебъ «свободной соціалистической родины». Когда же, наконецъ, послѣ ряда мытарствъ по Совѣтскимъ учрежденіямъ, удается въ потѣ лица получить разрѣшеніе на выѣздъ — приходится иногда по двое, по трое сутокъ сидѣть на вокзалѣ, такъ какъ нѣтъ физической возможности пробиться и войти въ биткомъ набитый поѣздъ. А я рвалась скорѣе, скорѣе прочь изъ Москвы въ Кіевъ, гдѣ были свои, близкіе и, главное — гдѣ я могла бы, наконецъ, увидѣть сына.

Отъ моего двухнедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ у меня, какъ сквозь туманъ, осталось смутное воспоминаніе. Дни мои проходили въ бѣготнѣ по Совѣтскимъ учрежденіямъ для полученія разрѣшенія на выѣздъ для няни и для меня; разумѣется — приходилось все это продѣлывать пѣшкомъ, такъ какъ за самый короткій проѣздъ извозчики запрашивали не менѣе 10.000 рублей. Приходилось часами ожидать очереди въ хвостѣ во всѣхъ Совѣтскихъ учрежденіяхъ. Было очень холодно, на мнѣ, кромѣ легкаго пальто, ничего не было. Концы въ Москвѣ огромные; такъ, напримѣръ, приходилось идти съ Арбата на Покровку, оттуда на Варварку, потомъ на Спиридоновку, оттуда обратно на Кузнецкій Мостъ и домой — на Арбатъ. Отъ ходьбы я отвыкла: 18 мѣсяцевъ тюрьмы давали себя знать, силы еще не вернулись, и я страшно уставала.

Въ Совѣтскихъ учрежденіяхъ хаосъ полный. Никто ничего не знаетъ; гоняютъ съ одного мѣста на другое. Придешь, спросишь то, что нужно:

«Это насъ не касается, идите туда то и туда то»... получаешь въ отвѣтъ, и опять начинаются мытарства.

Чтобы получить право на выѣздъ, я должна была имѣть разрѣшеніе того учрежденія, въ которомъ я судилась, такъ какъ единственнымъ документомъ моимъ былъ «волчій билетъ», выданный мнѣ Новинской Тюрьмой. Я и отправилась къ Крыленко, чтобы получить отъ него разрѣшеніе пройти въ В.Ц.И.К., находящійся въ Кремлѣ, куда попасть труднѣе, чѣмъ въ рай. Крыленко, коммунистъ, соціалистъ, народникъ, проповѣдующій равенство, брызгающій ядовитой слюной противъ насъ, аристократовъ, окружающихъ себя комфортомъ и роскошью — Крыленко живетъ въ Георгіевскомъ переулкѣ въ роскошномъ, богатомъ особнякѣ князя Голицына. Когда меня ввели въ огромную двухсвѣтную гостиную, съ дивной старинной обстановкой, когда я увидѣла анфиладу гостиныхъ, и черезъ открытую дверь въ столовой — шкафъ, наполненный чуднымъ серебромъ князей Голицыныхъ, съ Голицынскими гербами — мнѣ, право, захотѣлось смѣяться. Эти господа, не только отбирающіе у насъ дома и все, что мы имѣемъ, но притѣсняющіе насъ даже тогда, когда мы перебираемся въ сырые подвалы — эти господа не стѣсняются водворяться въ нашихъ домахъ, ѣсть на нашемъ серебрѣ и жить совершенно въ противуположность тому, что они проповѣдуютъ. Я удобно помѣстилась на одномъ изъ Голицынскихъ креселъ. Крыленко не долго заставилъ себя ждать.

«Здравствуйте, товарищъ», сказалъ онъ мнѣ. Я, не вставая, слегка кивнула ему головой.

«Меня на дняхъ освободили, и я пришла просить васъ дать мнѣ разрѣшеніе на выѣздъ въ Кіевъ».

«Какъ! Васъ освободили? Очень странно — я бы васъ не освободилъ».

Меня взорвало.

«Послушайте, господинъ Крыленко, бумага, сообщающая мнѣ о моемъ освобожденіи, была подписана вами: я сама ее читала. Поэтому мнѣ кажется весьма страннымъ, что вы, занимающій столь высокій и отвѣтственный постъ въ В.Ц.И.К., вы подписываете бумаги, не прочитавъ ихъ. Вѣдь если, какъ вы сейчасъ сказали, вы не освободили бы меня, то зачѣмъ же было подписывать бумагу объ освобожденіи?»

Для меня было ясно, что мое освобожденіе не послѣдовало по приказанію Совѣтской власти, а что мужу, наконецъ, удалось,

конечно, за большія деньги выкупить меня. Объ этомъ я имѣла свѣдѣнія, какъ только я была освобождена, черезъ мою родственницу. Но Крыленко, конечно, не хотѣлъ, чтобы я знала, какъ и почему меня освободили; поэтому слова мои ему очень не понравились, и онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Потомъ неожиданно спросилъ:

«Гдѣ вашъ мужъ?»

«Въ Парижѣ».

«Откуда имѣете эти свѣдѣнія?» —

«Изъ Кіева, черезъ моего бывшаго лакея, который былъ проѣздомъ въ Москвѣ».

Крыленко состроилъ свою насмѣшливо-презрительную физіономію.

«Такъ, такъ, значитъ, у васъ былъ лакей?»

«Не одинъ — а много. Впрочемъ, господинъ Крыленко, я думаю, что не вы сами подметаете и убираете этотъ залъ, эту столовую... » и я сдѣлала рукой широкій жестъ.

Крыленко засмѣялся — самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать. Я же опять приступила къ дѣлу.

«Прошу васъ выдать мнѣ разрѣшеніе на выѣздъ».

«Я вамъ его не дамъ».

«Вы обязаны мнѣ дать его, такъ какъ даже по вашимъ Совѣтскимъ законамъ заложники, увезенные съ родины и затѣмъ освобожденнные, имѣютъ право вернуться на родину».

«А я вамъ все таки разрѣшенія на выѣздъ не дамъ. Если хотите, обратитесь въ В.Ц.И.К.»

«Послушайте, вѣдь это смысла не имѣетъ. Вы, гогъ и магогъ въ В.Ц.И.К., отказываете мнѣ въ выѣздѣ, а В.Ц.И.К. долженъ согласиться? Вѣдь безъ вашего разрѣшенія В.Ц.И.К. не дастъ мнѣ этого разрѣшенія».

«Это мнѣ все равно».

Я встала и ушла, но выѣхать изъ Москвы я рѣшила во что бы то ни стало. Надо было перехитрить Крыленко. Черезъ Московскій Исполкомъ мнѣ удалось достать разрѣшеніе на входъ въ Кремль, куда я немедленно отправилась въ учрежденіе В.Ц.И.К. — то самое, въ которомъ меня судили. Войдя въ комнату, въ которую меня направили, я прямо подошла къ секретарю Калинина и сказала:

«Я вчера была у Крыленко, который направилъ меня въ В.Ц.И.К. за разрѣшеніемъ на выѣздъ изъ Москвы. Будьте добры, если возможно, выдайте мнѣ сейчасъ же это разрѣшеніе».

Моя хитрость удалась вполнѣ. Какъ только я произнесла имя Крыленко, мнѣ сказали, что немедленно выдадутъ мнѣ разрѣшеніе. И дѣйствительно, не прошло и 10 минутъ, и я получила столь желанное мною разрѣшеніе. Наконецъ! А сколько труда, сколько хлопотъ и бѣготни изъ-за такой простой вещи. Воистину, свободный соціалистическій рай.

Передъ тѣмъ, какъ выйти на улицу, меня заинтересовало пройтись по корридору, въ который выходятъ двери всѣхъ комнатъ, гдѣ, подъ номерами размѣщены всѣ многочисленныя учрежденія Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Я не пожалѣла о своемъ любопытствѣ, такъ какъ собственными глазами удостовѣрилась въ томъ, о чемъ знала только по наслышкѣ: а именно — что В.Ц.И.К. представляетъ изъ себя настоящій домъ разврата. Черезъ полу-открытыя двери я видѣла такія сцены, которыя даже не берусь описать. Тутъ были диваны, на которыхъ «рѣзвились» по двѣ дамы съ кавалеромъ, и наоборотъ: были и диваны только съ двумя кавалерами, съ подрумяненными щечками и алыми губками... въ детали не буду входить, онѣ излишни. Такъ «занимались дѣлами рабоче-крестьянской республики» коммунисты большевики. Я выскочила на чистый воздухъ точно изъ помойной ямы.

На слѣдующій день удалось достать билеты нянѣ и мнѣ, и черезъ день, благодаря помощи знакомой, служащей на желѣзной дорогѣ, удалось, хотя и съ неимовѣрными усиліями, протолкнуться въ поѣздъ. О подобномъ путешествіи я не имѣла до тѣхъ поръ ни малѣйшаго представленія. Когда насъ, заложниковъ, везли въ скотскомъ вагонѣ изъ Кіева въ Москву, это было гораздо удобнѣе и роскошнѣе. Теперь поѣздъ состоялъ исключительно изъ нетопленыхъ вагоновъ 4-го класса, съ выбитыми окнами, заколоченными досками, съ однимъ единственнымъ, маленькимъ отверстіемъ, такъ что было совершенно темно, и вагоны даже вечеромъ не освѣщались. Для коммунистовъ же были прицѣплены къ поѣзду спеціально два вагона перваго и второго класса: они были почти пусты, но, кромѣ коммунистовъ, никому не разрѣшалось входить въ нихъ. Я помню, какъ, въ прежнее время, подпольные революціонеры-соціалисты возмущались тѣмъ, что министры разъѣзжаютъ въ собственныхъ вагонахъ. Но въ то время поѣздовъ было сколько угодно, путешествовать никому не воспрещалось, мѣста хватало всѣмъ. Если хотѣли ѣхать съ большими удобствами — ѣздили въ первомъ классѣ; если же не хотѣли тратить большихъ

денегъ — ѣхали въ третьемъ классѣ. Была свобода каждому дѣлать, что хочешь. И если раньше находили, что у высшихъ классовъ были разныя привиллегіи, то большія привиллегіи чѣмъ тѣ, которыми пользуются коммунисты — трудно себѣ представить.

Ѣхали мы сравнительно быстро — ровно 48 часовъ: но что это было за путешествіе! Вагонъ былъ переполненъ; стояли плашмя другъ къ другу. Нянѣ и мнѣ удалось сѣсть, но у насъ на колѣняхъ все время сидѣлъ красноармеецъ. За эти 48 часовъ намъ лишь разъ оказалось возможно встать; съ нами была корзина съ провизіей, но намъ не удалось ею воспользвоаться, такъ какъ въ этой тѣснотѣ не было физической возможности ее открыть. Среди путешественниковъ людей интеллигентныхъ почти не было — почти исключительно красноармейцы и, какъ вездѣ и всегда, масса евреевъ. Грубость и озлобленность красноармейцевъ меня поразили. Хотя я и была одѣта, какъ пролетарка, но они, вѣроятно, догадывались, что это только внѣшняя оболочка, и злому глумленію ихъ надъ «буржуями» не было конца.

Въ Кіевъ пріѣхали мы подъ вечеръ и поѣхали прямо на квартиру бывшаго нашего арендатора, у котораго я рѣшила просить пріюта, пока не сообразимъ, гдѣ и какъ мнѣ устроиться. Жить въ Кіевѣ подъ моей собственной фамиліей я не могла, и должна была скрываться — я слишкомъ была извѣстна, и рисковала бы опять быть арестованной. Я никого не предупредила о моемъ освобожденіи и возвращеніи въ Кіевъ. Меня встрѣтили съ неописуемой радостью. Сына я, къ большому своему огорченію, не могла видѣть, такъ какъ онъ скрывался въ одномъ селѣ подъ чужой фамиліей. Ему было 17 лѣтъ, и его могли забрать въ Красную армію; въ деревнѣ, подъ чужимъ именемъ, ему легче было пройти незамѣченнымъ. Мы рѣшили его оттуда не выписывать, такъ какъ оставаться въ Кіевѣ для него было бы слишкомъ рискованно. Мнѣ же, съ первой минуты моего освобожденія, засѣла въ голову лишь одна мысль: бѣжать изъ Совѣтской Россіи съ Андреемъ. Мы рѣшили сейчасъ же постараться найти способъ выбраться изъ Россіи и привести этотъ планъ въ исполненіе весной, такъ какъ здоровье не позволяло мнѣ зимой пускаться въ подобнаго рода авантюры.

Имѣя о сынѣ лишь изрѣдка скудныя извѣстія, я только по пріѣздѣ въ Кіевъ узнала всѣ подробности его бѣгства. Въ Гомелѣ, гдѣ онъ былъ назначенъ на Совѣтскую службу въ «Главтопѣ», онъ оставался лишь нѣсколько дней. Ему дали командировку въ Воронежъ. Доѣхавъ до станціи Городни по желѣзной дорогѣ, онъ со-

шелъ съ поѣзда и направился черезъ Черниговъ на Кіевъ пѣшкомъ, что будетъ 150 верстъ. На немъ было легкое лѣтнее пальто и дырявые сапоги, подошвы которыхъ отпадали: дѣло же было въ декабрѣ, и стояла холодная, вѣтреная погода. Выдавалъ онъ себя за красноармейца, догоняющаго свою часть, такъ какъ это было въ то время, когда красные опять вступали въ Кіевъ послѣ Деникинцевъ. По пути сынъ занемогъ; почувствовавъ сильный жаръ и недомоганіе, онъ еле-еле дотащился до ближайшаго села и вошелъ въ первую попавшуюся хату, гдѣ просился ночевать. На слѣдующее утро онъ проснулся уже безъ памяти. Къ счастью его, хозяинъ хаты оказался хорошимъ человѣкомъ, позвалъ фельдшера, который опредѣлилъ сильную испанку. Десять дней пролежалъ онъ въ лихорадкѣ. Хозяинъ хаты ходилъ за нимъ и внушилъ ему столько довѣрія, что сынъ признался ему, кто онъ такой и разсказалъ ему всю свою исторію. Хозяинъ отнесся къ нему очень сочувственно и не выдалъ его властямъ. На десятый день болѣзни, несмотря на сильную слабость и на свое легкое одѣяніе, сынъ рѣшилъ итти дальше. Но въ этотъ день онъ не могъ пройти болѣе 6 верстъ; слабость брала свое и, кромѣ того, на ногахъ образовались такія раны, что каждый шагъ причинялъ сильнѣйшую боль. Наконецъ, добрелъ онъ до Кіева, какъ нищій, безъ гроша въ карманѣ, раздѣтый, почти босикомъ, такъ какъ подошвы были привязаны къ сапогамъ веревкой, — усталый и больной.

Въ Кіевѣ онъ оставался недолго; набрался силъ и пошелъ скитаться по деревнямъ, скрываясь то у однихъ изъ бывшихъ служащихъ нашихъ, то у другихъ, то у бывшаго урядника. Для меня единственной свѣтлой точкой во всемъ мракѣ революціи, въ отвратительномъ поведеніи крестьянъ, во всѣхъ ужасахъ, насиліяхъ и мерзостяхъ, которые они творили въ деревняхъ, уничтожая, разрушая и сжигая наши гнѣзда — единственнымъ утѣшеніемъ остается то, что, какъ служащіе наши, такъ и прислуга — всѣ (кромѣ одного) показали себя съ лучшей стороны, заступаясь за насъ, стараясь спасти для хозяевъ, что могли.

Въ Кіевѣ же узнала я всѣ подробности гибели нашего имѣнія. Это одна изъ сотни тысячъ исторій, какія произошли во всей революціонной Россіи, разбудившей въ народѣ самые темные и звѣрскіе инстинкты и натравившей ихъ противъ помѣщиковъ, съ которыми до этой проклятой, позорной поры они жили въ ладу, и отъ которыхъ, кромѣ добра и помощи, они ничего не видали. Писать объ этомъ мнѣ очень больно, да и писать много нечего — картина извѣстная.

До 1919 года въ имѣніи моемъ все было болѣе или менѣе благополучно. Потомъ крестьяне опечатали домъ: но тѣ же милые мужички, которые селомъ были назначены комиссарами, чтобы беречь домъ — считая его, конечно, собственностью всего села — ночью проникали въ него и тащили все, что могли. Наконецъ, домъ подожгли: онъ сгорѣлъ до тла, со всѣми цѣнностями, которыя въ немъ находились. Конечно, какъ это всегда бывало въ такихъ случаяхъ, крестьяне сказали, что сожгли не «свои», а чужіе люди; но фактъ тотъ, что были и свои. Итакъ, уничтожено было людьми, видѣвшими отъ меня одно добро — мое гнѣздо, то, что было для меня дороже всего на свѣтѣ. Всѣ постройки усадьбы — всѣ экономіи, воловни, конюшни, клуни — все было уничтожено, все разбиралось по камнямъ. Это былъ тріумфъ «пролетарской культуры» — «рабоче-крестьянской республики».

Да, я была освобождена изъ тюрьмы, послѣ полуторагодового заключенія. Но выйдя изъ тюрьмы, что нашла я? Я потеряла рѣшительно все, все мое имущество, великолѣпное культурное имѣніе, прекрасный домъ, старинныя вещи — все было стерто съ лица земли, все уничтожено. Единственное, что было спасено — это мои брилліанты, но, какъ дальше будетъ видно, и съ ними пришлось разстаться.

Но матеріальныя потери для меня были менѣе горьки, чѣмъ нравственныя: всего прошлаго, невозвратнаго было жаль — и жаль было моихъ прежнихъ хорошихъ чувствъ къ крестьянамъ. Теперь я ихъ ненавидѣла и простить имъ никогда не буду въ состояніи. Если они до извѣстной степени не виноваты по своему невѣжеству — то есть предѣлъ всему, и то звѣрство, тотъ садизмъ, до котораго они дошли, не можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что ихъ, будто бы, держали въ темнотѣ. Къ тому же — самые темные, невѣжественные люди-крестьяне, это именно тѣ, которые сравнительно меньше принимали участіе въ оргіи разрушенія въ Россіи. Наоборотъ — матросы, солдаты, бывшіе рабочіе — т.е. тѣ, которые побывали въ городахъ и по бѣлому свѣту, которые были развитѣе и умнѣе — это и былъ самый звѣрскій и отвратительный элементъ.

Въ Кіевѣ я прожила недолго. Такъ какъ я скрывалась, нигдѣ не была прописана и никуда не показывалась, то я была связана по рукамъ и по ногамъ, и добрѣйшій хозяинъ распоряжался моей судьбой. Онъ нашелъ мнѣ помѣщеніе, почти за городомъ, на Саперномъ Полѣ. Тамъ не было никакихъ «домовыхъ комитетовъ» и

никакого контроля властей, что для меня очень важно, такъ какъ я, скрываясь, нигдѣ не была прописана. Комнату взяли мнѣ въ домѣ бывшаго рабочаго, изъ лѣвыхъ, но не большевика, и человѣка честнаго, на котораго можно было положиться, что онъ не выдастъ меня. Домъ этотъ мало рознился отъ простой деревенской хаты. Комната у насъ съ няней была общая, раздѣленная перегородкой. Окно выходило прямо на Саперное поле, гдѣ другихъ жилищъ не было. Вокругъ дома былъ огородъ, фруктовый садъ, дворъ, ходили куры, гуси, коровы — все это напоминало деревню, и мнѣ пріятны были эта тишина и одиночество послѣ шумной тюрьмы. Въ городъ я никогда не ходила, боясь быть кѣмъ нибудь узнанной.

Потекла мирная, однообразная жизнь въ полномъ уединеніи съ моей милой няней, которая взяла въ руки все наше скромное хозяйство. Она и на базаръ ходила, и готовила, и бѣлье стирала, и дрова колола. Я, конечно, хотѣла взять на себя хотя бы часть этой работы, но она меня ни къ чему не допускала.

Финансовое положеніе наше было сносно: въ имѣніи оставалась еще паровая мельница, которую большевики почему то до тѣхъ поръ не конфисковали, и арендаторъ могъ передавать мнѣ деньги. Много ихъ не было, такъ какъ кромѣ насъ съ няней, на эти деньги еще жили двѣ старыя мои родственницы. Чтобы увеличить свои доходы, я изо всякаго старья шила всякую всячину: бѣлье, блузы, дѣтскія платья и, несмотря на то, что я не могу гордиться своими швейными способностями, все это разбиралось на расхватъ на базарѣ, куда няня выносила мою работу. Въ городахъ, гдѣ всѣ магазины были закрыты, вся торговля сосредоточивалась на базарахъ, куда буржуи выносили свои послѣднія вещи на продажу, чаще всего обмѣнивая ихъ у крестьянъ на продукты, причемъ несчастные, голодающіе интеллигенты отдавали, съ отчаянія, цѣнныя вещи за какой нибудь фунтъ муки или пшена. Я сама видѣла, какъ за дубовый буфетъ крестьянинъ «заплатилъ» пятью фунтами картофеля. Крестьяне за продукты брали что попало, и нужное и ненужное. Всѣ городскія обстановки перешли въ деревню, гдѣ въ каждой хатѣ есть и зеркала въ золоченныхъ рамахъ, и рояли, и шелковая и бархатная мебель, и ковры, и всякая мелочь — не говоря о тѣхъ вещахъ, которыя крестьяне забрали себѣ, когда грабили помѣщичьи усадьбы. Много старинныхъ вещей попало въ крестьянскія хаты, много уничтожено при грабежѣ и пожарами. Но несмотря на то, что деревня, по сравненію съ городомъ, нажи вается, несмотря на то, что крестьяне стали въ полномъ смыслѣ

слова милліонерами, такъ какъ въ каждой хатѣ, если поискать, можно найти не одинъ, а 6-7 милліоновъ и больше — крестьяне все же ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ Совѣтскую власть, да оно и понятно: всѣ эти милліоны Совѣтскихъ денегъ, вся эта земля, захваченная ими — какую выгоду имѣютъ они отъ всего этого? Рѣшительно никакой.

Деньги, земля и свобода — все оказалось миражемъ, обманомъ и абсурдомъ. Деньги есть — а достать нечего, такъ какъ Россія ничего не производитъ: фабрики стоятъ, топлива нѣтъ, транспорта нѣтъ. Крестьяне отлично знаютъ, что эти Совѣтскія деньги ничего не стоютъ — годны только для обивки комнатъ. Захватили они помѣщичью землю, а какая имъ польза отъ нея? Совѣтская власть для прокормленія огромной Красной арміи, какъ и безчисленнаго сонмища Совѣтскихъ служащихъ, получающихъ часть своего жалованья пайкомъ — выжимаетъ, посредствомъ разверстки, изъ деревни положительно все. Крестьянинъ, захватившій себѣ какихъ нибудь 2-3 десятины помѣщичьей земли, не видитъ отъ нея ни гроша выгоды, такъ какъ весь урожай съ этой земли забираетъ Совѣтская власть. Поэтому во многихъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне обрабатываютъ лишь столько земли, сколько имъ нужно для прокормленія себя и семьи. Производительная способность Россіи упала такимъ образомъ на 60%.

Обрабатывать землю крестьянамъ нечѣмъ. Скотъ погибаетъ въ Россіи; кормить его нечѣмъ, и безъ помѣщиковъ, безъ разумнаго правительства, некому заботиться объ увеличеніи и улучшеніи скота. Въ Юго-Западной Россіи осталось лишь 5% всего прежняго состава лошадей. Крестьяне стараются завести себѣ лошадей какъ можно хуже, такъ какъ мало мальски хорошихъ лошадей Совѣтская власть реквизируетъ для Красной арміи и для безчисленныхъ своихъ учрежденій.

Свободнаго проѣзда въ деревняхъ нѣтъ: вездѣ стоятъ такъ называемые заградительные отряды, такъ какъ властью запрещено крестьянамъ сбывать свои продукты въ города. Конечно, этотъ законъ обходятъ — за взятку всякій коммунистъ пропуститъ что угодно; но вся эта деспотія и тиранія Совѣтской власти озлобляетъ крестьянъ до такой степени, что въ селахъ постоянно убиваютъ коммунистовъ, пріѣхавшихъ дѣлать разверстку. За такія убійства власть безпощадно караетъ все село, реквизируя у крестьянъ положительно все. Но несмотря на то, что не сладко жи-

вется не только буржуямъ, но и самимъ крестьянамъ при Совѣтскомъ режимѣ — внутренняго возстанія въ Россіи нѣтъ.

Для незнающихъ русскаго народа, это можетъ показаться непонятнымъ, но для насъ, жившихъ въ деревнѣ съ рожденія и изучившихъ народъ до мелочей, понятно, что самъ въ себѣ народъ не можетъ найти импульса для рѣшительныхъ дѣйствій — во первыхъ; а во вторыхъ — онъ никогда не пойметъ и не захочетъ понять, что благосостояніе его не въ томъ, что онъ захватилъ у помѣщиковъ землю. И вотъ — онъ боится, что другая власть отниметъ эту награбленную землю.

Надо отдать справедливость Совѣтамъ — это дѣйствительно власть, сильная и непоколебимая, не знающая слабости и пощады. Среди рабочихъ, принадлежащихъ къ партіи коммунистовъ — лишь самый незначительный процентъ: тѣмъ не менѣе, все подстроено такъ ловко и умно, что на всѣхъ выборахъ проходятъ исключитель, но коммунисты-большевики. Я въ Кіевѣ знала одного рабочаго Гретеровскаго Завода, которыя сказалъ мнѣ, что на заводѣ, гдѣ было 1000 рабочихъ, среди нихъ было всего 15 коммунистовъ: тѣмъ не менѣе, на выборахъ прошли исключительно эти 15 коммунистовъ.

Одна изъ главныхъ силъ Совѣтской власти состоитъ въ ихъ удивительно поставленной пропагандѣ и агитаціи, и въ этомъ отношеніи всякое правительство можетъ многому научиться у большевиковъ. Агитаціонная литература разсылается по всѣмъ селамъ и деревнямъ Россіи. Мнѣ приходилось читать эти брошюры, и я должна сказать, что написаны онѣ удивительно хорошо, и главное, ясно и понятно для простого народа. Красной нитью по всей этой литературѣ проходитъ идея всемірной революціи, которая должна вспыхнуть во всемъ мірѣ — безпощадное натравливаніе пролетаріата на высшіе классы. Кромѣ литературы, по селамъ разсылаются агитаторы и устраиваются демагогическіе митинги; посылаются также въ деревню агитаціонные театры. Въ городахъ устраиваютъ даровые кинематографы на улицѣ — т.е. на домахъ все время показываютъ фильмы, такъ что любой прохожій невольно останавливается и пользуется даровымъ зрѣлищемъ. Кинематографы эти неизмѣнно изображаютъ «звѣрства помѣщиковъ», «звѣрства Врангелевской арміи» и т.д. Воображеніе большевиковъ удивительное — напримѣръ, на одномъ изъ такихъ кинематографовъ я видѣла изображеніе Врангеля, съ разъяреннымъ лицомъ, собственноручно избивающаго рабочаго-коммуниста. И конечно, темный народъ всему этому вѣритъ.

Свободы печати не существуетъ. Допускаются исключительно Совѣтскія газеты, тенденціозныя и односторонніе, вѣчно натравливающія пролетаріатъ на буржуевъ. Удивителенъ тонъ печати по отношенію къ другимъ государствамъ. Большевики отлично сознаютъ, что Европа, дрожа передъ своимъ пролетаріатомъ, заигрываетъ съ Совѣтской Россіей, и считаютъ это своей побѣдой, говоря: «Мы держимъ въ рукахъ всѣ капиталистическія страны; передъ нами имперіализмъ дрожитъ». Кромѣ скудныхъ, тендиціозныхъ газетъ, строго запрещено получать какія либо другія газеты — ни русскія, печатающіяся заграницей, ни иностранныя.

Проживъ долго въ Совѣтской Россіи, интеллигентный человѣкъ положительно кретинизируется, такъ какъ, кромѣ потребностей своего желудка, не имѣетъ времени думать. Для того, чтобы получить хотя бы мизерный паекъ, всѣмъ приходится служить въ Совѣтскихъ учрежденіяхъ. Прійдя со службы домой, нужно все дѣлать самому — готовить, стирать, колоть дрова, и пр. и пр. Прислуги нѣтъ, да и невозможно ее имѣть, когда самому ѣсть нечего. Только и есть заботы, что продать, что обмѣнять, чтобы не умереть съ голоду. Про духовную пищу уже давно и думать перестали, такъ какъ, кромѣ Совѣтскихъ газетъ — читать нечего, и Россія совершенно отрѣзана отъ остальнаго міра.

Въ Совѣтской Россіи всѣ обязаны работать. Такъ какъ частныя предпріятія больше не существуютъ, то приходится поневолѣ поступать на Совѣтскую службу. Если нигдѣ не служишь — то тебя гоняютъ на принудительныя работы: рубить дрова, подметать улицы, чистить снѣгъ и т.п. На Совѣтской службѣ, при мнѣ, давали жалованье 2-4 тысячи р. въ мѣсяцъ и паекъ, хватающій дня на три. А чтобъ прокормиться человѣку самымъ скромнымъ образомъ — нужно было не менѣе 150.000 въ мѣсяцъ. Коммунисты же ни въ чемъ не отказываютъ себѣ; принадлежавшій къ партіи коммунистовъ получаетъ отъ правительства большой паекъ и всякія привиллегіи.

Но если Совѣтская власть полна хаотическихъ абсурдовъ, тираніи и нежелательныхъ принциповъ — тѣмъ не менѣе она ведетъ свою линію непоколебимо и глубоко обдуманно и умно во многомъ другомъ, и на этомъ она и держится. Она ясно учла, что ей нужны сильная армія и желѣзныя дороги, не бастующія, на работу которыхъ она можетъ во всякое время положиться. При первой же возможности желѣзно-дорожной забастовки и неудовольствія въ Красной арміи — Совѣтская власть разлетится, какъ пыль. И вотъ она для Красной арміи и для служащихъ желѣзной

дороги жертвуетъ всѣмъ и все дѣлаетъ для того, чтобы поставить ихъ въ хорошія условія жизни. Служащіе на желѣзной дорогѣ получаютъ — по сравненію съ другими учрежденіями — огромное жалованіе и усиленный паекъ; ихъ квартиры не подлежатъ реквизиціи; имъ разрѣшено ѣздить въ деревню и привозить оттуда сколько угодно продуктовъ; ихъ семьи не подлежатъ принудительнымъ работамъ. Всѣ эти льготы имѣютъ огромное значеніе въ Совѣтской Россіи, гдѣ жизнь такъ тяжела и такъ дорога. Поэтому, хотя среди желѣзно-дорожныхъ служащихъ, какъ и вездѣ, большое недовольство совѣтскимъ строемъ, но... своя рубашка ближе къ тѣлу и, сравнивая себя съ другими, они видятъ въ какихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ они находятся, и о забастовкѣ не думаютъ.

Красная армія также поставлена въ возможно лучшія условія. Семья каждаго красноармейца получаетъ усиленный паекъ. Хотя кормить армію такъ, какъ кормили ее при Царскомъ режимѣ, большевикамъ нѣтъ физической возможности — но все таки она не голодаетъ: кормятъ армію хорошо. Занятій у солдатъ, сравнительно съ прежнимъ, нѣтъ почти никакихъ; дежурства доведены до минимума; два раза въ недѣлю каждый солдатъ пользуется полной свободой на сутки. Солдатъ ни въ чемъ не принуждаютъ — ни чистить казармы и содержать ихъ въ порядкѣ, ни самого себя содержать въ чистотѣ, ни въ баню ходить, ни въ церковь, ни честь отдавать — солдатъ не обязанъ. Свобода и разгильдяйство полное. Но, чтобъ это бездѣліе не дѣйствовало на нихъ развращающе — въ арміи постоянно устраиваются разныя увеселенія для солдатъ, какъ то спектакли, танцы, кинематографы, лекціи и митинги, гдѣ политкомы ораторствуютъ за всѣ блага коммунизма и Совѣтовъ, за то, что если теперь Красной арміи придется воевать, то она будетъ знать, за что воюетъ, — за свободу пролетаріата всего міра, за уничтоженіе буржуевъ и т.д. Въ каждомъ полку есть клубъ для солдатъ. Армія Буденнаго — это любимое дѣтище Совѣтской власти — пользуется исключительными льготами, благодаря которымъ служащіе въ ней превратились въ настоящихъ богачей - спекулянтовъ. Эта армія совершенно самостоятельна и не подлежитъ никакому контролю свыше во всемъ, что касается хозяйственной части. Она имѣетъ право производить какія угодно реквизиціи — чѣмъ и пользуется широко; на стоянкахъ въ деревняхъ, армія Буденнаго забираетъ у крестьянъ положительно все, что хочетъ и, конечно, сбываетъ потомъ въ городахъ все награбленное—или, по совѣтски, «реквизированное»—за огромныя деньги.

ГЛАВА IX.

Мое нетерпѣніе и безумное желаніе выбраться изъ Совѣтской Россіи не давало мнѣ покоя. Вѣдь «жить» большевики людямъ въ моемъ положеніи не даютъ: васъ силой заставляютъ работать на ту власть, которая погубила, осквернила и разрушила родину — а если вы на это не хотите согласиться, то приходится жить, какъ я, скрываясь, и вѣчно на чеку, что васъ узнаютъ, поймаютъ, арестуютъ. Такая жизнь невыносима, и въ концѣ концовъ можетъ разрушить самые здоровые нервы. Зима подходила къ концу, а для моего бѣгства съ Андреемъ никакой планъ еще не былъ рѣшенъ. Бывшій нашъ арендаторъ придумывалъ различные способы выбраться изъ Совѣтской Россіи, но остановиться опредѣленно на одномъ изъ нихъ было очень трудно. Самый распространенный и простой способъ — состоитъ въ подкупѣ Чрезвычайной Комиссіи, которая безъ стѣсненія беретъ огромныя взятки за то, чтобы перевезти васъ черезъ границу. Этимъ способомъ пользуются всѣ эмигрирующіе евреи; но имъ это возможно, такъ какъ служащіе въ Чрезвычайныхъ Комиссіяхъ поголовно всѣ евреи, и, конечно, евреи другъ съ другомъ всегда солидарны и другъ другу помогаютъ. Для меня же подобный способъ не годился, такъ какъ было болѣе чѣмъ вѣроятно, что чекисты взятку возьмутъ — а меня выдадутъ. Поймать и выдать княгиню Куракину имъ былъ полный разсчетъ: они бы этимъ доказали правительству свою бдительную и ревностную службу, и ихъ нельзя было бы заподозрить въ томъ, что они способствуютъ эмиграціи другихъ. Итакъ, отъ этого плана надо было отказаться, какъ отъ слишкомъ рискованнаго.

Надо было найти кого нибудь, который взялся бы насъ вывезти; но найти такого охотника было очень трудно, такъ какъ мало кто готовъ взять на себя такую отвѣтственность. Въ Совѣтской Россіи всѣмъ запрещенъ выѣздъ изъ страны, и существуетъ декретъ, по которому пойманные у границы эмигранты, собирающіеся перебраться на ту сторону, подвергаются заключенію на 5 лѣтъ въ концентраціонномъ лагерѣ. Если же при пойманномъ находятъ иностранную валюту и цѣнности — какъ-то золото или драгоцѣнные

камни, то его разстрѣливаютъ на мѣстѣ, безъ суда. Ввиду подобнаго, мало заманчиваго декрета, понятно, трудно было на что либо рѣшиться.

Сыну моему было гораздо легче перебраться черезъ границу, такъ какъ его можно было пристроить на какую нибудь совѣтскую службу, гдѣ-либо около границы, откуда онъ могъ бы перебѣжать. Мнѣ же, какъ женщинѣ, да при моемъ огромномъ ростѣ и наружности ничемъ не подходящей къ типу большевичекъ и коммунистокъ, было гораздо рискованнѣе пускаться на столь смѣлое предпріятіе. Притомъ, насколько я способна была говорить большевикамъ въ лицо мое мнѣніе о нихъ, высказывать имъ мое презрѣніе и ненависть — настолько я чувствовала себя неспособной играть роль большевички и боялась себя выдать.

Я хотѣла взять съ собою няню, но хотя ей и жаль было съ нами разставаться, она предпочитала не выѣзжать изъ Россіи, твердо вѣря въ то, что будетъ переворотъ, и что большевики не долго продержатся.

Время шло; настала ранняя весна — прекрасная, какъ она бываетъ только на Украйнѣ. Съ половины февраля уже снѣгъ сошелъ и грѣло весеннее солнце. Я ходила гулять на Байково кладбище, гдѣ сидѣла часами на свѣжей молодой травѣ: рястъ зацвѣлъ подъ еще голыми деревьями; фіалки выглядывали въ травѣ; птицы зашевелились, запѣли — о, какъ въ такія минуты хотѣлось жить другой жизнью, уйти изъ этого ада, гдѣ попраны всѣ законы человѣческіе, не видѣть сатанинской вакханаліи нечестивцевъ, не видѣть позора и стыда своей родины, не видѣть этихъ озвѣрѣлыхъ людей, купающихся въ крови невинныхъ жертвъ.

Я уже теряла всякую надежду найти какой либо способъ выбраться изъ Россіи, когда разъ какъ-то, пріѣзжаетъ ко мнѣ К. и объявляетъ мнѣ, что, наконецъ, онъ напалъ на человѣка, на котораго вполнѣ можно положиться, и который охотно берется переправить и меня и сына черезъ границу. Я была страшно рада этой вѣсти, и мы порѣшили съ К., что онъ мнѣ приведетъ на слѣдующій день моего благодѣтеля, такъ какъ нужно было переговорить съ нимъ обо всемъ и узнать отъ него, какимъ способомъ онъ устроитъ наше бѣгство.

Въ эту ночь мнѣ не спалось — я въ радостномъ волненіи все думала о моемъ побѣгѣ. Арестъ, тюрьма, голодовка, болѣзни и всѣ пережитыя мною за эти послѣдніе два года страданія казались мнѣ какимъ то ужаснымъ кошмаромъ, который покрывался тума-

номъ. Всѣмъ существомъ своимъ я рвалась впередъ, точно хотѣла освободиться отъ тяжелыхъ цѣпей, приковавшихъ меня къ царству дьявола и зла.

На слѣдующій день, К. привезъ мнѣ Владиміра Ивановича, который брался вывезти меня съ сыномъ за-границу. Фамиліи его я не называю, такъ какъ онъ остался въ Совѣтской Россіи, и я боюсь привлечь вниманіе палачей, которые не простили бы ему его продѣлки. Бывшій офицеръ, во время войны онъ былъ авіаторомъ. Когда вспыхнула революція, онъ не могъ покинуть Россію и остался и во время большевиковъ. Не имѣя средствъ къ существованію, онъ принужденъ былъ поступить на совѣтскую службу и прошелъ черезъ различные стажи, будучи по натурѣ своей авантюристомъ, и изъ любви къ искусству. Онъ служилъ въ Красной арміи, изъ которой два раза дезертировалъ, былъ и фармацевтомъ, и въ оркестрѣ игралъ и чего только не продѣлалъ. Теперь же онъ занималъ довольно отвѣтственное мѣсто и часто объѣзжалъ сахарные заводы и свекловичныя плантаціи. Подкрашиваясь подъ большевика, онъ, конечно, въ душѣ имъ не былъ; наоборотъ, онъ былъ бы радъ повредить въ чемъ могъ Совѣтской власти, и пускался въ разнаго рода рискованныя предпріятія.

Я о немъ раньше никогда не слыхала и невольно задавала себѣ вопросъ: «а могу ли я быть увѣрена, что онъ дѣйствительно честный человѣкъ? съ какимъ разсчетомъ берется онъ за такое дѣло?» Но колебаться не въ моей натурѣ, и я предпочитала рисковать всѣмъ, даже жизнью, лишь бы бѣжать изъ Совѣтской помойной ямы. По первому взгляду, сей Владиміръ Ивановичъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Видно было, что онъ тщательно обдумалъ нашъ планъ бѣгства, и, несмотря на свою энергію и предпріимчивость, онъ былъ до крайности остороженъ.

«Для исполненія моего плана» — обратился онъ ко мнѣ, «необходимо одно лишь условіе, а именно — вы должны выйти за меня замужъ».

Я бы за десять Владиміръ Ивановичей вышла замужъ, лишь бы выбраться изъ Россіи. Я ему такъ и сказала, что я согласна быть его женой.

«Но что же я сдѣлаю со своимъ настоящимъ мужемъ?»

«Онъ останется въ своемъ прежнемъ положеніи законнаго мужа, а мы съ вами повѣнчаемся фиктивно, такъ какъ я вамъ достану фальшивые документы. Но повѣнчаться намъ обязательно надо, по всѣмъ правиламъ совѣтскихъ законовъ, для того, чтобы

получить удостовѣреніе въ томъ, что вы дѣйствительно — моя жена, и какъ таковую — я васъ свободно довезу до самой границы. Что же касается вашего сына, то я ему сейчасъ же доставлю мѣсто, и мнѣ будетъ легко назначить его въ командировку на самую границу. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мой планъ. Согласны ли вы на него, и довѣряете ли вы мнѣ?».

«Согласна, согласна на все, что хотите — только вывезите меня изъ этого рая»!

«На счетъ всякихъ подробностей — позвольте мнѣ все тщательно обдумать и взвѣсить, и тогда мы съ вами примемъ окончательное рѣшеніе — тѣмъ болѣе, что раньше мая мѣсяца я не свободенъ, и только тогда буду въ состояніи привести въ исполненіе мой планъ. Долженъ васъ предупредить, что кромѣ меня, о нашей тайнѣ будетъ извѣстно нѣсколькимъ лицамъ изъ моихъ сослуживцевъ; безъ нихъ нельзя будетъ обойтись; но будьте увѣрены, что я за нихъ ручаюсь, какъ за самого себя. Разумѣется, это будетъ стоить порядочныхъ денегъ — къ сожалѣнію безъ нихъ не обойдешься».

Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше довѣрія внушалъ мнѣ своимъ спокойствіемъ и своей рѣшительностью. Я уже не спрашивала себя, могу ли я на него положиться, и осталась очень довольна своимъ неожиданнымъ женихомъ.

Теперь оставалось выписать сына въ Кіевъ, реализовать деньги для бѣгства — и дѣло въ шляпѣ... я готова идти хоть на край свѣта за Владиміромъ Ивановичемъ. Мы разсчитали, что на мой побѣгъ понадобится 12 милліоновъ рублей, а такъ какъ совѣтскіе воры отобрали у меня все мое имущество, то надо было продать свои золотыя вещи и драгоцѣнные камни, чтобы раелизовать эту внушительную сумму. Я продала все, что имѣла, кромѣ малоцѣнныхъ мелочей, нитки жемчуговъ и жемчужныхъ серегъ, которыхъ слишкомъ жалко было продавать и которыя я рѣшила взять съ собой. Я со дня на день ждала моего сына, за которымъ послала своего бывшаго лакея. Андрей писалъ мнѣ, что онъ также стремится вонъ изъ Совѣтской Россіи. Жизнь его въ селѣ, у священника, была не изъ веселыхъ; онъ томился бездѣйствіемъ и хотѣлъ перебраться черезъ границу, чтобы поступить въ армію Врангеля, такъ какъ находилъ, какъ и я, и какъ долженъ былъ бы думать всякій истинно-русскій патріотъ — что армія Врангеля — это единственное, что осталось русскаго, честнаго, благороднаго изъ бывшей Россіи, что когда-нибудь она скажетъ свое послѣднее слово и будетъ на-

чаломъ той Россіи, которую каждому любящему свою родину хотѣлось бы воскресить.

Наконецъ пріѣхалъ мой сынъ. Я его не видѣла съ ноября 1919-го года, т. е. почти полтора года. Революція разрушила не только Россію, но и цѣлыя семьи, разбросавъ ихъ по разнымъ сторонамъ. Встрѣча была радостная: легко понять какъ я тосковала по своему единственному сыну. Изъ полу-ребенка, которымъ я его послѣдній разъ видѣла, онъ превратился въ мужчину; огромнаго роста, здоровый, сильный, онъ прошелъ за это время хотя и тяжелую, но полезную школу, вырабатывающую самостоятельность. Въ своей гимнастеркѣ, обтрепанной шинели и дырявой фуражкѣ, онъ былъ весьма похожъ на большевика, но, слава Богу, въ душѣ и по убѣжденіямъ остался врагомъ коммунизма, большевизма, соціализма и всей подобной гнили и мерзости. Нянина радость также была велика, и выражалась она въ томъ, что она его откармливала, какъ поросенка. Зажили мы втроемъ въ нашей хатѣ, хотя и въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ. Съ Андреемъ у меня были длинныя бесѣды — вѣдь я его теперь почти не знала, и мнѣ было интересно узнать малѣйшія подробности его мыслей, убѣжденій и взглядовъ. Вдали отъ него, меня часто мучила мысль, что онъ можетъ заразиться соціалистическими утопіями, но, какъ я только что сказала, Богъ предохранилъ его отъ подобной напасти.

Съ пріѣздомъ сына, и съ пріятной перспективой нашего скораго бѣгства, мое настроеніе повысилось. Покидать Россію на долгіе годы, навсегда быть можетъ, ставить крестъ на все прошлое — было невыразимо больно. Но я отгоняла отъ себя эти мысли; противъ судьбы бороться я не могла, и меня преслѣдовала лишь одна мечта — благополучно перейти черезъ границу. Владиміръ Ивановича задерживали дѣла дольше, чѣмъ онъ предполагалъ, а мое нетерпѣніе росло. Я старалось коротать время длинными прогулками — ходила далеко за Лысую Гору, въ Выдубецкій монастырь, въ Голосѣевскую рощу, по всѣмъ этимъ живописнымъ окрестностямъ Кіева, которыя мнѣ такъ дороги. Но даже тамъ, вдалекѣ отъ людскихъ жилищъ, пролетарская революція оставила свои слѣды разрушенія: лѣса и рощи рубили безпощадно, а новыхъ посадокъ никто не дѣлалъ.

Въ городъ я ходила рѣдко, избѣгая главныхъ улицъ. Разъ утромъ, нужно мнѣ было по дѣлу видѣть К., и мы съ Андреемъ направились къ нему. Войдя къ нему — застаемъ тамъ Владиміръ Ивановича, который говоритъ мнѣ:

«У меня къ бѣгству все готово: вотъ ваши фальшивые документы; вотъ документы вашего сына. Согласны ли вы ѣхать сегодня, въ 3 часа? Въ такомъ случаѣ, намъ нужно сейчасъ же повѣнчаться, а въ 3 часа въ Житоміръ идетъ грузовикъ, на которомъ мы и поѣдемъ».

Такого молніеноснаго бѣгства я не ожидала — но быстрыя рѣшенія мнѣ всегда были по душѣ, и я тотчасъ же согласилась. Было одиннадцать часовъ утра, а до 3-хъ часовъ надо мнѣ было выйти замужъ, вернуться домой за 4 версты, забрать кое-какой багажъ, и ѣхать. Все это казалось какой-то сказкой, и трагедія двухъ послѣднихъ лѣтъ со сценами ареста, концентраціонныхъ лагерей, приговора къ разстрѣлу, судомъ, тюрьмой — кончалась водевилемъ — свадьбой съ большевикомъ.

Мой сынъ побѣжалъ предупредить кого слѣдовало о нашемъ отъѣздѣ, а мы съ Владиміромъ Ивановичемъ направились на Николаевскую, гдѣ находилось Совѣтское учрежденіе, въ которомъ совершались большевистскія свадьбы. Церковный бракъ въ Совѣтской Россіи считается незаконнымъ. По пути, Владиміръ Ивановичъ внушалъ мнѣ, какъ я должна себя держать, какъ отвѣчать на вопросы, которые будутъ задавать мнѣ, и я со страхомъ Божьимъ зубрила свой урокъ, но такъ волновалась, что мнѣ трудно было запомнить свою новую «дѣвичью» фамилію, и помнить, что я жила тамъ-то и тамъ-то и занималась въ конторѣ какого-то сахарнаго завода. Вдобавокъ по людному Крещатику я боялась встрѣтить кого нибудь, кто могъ бы узнать меня — однимъ словомъ, могу сказать, что на настоящей, законной свадьбѣ своей, я была куда спокойнѣе и менѣе взволнована, чѣмъ теперь на водевильной, большевистской свадьбѣ.

Наконецъ дошли мы до дома на Николаевской улицѣ и поднялись на пятый этажъ. Вошли въ грязную комнату, гдѣ за однимъ столомъ сидѣлъ еврей, а за другимъ — еврейка. Владиміръ Ивановичъ подошелъ къ еврею, сказалъ, что мы хотимъ сочетаться бракомъ и показалъ наши документы. Еврей что то записалъ и направилъ насъ къ еврейкѣ. Тутъ пришлось намъ немного подождать, такъ какъ кромѣ насъ было еще нѣсколько паръ вѣнчающихся, и кромѣ того, наши два свидѣтеля (которыми заручился Владиміръ Ивановичъ и которые были въ курсѣ дѣла) еще не пришли. Минутъ черезъ 10 они явились — совершенно незнакомые мнѣ люди. И вдругъ на меня опять напало сомнѣніе: «вѣдь я въ рукахъ совер-

шенно чужихъ людей. А вдругъ они меня выдадутъ?». Но задумываться было поздно. Рѣшено — сдѣлано.

Подошелъ нашъ чередъ. Мы сѣли за столъ напротивъ еврейки, которая поставила намъ два-три вопроса о томъ, гдѣ жили, не были ли раньше повѣнчаны съ кѣмъ нибудь. Вся эта процедура «таинства большевистскаго брака» длилась не болѣе пяти минутъ: все было записано, и намъ дали наши бумаги и брачную книгу, въ которой мы должны были росписаться. Тутъ произошелъ маленькій инцидентъ, который могъ бы кончиться трагично, но, благодаря Богу, прошелъ незамѣтно. Урокъ свой я вызубрила хорошо, и когда насъ еврейка вѣнчала, я въ своихъ отвѣтахъ не запуталась. Когда же мнѣ пришлось расписаться въ книгѣ, на меня напала какая то разсѣянность — я взяла перо и начала расписываться по настоящей фамиліи: «Т. Г. Кур....» Написавъ три первыя буквы — я спохватилась и со страху почувствовала холодный потъ на лбу. Я скорѣе сдѣлала перомъ большое чернильное пятно на этихъ злосчастныхъ буквахъ и росписалась дальше. Но «супругъ» тихонько шепнулъ мнѣ: «скорѣе уходите отсюда». Я поняла, что положеніе опасное — вѣдь у большевиковъ шпіонажъ отлично поставленъ, и кромѣ еврейки, сидящей противъ насъ, у стола стояли всякіе другіе субъекты.

Я, ни жива, ни мертва, вышла изъ комнаты, кубаремъ скатилась съ пятаго этажа и выбѣжала на улицу. Мой большевистскій супругъ скоро догналъ меня: «Кажется ничего не было замѣчено — но идемте тише, а то когда люди бѣгутъ такъ скоро, это можетъ показаться подозрительнымъ».

Пока я не дошла до Пушкинской, у меня душа въ пяткахъ была: малаго не хватало, чтобы первый блинъ да комомъ былъ. Съ Пушкинской я побѣжала домой. Бѣдная няня: мнѣ было жаль ее покидать, но она настаивала на своемъ и не хотѣла ѣхать. Скорѣе уложила я свой скромный мѣшокъ — взявъ съ собой лишь 3 смѣны бѣлья, обувь и нѣсколько блузъ. Самое трудное было — перевезти жемчугъ, и такъ его запрятать, чтобы было совершенно безопасно. Мы рѣшили оставить его пока въ Кіевѣ, и Владиміръ Ивановичъ долженъ былъ за нимъ пріѣхать изъ Житоміра, гдѣ мы должны были остановиться на нѣкоторое время.

Къ тремъ часамъ я была готова. Запрятавъ волосы и надѣвъ на голову темный шарфъ, я старалась придать себѣ хамскій обликъ. Мы съ няней взяли извозчика и поѣхали на Пушкинскую, гдѣ насъ уже ожидалъ Владиміръ Ивановичъ и гдѣ собрались близкіе про-

вожать насъ. Хотя я и была счастлива, что, наконецъ, насталъ столь желанный часъ отъѣзда, и что скоро я буду далеко отъ этой огромной тюрьмы — которую представляетъ изъ себя нынѣ «свободная» Россія — гдѣ ни минуты покоя нѣтъ, гдѣ приходится вѣчно озираться, гдѣ за малѣйшее слово, ты сегодня живъ, а завтра «у стѣнки» — тѣмъ не менѣе, когда настала минута разставаться со всѣми дорогими и добрыми людьми, окружавшими меня — мнѣ стало очень грустно. Благословивъ другъ друга и простившись со всѣми — я на плечи накинула плащъ своего супруга, и мы втроемъ съ Андреемъ и Владиміръ Ивановичемъ вышли на Бибиковскій бульваръ, гдѣ насъ ожидалъ огромный грузовикъ, везшій бочки съ масломъ въ Житоміръ. Владиміръ Ивановичъ познакомилъ меня съ шоферомъ и его помощникомъ — двумя настоящими большевиками, которымъ нужно было говорить столь опротивившее мнѣ революціонное слово «товарищъ» — которое за все время революціи ни разу не осквернило моихъ устъ. Но самая трудная комедія была въ обращеніи меня и моего супруга на «ты», и мы сначала все больше молчали, пока не привыкли такъ разговаривать.

Нашъ грузовикъ, какъ разъяренный, но парализованный, огромный слонъ, пыхтѣлъ, гудѣлъ, трещалъ — но съ мѣста почти не двигался. Бѣдняга — это тоже былъ одинъ изъ милліоновъ образчиковъ совѣтской культуры и пролетарской созидательности: автомобили у большевиковъ приведены въ полную негодность и еле двигаются. Хотя до Житоміра отъ Кіева было всего 128 верстъ, намъ за этотъ день не удалось доѣхать въ Житоміръ, и пришлось ночевать по дорогѣ, въ небольшомъ селѣ, на спичечной фабрикѣ.

Отъ всѣхъ пережитыхъ за день треволненій и суеты, я ничего не ѣла и теперь очень проголодалась. Съ нами была провизія — самаго пролетарскаго свойства — черный хлѣбъ, колбаса и лукъ. Достали кипятокъ, заварили чай и сѣли, вмѣстѣ съ шоферами, конечно, ужинать. Мнѣ стало вдругъ такъ легко на душѣ, такъ весело — и все это бѣгство и водевильную свадьбу я видѣла въ самыхъ юмористическихъ краскахъ. Лишь бы все кончилось благополучно. Мой супругъ одобрялъ мое поведеніе, но былъ недоволенъ — увы — моей наружностью.

«И манеры и жесты у васъ какіе то аристократическіе, и благодарите вы всегда, когда вамъ что нибудь передаютъ, и за столомъ сидите слишкомъ хорошо — все это мнѣ очень не нравится; старайтесь быть попроще».

Я смѣялась и обѣщала, что буду стараться ему угодить.

Переночевавъ въ какой то фабричной сторожкѣ, гдѣ меня чуть не заѣли клопы, мы на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, двинулись дальше. Нашъ бѣдный грузовикъ то и дѣло останавливался — то цѣпь разорвется, то еще что нибудь случится. Одна изъ такихъ аварій произошла въ м. Коростышевѣ, и мы остановились на шоссе, какъ разъ передъ усадьбой, принадлежавшей раньше моему другу, князю Горчакову. Я въ былыя времена тамъ бывала — это была прелестная усадьба на берегу рѣки Тетерева, съ чуднымъ садомъ съ безчисленными цвѣтниками, великолѣпно содержанными. Теперь — моимъ глазамъ представились однѣ развалины. Флигель стиля «Ампиръ» былъ сожженъ, и печально и одиноко, среди развалинъ, среди мусора и груды камней, возвышалась лишь одна уцѣлѣвшая бѣлая колонна. Деревья, вѣтки были обломаны, дорожки заросли бурьяномъ, гдѣ то въ тѣни вѣтвей заливался послѣдній соловей. Пѣлъ онъ любовно, страстно, точно и онъ рыдалъ надо всѣмъ минувшимъ.

Верстъ за десять отъ Коростышева мы проѣхали черезъ другое имѣніе моего друга, графини Нирод̀ъ. Съ шоссе усадьбы не видно, но проѣзжая черезъ дивный дубовый Левковскій лѣсъ, больно было смотрѣть сколько порубокъ было сдѣлано, и какъ звѣрски уничтоженъ этотъ цѣнный лѣсъ.

Наконецъ дотащились мы до Житоміра. Въ Совѣтской Россіи гостинницъ нѣтъ; это — слишкомъ буржуазныя понятія. Мы поѣхали прямо на квартиру знакомаго Владиміра Ивановича, который зналъ о нашемъ бѣгствѣ и долженъ былъ содѣйствовать нашему дальнѣйшему путешествію. Мой сынъ и Владиміръ Ивановичъ остановились у него, а для меня наняли неподалеку комнату въ польской семьѣ. Сына опредѣлили въ Житоміръ на службу, и онъ усердно занялся своимъ дѣломъ, тѣмъ самымъ отвлекая отъ себя вниманіе. Черезъ нѣсколько дней представился хорошій случай послать его въ командировку близко отъ границы. Тамъ находились люди, предупрежденные о нашемъ бѣгствѣ, которые должны были помочь сыну перебраться черезъ самую границу, а потомъ и мнѣ. Все это было отлично задумано моимъ совѣтскимъ мужемъ, и намъ оставалось только слушаться покорно и ничѣмъ не заниматься. Такъ какъ я бы очень безпокоилась, не имѣя извѣстій о томъ, благополучно ли перебрался сынъ черезъ границу, то Владиміръ Ивановичъ даже ухитрился устроиться такъ, чтобы получить отъ человѣка, переправившаго Андрея, телеграмму — конечно «шифрованную», такъ какъ кромѣ служебныхъ телеграммъ, другихъ, частныхъ

— въ Совѣтской Россіи не принимаютъ. Итакъ — дней пять послѣ отъѣзда сына изъ Житоміра, мы получили телеграмму, что все благополучно.

Слава Богу, за сына я теперь была спокойна, зная, что онъ въ безопасности. Я сгорала отъ нетерпѣнія также двинуться скорѣе въ путь, но пришлось въ Житомірѣ протомиться еще цѣлыхъ двѣ недѣли. Владиміръ Ивановичу по дѣламъ службы нужно было вернуться дня на два въ Кіевъ, а потомъ найти хорошій, вполнѣ вѣрный и безопасный случай для моего дальнѣйшаго слѣдованія къ границѣ, который пока не представлялся. Ѣхать по желѣзной дорогѣ было болѣе всего опасно, такъ какъ особенно около границы Чрезвычайки зорко слѣдили за пассажирами; провѣрка документовъ была чуть ли не на каждой станціи, вещи тщательно осматривали — а мы должны были провезти мой жемчугъ и порядочную сумму польскихъ денегъ. Надо было выжидать удобнаго случая, а пока — играть въ то, что мы проводимъ въ Житомірѣ нашъ медовый мѣсяцъ. Увы — онъ былъ очень скученъ. Владиміръ Ивановичъ былъ все время въ разъѣздахъ, а мнѣ приходилось сидѣть сложа руки, такъ какъ ни чтенія, ни работы со мной не было. Я совершала длинныя прогулки за городъ, старался избѣгать какъ можно больше самый городъ — эту Палестину, кишащую евреями, большею частью — евреями-большевиками, изъ тѣхъ, которые такъ ярко и ясно выяснили роль еврейства въ русской революціи. Самъ по себѣ Житоміръ — очень живописный городокъ, и воспоминаніе о немъ у меня связано съ запахомъ липъ — ихъ тамъ очень много и онѣ были въ полномъ цвѣту.

Наконецъ представился случай продолжать наше путешествіе, но Владиміръ Ивановичъ боялся, что такой способъ передвиженія меня утомитъ. Надо было ѣхать на простой телѣгѣ 250 верстъ. Но меня это нисколько не пугало: такого рода «спортъ» я куда лучше переношу, чѣмъ стирку бѣлья, какъ въ Московскомъ лагерѣ, или мытье половъ, какъ въ Кіевѣ, во время пребыванія въ пересыльной тюрьмѣ.

Выѣхали мы изъ Житоміра подъ вечеръ и на третьи сутки доѣхали до мѣста назначенія. Отъ этого путешествія у меня осталось прелестное воспоминаніе. Тотъ кто любитъ и понимаетъ природу — и особенно природу Украины — меня пойметъ, и теперь я наслаждалась ею, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Былъ конецъ іюня; лѣто было въ полномъ разгарѣ. Я любила это безоблачное, голубое небо и знойный воздухъ; я вдыхала въ себя запахъ ржи,

гречихи и полыни, росшей вдоль большого «шляха». Кое-гдѣ уже начались жнива и виднѣлись типичныя украинскія копны; лѣсъ пріумолкъ, листъ не шелохнется — и манитъ тѣнь и прохлада подъ густой листвой. Какъ знакома, какъ дорога мнѣ эта картина! Въ ней вся моя душа, вся моя жизнь, потому что я — я привязана къ своей землѣ, я люблю ее.

Когда соціалисты увѣряютъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ не только потому, что они ее обрабатываютъ, но и потому, что они ее любятъ — то это лишь фантазія соціалистическихъ, не жизненныхъ теорій. Вѣдь тотъ же Грицько или Петро, имѣющій свою землю и свою хату на Волыни — если ему скажутъ: «Вотъ тебѣ земля и хата въ Полтавской губерніи, отъ которыхъ ты получишь въ десять разъ больше дохода» — ручаюсь, что онъ тотчасъ же покинетъ родную землю и возьметъ ту, которая ему больше дастъ.

Мы проѣхали по всей Волыни, и по дорогѣ мы проѣхали мимо усадебъ 12-15. Изъ нихъ только одна — Ново-Чарторія — была цѣла; домъ стоялъ неразрушенный и несожженный; остальныя же усадьбы всѣ были уничтожены. Виднѣлись однѣ только черныя отъ пожара стѣны, или если дома не спалили, то онъ былъ совершенно разрушенъ: крыша, балки, рамы, двери были содраны, и окна зіяли зловѣщими, темными дырами. По стѣнамъ или уцѣлѣвшимъ колоннамъ можно было судить, что это были старинныя, типичныя постройки временъ Растрелли. Заборы, стѣны, флигеля — все представляло изъ себя груду развалинъ; парки со столѣтними деревьями были частью вырублены, и крестьянскій скотъ пасся на бывшихъ газонахъ и клумбахъ.

Болѣе грустнаго, болѣе мрачнаго зрѣлища трудно было себѣ представить, и мое сердце сжималось, когда я въ своемъ воображеніи рисовала себѣ подобную же картину въ моемъ имѣніи. Экономіи со всѣми постройками, которыя могли бы быть использованы тѣми же крестьянами-вандалами, дикарями, тоже были уничтожены; телефонные столбы валялись на землѣ — это былъ настоящій хаосъ разрушенія, мертвое царство, точно послѣ ужаснаго урагана, сметавшаго все на своемъ пути.

И все это было потому, что крестьянамъ вбили въ ихъ головы, что въ Россіи земли не хватаетъ на нихъ. Это меня возмущало до глубины души. Я припоминала Бельгію, Францію, Германію — любую страну, гдѣ деревни, села города ютятся другъ къ другу, гдѣ народонаселеніе такъ густо, что повернуться нельзя, чтобы

не наткнуться на человѣческое жилище — а тутъ, въ Россіи, я смотрѣла кругомъ себя: впереди просторъ, нескончаемыя поля, сзади просторъ, справа, слѣва, куда ни взглянешь, поля, поля, и только кое-гдѣ вдали виднѣется село или деревушка. И вотъ въ этой-то огромной Россіи, съ ея нескончаемыми полями, рѣшили, что «бѣдный мужичекъ» страдаетъ отъ безземелья. И эти же крестьяне, получивъ землю, сами инстинктивно чувствуютъ, что не ладно что-то въ этой сбывшейся ихъ мечтѣ, что не разбогатѣютъ они на ней, какъ они думали. Я говорила со многими крестьянами и должна сказать, что старики и среднее поколѣніе отлично сознаютъ, что отъ революціи они выгодъ не получатъ, и что при Царѣ и помѣщикахъ имъ лучше жилось. Зато молодое поколѣніе развращено поголовно и сбито съ толку.

Поразило меня настроеніе въ деревнѣ. Крестьяне стали недовѣрчивы, подозрительны, озлоблены до крайности. Судя по ихъ мнѣнію — виноваты всѣ, кромѣ ихъ самихъ. Одни только умудренные жизненнымъ опытомъ старики говорили, что какъ стали по селамъ въ 1917-мъ году ходить съ красными тряпками, да помѣщиковъ убивать, знали они, что добра изъ этого не выйдетъ.

Насколько раньше, въ любой хатѣ встрѣчали васъ привѣтливо, настолько теперь всѣ смотрѣли изподлобья. Приходилось намъ ночевать въ селахъ, и никто не хотѣлъ впускать насъ въ свою хату; мы даже не входили въ хату, предпочитая спать на дворѣ, но даже на это крестьяне неохотно соглашались. Помню, какъ то мы остановились днемъ въ селѣ, чтобы накормить лошадей. Жара была невыносимая, и такъ какъ мы ѣхали все время въ облакахъ пыли, то меня томила страшная жажда. Мнѣ захотѣлось выпить стаканъ холоднаго молока. Я прошлась по всему селу, заходя въ каждую хату — но никто не хотѣлъ продать мнѣ стаканъ молока, несмотря на то, что я предлагала заплатить за него какія угодно деньги: на меня смотрѣли озлобленно и отвѣчали, что молоко есть, а продать его не хотятъ ни за какую цѣну.

Отвратительное впечатлѣніе произвели на меня новыя хаты, выстроенныя на нѣкоторыхъ бывшихъ помѣщичьихъ поляхъ. Чувствовалось, что теперь уже крестьяне вполнѣ увѣрены въ томъ, что они по праву владѣютъ краденой землей, точно она имъ была дана самимъ Богомъ.

Тамъ, гдѣ не было этихъ доказательствъ побѣды, грабежа и насилія — я наслаждалась природой красавицы Волыни. Урожай въ этомъ году былъ прекрасный, и отъ тяжести своей, крупные

колосья клонились къ землѣ, лѣниво шевелясь подъ знойнымъ вѣткомъ. Мы еле подвигались, дѣлая не болѣе семи верстъ въ часъ, какъ это полагалось мизернымъ, тщедушнымъ волынскимъ клячамъ. Возница нашъ по россейскому подергивалъ возжами, поминутно покрикивая на своихъ пегасовъ: «Эт-ти, малы! Эт-ти малы!», но лошадки и въ усъ не дули и продолжали трусить мелкой рысцой. Телѣга поскрипывала и безжалостно подбрасывала насъ на ухабахъ. Мой совѣтскій супругъ не переносилъ этой тряски, то и дѣло соскакивалъ съ телѣги и шелъ пѣшкомъ рядомъ съ ней, потирая себѣ бока; я же предпочитала сидѣть и мечтать.

Намъ повезло, такъ какъ по дорогѣ за три эти дня насъ только два раза остановили, для провѣрки нашихъ документовъ, красноармейцы заградительнаго отряда. Все обошлось благополучно: по своимъ бумагамъ, Владиміръ Ивановичъ былъ командированъ, сопровождала его — жена его; все было въ порядкѣ и насъ пропустили дальше безъ затрудненія.

На ночевку мы останавливались, когда было уже темно, часовъ въ 10. Я первымъ дѣломъ доставала себѣ ведро съ водой и отмывала черную пыль, проникавшую повсюду и превращавшую насъ въ негровъ. Потомъ заваривали чай и на воздухѣ ужинали, въ пріятной бесѣдѣ, и скорѣе ложились спать, такъ какъ выѣзжали мы очень рано, въ 5 часовъ, чтобы не заморить сразу лошадей палящимъ солнцемъ. Какія были дивныя ночи, и какое наслажденіе было спать подъ открытымъ небомъ! Я устраивалась гдѣ нибудь на соломѣ, не слишкомъ близко отъ хаты — но и не слишкомъ далеко, чтобы не было страшно. Послѣ 16-ти часовъ безпрерывной тряски на телѣгѣ, глаза слипались и страшно хотѣлось спать — но я долго лежала съ открытыми глазами, любуясь очаровательной ночью. Свѣтила полная луна и хатки и пыльная дорога казались засеребреными; надъ прудомъ стелился легкій туманъ, и плакучія ивы задумались надъ темной водой — ничѣмъ ненарушимая, величественная тишина, и лишь вдали гдѣ то брешетъ собака, сонно и лѣниво. Часами лежала бы я, любуясь этими дивными украинскими ночами — но усталость брала свое, и я засыпала, какъ убитая.

Послѣдній день мы проѣзжали по огромнымъ имѣніямъ «Антонины» графа І. Потоцкаго, и «Славута», князя Сангушко, такъ трагично погибшаго въ первый же годъ революціи. Князю Сангушко было за 90 лѣтъ. Онъ еще при императорѣ Николаѣ І служилъ въ Конной Гвардіи. Его закололи штыками солдаты «революціонной арміи». Удравъ съ фронта, опозоривъ нѣкогда великую,

доблестную Русскую Армію, теперь эти солдаты были только способны воевать противъ почти столѣтняго старца. Несчастный Сангушко долго отбивался, вытягивая одинъ за другимъ штыки, которые «красные герои» вонзали ему въ грудь — пока, изнеможенный, онъ не свалился съ ногъ и умеръ. Недалеко отъ городка Изяславля, мы проѣхали мимо усадьбы, гдѣ онъ часто жилъ: все было сожжено до тла.

Въ этотъ же день, мы подъ вечеръ доѣхали до завода. Въѣхали въ большой дворъ, подъѣхали къ заводской конторѣ. Я осталась сидѣть въ телѣгѣ, а супругъ мой пошелъ разыскивать того служащаго, который былъ предупрежденъ о нашемъ побѣгѣ, и который способствовалъ бѣгству сына. Черезъ полъ-часа Владиміръ Ивановичъ вернулся, но безъ своего сообщника, который просилъ передать мнѣ, что онъ нарочно будетъ избѣгать меня, дабы не возбуждать подозрѣнія безчисленныхъ шпіоновъ-коммунистовъ, которые находятся при всѣхъ заводахъ. Совѣтская власть, хотя и пролетарская, но обойтись безъ интеллигенціи и спеціалистовъ не можетъ, поэтому на заводахъ оставлены всѣ прежніе служащіе. Но такъ какъ по совѣтскимъ понятіямъ — это элементъ ненадежный по своей «контръ-революціонности», то на всѣ эти заводы назначаются коменданты и комиссары — коммунисты, и «политкомы» зорко слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ.

Мы принуждены были помѣститься въ одной общей комнатѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ. Это уже было совсѣмъ по супружески. Но меня уже ничего не удивляло — вся моя жизнь за послѣдніе два года такъ не походила на прежнюю жизнь и была полна такими разнообразными эпизодами, что удивляться мнѣ уже было нечему. По вечерамъ, мы ложились въ свои кровати и очень мило, по супружески, долго разговаривали, точно мы всю жизнь жили въ одной комнатѣ. За эти послѣдніе дни, что мы безотлучно находились вмѣстѣ, мы съ моимъ супругомъ очень подружились, и я сохранила о немъ самое лучшее воспоминаніе.

На заводѣ намъ пришлось прожить четыре дня. Владиміръ Ивановичъ выходилъ по своимъ дѣламъ. Въ ужасной косовороткѣ, въ грязной фуражкѣ, онъ очень походилъ на большевика и отлично умѣлъ играть свою роль. Я никуда не показывалась, не выходила изъ своей комнаты. Скука была адская — но дѣлать было нечего, надо было ждать вѣрнаго случая, чтобы сдѣлать послѣдній этапъ моего бѣгства, то есть еще 25 верстъ, и перейти границу. Одинъ только разъ рискнулъ забѣжать ко мнѣ служащій завода, которому

извѣстна была наша тайна. Онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ моему сыну удалось благополучно перейти черезъ границу. Въ селѣ былъ мужичокъ, спеціальность котораго была, тайкомъ переводить бѣженцевъ въ Польшу. На этомъ онъ наживалъ большія деньги и имѣлъ обширный опытъ въ этомъ отношеніи. На самой границѣ расположены села, находящіяся на сторонѣ Россіи — а поля ихъ — на польской сторонѣ. И вотъ — крестьяне ежедневно ходятъ черезъ границу, чтобы работать на своемъ полѣ. Пограничная стража ихъ знаетъ уже въ лицо, такъ что не всегда даже спрашиваетъ у нихъ ихъ паспорта. Сына отвезли въ одно изъ этихъ селъ, подкупили мужичка-старичка, переодѣли Андрея въ крестьянское платье: онъ, босый, сѣлъ на лошадь, которая тащила плугъ, и вмѣстѣ съ другими крестьянами преспокойно переѣхалъ черезъ пограничный мостъ въ Польшу. Будь онъ пѣшкомъ, при его гигантскомъ ростѣ, выдѣляющемъ его въ толпѣ, его бы замѣтили; верхомъ же — никто не обратилъ на него вниманія среди толпы крестьянъ и лошадей.

ГЛАВА X.

Насталъ наконецъ и мой чередъ перебраться черезъ границу. 4-го іюля, зашелъ къ намъ въ комнату незнакомый, типичный крестьянинъ-малороссъ, съ улыбающейся, симпатичной физіономіей, и хотя мы были одни въ комнатѣ, онъ шопотомъ, съ таинственнымъ видомъ шепнулъ мнѣ:

«О-це жъ менэ до васъ панъ Х. підославъ васъ черезъ кордонъ перетащити».

Мы его засадили за столъ и стали его распрашивать, куда онъ насъ повезетъ и какъ вообще думаетъ все это устроить. Онъ сказалъ намъ, что повезетъ насъ до села, которое находится на самой границѣ, на рѣкѣ Виліи, по ту сторону которой уже польскій берегъ. Въ этомъ селѣ у него есть знакомый, тоже не разъ уже занимавшійся переправкой бѣженцевъ, который и за меня возьмется. Какимъ именно способомъ меня переправятъ черезъ границу — это уже надо будетъ рѣшить на мѣстѣ.

«Главное», говорилъ онъ, «вы не бойтесь», и при этомъ такъ мило улыбался, что я правда чувствовала какое то спокойствіе и довѣріе.

Мы спросили его, хорошо ли оберегается граница, и густой ли пограничный кордонъ.

«Ухъ, какъ оберегается! И при Царѣ никогда не было столько пограничниковъ», отвѣтилъ онъ.

Это мнѣ не понравилось, но онъ съ уѣренностью продолжалъ успокаивать меня, говоря, что ничего страшнаго нѣтъ — какъ нибудь да переберусь на ту сторону.

Въ этотъ же день, къ пяти часамъ, нашъ мужичекъ пріѣхалъ за нами на своей подводѣ, и мы отправились. Я была очень спокойна, но пульсъ мой, навѣрное, билъ усиленнымъ темпомъ. Я стремилась впередъ, скорѣе, скорѣе къ цѣли. Мнѣ казалось, что наша телѣга не двигается съ мѣста, что лошади еле передвигаютъ ногами. Какъ сильна въ человѣкѣ любовь къ жизни! У меня въ жизни ничего не осталось, цѣли жить не было. Сыну я больше не

была нужна — а все таки меня что-то необъяснимое тянуло къ жизни, точно меня еще ожидало какое то невѣдомое счастье. Жара была страшная, приходилось то и дѣло останавливаться и поить заморенныхъ лошадей. Видно было, что нашъ возница былъ опытный перевозчикъ бѣженцевъ;онъ везъ насъ почти все время лѣсомъ, или по заглохшимъ проселочнымъ дорогамъ, гдѣ ни души не встрѣчали мы. Солнце уже заходило, когда мы въѣхали въ чудный, старый сосновый съ дубомъ лѣсъ. Возница нашъ свернулъ съ дороги и сталъ шагомъ пробираться между деревьями. Онъ опять принялъ свой таинственный видъ и шепнулъ намъ:

«Этотъ лѣсъ уже на самой границѣ, и тутъ все шныряютъ агенты Чрезвычайной Комиссіи. Надо ѣхать тихо».

Я, признаться, трусила, какъ никогда въ жизни — тѣмъ болѣе, что и супругъ мой все время оглядывался по сторонамъ. Такъ проѣхали мы версты полторы, до самой опушки лѣса, гдѣ черезъ огороды начиналось село. Мы пріѣхали, но въ село не въѣхали, а остались на краю лѣса. Нашъ возница соскочилъ съ телѣги и велѣлъ намъ ждать, пока онъ пойдетъ предупредить своего знакомаго, хата коего стояла шагахъ въ двухстахъ отъ лѣса, черезъ огородъ. Мы остались вдвоемъ, и мнѣ казалось, что Владимиръ Ивановичъ волнуется не меньше, если не больше меня. Вѣдь онъ взялъ на себя большую отвѣтственность и мечталъ объ удачѣ своего предпріятія, не говоря уже о томъ, что онъ искренно желалъ, чтобы я вырвалась изъ большевистскаго ада, гдѣ столько пережила горя и страданій.

Ждать пришлось намъ недолго. Вернулся нашъ возница со своимъ товарищемъ, который провелъ насъ къ себѣ въ хату. Мы сейчасъ же начали обсуждать вопросъ, какимъ способомъ перебраться мнѣ черезъ границу. Такъ какъ по этимъ мѣстамъ не въ первый разъ переходили изъ Совѣтской Россіи бѣженцы, то бывали случаи, что подкупали пограничниковъ: это было проще всего. Но, во первыхъ, не съ каждымъ пограничникомъ можно было сговориться, и такъ какъ въ пограничныхъ селахъ есть вездѣ Чрезвычайныя Комиссіи, ведущія зоркую слѣжку за пограничной стражей, то этотъ способъ очень рискованный. Мой супругъ на него не соглашался, а я тѣмъ болѣе — такъ какъ для меня ничего не было страшнѣе Чрезвычайныхъ Комиссій — этихъ страшилищъ Совѣтской Россіи. Можно было перейти и другимъ способомъ: съ восходомъ солнца, крестьянки собирались на слѣдующее утро идти на жнива, черезъ пограничный мостъ, на свои поля, находящіяся

на польскомъ берегу. Я должна была переодѣться въ крестьянскій костюмъ и перейти вмѣстѣ съ другими женщинами, которыхъ было человѣкъ 50. Зная, что онѣ идутъ на работы въ полѣ, пограничники не спрашивали ихъ документы — потребуютъ паспорта у одной, у другой — и пропустятъ всѣхъ остальныхъ. Я и этого боялась — на меня напала такая трусость, такой страхъ, что я чувствовала заранѣе, какъ подо мной будутъ ноги дрожать. Но, конечно, я этого не показывала и сказала, что согласна на такой способъ передвиженія черезъ границу.

Владимиръ Ивановичъ сталъ заботиться о моемъ нарядѣ; досталъ платокъ и одежду у жены хозяина хаты. Я переодѣлась, повязала платкомъ голову, сняла чулки и туфли и осталась босой. Вошелъ мой супругъ. Я сразу увидѣла, что онъ мною недоволенъ.

«Настоящій маскарадъ», сказалъ онъ мнѣ, «и ноги слишкомъ худыя, и на крестьянку совсѣмъ непохожи — раздѣвайтесь, не годится».

Я была очень довольна, такъ какъ и мнѣ очень не нравился этотъ неудачный маскарадъ, и я не довѣряла этому проекту. Я знала, что мнѣ будетъ портить мой «Врангелевскій» ростъ, и боялась быть замѣченной.

И Владимиръ Ивановичу, и мнѣ хотѣлось такъ устроить, чтобы никто меня не видалъ, чтобы не надо было ни подкупать властей, ни проходить мимо нихъ. Для этого былъ одинъ лишь способъ — ночью, когда стемнѣетъ, перейти вбродъ рѣку Вилію. Этотъ способъ мнѣ нравился больше всѣхъ остальныхъ — я даже находила въ немъ нѣкоторую прелесть; въ немъ было больше самостоятельности, больше «спортивности». Я, не задумываясь, согласилась, и дѣло было рѣшено.

Я посмотрѣла на часы: былъ десятый часъ. Хозяинъ хаты сказалъ, что лучше всего будетъ намъ выйти изъ дому къ тремъ часамъ ночи — самый безопасный для подобныхъ приключеній часъ — а пока онъ выйдетъ одинъ, дабы убѣдиться, гдѣ поудобнѣе бродъ, и перейдетъ на тотъ берегъ, чтобы сговориться со своимъ родственникомъ полякомъ, чтобы тотъ довезъ меня до ближайшаго отъ границы города.

Итакъ, все было обдумано и рѣшено, и намъ оставалось только скоротать время до 3-хъ часовъ ночи. О снѣ я и думать не могла — сердце такъ и стучало. Хозяйка дома подала намъ яичницу съ саломъ и простоквашу, и мы сѣли за ужинъ. Мы стали припоминать все наше путешествіе; казалось, что я уже цѣлый годъ какъ выѣ-

хала изъ Кіева. Въ общемъ, намъ очень повезло; все шло, какъ по маслу, и я отъ души благодарила Владимира Ивановича за все, что онъ для меня сдѣлалъ. Теперь оставалось лишь удачно сыграть послѣдній актъ моего бѣгства — перейти границу: но этотъ актъ я должна была сыграть соло, такъ какъ мой совѣтскій супругъ уже не могъ слѣдовать за мной.

Когда мы кончили ужинать, вернулся нашъ хозяинъ. Все было сдѣлано; бродъ найденъ — но вода стояла очень высокая. Наши хозяева легли спать, а мы занялись моимъ жемчугомъ, который былъ зашитъ вокругъ пояса въ штанахъ моего супруга. Мы не хотѣли, чтобы кто нибудь видѣлъ жемчугъ, поэтому мнѣ пришлось расшивать въ темной комнатѣ, на Владимиръ Ивановичѣ, поясъ его штановъ, что было дѣломъ не легкимъ.

Въ хатѣ было хотя и чисто, но душно. Мнѣ хотѣлось выйти и отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, но супругъ этого не разрѣшилъ: теперь, въ самую послѣднюю минуту, не надо было рисковать ничѣмъ. Я прилегла на диванъ и постаралась вдремнуть — но сонъ не шелъ: одна за другой неслись въ головѣ мысли, и я ни на одной изъ нихъ не могла остановиться. Вся хата заснула — однѣ мыши разгулялись, да сверчокъ трещалъ въ углу. Было жарко, душно; пахло чернобривцами, росшими въ горшкахъ, на окнахъ, и полынью, и луна заглядывала въ маленькія окна. Запѣлъ пѣтухъ подъ хатой, откликнулись ему другіе въ селѣ — потомъ опять все замолкло. Но я знала, что теперь уже недолго придется мнѣ лежать и ждать. Проснулся хозяинъ и сталъ будить жену и Владимиръ Ивановича. Пора. Я встала, сняла чулки и туфли, подвязала юбку выше колѣнъ — и была готова. Мы сердечно распрощались съ моимъ временнымъ супругомъ, котораго я еще разъ отъ души поблагодарила, пожелавъ ему тоже поскорѣе выбраться изъ Совѣтскаго рая. Хозяинъ хаты взвалилъ себѣ на плечи мой мѣшокъ съ вещами, за нимъ послѣдовала я, а за мной шла его жена, такъ какъ они рѣшили, что лучше будетъ, если они будутъ оберегать меня и спереди и сзади.

Мы вышли изъ хаты; луна свѣтила во всю и ясно вырисовывались деревья и дома. Мы остановились, прислушиваясь, не слыхать ли шаговъ, но все было тихо. Пробираясь вдоль кустовъ и деревьевъ, нагибаясь тамъ, гдѣ было пусто и можно было насъ замѣтить, мы молча, осторожно пробирались черезъ село. Не привыкши ходить босой, мнѣ кололо и жгло пятки, а мой проводникъ

быстро шагалъ впереди, и я съ трудомъ за нимъ поспѣвала, ступая босыми ногами, какъ на иголкахъ.

Изъ села вошли мы на большой лугъ, въ концѣ котораго протекала рѣка Вилія — тотъ Рубиконъ, который я мѣсяцами и годами мечтала перейти. Передо мной развернулась дивная картина: широкій лугъ, и на немъ кое гдѣ выдѣляются кустарники, или одинокая береза; впереди камышъ, и серебрится рѣка Вилія; направо вдали — темный, мрачный лѣсъ — налѣво отъ меня старая деревянная водяная мельница, точно вросшая въ землю. Ни звука не слыхать: все спитъ, и отъ такой тишины становится еще страшнѣе. По лугу, отъ куста до куста, приходилось перебираться, совсѣмъ пригнувшись къ землѣ; я боялась каждой тѣни, казалось, что вотъ-вотъ изъ-за куста выскочитъ пограничникъ. Подойдя уже совсѣмъ близко къ рѣкѣ, мой проводникъ остановился и шепнулъ мнѣ, что онъ пойдетъ за мельницу провѣрить, нѣтъ ли тамъ пограничника, какъ это часто бывало. Я сѣла у дерева, и мнѣ показалось, что мой спаситель пропалъ навѣкъ. Наконецъ, онъ вернулся, слава Богу, у мельницы никого не было — можно было пускаться въ бродъ. Мы сначала зашагали по болоту; ноги грузли въ липкой грязи, и я ихъ съ трудомъ вытаскивала изъ ила — я вся дрожала, а ноги такъ сильно тряслись, что казалось, вотъ-вотъ придется опуститься на колѣни. Мало по малу я почувствовала холодную воду: начинался бродъ. Вода поднималась все выше и выше и скоро дошла мнѣ почти до самаго пояса. И тутъ я окончательно струсила, такъ какъ мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій вытаскивать ноги изъ илистаго дна, и при каждомъ шагѣ вода отъ рѣзкаго движенія шумѣла и бурлила. Проводникъ мой отъ этого шума также заволновался: «Не дай Богъ, услышатъ, такъ мы пропали». Я старалась, какъ можно менѣе высоко ступать — но все это очень просто и легко, когда человѣку нечего бояться, а когда душа въ пятки уходитъ и зубъ на зубъ отъ страха не попадаетъ — то подобная гимнастика кажется самымъ невыполнимымъ дѣломъ. Мнѣ казалось, что мы уже часъ какъ шлепаемъ по водѣ, а противоположный берегъ все такъ же далекъ и недостижимъ. Теченіе воды было сильное; я поминутно спотыкалась на сторону и вся до костей промокла. Наконецъ, вода стала уменьшаться — итти стало легче: вотъ она уже ниже колѣнъ, еще ниже, у щиколки, и вотъ мы вышли на тотъ берегъ. Я въ Польшѣ; я вырвалась изъ Совѣтскаго ада, и мнѣ уже не страшны Чрезвычайки, аресты, тюрьмы — я на свободѣ!

Нервы все время были такъ напряжены, что теперь я почувствовала страшную слабость и положительно не въ состояніи была идти дальше. Но здѣсь, на этомъ берегу, я была уже въ полной безопасности. Я опустилась на высокую, душистую траву и безъ словъ, безъ молитвы, душа моя открылась Богу. Я устремила глаза впередъ, передъ собой — тамъ, за рѣкой, во мракѣ ночи, была Россія, великая мученица Россія, истерзанная, опозоренная и кровью обагренная. Въ ночной мглѣ терялась необъятная степь; еще не брезжилъ свѣтъ, но тамъ, на Востокѣ, уже виднѣлась блѣдно-розовая полоска утренней зари, и высоко надъ ней — прекрасная звѣзда Венера ярко сіяла и точно звала и манила солнце.

Мой проводникъ довезъ меня до Острога, куда я подъѣхала, лежа въ телѣгѣ подъ ворохомъ сѣна, скрытая отъ бдительныхъ польскихъ пограничниковъ, такъ какъ подъ самой границей перебѣжчикамъ изъ Россіи приходится проходить черезъ безконечный рядъ мытарствъ и формальностей, которые я хотѣла избѣжать. Но это уже было не страшно, а скорѣе имѣло видъ какого то своеобразнаго спорта, и на душѣ было спокойно. Въ Острогѣ я напала сразу на прежняго Предводителя Дворянства, А.С. Борисова, который очень помогъ мнѣ достать всѣ нужные документы и свидѣтельства у польскихъ властей. Вообще я у всѣхъ — у мало знакомыхъ и даже совсѣмъ не знакомыхъ — находила откликъ и сердечный пріемъ. Въ Варшавѣ я нашла Андрея, перебравшагося черезъ границу двумя недѣлями раньше меня. Встрѣтила меня и милая М-мъ Нейманъ, которую я не видала съ момента моего ужаснаго отъѣзда въ Москву. И друзья и знакомые встрѣчали меня, какъ воскресшую изъ мертвыхъ. Пріютили меня у себя милѣйшіе князь Карлъ и Изабелла Радзивилъ, и у нихъ я начала отдыхать и съ жадностью вкушать опять всѣ блага комфорта и «буржуазныхъ предразсудковъ».

Затѣмъ — Парижъ, и мы опять вмѣстѣ, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ — мой мужъ, Андрей и я.

Прошло полгода. Я сижу въ благоухающемъ саду, у моей сестры, въ Италіи. Надо мной лазурь южнаго неба; вдали зеркальная гладь голубаго моря; вездѣ цвѣты: миндаль, мимоза, фіалки, гіацинты... грѣетъ, опьяняетъ весеннее солнце Италіи — мнѣ хорошо, тепло, и я пишу... Набросала я свои воспоминанія быстро — кое-какъ, хотя долго не рѣшалась къ нимъ приступить, питая боль-

шое отвращеніе къ черниламъ и перу, и въ глубинѣ души надѣясь даже, что никому изъ моихъ друзей не попадутся подъ руку эти мало литературныя строки. Все же я рѣшилась записать видѣнное и пережитое мною въ Совѣтской Россіи, такъ какъ считаю своимъ долгомъ бороться по мѣрѣ силъ съ врагами своей родины.

Въ Россіи испоконъ вѣковъ мечтали люди о сверженіи власти, о революціи, о новомъ соціальномъ строѣ. Они вели заграницей пропаганду, издавали обширную литературу, по которой иностранцы и составляли себѣ совершенно ошибочное мнѣніе о Россіи, которую почти никто не зналъ, и, конечно, не понималъ. Россію было принято называть «le pays du knout»; тамъ якобы вздохнуть нельзя было свободно; тамъ царскій деспотизмъ не зналъ границъ; тамъ тысячи безвинныхъ жертвъ томились въ тюрьмахъ; тамъ не было ни справедливости, ни суда. Писали это люди обозленные, ослѣпленные своими теоріями и идеями, люди иногда и искренніе, но книжники, теоретики, мало знавшіе русскую деревню, русскій народъ. Мы же все молчали. «Земля и Воля» — старый кличъ, дѣйствовавшій еще во времена Пугачева, пригодился и теперь. Не только пригодился, но это была единственная приманка, на которую шла темная и пьяная деревня.

Тамъ гдѣ-то, въ невѣдомой кухнѣ, гдѣ стряпалась русская революція, не могли не знать, что экономическая проблема Россіи не можетъ быть разрѣшена грабежомъ и насиліемъ, и что крестьяне отъ этой разрухи не станутъ ни богаче, ни счастливѣе. Но наша интеллигенція дала себя обморочить и, не вѣдая, что творитъ... натворила... результаты на лицо! Завоеванія революціи: нищета, голодъ, людоѣдство, пытки, разстрѣлы и кровь, кровь безъ конца! И если эти люди говорили, писали и творили, не вѣдая что — я вѣдаю, что я творю — и не хочу молчать. Я пишу правду, пишу то, что я видѣла своими глазами, пережила и перестрадала сама. Если читающему эти строки можетъ показаться, что я проклинаю революцію потому, что я отъ нея такъ пострадала во всемъ — и нравственно, и матеріально, и даже физически, потерявъ въ тюрьмѣ здоровье — то я скажу: нѣтъ. Я убѣдилась, я видѣла страданія облагодѣтельствованнаго революціей народа, я видѣла его недовольство, его возмущеніе, я видѣла его нравственное паденіе.

За все время моего пребыванія въ Совѣтской Россіи, будучи отрѣзана отъ всего цивилизованнаго міра, имѣя одностороннія, тенденціозныя извѣстія лишь по Совѣтской печати, и не получая никакихъ иностранныхъ газетъ — я, конечно, не была въ состоя-

ніи слѣдить за всемірной политикой, и не могла создать себѣ правильнаго представленія о томъ положеніи, о той тактикѣ — которыхъ придерживается Европа по отношенію къ большевизму и къ Совѣтской Россіи. Но увы — какъ только я переступила границу, тотъ рубежъ, за которымъ, послѣ дома буйно-сумасшедшихъ, я думала найти разумъ, справедливость, уравновѣшенность и здравый смыслъ — я попала въ такой же домъ умалишенныхъ. Вѣдь положительно политика всѣхъ странъ безъ исключенія — это политика сумасшедшихъ, я иначе назвать ее не могу, и не могу понять людей, стоящихъ въ Европѣ у власти. Чѣмъ руководствуются они? Франмасонствомъ? Еврействомъ? Вѣдь не могу же я вѣрить тому, что они *искренно* желаютъ благополучія, величія своихъ странъ — вѣдь они же не *могутъ не знать*, что, поддерживая Совѣтскую власть и входя съ ней въ контактъ, они тѣмъ болѣе укрѣпляютъ ее, а экономической и матеріальной пользы отъ подобной Россіи ихъ страны не получатъ, пока большевизмъ не будетъ въ корнѣ уничтоженъ, пока весь государственный строй не будетъ измѣненъ въ Россіи. Они *не могутъ не знать*, что экономическаго равновѣсія въ Европѣ не будетъ, пока въ Россіи будетъ большевизмъ. А большевизмъ — вѣдь это угроза всему цивилизованному міру; его надо уничтожать, а не входить въ какія-то отношенія съ нимъ.

Кто толкаетъ, что толкаетъ людей, стоящихъ у власти во всѣхъ государствахъ, на такое преступное безуміе?

Если кто-нибудь, прочитавъ мои записки, сможетъ хотя пріоткрыть глаза — я буду счастлива. Самой же мнѣ ясно и очевидно, что не только коммунизмъ, но и соціализмъ вообще, обанкротились; и мнѣ ясно также, что страданіями очистится измученная родина наша. Ей — этой измученной Россіи — Европа не подаетъ руки помощи, она ее протягиваетъ палачамъ и тѣмъ, кто предалъ ее же въ 1917 году, подписавъ Брестъ-Литовскій миръ. Европа своей безумной политикой надолго укрѣпитъ большевиковъ, быть можетъ, но день прійдетъ, когда Россія возстанетъ изъ гнили и смрада, отмоется отъ запаха крови и засіяетъ снова, великой и могучей.

Кн. Т. Г. Куракина.

Болгери, 22 марта, 1922 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Памяти Императорской Русской Арміи, *П. Н. Краснова.* — 5

2. Отрывки изъ воспоминаній, *А. Мордвинова.* — 67

3. Воспоминанія кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель). 181

ВЪ СКЛАДѢ ИЗДАНІЙ

РУССКАГО ОЧАГА въ ПАРИЖѢ

14, rue de l'Yvette — Paris (16)

S. KRIJANOWSKY

Имѣются и высылаются по письменному требованію слѣдующія книги:

«Русская Лѣтопись» книга первая 1921 г.

«Русская Лѣтопись» книга вторая 1922 г.

«Русская Лѣтопись» книга третья 1922 г.

«Русская Лѣтопись» книга четвертая 1922 г.

Цѣна каждой книги **10** франковъ

«Воскресенье», номера 1-5.

Цѣна номера **1** франкъ.

НА ФРАНУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

LA RÉVOLUTION RUSSE, *Le Gouvernement Provisoire.*
(Essai d'analyse)

Цѣна **3** фр. **50** с.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

«THE RUSSIAN REVOLUTION»

Цѣна **3** фр. **50** с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Изданіе «Русскаго Очага» въ Парижѣ.

КОНТОРА ИЗДАНІЯ «РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ»

14, rue de l'Yvette, Paris (16)

Imp. « Presse Franco-Russe », 216, boulevard Raspail, Paris.